

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

ДЖЕК ЧАЛКЕР

ИЗГНАННИКИ У КОЛОДЦА ДУШ

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

*Jack L.
Chalker*

*Exiles at
the Well of Souls*

■

ДЖЕК
ЧАЛКЕР

ИЗГНАННИКИ
У КОЛОДЦА ДУШ

ББК 84 (7США)

Ч17

Серия основана в 1992 году

Серийное оформление А.В. Сальникова

Перевод с английского И.М. Дижур

Художник М.Н. Калинин

Печатается с разрешения автора
и его литературного агента Spectrum Literary Agency

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Чалкер Дж.

Ч17 Изгнанники у Колодца Душ: Роман / Пер. с англ.
И.М. Дижур. – М.: ООО "Фирма "Издательство
АСТ", 1999. – 480 с. – (Координаты чудес).

ISBN 5-237-02414-9

Антор Трелиг, могущественный член Совета Миров, возмечтав об абсолютной власти, похитил Оби – суперкомпьютер, способный контролировать абсолютно все. Все, имеющее какое-нибудь значение на заселенных человечеством планетах. Против предателя Совет выслал необычного противника – Мавру Чанг, опытную космическую преступницу, готовую, не колеблясь, riskнуть жизнью за награду. Но противостояние Трелига и Мавры неожиданно завело их слишком далеко – на планету Колодец Душ, где странные древние расы ведут бесконечную войну за право обладания Вселенной...

© Jack L. Chalker, 1978

© Перевод. И.М. Дижур, 1998

© ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999

О ВРЕМЕНИ...

Эта книга состоит из стремительно чередующихся эпизодов. Действие мгновенно переносится от одних людей и событий к другим, и это может вызвать определенную временную дезориентацию. Поэтому читатель должен иметь в виду, что, если в тексте нет специальных оговорок, описываемые события протекают одновременно, независимо от того, сколько раз меняется место действия, и так продолжается до тех пор, пока на сцене снова не появляются первоначальные персонажи. На первый взгляд такая конструкция может показаться сложной, но я надеюсь, что она не будет вызывать серьезных проблем.

Дж. Л. Ч.

ЛАБОРАТОРИИ ГЕМЕСДЖУН, МАКЕВА

Дело, собственно, заключалось не в том, что у ассистентки Гилгама Зиндера вырос лошадиный хвост. Дело заключалось в том, что это обстоятельство, судя по всему, ничуть ее не смущало.

Зиндер, высокий сухошавый мужчина с седыми волосами и седой козлиной бородой, с запавшими, налитыми кровью серо-голубыми глазами, находился на грани нервного срыва. О еде он не помышлял уже более двух дней, а сон вообще был для него чисто теоретической категорией.

Его лаборатория несколько напоминала амфитеатр. Сценой служила круглая площадка, сантиметров на сорок возвышавшаяся над гладким полом. Над ней нависало устройство, похожее на огромную пушку, заканчивавшуюся маленьким зеркальным диском, из которого выступало крошечное острие.

На высокой галерее, окружавшей это устройство, были установлены тысячи приборов. Четыре центральных пульта управления симметрично размещались вокруг расположенного внизу подиума. Сейчас за одним из них сидел Зиндер, облаченный в допотопный лабораторный халат. Прямо напротив, у дру-

гого пульта, примостился довольно молодой мужчина в блестящем защитном комбинезоне.

Ассистентка, стоявшая на круглом возвышении, не представляла собой ничего особенного. Немолодая, коренастая и уже немного отяжелевшая, такая особа намного лучше смотрелась бы в одежде. Но она была обнажена.

И чуть пониже спины у нее красовался лошадиный хвост, длинный и пушистый.

Женщина недовольно посмотрела вверх.

— Ну же, — нетерпеливо сказала она. — Вы собираетесь что-нибудь делать? Здесь холодно.

Бен Юлин, тот, что был помоложе, перегнулся через перила и улыбнулся.

— Помашите пока хвостом, Зетта. Как только все будет готово, мы сразу же начнем!

Зетта, глубоко вздохнув, послушно начала размахивать хвостом взад и вперед, словно отдавая дань своему дурному настроению.

— Вы действительно не замечаете никакой разницы, детка? — раздался высокий, пронзительный голос Зиндера.

Женщину этот вопрос удивил и даже немного испугал. Она быстро провела руками по своему телу, в том числе по хвосту, словно желая выяснить, что же они такое с ней сделали.

— Нет, доктор Зиндер, не замечаю. А в чем, собственно, дело? Во мне появилось что-нибудь новое?

— Вам известно, что у вас есть хвост? — продолжал расспрашивать ее Зиндер.

— Разумеется, — ответила Зетта, всем своим видом давая понять, что она не находит в этом ничего плохого.

— И вам не кажется это странным или необычным? — вмешался в разговор Бен Юлин.

Женщина была искренне озадачена.

— Конечно, нет. С какой стати?

Зиндер посмотрел на своего молодого ассистента.

— Любопытная вырисовывается картина, — прокомментировал он.

Юлин кивнул.

— Создавая горшки для бобов, а затем лабораторных животных, мы всегда могли заранее просчитать все побочные эффекты. Но к такому я оказался не готов.

— Вы помните теорию? — спросил Зиндер.

Юлин снова кивнул.

— Все изменения подопытные воспринимают как нечто вполне естественное. Они просто не замечают их, так как мы вносим корректировки в базовое стабилизирующее уравнение. Прелестно! Если бы нам удалось проделать это в большом масштабе... — Конец фразы повис в воздухе.

— Да, — задумчиво произнес Зиндер. — Можно было бы изменить целую популяцию, и ее представители никогда бы об этом не догадались. — Он повернулся и снова взглянул на женщину с лошадиным хвостом. — Зетта! — обратился он к ней. — Вы знаете, что у нас с Бён Юлином нет хвостов? Что никто из ваших да и наших знакомых не имеет хвоста?

Ассистентка кивнула:

— Да, знаю. Но какое это имеет значение? Я вовсе не собираюсь его прятать.

— А у ваших родителей были хвосты, Зетта? — спросил Юлин.

— Конечно, нет! — сердито ответила женщина. — Послушайте, к чему все эти вопросы?

Молодой ученый посмотрел на своего старшего коллегу.

— Будем продолжать?

Зиндер пожал плечами и небрежно коснулся панели, за которой скрывалось приемно-передающее устройство.

— Оби! — произнес он в микрофон.

— Да, доктор Зиндер, — отозвался компьютер, вмонтированный в стены лаборатории.

— В свое время ты сообщил, что подопытный объект не подозревает о том, что его каким-то образом изменили.

— Верно, — ответил Оби. — Вы хотите продолжать эксперименты с этой женщиной? В данной ситуации ее базовые уравнения нестабильны, но они выдержат.

— Нет-нет, сейчас речь идет о другом, — поспешно заверил его Зиндер. — Что ты скажешь об изменении без физического преобразования? Такое возможно?

— Это куда менее значительное изменение, — ответил компьютер. — Оно более легкое и быстро обратимо.

Зиндер кивнул:

— Тогда все в порядке, Оби. Мы перевели лошадь в системную матрицу, так что и матрица, и Зетта в твоём полном распоряжении.

— У нас больше нет лошади, — заметил Оби.

— Но у тебя же сохранились данные о ней? — возразил Зиндер. — Ведь хвост появился оттуда?

— Да, доктор, — ответил Оби. — Я понял, что вы опять задавали риторические вопросы. Извините меня.

— Ничего страшного, старина, — успокоил Зиндер машину. — А сейчас давай попробуем сотворить что-нибудь посущественнее. В твоей памяти есть термин и понятие «кентавр»?

Оби размышлял не дольше миллисекунды.

— Да. Но чтобы превратить Зетту в кентавра, придется потрудиться. Ведь нужно будет заняться и мочеполовой, и сердечно-сосудистой системами, дополнительными нервными связями и так далее в том же духе.

— И ты можешь это сделать? — удивленно спросил Зиндер.

— Конечно.

— Сколько времени это займет?

— Две или три минуты, — ответил Оби.

Зиндер посмотрел вниз. Женщина с хвостом, немного нервничая, расхаживала по подиуму. Ей явно было не по себе.

— Ассистентка Халиб! Перестаньте ходить и вернитесь в центр круга! — приказал Зиндер. — И пожалуйста, возьмите себя в руки, вы ведь вызвались на это добровольно.

Зетта вздохнула:

— Простите, доктор. — И встала на метку, на черченную на полу.

Зиндер обернулся к Юлину.

— Приготовиться! — приказал он. — Начали!

Похожий на зеркало маленький диск выдвинулся из висящего над головой Зетты устройства, крошечное острие нацелилось вниз, и внезапно весь подиум залил бледно-голубой мерцающий свет. Тело женщины пошло волнами, словно искаженное изображение на экране, и медленно растворилось в воздухе.

— Стабилизирующее уравнение объекта нейтрализовано, — отчетливо произнес Юлин в звукозаписывающий аппарат и покосился на Зиндера. — Гил! — позвал он слегка встревоженно.

— Да, — рассеянно откликнулся Зиндер.

— А что, если нам не удастся вернуть ее обратно? Что, если мы всего-навсего нейтрализовали ее? Будет она жить, Гил? Будет ли она вообще существовать?

Откинувшись в своем кресле, Зиндер задумался.

— Жить она не будет, — ответил он наконец. — Но давайте уточним это у Оби.

Он наклонился вперед и включил передатчик, соединяющий его с компьютером.

— Да, доктор? — раздался спокойный голос компьютера.

— Ну как там? Все нормально? — осторожно спросил Зиндер.

— О да, — бодро ответил компьютер. — На процесс расходуется чуть меньше восьмой части моей мощности.

— Хорошо. Тогда скажи мне, пожалуйста: если объект не рестабиллизировать, будет он жить? Иными словами, будет ли он вообще существовать?

Оби думал недолго.

— Конечно, нет. Он представляет собой настолько незначительную часть главного уравнения, что его отсутствие не окажет никакого воздействия на реальность. Отрегулировать это можно. Но объект в любом случае жить не будет.

— А что, если оставить Зетту с хвостом? — вмешался Юлин. — Примут ее остальные, если будут знать, что у нее лошадиный хвост?

— Вот именно, — согласился компьютер. — В конце концов, она должна иметь причину, чтобы жить, иначе уравнения не будут сбалансированы. Но это опять-таки не окажет воздействия на всеохватывающее уравнение.

— А что окажет? — пробормотал Зиндер как бы про себя и снова обратился к Оби: — Раз уж так, скажи мне, откуда мы — Бен, ты и я — знаем, что реальность изменена?

— Об этом узнают все, кто находится в радиусе ста метров от изменяющего поля, — ответил Оби. —

Чем ближе вы к месту эксперимента, тем лучше вы все воспринимаете. За пределами ста метров восприятие реальности резко ослабевает. Люди будут сознавать, что нечто изменилось, но описать это не смогут. За пределами тысячи метров рассеивание возобновляет действие главного уравнения, и реальность восстанавливается. Впрочем, если хотите, я отрегулирую или минимизирую это для вашего восприятия.

— Ни в коем случае, — резко сказал Зиндер. — Но ты имеешь в виду, что за пределами тысячи метров от лаборатории все будут убеждены, что Зетта всегда была кентавром и что для этого существовали логические причины?

— Совершенно верно. Базовые уравнения всегда остаются в естественном равновесии.

— Она появляется! — возбужденно воскликнул Бен, прерывая их диалог.

Посмотрев вниз, Зиндер увидел в центре голубого свечения темную трепещущую тень. Она мигнула, уплотнилась, и поле исчезло. Зеркало тихо уплыло вверх.

В существе, стоящем на подиуме, по-прежнему можно было узнать Зетту. Но теперь она была Зеттой только до талии. Остальная часть ее тела принадлежала кобыле-двухлетке.

— Оби! — позвал Юлин. — Сколько времени пройдет, прежде чем уравнение стабилизируется? Иными словами, сколько времени понадобится для того, чтобы кентавр стал неизменным?

— Для себя она уже стала неизменной, — сказал компьютер. — А если вы хотите знать, когда базовые уравнения стабилизируют ее новое состояние, то на это потребуется час или два. Ведь это, в сущности, незначительное изменение.

Зиндер перегнулся через перила и в изумлении смотрел на кентавра. Было ясно, что это превзошло его самые фантастические мечты.

— Она может давать потомство? — поинтересовался Юлин.

— Нет, — извиняющимся тоном ответил компьютер.

— А ты можешь создать пару кентавров, способных давать потомство? — настаивал Юлин.

— Не знаю, — уклонился от прямого ответа Оби. — В конце концов все дело в моей программе. Перед тем как приняться за подобную работу, мне будет необходимо получить полную информацию о том, как это делается, какие детали надо прилаживать друг к другу.

После этих слов Юлин пришел в такой же восторг, как и Зиндер, для которого изменение базовых уравнений было делом всей его жизни.

Кентавр поднял на них глаза.

— Что, мы собираемся торчать здесь весь день? — нетерпеливо спросил он. — Я голодна.

— Оби, что она ест? — спросил Юлин.

— Траву, сено, что-нибудь в этом духе, — ответил компьютер. — Естественно, мне пришлось кое-что подправить. Торс состоит в основном из мышечной ткани и несущих костей. Для внутренних органов я использовал лошадиную часть.

Юлин задумался.

— Гил! — сказал он наконец. — Как насчет небольшой косметической операции? Тогда мы сможем немного поддержать ее в таком виде. Интересно посмотреть, чем закончится это изменение.

Зиндер рассеянно кивнул, и Юлин начал придавать человеческой половине кентавра более юный вид.

Неожиданно дверь, ведущая на галерею, распахнулась, и рядом со старым ученым появилась девушка лет четырнадцати с подносом в руках. Она была толстой, коренастой, неуклюжей, с жирными ногами и противоестественно оттопыренной грудью, ее не спасали ни прозрачное короткое платьице, ни серебряные сандалии, ни чрезмерный макияж, ни висевшие мертвыми патлами светлые волосы. Она выглядела просто комичной, но доктор снисходительно улыбнулся.

— Никки! — сказал он укоряюще. — По-моему, я же велел тебе не входить, когда над дверью горит красная лампочка!

— Прости, папочка, — небрежно бросила девушка и, поставив поднос, чмокнула отца в щеку. — Ты так долго не ел, что мы стали беспокоиться. — Заметив молодого человека, Никки улыбнулась ему «особенной» улыбкой. — Привет, Бен! — сказала она игриво и помахала рукой.

Юлин улыбнулся и помахал в ответ. Но тут ему в голову неожиданно пришла тревожная мысль. «Сто метров, — вспомнил он. — Кухня находится отсюда примерно на таком расстоянии».

Тем временем толстуха обвила руками шею отца.

— Чем же это вы тут занимаетесь? — спросила она тем же игривым тоном.

Хотя физически крошка Зиндер созрела полностью, в умственном отношении она во многом еще оставалась ребенком. Слишком во многом, считал ее отец. Все четырнадцать лет Никки была чересчур защищена и совершенно изолирована от своих сверстников. Кроме того, доктор так и не сумел привить ей элементарное понятие о дисциплине, и она окончательно избаловалась из-за всеобщей привычки ду-

мать о ней как о дочери босса. В результате она часто производила впечатление надутого пятилетнего ребенка, а не четырнадцатилетней девушки.

Но Зиндер просто не мог оторвать ее от себя и отправить в какую-нибудь модную школу. Он прожил одинокую жизнь среди цифр и холодных машин. И в пятьдесят семь лет у него неожиданно возникло безумное желание иметь собственных детей. В конце концов доктор заплатил уволенной ассистентке, чтобы она возвратилась на Вольтер и родила ему ребенка. Эта женщина — психолог по образованию, изучавшая поведение людей в экстремальных ситуациях, — была единственной, кто согласился на его предложение, да и то исключительно ради научного интереса. Когда родилась Никки, она получила свои деньги и тут же уехала.

Никки была похожа на мать, но для Зиндера это не имело никакого значения. Девочка принадлежала ему и в самые тяжелые периоды работы над проектом спасала его от безумия, не давая его мозгам лопнуть. Она была чертовски инфантильной, но, в сущности, он никогда и не хотел, чтобы она выросла.

Внезапно Никки Зиндер услышала женский кашель. Она подбежала к перилам и взглянула вниз.

— Вот это да! — воскликнула девушка. — Привет, Зетта!

Кентавр поднял глаза и снисходительно улыбнулся.

— Привет, Никки.

Зиндер и Юлин пришли в восторг.

— Никки, ты не видишь ничего э... необычного в Зетте? — спросил доктор.

Девушка пожала плечами:

— Нет. А я должна что-то увидеть?

Бен Юлин в величайшем изумлении раскрыл рот.

Прошла неделя. Все это время Зиндер и Юлин изучали реакцию работников Центра на появление нового существа. Почти никто не заметил ничего необычного в Зетте Халиб, наполовину превратившейся в лошадь; вернее, ничего такого, что выглядело бы необычным. Все, разумеется, знали, что она добровольно участвует в экспериментах ученых-биологов, пытающихся адаптировать людей к различным жизненным формам, знали, что эти эксперименты проводились с момента ее зачатия до достижения ею зрелого возраста, и все еще помнили, как она впервые появилась на Макеве и какое впечатление произвела.

Все это, конечно, было замечательно, за исключением одного обстоятельства — ничего подобного на самом деле никогда не происходило. Реальность изменилась, и только двое мужчин знали правду.

Сидя в кабинете шефа, Бен Юлин лениво рассказывался в шатком кресле и попыхивал своей изогнутой трубкой.

— Значит, сомнений никаких? — произнес он наконец.

Старик кивнул и отпил глоток чаю.

— Да. Обладая заложенными в Оби сведениями, позволяющими должным образом осуществлять трансформацию, мы можем переделать любого индивида, любую вещь, и никто даже не узнает об этом. Бедная Зетта! Единственный урод, история преобразования которого хорошо известна. Мы, конечно, обязаны вернуть ей прежний вид.

— Разумеется, — согласился Юлин. — Но давайте оставим ей красоту. Она в высшей степени этого заслуживает.

— Да-да, конечно, — ответил Зиндер таким тоном, словно его это вовсе не занимало.

— Вас что-то беспокоит? — заметил Юлин.

Гил Зиндер вздохнул.

— Мы с вами приручили потрясающую силу, Бен. Силу, позволяющую изображать бога. И мне не нравится то, что контроль над нею получит Совет.

Юлина эти слова удивили.

— Но они же вкладывали в проект деньги, — сказал он растерянно. — Черт возьми! Гил, да отвлекитесь вы от этих мыслей! Мы нанесли сокрушительный удар традиционной науке! Мы показали им, как легко можно изменить правила игры.

Старый ученый кивнул:

— Верно, верно. Мы завоюем все виды наград и так далее. Но вы же знаете, в чем заключается подлинная проблема. Существует триста семьдесят четыре человеческих мира. Куча! Но за исключением ничтожной горсточки, это комм-миры, порождение бредовой фантазии. Только представьте себе, что могут сделать правители комм-миров со своими народами, обладая такими устройствами, как наше!

Юлин вздохнул.

— Послушайте, Гил, по сути, наша методика ничем не отличается от тех грубых методов, которые применяются сегодня, — биологического манипулирования, генной инженерии и так далее. Может быть, в конце концов все окажется не так уж и плохо. Может быть, наше открытие сделает мир лучше. Черт побери, не может же оно сделать его еще хуже.

— Это точно, — согласился Зиндер. — Но могу-щество, Бен! И, — тут он сделал паузу и, повернувшись в своем вращающемся кресле, оказался лицом к лицу с собеседником, — здесь есть кое-что еще.

— Да? И что же это такое? — подняв брови, вежливо поинтересовался Бен Юлин.

— Глубинный смысл, — обеспокоенно сказал физик. — Бен, если все это — это кресло, этот кабинет, вы, я — является всего лишь материей, сотворенной из чистой энергии и каким-то образом сохраняемой в данной форме, что же тогда делает нас стабильными? Может быть, некий космический Оби удерживает в равновесии базовые уравнения?

Бен Юлин фыркнул.

— Наверное, в какой-то степени вы правы. Подумать только, Бог — это гигантский Оби. Мне нравится эта мысль.

Зиндер не находил в своих словах ничего смешного.

— Не наверное, а так оно и есть при условии, что все остальные рассуждения корректны. Даже Оби согласен. Но кто это создал? Кто сохранил?

— Ну если говорить серьезно, то я полагаю, что замешаны марковиане, — ответил Юлин.

Зиндер задумался.

— Марковиане, — произнес он наконец. — Мы повсюду обнаруживаем их мертвые миры, опустевшие города... Бен! — Внезапно доктор пришел в сильнейшее возбуждение. — Конечно! Вот почему в этих древних руинах никогда не находят предметов материальной культуры! Обо всем, чего бы они ни пожелали, они тут же сообщали своему Оби и получали желаемое!

Юлин одобритительно кивнул:

— Вероятно, вы правы.

— Но, Бен! — продолжал Зиндер. — Все обнаруженные нами марковианские миры мертвы! — Он снова развалился в своем кресле, но голос выдавал охватившую его тревогу. — А мне любопытно: если такие всемогущие существа оказались не в силах уп-

равлять всем этим, то как сможем справиться мы? — Он посмотрел в глаза своему молодому коллеге. — Бен, что, если мы создаем оружие, которое уничтожит человеческую расу?

Юлин медленно покачал головой:

— Не знаю, Гил. Надеюсь, что нет. Но так или иначе, — он улыбнулся и продолжил менее серьезным тоном, — так или иначе нас давно не будет на свете, когда это произойдет.

— Хотел бы я обладать вашей уверенностью, Бен, — нервно сказал Зиндер. — Впрочем, в одном вы правы. Мы должны представить отчет. Вы займетесь этим?

Бен встал и, подойдя к старику, похлопал его по плечу.

— Конечно, — заверил он. — Послушайте, Гил, не берите это в голову. Поверьте мне. — Его тон неожиданно стал чересчур самоуверенным, но Зиндер ничего не заметил. — Я все сделаю сам.

С незапамятных времен многочисленные народы начали покорять космос. На освоенных ими планетах появлялись колонии, жители которых следовали самым различным обычаям и вели самый различный образ жизни. Но войны и революции следовали одна за другой. Человек расширял свою экспансию, народы исчезали, оставляя после себя только свою философию. В конце концов уставшие от крови и насилия правители, собравшись вместе, учредили Совет Миров, состоящий из трехсот семидесяти четырех членов. Отныне все спорные вопросы надлежало решать путем переговоров без применения силы и без помощи извне.

Ужасное оружие массового уничтожения было спрятано и опечатано. Стеречь его поручили отбор-

ным войскам, специально обученным для военной службы, — войскам, которые не имели права использовать это оружие без приказа. Такой приказ могло отдать лишь большинство членов Совета Миров; причем каждый, кто проголосовал за его применение, был обязан явиться и лично снять свою собственную печать.

Одним из таких вершителей закона был Антор Трелиг, формально представляющий Народную партию Новой Перспективы — комм-мир, в котором люди рождались, чтобы покорно трудиться. Фактически же за ним стояли куда более значительные силы. В кулуарах шептались, что у него есть далеко идущие планы и он даже мечтает о полном контроле над Советом, что позволило бы ему получить ключи к оружию, способному уничтожить целые миры.

Трелиг был высокого роста, широкоплечий, с ястребиным носом, нависающим над квадратным подбородком. Но он вовсе не производил впечатление обладающего огромным могуществом полубезумного негодяя, когда, застыв в восхищении, наблюдал за двумя мужчинами и машиной, производящей кентавров.

Ученые продемонстрировали ему этот процесс несколько раз и даже спросили, не хочет ли он сам поучаствовать в эксперименте. Трелиг с нервным смешком отказался и, побеседовав с девушкой, которая покинула круглое возвышение в своем первоначальном виде, окончательно убедился, что все увиденное им в лаборатории не трюк и не фокус, а подлинное научное открытие.

— Вы даже представить себе не можете, как я потрясен, — заявил он ученым, когда спустя полчаса все собрались в кабинете Зиндера, чтобы выпить не-

много бренди. — То, что вы сделали, невероятно, невообразимо. Но скажите, реально ли построить такую большую машину, чтобы держать под контролем целые планеты?

Внезапно Зиндер ощутил к советнику острую враждебность.

— Вряд ли это возможно, — сказал он отрывисто. — Слишком уж много переменных.

— Машину, о которой вы говорите, сделать можно, — вмешался в разговор Бен Юлин, не обращая внимания на взгляд своего коллеги. — Однако цена и усилия, которые придется затратить, будут просто колоссальными!

Трелиг кивнул.

— По сравнению с предполагаемыми выгодами любая цена покажется ничтожной. Ведь такая машина позволит навсегда забыть о голоде, о капризах погоды. Позволит создать утопию!

«Или «обратить несколько свободных миров в счастливое и покорное рабство», — мрачно подумал Зиндер. Вслух же он сказал:

— По-моему, это — оружие, советник. Я считаю, что именно оно несколько миллионов лет назад убило марковиан. Я бы предпочел, чтобы такая сила находилась за печатями Совета.

Трелиг вздохнул:

— Я не согласен, доктор. Во-первых, нужно обязательно провести крупномасштабное испытание. А во-вторых, научное достижение такого рода нельзя ни спрятать, ни выбросить!

— А я считаю, что необходимо уничтожить даже следы, ведущие к этому открытию, — не уступал Зиндер. — Человечество еще не готово распоряжаться подобным могуществом. Нам еще рано изображать из себя богов!

— Никто не в силах закрыть то, что уже открыто, — заметил Трелиг. — Но засекретить вашу работу можно и даже нужно. Если появится хотя бы одно сообщение о вашем открытии, оно вдохновит тысячи других ученых на подобные эксперименты. Поэтому прежде всего вам следует перебраться в надежное и безопасное место.

— У вас есть какое-нибудь конкретное предложение? — скептически спросил Зиндер.

Трелиг улыбнулся:

— Планетоид с полным жизнеобеспечением, нормальной гравитацией и всем прочим. Я использую его в качестве убежища. Это было бы идеальным местом.

Зиндер вспомнил о дурной репутации Трелига, и ему стало не по себе.

— Нет, — сказал он твердо. — Лучше уж передать этот вопрос на рассмотрение полного состава Совета на следующей неделе. Пусть решают там.

Казалось, Трелиг ожидал подобного ответа.

— Вы уверены, что не передумаете, доктор? Новые Помпеи — чудесное место, намного более приятное, чем этот стерильный ужас.

Зиндер наконец понял, что ему предлагалось.

— Спасибо, советник, но я остаюсь при своем мнении, — сказал старый ученый. — А его вряд ли что-нибудь изменит.

Трелиг вздохнул и поднялся из кресла.

— Ну что ж. Я договорюсь о созыве Совета через неделю, начиная с завтрашнего дня. Вы и доктор Юлин, конечно же, будете приглашены.

Он направился к выходу, но у самой двери обернулся и медленно кивнул Бену Юлину. Тот кивнул в ответ. Зиндер ничего не заметил.

Никки Зиндер тихо спала в своей спальне, заваленной экзотическими одеждами, игрушками и всевозможными хитроумными приспособлениями. На огромной кровати, перегораживающей половину комнаты, девушка была почти незаметна.

В коридоре мелькнула тень — какой-то человек замер снаружи у двери. Удостоверившись, что поблизости никого нет, он вынул маленькую отвертку и отвинтил бронированный лист, закрывающий сигнализацию; действовал он очень осторожно, чтобы не зазвучала сирена. Сняв лист, неизвестный внимательно осмотрел обнажившиеся контакты, в нескольких местах капнул на них клеем и поместил между двумя контактами, не соединявшимися между собой, маленькую полоску из серебристого металла.

Убедившись, что все сделано правильно, неизвестный вернул защитный лист на место и тщательно привинтил его. Засунув отвертку в пояс с инструментами, он слегка надавил на дверь.

Послышался тихий щелчок, но больше ничего не произошло.

С облегчением вздохнув, человек вытащил из другого карманчика пояса крошечный шприц, наполненный прозрачной жидкостью, и, крепко держа его в руке, толкнул створку двойной двери, та легко отошла в сторону.

В коридоре по-прежнему никого не было. Неизвестный проскользнул в комнату и спокойно закрыл за собой дверь.

В тусклом свете ночника он разглядел спящую Никки Зиндер. Она лежала на спине с открытым ртом и легонько похрапывала.

Медленно, крадучись на цыпочках, он приблизился к кровати и замер, когда девушка, что-то пробормотав во сне, перевернулась на бок. Это оказалось очень кстати — человек аккуратно отвернул короткий рукав ее ночной рубашки и прижал шприц к пухлому, белому предплечью.

Прикосновение было таким мягким, что Никки ничего не почувствовала; она лишь тихо простонала и снова перевернулась на спину.

Постепенно дыхание девушки становилось все более и более затрудненным.

Выждав несколько минут, мужчина довольно грубо потряс ее за плечо. Никакой реакции не последовало.

Довольно улыбнувшись, он сел на кровать и низко наклонился над спящей.

— Никки, вы меня слышите? — мягко спросил он.

— Угу, — пробормотала девушка.

— Никки, слушайте внимательно. Когда я произнесу слово «сто», вы начнете считать от ста до нуля. Затем вы встанете, выйдете из этой комнаты и немедленно направитесь в лабораторию. На нижний этаж лаборатории, Никки. Там, прямо посередине, вы увидите возвышающуюся над полом большую круглую площадку и подниметесь на нее. Вы будете стоять в ее центре и не сможете двинуться с места, вы даже не захотите этого. А пока вы будете крепко спать. Вы все поняли?

— Поняла, — ответила она сонно.

— Лучше, чтобы на пути в лабораторию вас никто не увидел, — предупредил мужчина. — Но если это случится, ведите себя как ни в чем не бывало, постарайтесь побыстрее избавиться от этого человека и ни в коем случае не говорите, куда вы идете. Сделаете так?

— Угу, — подтвердила Никки.

Незнакомец встал и направился к двери, которая со стороны спальни все еще действовала автоматически. Стреском распахнув ее, он обернулся. Девушка неподвижно лежала на кровати.

— Сто, Никки, — прошептал мужчина и захлопнул дверь.

Довольный собой, он прошел по коридору, никого не повстречав, и с удовлетворением отметил, что все двери заперты. Оказавшись в кабине лифта, створки которого автоматически закрылись, он отчетливо произнес:

— Юлин, Абу Бен, YA-356-47765-7881-GX, полная очистка, лаборатория, 2-й уровень, пожалуйста.

Лифт сличил его физиономию с хранящимся в памяти изображением, проверил его опознавательный номер и запись голоса, а затем быстро поднялся на лабораторный этаж.

Оказавшись на галерее, Бен Юлин подошел к своему контрольному пульту, включил его и соединился с Оби.

— Оби! — позвал он.

— Да, Бен, — раздался мягкий, дружеский голос компьютера.

Юлин нажал на пульте несколько кнопок.

— Дело без номера, — ответил он, стараясь говорить спокойно, хотя внутри у него все тряслось. — Файл в резервном запоминающем устройстве под моим личным кодом.

— Что вы делаете, Бен? — удивился Оби. — Это режим, который я никогда не использовал. Я даже не подозревал о его существовании, пока вы не решили его применить.

— Все в порядке, Оби, — улыбнулся Бен Юлин. — Ты же не обязан помнить все.

Применяя такой режим, Бен надеялся сохранить в памяти компьютера файл с записью о проделанной работе таким образом, чтобы никто, даже сам Оби, не смог ничего понять. Он рассчитывал, что этот железный болван забудет не только о том, что здесь произошло ночью, но и о том, что кто-то вообще заходил в лабораторию.

Внизу хлопнула дверь. Перегнувшись через перила, Бен Юлин увидел, как Никки, одетая в ночную рубашку, неторопливо поднялась на круглое возвышение и остановилась в центре. Она стояла с закрытыми глазами совершенно неподвижно; если бы не чуть заметное дыхание, ее можно было бы принять за статую.

— Запиши объект в запасном режиме, Оби, — велел Юлин.

Зеркальный диск над головой у Никки выплыл из похожего на пушку устройства, остановился над центром круглой площадки и испустил голубой луч. Тело девушки затрепетало и исчезло.

«Вот было бы здорово оставить ее там», — подумал Юлин. Но нет, риск слишком уж велик. Девушка могла случайно материализоваться, а ему вовсе не улыбалось увидеть ее на этой площадке, когда за контрольный пульт усядется папаша Зиндер.

— Оби, изменение будет представлять собой часть реальности. Поэтому уравнение не потребует регулировки.

— Хорошо, Бен, — ответил компьютер. — Обойдемся без регулировки.

Юлин удовлетворенно кивнул.

— То, чем мы сейчас займемся, называется психологическим воздействием, — сказал он огромной машине.

— Я готов, — доложил Оби.

— Максимальный уровень эмоционально-сексуальной реакции, — приказал Юлин. — Объект сосредоточен на докторе Бен Юлине, сведения о котором находятся в твоём банке данных. Объект будет безумно, иррационально влюблен в Юлина и не станет думать ни о ком другом. Он будет готов для Юлина на все, добровольно считая себя его собственностью. Для справок закодируй объект в режиме «рабская любовь» и сохрани в резервном запоминающем устройстве.

— Сделано, — заявил компьютер.

Юлин посмотрел вниз как раз в тот момент, когда на возвышении в голубом луче замерцала фигура Никки. Девушка ничуть не изменилась и была все в той же ночной рубашке. Просыпаться, судя по всему, она даже не собиралась.

Юлин выругал себя за чрезмерную осторожность — не прошло и двадцати минут после того, как он вкатил этой каракатице лошадиную дозу степлефлина. Если не принять срочные меры, ему придется вытаскивать ее из лаборатории на руках.

— Дополнительные инструкции, Оби, — быстро проговорил он. — Убери из организма объекта все следы снотворного и приведи объект в состояние бодрствования, которое наступает после здорового восьмичасового сна. Сделай это немедленно и вернись к предыдущим инструкциям.

Голубой свет снова вспыхнул, фигура на возвышении замерцала, но теперь это длилось не дольше секунды. Никки проснулась и с изумлением огляделась по сторонам.

— Эй, Никки! — позвал Юлин.

Девушка посмотрела вверх, и ее лицо выразило такой восторг, будто она увидела бога.

— Поднимайся ко мне, Никки, — пригласил Бен Юлин, и толстуха, спрыгнув с возвышения, броси-

лась к лестнице. Через минуту она уже стояла рядом с ним, пожирая молодого человека страстным взглядом и даже постанывая в экстазе. Он легонько прикоснулся рукой к ее щеке, и девушка задрожала от наслаждения.

— Пойдем, — мягко сказал Бен, протягивая ей руку. Никки сжала ее горячими пальцами и послушно двинулась следом за ним.

Лифт поднялся на самый верхний уровень, который переходил в маленький парк под зеркальным куполом, дававшим тусклое искусственное освещение. Над вершинами деревьев сверкали звезды. Вокруг было удивительно тихо. Все это время Никки молчала, она не могла издать ни звука и только влюбленно таращилась на своего спутника.

Несмотря на столь поздний час, в парке находились несколько человек — в исследовательском центре занимались тысячами проектов, и многие ученые делили оборудование со своими коллегами.

— Нам нужно спрятаться, Никки, — прошептал Бен Юлин. — Никто не должен нас видеть.

— Да, Бен, — с придыханием ответила девушка, и парочка крадучись двинулась через заросли карликовых деревьев. Колючие ветки царапали и кололи почти обнаженное тело Никки, но она не жаловалась и лишь изредка потирала болезненное место и тихо вскрикивала. Удачно избежав встречи с каким-то чернокожим человеком, по непонятной причине засевшим в кустах, они наконец оказались на травянистой неосвещенной площадке, которую по совершенно непонятной причине именовали кампусом*, и, присев в тени здания библиотеки, стали ждать. Де-

* Территория университета или колледжа (включая парк).

вушка обняла Бен Юлина одной рукой и принялась гладить и целовать его одежду.

От этих ласк Юлина слегка подташнивало, но он мужественно терпел, повторяя про себя, что через несколько минут все кончится и что затеянная им игра стоит свеч.

Наконец из темноты на площадку скользнул маленький сверкающий флаер. Его дверь, похожая на крыло чайки, поднялась, и из кабины выскользнула какая-то тень. Услышав тихие, шелестящие шаги, Никки неожиданно испугалась и потащила Юлина обратно в кусты.

— Нет, нет, Никки, это мой друг, — сказал молодой человек, и она тут же успокоилась.

Послышался тихий свист.

— Аднар! Сюда! — крикнул Бен Юлин. Человек, топтавшийся у флаера, услышал и направился в их сторону.

— Ты должна лететь с Аднаром, — мягко сказал Юлин.

Девушка, пораженная в самое сердце, еще теснее прижалась к нему.

— Для нас это единственная возможность быть вместе, — пояснил он. — Если ты не станешь жаловаться и будешь беспрекословно выполнять то, что скажут Аднар и его друзья, я обязательно прилечу к тебе, обещаю это.

Никки улыбнулась. Она думала только о Бене: его слова не могли быть неправдой, а его желания были для нее законом.

— Пошли, — нетерпеливо сказал Аднар.

Собравшись с духом, Юлин крепко обнял девушку и стал долго и страстно ее целовать.

— Вспоминай это, пока мы будем находиться в разлуке, дорогая, — прошептал он. — А теперь иди!

Никки покорно пошла за незнакомцем. Не задавая вопросов, не жалуясь. Как только они залезли в кабину, летательный аппарат взмыл в воздух и исчез.

Бен Юлин с облегчением вздохнул и только сейчас заметил, что его рубашка мокра от пота. Пошатываясь, он вернулся к себе и рухнул на кровать.

Антор Трелиг изобразил на лице очаровательную улыбку. Он снова сидел в кабинете Гила Зиндера и, расслабившись, с интересом наблюдал за реакцией старого ученого.

— Вы чудовище! — кричал на него Зиндер. — Что вы с ней сделали?

Трелиг насмешливо хмыкнул:

— Я? Я ничего не делал, уверяю вас. Я занимаю слишком высокое положение, чтобы участвовать в каком-то жалком похищении. Но у меня есть некоторые сведения. Например, где она сейчас находится и что с ней произошло.

Зиндер понимал, что советник лжет, но заставить его признаться невозможно. Сам Трелиг ничего противозаконного не совершил, и подобраться к нему будет нелегко.

— Скажите мне, что вы — что они — с ней сделали, — простонал он.

Трелиг изо всех сил старался сохранить серьезность.

— Мои источники сообщают, что ваша дочь находится в руках синдиката торговцев губкой. Вы слышали о таком?

По спине у Зиндера пробежал холодок.

— Они занимаются торговлей ужасным наркотиком с планеты-убийцы, — почти механически ответил он.

— Совершенно верно, — сочувственно сказал Трелиг. — А как действует этот наркотик, вы знаете? Он уменьшает коэффициент умственного развития на десять процентов ежедневно, если больной не лечится. Гения он превращает в тупицу за три дня, а в животное — дней за десять. Лекарства против него не существует — это мутант, не похожий ни на одну форму жизни, с которыми мы когда-либо сталкивались. Помимо всего прочего, он вызывает сильнейшую боль. Судя по описанию, мозг словно горит, и подобное ощущение распространяется на все части тела.

— Стоп! Стоп! — воскликнул Зиндер. — Какова ваша цена, вы, чудовище?

— Ну что ж, — все тем же сочувственным тоном ответил Трелиг. — Конечно, губка — не лекарство, а всего лишь средство, вызывающее ремиссию. Ежедневная доза, и боль исчезает, причем ущерб крайне незначителен. Болезнь переходит как бы в скрытое состояние.

— Какова ваша цена? — закричал Зиндер.

— Думаю, я смогу определить ее местонахождение. Заплатить похитителям. У моих медиков имеется некоторое количество губки. Это, разумеется, абсолютно противозаконно, но мы знаем много высокопоставленных особ, находящихся в безвыходном положении, которых эти негодяи шантажируют. Мы могли бы отправиться за вашей дочерью, спасти ее и дать ей достаточную дозу губки, чтобы вернуть в нормальное состояние. — Трелиг откинулся в кресле, невероятно довольный собой. — Но я политик, и если я что-то делаю, особенно если выступаю против банды убийц и к тому же иду на риск обнаружения незаконных запасов губки, то я желаю получить кое-что взамен. В связи с этим...

— Ну же? — чуть ли не со слезами на глазах произнес Зиндер.

— Доложите, что ваш проект потерпел неудачу, и сделайте так, чтобы его окончательно закрыли, — предложил Трелиг. — Я перевезу Оби на мой астероид Новые Помпеи. Там вы спроектируете и постройте значительно более крупную модель, достаточно крупную, чтобы воздействовать, скажем, на целую планету.

Зиндер пришел в ужас.

— Боже мой! Нет! Все эти люди! Я не могу!

Трелиг самодовольно улыбнулся.

— Я не требую от вас немедленного решения. Думайте сколько хотите. — Он встал, неспешно разглаживая свое ангельское белое одеяние. — Но помните, с каждым днем Никки все больше и больше подвергается воздействию наркотика. Постепенно ее мучения становятся невыносимыми. О мозге я уж и не говорю. Помните об этом, когда будете размышлять над своим решением. С каждой секундой страшная смерть вашей дочери становится чуточку ближе.

— Вы ублюдок, — в ярости прошептал Зиндер.

— Исследования начнутся в любом случае, — жестко сказал Трелиг. — Я могу обойтись и без вас. Предлагая вам сделку, я исходил только из соображений гуманности. Агония больного может тянуться днями. Даже неделями. Между тем, стоит вам только позвонить в мою контору и выразить согласие, я брошу все свои силы на спасение Никки. До свидания, доктор Зиндер.

С этими словами Трелиг медленно вышел из кабинета. Дверь за ним тихо закрылась.

Зиндер долго смотрел на дверную ручку, а затем упал в кресло совершенно обессиленный. Вначале он решил обратиться в Межпланетную полицию, но,

как следует подумав, отказался от этой идеи. Никки наверняка надежно спрятана, а обвинять вице-председателя Совета в торговле губкой и похищении людей, не имея ни малейших доказательств, — а Зиндер был уверен, что Трелиг обеспечил себе на эту ночь железное алиби, — абсолютно бессмысленно. Начнется расследование, пройдут дни, даже недели, и в это время бедная Никки... Господи, во что она превратится? В жалкую слабоумную, с наслаждением моющую полы для своих хозяев? Или, может быть, она станет игрушкой, которую бросят людям Трелига для секса и садизма?

Зиндер застонал. Подобная мысль была для него нестерпима. Смерть дочери он, вероятно, смог бы перенести, но только не это. Не это.

Позднее найдутся пути к спасению. Если достаточно быстро вернуть Никки, Оби сможет ее вылечить. А что касается устройства, которое он должен соорудить, то это — обоюдоострое оружие.

Уставший и потерпевший поражение, он набрал номер конторы Трелига на Макее. Он знал, что советник должен быть там. Что он ждет. Ждет неизбежного ответа.

«Потерпевший поражение, — подумал ученый решительно, — но не побежденный. Еще нет».

НОВЫЕ ПОМПЕИ, АСТЕРОИД, ВРАЩАЮЩИЙСЯ ВОКРУГ НЕНАСЕЛЕННОЙ ПЛАНЕТНОЙ СИСТЕМЫ ЗВЕЗДЫ АСТА

Новые Помпеи представляли собой огромный астероид. Длина его экватора превышала четыре тысячи километров. Это был один из осколков небесной тверди, которые встречаются во всех солнечных системах и иногда заслуживают названия «планетоид». Он казался совершенно круглым, более круглым, чем основная масса планет; ядро астероида состояло из необычайно плотного материала, создающего силу тяжести в 0,7 g, что уравнивало его мощную центробежную силу. Привыкнуть к этому было нелегко, и люди чувствовали себя здесь ужасно. Но поскольку это убежище принадлежало государству, никто не жаловался.

Орбита планетоида считалась относительно стабильной и скорее круговой, чем эллиптической, хотя отделить день от ночи было довольно проблематично: тридцать два восхода и захода солнца в течение установленных Советом двадцати пяти стандартных часов нарушали привычный для человека ритм жизни.

Этот дискомфорт частично компенсировался тем, что половина всего планетоида была упрятана в гигантский пузырь, изготовленный из очень тонкого и легкого синтетического материала. Пузырь хорошо отражал свет, закрывал наружную панораму, и находящимся внутри все время казалось, будто становится то темнее, то светлее; это напоминало пасмурный день в обычных мирах, когда облака то застилают все небо, то исчезают. Подобный световой эффект объяснялся тем, что между двумя слоями оболочки пузыря находился тончайший — меньше миллиметра — слой некоего текучего вещества. Любой прокол мгновенно затягивался. Даже огромная дыра могла временно законсервироваться, пока все жизненно важные центры не будут окружены запасными пузырями. Сжатый воздух и кислород, вырабатываемый пышной растительностью астероида, делали окружающую среду стабильной.

Теоретически Новые Помпеи предназначались для отдыха партийных лидеров Новой Перспективы, которые хотя бы ненадолго должны были здесь сбрасывать с плеч груз непомерных забот. Фактически же о существовании этого убежища знали лишь несколько человек, беззаветно преданных Антору Трелигу, председателю партии. Планетоид охранялся с помощью компьютерной оборонительной системы, элементы которой располагались на близлежащих мелких астероидах и специальных кораблях; без разрешения Антора Трелига или его людей никто не мог приблизиться к Новым Помпеям на расстояние менее светового года под страхом быть уничтоженным.

Это место выглядело неуязвимым и с политической точки зрения; чтобы нарушить дипломатический иммунитет и суверенитет Трелига, требовалось со-

гласие большинства членов Совета, между тем как Трелиг контролировал самый крупный блок голосов.

Когда Никки оказалась на Новых Помпеях, она почти не обращала внимания на свое окружение. Она могла думать только о Бене и о его обещании приехать. Ей предоставили комфортабельную комнату; спокойные безликие слуги приносили еду и уносили пустые тарелки. Большую часть дня девушка лежала на кровати, обнимая подушки и воображая, что Бен находится рядом с ней. Она без конца рисовала его портрет, обнаружив у себя в комнате карандаш и бумагу. Рисунки были отвратительными, но зато Бен Юлин представлял на них сверхчеловеком ангельского вида. Желая приятно удивить своего любимого, Никки решила похудеть, но невероятное разнообразие предлагаемой ей натуральной пищи привело к обратному результату. Каждый раз, когда девушка думала о Бене, она ела, а думала она о нем постоянно. Через шесть недель она прибавила в весе почти восемнадцать килограммов.

Время от времени ее фотографировали и даже заставляли произнести несколько слов в записывающее устройство. Никки не придавала этому никакого значения.

Ее время проходило совершенно бессмысленно. Минуты тянулись ужасно долго, так как Бен все не приезжал. Она писала детские любовные стихи и груды писем, которые, по словам ее слуг, отправлялись по указанному адресу.

Прошло восемь недель, прежде чем Гил Зиндер выполнил процедуры, необходимые для того, чтобы закрыть проект, и подготовился к переезду. Он еще не знал, какую роль сыграл в его несчастье Бен Юлин, но стал относиться к молодому ученому с некоторым подозрением, когда тот с удивитель-

ной легкостью, не задавая лишних вопросов, согласился принять участие в работе над проектом Трелига. Что же касается советника, то он все эти восемь недель постоянно успокаивал Зиндера, доказывая ему с помощью писем, фотографий, отпечатков пальцев и снимков сетчатки глаз Никки, что девушка еще жива. То обстоятельство, что дочь делала какие-то заявления, Зиндера не волновало; по его мнению, это свидетельствовало лишь о том, что она все еще может нормально говорить и что Трелиг выполняет обещание относительно остановки болезни с помощью губки.

Чтобы завершить переброску главного компьютерного центра и пультов управления на Новые Помпеи, им пришлось отсоединить Оби от аппаратуры, которая могла изменять реальность или воздействовать на нее. Как только это было проделано, они совершили потрясающее открытие.

Зетта, которая так и осталась моложе и привлекательнее, внезапно поняла, что ее изменили. Старые уранения частично восстановились.

Ассистентка, разумеется, тоже отправлялась на Новые Помпеи, так что бояться, что кто-то третий, знающий о потенциале устройства, может проболтаться, не имело смысла, и все же Бен Юлин боялся.

И для этого были все основания.

Никки Зиндер сидела в своей комнате на Новых Помпеях. Она, как обычно, ела и грезилась, когда неожиданно ощутила, что туман, окутывавший ее мозг, рассеялся.

Девушка с удивлением оглядела царящий вокруг бардак, покачала головой и попыталась понять, что же произошло.

Она вспомнила, что легла спать и что затем у нее возникло это ужасное, болезненное влечение к Бену, который увел ее из Центра и отдал в руки каких-то людей, притащивших ее сюда. Никки не только ничего не понимала, но и не знала, как ко всему этому относиться. То, что случилось, казалось ей наваждением.

Она отодвинула маленький стол, заставленный тарелками с едой, и взглянула на себя. Ее взгляд уткнулся в огромную обвисшую грудь, покоящуюся на выпуклом животе, состоящем из трех жирных складок, ног она рассмотреть не смогла. Задышавшись, Никки направилась к зеркалу.

Увидев свое отражение, девушка еле сдержала крик. Она не шла, а ковыляла; внутренняя поверхность ее бедер была воспалена, лицо еще более округлилось, а под ним появилось несколько подбородков. Ее длинные волосы были растрепаны и спутаны.

И, что самое скверное, бежняжка была голодна.

«Боже, что со мной произошло?» — ужаснулась она и, окончательно потеряв самообладание, расплакалась. Однако слезы не облегчили обрушившееся на нее горе.

«Необходимо выбраться отсюда и постараться найти папу, — пронеслось у нее в голове. — Он будет любить меня даже такой». Ничего другого ей не оставалось, и Никки стала искать какую-нибудь одежду. «Лучше всего мне подошла бы двенадцатиместная походная палатка», — мрачно подумала она.

Девушка нашла свою старую ночную рубашку, хорошо выстиранную и аккуратно сложенную, но надеть ее не удалось. Рубашка оказалась слишком тесной и короткой. Никки на секунду задумалась. Затем решительно напялила на себя бесформенный балахон, в котором спала последние две недели, и постаралась придать ему более или менее приличный вид.

Обнаружив на письменном столе канцелярскую скрепку, она разогнула ее и использовала в качестве булавки.

Скрепка лежала рядом с незаконченным многостраничным письмом. Никки узнала свою руку и прочитала несколько строк. Это был какой-то эротический бред! Девушка не верила собственным глазам, хотя смутно припомнила, что нечто подобное писала.

Подойдя к двери, она прислушалась и осторожно нажала на ручку, дверь отворилась. Никки выбралась в коридор, высланный чем-то вроде меха. Слева он заворачивал за угол, а справа почти сразу же упирался в дверь лифта. Девушка бросилась туда, но выяснилось, что лифт заперт на ключ. Обернувшись, она увидела за помещением, похожим на прачечную, узкую лестницу и стала карабкаться по ступеням; выбор был невелик: лестница вела только наверх.

Не одолев и половины лестничного пролета, Никки начала задыхаться. Переедание и длительное отсутствие физической нагрузки давали о себе знать. Каждую неделю этого непрерывного обжорства она прибавляла по три с лишним килограмма.

Попытавшись немного унять сердцебиение, Никки двинулась дальше. Через несколько ступенек ее стало тошнить, и она уже с трудом передвигала ноги. В какой-то момент голова у нее закружилась так сильно, что девушка чуть не упала. Но вот наконец еще одна лестничная площадка, еще один поворот и какая-то дверь. Последние несколько метров она почти ползла.

Дверь распахнулась, и незнакомый низкорослый мужчина с крысиной физиономией взглянул на нее со смесью презрения и отвращения.

— Ну, — процедил он сквозь зубы. — И куда же ты направляешься, бегемотик?

Чтобы отнести совершенно измученную девушку в лифт и спустить вниз, в ее комнату, потребовались трое здоровенных мужчин. К великому недовольству окружающих, покорная идиотка превратилась в близкую к истерике пленницу.

Не выдержав рыданий и нечленораздельных выкриков, человек с крысиным лицом ударил ее по щеке. Пока это успокаивающее средство оказывало свое воздействие, воспользовался стенным интеркомом, чтобы доложить о новом состоянии Никки Зиндер и запросить инструкции. Когда он вернулся в комнату, девушка, все еще тяжело дыша, подняла голову и взмолилась:

— Пожалуйста, объясните мне, где я и что происходит.

На крысином лице появилась злобная улыбка.

— Ты — гостя Антора Трелига, верховного советника и председателя партии Новой Перспективы, находишься на принадлежащем ему планетоиде Новые Помпеи. Тебе бы следовало быть польщенной.

— Польщенной, черт подери! — взорвалась Никки. — Это просто способ подобраться к моему отцу. Я заложница!

— Сообразительная малышка, — отозвался мужчина. — Ну да, два месяца ты была вроде как загипнотизированная, а теперь очень некстати пришла в себя.

— Мой отец... — колебавшись, начала она. — Его нет? Вернее, он не собирается?..

— Он будет здесь со своим персоналом и всем прочим в течение недели, — ответил мужчина.

— О нет! — простонала несчастная, представив себе, что отец увидит, во что она превратилась. — Лучше мне умереть, чем показаться ему в таком виде.

Крысолицый ухмыльнулся.

— Перестань выть. Он все равно тебя любит. Твое состояние — побочный эффект от приема лекарства, которое мы давали тебе для страховки. Обычно мы ограничиваемся точно отмеренной дозой губки, но Трелиг хотел быть уверен, что ничто не повредит тебе мозги. Поэтому мы немного перестарались. Передозировка на всех действует по-разному. В твоем случае лекарство вызывает зверский аппетит. Но это лучше, чем нимфомания, волосатость, а то и кое-что совсем жуткое.

Никки не знала, что такое губка, но догадалась, что ее хотели приучить к какому-то наркотику.

— Мой папа вылечит меня, — вызывающе сказала девушка.

Человек с крысиным лицом пожал плечами:

— Может, и так. Не знаю. Я просто работаю здесь. Но пока ты будешь продолжать толстеть. Не волнуйся — некоторым толстые нравятся.

Девушку расстроили его слова и тон, которым они были произнесены.

— Я больше не буду столько есть, — решительно заявила она.

— Еще как будешь, — ответил мужчина, выходя из комнаты и собираясь запереть дверь. — Ты не сможешь остановиться. Ты станешь выпрашивать пищу, а мы будем делать тебя счастливой, поняла?

Дверь захлопнулась, и в замочной скважине повернулся ключ.

Никки понадобилось всего три минуты, чтобы удостовериться, что дверь действительно заперта и что она — такая же пленница, правда, теперь она об этом знала.

Неожиданно ей безумно захотелось есть.

Девушка попыталась заснуть, но чувство голода не проходило.

Человек с крысиной физиономией оказался прав.

Через час дверь открылась, и в комнате появился сервировочный столик, заставленный тарелками с едой. Его ввезла служанка, о которой Никки могла сказать лишь то, что более красивой женщины она никогда не видела. Мгновение толстуха восторженно смотрела на стройную фигуру незнакомки, а затем жадно набросилась на еду. Женщина, взглянув на нее с грустью, собралась уходить.

— Подождите! — воскликнула Никки. — Скажите мне — вы здесь работаете или тоже являетесь пленницей?

Лицо женщины опечалилось.

— Мы все здесь — пленники, — ответила она мягким, мелодичным голосом. — Даже Эджил — это один из тех, кто вас обнаружил и доставил обратно. Мы не понаслышке знаем о передозировке губки и о садизме Антора Трелига.

— Он бьет вас? — затаив дыхание, спросила Никки.

Высокая красивая женщина печально покачала головой.

— Не только, и это не самое худшее, что происходит в этой обители ужасов. Вы все увидите сами, — закончила она, медленно поворачиваясь к двери. — Я полноценный мужчина. А Эджил — моя сестра.

НА БОРТУ ГРУЗОВОГО КОРАБЛЯ «АССАТИГ»

Сидя в рубке перед главным экраном компьютера, капитан грузовика «Ассатиг» Мавра Чанг внимательно наблюдала, как маленькое дипломатическое судно медленно исчезает в воздушном шлюзе ее гигантского корабля. Когда светящаяся эмблема Совета Миров, украшавшая летательный аппарат, скрылась из глаз, последовал сигнал, что швартовка закончена, и затвор герметично закрылся.

— После стыковки разрешаю подняться на борт, — произнесла капитан сильным, удивительно низким голосом.

— Подтверждаю, — раздалось в ответ из динамика.

— Сохраняй эту позицию и жди дальнейших приказаний, — бросила Мавра компьютеру и, выйдя из рубки, пустилась в далекий путь к центральному воздушному шлюзу корабля.

«Почему нельзя было расположить эти шлюзы хоть чуточку поближе?» — подумала она с раздражением. Впрочем, космические суда пришвартовывались к ее грузовику лишь дважды.

Столь сильный, богатый голос принадлежал девушке, рост которой едва достигал ста пятидесяти сантиметров. Чтобы хоть как-то сгладить впечатление, про-

изводимое этим несоответствием, при посторонних она всегда носила высокие сверкающие черные сапоги, незаметно прибавляющие ей тринадцать сантиметров. Мавра была очень худенькой и изящной, объем ее талии казался просто немыслимым, а маленькая грудь идеально соответствовала остальным пропорциям тела. Двигалась она грациозно и лениво, как кошка. Сейчас на ней было надето все самое лучшее: толстые черные брюки, облегавшие ее тело, как чулок, черная рубашка без рукавов, столь же туго облегающая тело, и черный пояс с золотой пряжкой в виде дракона. Пояс, свободно лежавший на бедрах, не был декоративным элементом одежды: в его потайных отделениях лежало несколько предметов, с которыми капитан Чанг не расставалась ни днем, ни ночью. Кроме того, на нем висел блестящий черный пистолет.

Мавра чем-то походила на китайнку, однако люди с трудом признавали в ней уроженку Востока.

Она не носила ювелирных украшений, ее черные как смоль волосы были коротко острижены, длинные серебристые ногти напоминали о последних достижениях медицины, позволяющих превратить обыкновенный человеческий палец в грозное оружие.

Хотя Мавра Чанг редко думала о своей внешности, у самого входа в шлюз она остановилась и взглянула на свое отражение в зеркальной поверхности полированного металла. Ее смуглая кожа казалась гладкой и нежной, а многочисленные шрамы в этом наряде не были заметны.

Довольно насвистывая, она подождала, пока давление не уравновесилось, и, когда над дверью вспыхнула зеленая лампочка, открыла шлюз.

Все шлюзы можно было открыть только вручную и только изнутри. Эта предосторожность спасла множество капитанских жизней.

Через несколько минут внутрь корабля вошла древняя старуха. В прошлом она была крупной высококой женщиной, но годы согнули ее, и все ее тело как-то странно обвисло. Она давно уже выглядела так, будто находилась при смерти, однако всегда отвергала любую помощь пилотов и капитанов грузовых кораблей. Лицо старухи выражало гордое высокомерие, порожденное жизненным опытом и важным положением, а ее темные глаза отражали редкую независимость натуры.

Выйдя из шлюза, она подобрала свое белое одеяние и позволила запереть за собой дверь.

Мавра Чанг, намного уступающая в росте матриарху, предложила ей кресло и, усевшись на полу, словно Будда, уставилась на гостью.

Ответом ей был такой же пристальный взгляд. Удивительно молодые глаза советницы Ли Пак Алаины изучили каждый дюйм лица и тела маленького астронавта.

— Значит, вы и есть Мавра Чанг, — произнесла наконец старуха, и голос ее был хриплым не только из-за возраста, но и вследствие ощущения своей власти.

Мавра почтительно кивнула:

— Имею такую честь.

Старуха оглядела корабль.

— Эх, если бы снова стать молодой! Но врачи говорят, что еще одно омоложение, и я лишусь рассудка. — Она окинула взглядом сидевшую на полу фигуру. — Сколько вам лет?

— Двадцать семь.

— И уже командир корабля! — воскликнула советница. — Ну и ну!

— Я получила его в наследство, — объяснила Мавра.

Старуха кивнула:

— Я знаю. Я много чего знаю о вас, Мавра Чанг. Вы появились на свет в мире Харвича триста двадцать семь месяцев назад; вы самая старшая из восьми детей, родившихся в семье традиционалистов — сенатора Васуры Тоняж и врача Марчело Хисетти. Вы осиротели, когда двадцать два года назад этот мир, несмотря на их отчаянные усилия, стал коммунистическим. Когда схватили остальных членов вашей семьи, некие влиятельные друзья тайно привезли вас в космопорт Гноши и передали под опеку Маки Хунг Чанг, капитану грузового корабля, хорошо заплатив ей за ваше спасение. Гражданка Чанг положила деньги в карман и, поручив исключенному из медицинской корпорации врачу изменить вашу внешность, бросила вас на произвол судьбы.

Мавра слушала, открыв рот и затаив дыхание. Каким образом эта развалина проследила ее жизненный путь, особенно после того как смылась Маки?

— Маки Чанг была арестована за контрабандный ввоз запрещенных товаров в комм-миры, — продолжала старуха. — В тринадцать лет вы оказались предоставлены самой себе в варварском мире Калива. Чем вы только не занимались с тех пор, законным и незаконным. В девятнадцать лет вы встретили и полюбили красивого капитана грузового корабля по имени Гимбол Нисонги. Пять лет назад Нисонги был убит грабителями на Басаде, и теперь вы управляете этим кораблем самостоятельно. — Она ласково улыбнулась. — О да, я вас знаю, Мавра Чанг.

Мавра Чанг смотрела на старуху во все глаза.

— Вы немало потрудились, чтобы разузнать обо мне все эти подробности. Но ведь это только вступление. Основная часть разговора впереди.

Старуха улыбнулась еще более ласково:

— Конечно, дорогая. И именно эта часть свела нас сегодня вместе.

Внезапно Мавра стала очень деловой.

— О чем идет речь? Убийство? Контрабанда? Что-нибудь противозаконное?

Улыбка на лице советницы сразу увяла.

— Да, нечто противозаконное, но не с моей и не с вашей стороны. До того как вступить с вами в контакт, мы изучили биографии тысяч негодяев...

— Почему именно со мной? — перебила молодая женщина, привыкшая сразу расставлять все по своим местам.

— Во-первых, потому, что вы чертовски аполичны — законы и правила вас не волнуют. Во-вторых, потому, что вы сохранили некоторые нравственные принципы: вы снабжаете коммов припасами, но вы их ненавидите, и с полным основанием.

Мавра Чанг кивнула:

— Ненавижу — слишком мягко сказано. Они же надругались над целыми народами. За исключением членов партии, какой бы она ни была, все коммы одинаково выглядят, одинаково себя ведут, одинаково думают. Счастливые ублюдки. — В сердцах она даже выругалась.

— Не спорю, — согласилась советница Алаина. — Вы обладаете также немалым мужеством, вы здоровы морально и физически, вы испытали столько страданий, сколько большинству людей и не снилось. Кроме того, маленькая очаровательная женщина не вызовет никакого подозрения — из-за роста люди склонны недооценивать вас.

Мавра вытянула перед собой ноги и уперлась ладонями в колени.

— Так чем же я могу помочь всемогущей советнице?

— Вам что-нибудь говорит имя Антора Трелига? — резко спросила Алаина.

— Важная шишка, — усмехнулась Мавра. — Пользуется большим влиянием в Совете Миров и в сфере ракет. Практически держит под контролем Новую Перспективу.

Старуха кивнула:

— Верно, верно. А теперь я расскажу вам то, что вы не знаете. Антор Трелиг — руководитель синдиката торговцев губкой. Мы добились некоторых успехов в борьбе с этой заразой, но наркотик по-прежнему распространяется, и, используя партийные структуры и делая ловкие политические ходы, Антор сумел заполучить тринадцать голосов из состава Совета.

Мавра чуть не задохнулась от ярости.

— Но ведь это может дать ему контроль над запретным оружием! — воскликнула она.

— Вы правы, — вздохнула Аланна. — Некоторое время он находился как бы в тени, но сейчас объявил — тайно, конечно, не прямо, — что стал обладателем абсолютного оружия, с помощью которого можно будет превратить все миры в коммунистические или вообще сделать все, что взбредет ему в голову. Он пригласил пятнадцать членов Совета для демонстрации этого новейшего оружия. По его мнению, эффект будет настолько устрашающим, что советники, представляющие плюралистические миры, вынуждены будут голосовать вместе с ним.

— И что он предпримет, если получит полный контроль над Советом? — тихо спросила Мавра.

— Дело в том, что Антор всегда боготворил Римскую империю эпохи ее наивысшего расцвета, — ответила старуха и, заметив непонимающий взгляд Мавры, усмехнулась: — Не тревожьтесь. В сущности, это было незначительное явление в истории. Во главе империи стоял всевластный император, которого почитали как бога; в ней имелся многочисленный класс рабов, и она прославилась не только своей способ-

ностью покорять огромные территории, но и своей развращенностью. То, что они могли бы натворить, обладая современной технологией, трудно вообразить даже в самых жутких кошмарах. Вот таков Антор Трелиг.

— А может быть, он просто блефует насчет этого оружия? — спросила Мавра.

Аланна покачала головой:

— Оружие у него есть. Мои агенты начали подозревать об этом, когда известный физик Гил Зиндер неожиданно свернул свою работу в Макеве и исчез, забрав с собой научное оборудование и персонал. У Зиндера были неортодоксальные идеи. Он считал, что марковские умели превращать энергию в материю, и верил, что ему удастся повторить этот процесс. — Помолчав, она в упор взглянула на капитана. — Допустим, что он прав. Допустим, что он добился успеха.

— И вы полагаете, что Зиндер стал работать на Трелига? — не столько спросила, сколько констатировала Мавра.

— Мы в этом уверены, — ответила старуха. — Десять недель назад мои сыщики засекли подозрительный полет из Макевы; это был корабль без груза, зафрахтованный Трелигом; управлял им его собственный пилот. Некоторые оперативники видели, как в космический челнок Трелига внесли большой сверток, по форме напоминающий человеческое тело. Более того, мы обнаружили, что образование доктора Юлина, главного ассистента Зиндера, оплатил известный нам партнер Трелига и что Юлин является внуком одного из руководителей синдиката торговцев губкой.

— Значит, Трелиг узнал, когда Зиндер получил первые результаты, и у него есть преданный человек, способный контролировать ход работы. А кого, по вашему мнению, похитили? — спросила Мавра Чанг.

— Дочь Зиндера. Ее похитили задолго до того, как проект был закрыт. Отец в ней души не чает. Мы считаем, что она заложница, удерживаемая для того, чтобы заставить Зиндера соорудить большую модель устройства, которое у него было в Макеве. Задумайтесь над этим! Вы нацеливаете на мир некое оружие, затем сообщаете ему, каким вы этот мир желаете видеть, на что он должен быть похож, как ему следует думать — и гоппя! Готово!

Мавра кивнула:

— Мне трудно поверить в нечто подобное, но... — Она замаялась, но все-таки продолжила: — Давным-давно, когда я была совсем маленькая, бабушка и дедушка рассказывали о чем-то таком, о построенном марковианами мире, где было возможно все. — Она мечтательно улыбнулась. — Забавно, что раньше я никогда об этом не вспоминала. Это, конечно же, была волшебная сказка.

— Для Антора Трелига это скоро станет реальностью, — решительно заявила Алаина. — То же самое относится и к устройству доктора Зиндера.

— И вы хотите, чтобы я его уничтожила? — спросила Мавра.

Алаина покачала головой:

— Нет, я думаю, это невозможно. Оно слишком хорошо защищено. Максимум, на что мы способны, это вытащить оттуда доктора Зиндера. И если наша догадка верна, спасти его дочь, Никки.

— Где они находятся? — спросила Мавра, к которой уже вернулась ее деловитость.

— В личном убежище Антора, — ответила старуха. — Это принадлежащий ему планетоид Новые Помпеи. Он представляет собой центр синдиката торговцев губкой и источник снабжения этой дрянью всего сектора галактики.

Мавра присвистнула:

— Новые Помпеи неуязвимы. Чтобы проникнуть туда, понадобится целая армия. Это невозможно!

— Разве я говорила, что вы должны проникнуть туда? — Алаина последнее слово подчеркнула. — Я сказала, что вы должны вытащить оттуда двоих людей. На Помпеи вы попадете без проблем. Меня пригласили на эту демонстрацию, но никто не рассчитывает, что такая старая развалина, как советница Ли Пак Алаина, прибудет туда лично. Как и некоторые другие, я направляю туда своего представителя, близкого мне человека, кому я могу доверять.

Мавра кивнула:

— Сколько времени я буду находиться на этом астероиде?

— Антор пригласил нас на три дня. В первый день он собирается устроить прием и похвалиться Новыми Помпеями. Во второй день он проведет свою демонстрацию. В третий ультиматумы и еще более приторные любезности.

— Времени в обрез, — прокомментировала Мавра Чанг. — Мне надо разыскать двух лиц, находящихся, вероятно, далеко друг от друга, и перекинуть их на свой корабль — и все это под самым носом у сторожевых псов Антора Трелига, в отведенное им для этого время и на его территории.

Алаина кивнула:

— Я знаю, что это почти невозможно, но мы должны попытаться. Хотя бы спасти его дочь. Я убеждена, что они посадили ее на губку, но это можно будет выяснить потом. Очень хочу надеяться, что с вами ничего подобного не случится. Губка — самый отвратительный наркотик, и это лишь самая малость того, на что способен Антор Трелиг.

— А может он просто подложить нам отраву в послеобеденную выпивку? — с тревогой спросила Мавра.

— Он этого не сделает, — успокоила ее Алаина. — Ему невыгодно, чтобы что-то случилось с представителями других планет. Наоборот, они должны быть здоровы и находиться в здравом уме, ибо только тогда их можно будет напугать настолько, что они уговорят сдать даже таких недоверчивых людей, как я. Но если ему станут известны ваши истинные цели, он ликвидирует меня, а с вами сделает все, что захочет. Вы это понимаете?

Мавра молча кивнула.

— Вы согласны?

— Сколько? — подняла брови молодая женщина. Алаина обрадовалась.

— Ваше задание будет выполнено наполовину успешно, если вы освободите Никки. Я убеждена, что в этом случае Зиндер постарается ликвидировать свое устройство. За это, скажем, десять миллионов.

Сумма ошеломила Мавру. С такими деньгами и с кораблем она становилась свободной как ветер и могла делать все, что угодно.

— Неудача означает смерть, — предупредила Алаина, — или рабство у Антора Трелига. Он безжалостный, аморальный садист, захватившее власть чудовище. В конце концов таких всегда останавливали, но до этого погибали бесчисленные миллионы ни в чем не повинных людей. Антор — самый отвратительный из всех тиранов. Я уверена, что на Новых Помпеях вы сами все увидите. Узнайте, что он думает о людях и о мирах, может быть, это придаст вам силы.

— Половину — вперед, — заметила Мавра Чанг. Советник Алаина пожала плечами:

— А если вы потерпите неудачу? Зачем вам тогда деньги?

НОВЫЕ ПОМПЕИ

Антор Трелиг стоял над шахтой, в которую была помещена увеличенная модель Оби. В эту дыру ухнули семь месяцев напряженного труда и средства, достаточные для формирования бюджета целой планеты. Он наблюдал, как гигантские краны прилаживают на место «большое зеркальное блюдо». Вместе со всем устройством оно должно было находиться на глубине, равной почти половине расстояния между верхней и нижней сторонами астероида. Снаружи эта система во многом походила на гигантский радиотелескоп.

Однако ее назначение было куда более зловещим.

Деньги мало беспокоили Антора Трелига; все затраты, пошедшие на реализацию этого проекта, составляли небольшую часть его доли в доходах от продажи губки и в средствах, изымаемых из бюджетов сотни миров, контролируемых синдикатом. Деньги представляли для него интерес только в том случае, когда они вели к усилению могущества.

Толстые тросы медленно укладывали на место огромное сверкающее зеркало. Это Трелига тоже не волновало. Важно было лишь то, что проект близок к завершению.

Он направился туда, где, наблюдая за этой процедурой, сидел Гил Зиндер, целиком находившийся во власти инженеров и техников. Оглянувшись, ученый заметил Трелига, и его лицо выразило нескрываемое презрение.

Советник был бодр и весел.

— Ну что ж, доктор, — сказал он непринужденно. — Почти готово. Это — важное событие.

Зиндер нахмурился.

— Да, важное, но счастливым я его назвать не могу. Послушайте, Трелиг, я выполнил все ваши требования. Позвольте мне теперь поставить дочку перед маленьким диском и вылечить ее от губки.

Трелиг улыбнулся:

— Разве она так плохо себя чувствует? Юлин каждую неделю приводит ее в порядок, а ожирение ее не убьет.

Гил Зиндер вздохнул:

— Послушайте, Трелиг, почему бы не вернуть ей хотя бы нормальный вес? Десяносто килограммов — это слишком много для человека ее роста.

Хозяин Новых Помпей ухмыльнулся:

— Но ведь здесь она весит только шестьдесят четыре! Это намного меньше, чем крошка тянула на Макеве!

Ученому страстно захотелось плюнуть советнику в физиономию, но он сдержался. Конечно, Никки весила здесь меньше; но теперь ее мышцы привыкли к малой гравитации и ожирение привело не только к увеличению веса: оно ее изуродовало, сделало ее неуклюжей. На Макеве при 1 g она, вероятно, чувствовала бы себя измученной, пройдя метров сто; здесь положение было не лучше.

Но Зиндер понимал, что до тех пор, пока план Трелига не будет выполнен до конца, его дочь останется

на той стороне астероида; он также знал, почему честолюбивый и вероломный Юлин оказался единственным человеком, которому поверила Никки.

Поэтому ученому оставалось лишь одно: ждать, когда огромное устройство будет окончательно смонтировано.

Однако его очень беспокоил Юлин. Этот блестящий молодой человек был из того же теста, что и советник. Его научное превосходство над Трелигом и над любым экспертом Трелига гарантировало ему полную безопасность. Без Юлина Трелиг не мог оперировать зеркалом Оби, а Юлин был последователем Зиндера, хотя и не потратил нескольких десятилетий на теоретические исследования, которые легли в основу программы этого чудовища. Он никогда не сумел бы построить такую машину.

Но он умел ею управлять.

И именно этого Зиндер боялся больше всего. Как только все работы будут закончены, он и Никки, особенно Никки, окажутся никому не нужными.

Оставаясь под присмотром Юлина, доктор не мог ограничить секретную программу, которую следовало заложить в Оби; хотя идея и конструирование принадлежали Зиндеру, ему никогда не разрешали сидеть за контрольным пультом в отсутствие Юлина.

Находясь на Новых Помпеях, Гил Зиндер гораздо лучше разобрался в планах Антора Трелига. Он мысленно все подсчитал, проверил, перепроверил, и его единственной надеждой остались новые идеи и подходы, ведь такой машины, как эта, никогда не существовало.

Мавра Чанг вывела свой маленький, но быстроходный корабль на круговую орбиту, расположенную на расстоянии примерно одного светового года от

Новых Помпей. Она прибыла не первой; несколько похожих кораблей уже болталось на этой орбите, выстроившись в линию.

Если не считать черного пуловера с длинными рукавами и пояса, молодая женщина была одета точно так же, как в тот день, когда познакомилась с советником Алаиной. Пояс представлял собой широкую ленту, сплетенную из толстых черных веревок, которые соединяла значительно более крупная и прочная пряжка в виде дракона. Никто не знал, что фактически это был трехметровый кнут для быков. Потайные отделения в пряжке предназначались для нескольких шприцев и пузырьков с самыми различными ядами. В голенищах и в высоких толстых каблуках ее сапог были спрятаны другие полезные предметы. Тем не менее ее одежда была так естественна и так ладно сидела, что создавала впечатление, будто там ничего не спрятано. На Мавре были также серьги в виде соединенных друг с другом хрустальных кубиков, которые скрывали еще больше сюрпризов.

Она легонько потерла свой зад, болевший после того, как ее буквально начинили противоядиями и антитоксинами, способными защитить от всего, что только можно себе представить. «Если я случайно порежу палец, — усмехнулась про себя молодая женщина, — из него наверняка польется не кровь, а какая-нибудь прозрачная гадость».

— Мавра Чанг. Представитель советника Алаиной, — сообщила она невидимым охранникам на частоте, о которой ее заранее уведомили.

— Очень хорошо, — ответил монотонный голос, отдаленно напоминавший мужской. — Занимайте место в линии кораблей. Подождем остальных и тогда сделаем пересадку.

Представитель советника Алаины мысленно выругалась. У нее не осталось никаких шансов: специальное снаряжение и великолепно замаскированные отсеки для беглецов оказались совершенно бесполезными. На Помпеи их повезут всех вместе на корабле Трелига.

Мавра вынула зеркало и внимательно изучила свое лицо. На этот раз она сделала легкий макияж, использовала коричневую губную помаду и лак для волос, который придал ее прическе стальной голубоватый оттенок. Она даже нанесла на свои металлические ногти неяркую краску, которая скрыла их несколько необычные свойства. Косметика предназначалась для Трелига. Хотя формально он, как все представители его расы, был бисексуален — у него были и мужской, и женский половые органы, — его больше привлекали мужчины как внешностью, так и с точки зрения сексуального аппетита.

Как только на орбиту прибыл последний корабль с эмблемой Совета Миров, со стороны звезды Аста подошел шикарный частный пассажирский лайнер, и все приглашенные один за другим перебрались на него.

В составе группы гостей, насчитывающей четырнадцать человек, оказалось всего два советника. Остальные прислали своих представителей, и по виду некоторых из них Мавра поняла, что идея забросить на Помпеи тайного агента пришла в голову не только старой Алаине. Складывающаяся ситуация встревожила ее: Трелиг наверняка заметит то, что заметила она. Вероятно, другого он от своих коллег и не ждал. И это свидетельствует о его крайней самоуверенности.

Вежливые и исполнительные сопровождающие были гражданами Новой Гармонии, созданными

специально для работы в сфере обслуживания. Смуглые, безволосые, мускулистые, одетые лишь в легкие юбочки и сандалии, они несли на своих лицах отпечаток тупости и покорности, что было типично для обитателей подобных миров.

Коммы, являвшиеся прямыми потомками тех, кто верил в утопию, осуществили мечту, которую их предки передавали от поколения к поколению: равные права и здравоохранение для всех, отказ от денег за исключением межпланетной торговли, отсутствие голода и безработицы. Генная инженерия сделала всех их похожими друг на друга, а биологическое программирование идеально приспособило каждого члена общества к определенному виду работы. Смыслом их жизни всегда оставался труд. Индивидуум не значил ничего; коллективной идеей было служение на благо народа.

Внешний вид коммов зависел от характера работы и условий окружающей среды. Решение проблемы пола также варьировалось в широких пределах. В одних мирах рождались только женщины, в других сохранились два пола, в третьих, таких, как Новая Гармония, все были бисексуальны. На нескольких планетах вообще отказались от сексуальных характеристик, предпочитая клонирование.

Большинство комм-миров были с самыми лучшими намерениями основаны чудаками-мечтателями. Но затем партийная иерархия занялась самовоспроизводством, и в результате возникло совершенное общество — без потрясений, без желаний, без требований, без психологических срывов.

Идеальный человеческий муравейник.

Однако в подавляющем большинстве случаев люди, создававшие его, никогда не отказывались от

власти. А редкие попытки отдельных партий отойти в сторону заканчивались трагически: основанные ими общества гибли из-за своей неспособности справиться с природными катастрофами и неразрешимыми социальными проблемами.

Большинство же партий, подобных той, что управляла Новой Гармонией, никогда и не пытались сложить свои полномочия. Честолюбие, алчность и жажда власти, порождавшие пламенных революционеров и поддерживавшие комм-лидеров в трудные времена, постепенно становились основой их характера. Устраняя подобные опасные наклонности у подданных, они оказались не в состоянии ликвидировать эти слабости у самих себя. Вот почему на Новой Гармонии после пятисот лет господства комм-режима все еще существовала партийная иерархия, состоявшая из нескольких тысяч администраторов, функционировавших в дипломатической и экономической сферах. А Антор Трелиг был рожден, чтобы руководить ими.

Теперь же остаткам человеческой расы предлагалось убедиться в том, каким счастьем для всей галактики было его рождение.

Гости быстро перезнакомились, но длинных разговоров во время полета не затевали. Впрочем, Мавра сразу поняла, что этой разношерстной команде одурочить Трелига не удастся. Двухметровый краснолицый бородач с ярко-синими глазами явно не был уроженцем комм-мира под названием Рай, где все давно уже бисексуальны, похожи друг на друга, как близнецы-братья, и примерно на треть ниже ростом. Он наверняка был капитаном грузового корабля или варваром, прибывшим из недавно заселенного мира. «Восемь мужчин и шесть женщин, — подумала

Мавра. — И все явились для того, чтобы собрать информацию, а не изображать благоговейный страх».

Стьюарды с Новой Гармонии прошли вдоль рядов, отбирая пистолеты. Они объяснили, что каждого гостя перед высадкой тщательно проверят и что во избежание неприятностей лучше сдать все оружие сейчас.

Мавра без-особого сожаления рассталась со своей вороненой хлопушкой — оружие, на которое она действительно рассчитывала, ей всегда удавалось проносить через любые сканеры. Если его обнаружат, то просто отберут точно так же, как и пистолет. Оказавшись на Новых Помпеях и смело пройдя хитроумное сканирование, она лишний раз убедилась в своей правоте. Ее не парализовало, как это случилось с двумя другими гостями, которые припрятали разобранные пистолеты и ножи.

Наконец их всех пропустили, и Мавра огляделась вокруг.

Маленький космопорт был явно рассчитан только на два корабля. На одном прибыла группа приглашенных; второй — наверняка личное судно Трелига — стоял на месте. Повсюду сновали охранники и мелькали глазки телекамер, но она это предвидела. Задание не казалось ей невыполнимым.

Конечно, Мавра могла бы получить кое-какую помощь от своих коллег, но не смела просить их об этом по той же причине, по какой это не могли себе позволить и они. Существовала реальная возможность, что по меньшей мере один из приглашенных — человек Антора Трелига.

Багажа ни у кого не оказалось: Трелиг обещал снабдить гостей всем необходимым и ограничил количество вещей, которые каждый из них мог пронести с собой.

Сам он стоял у входа в космопорт, готовясь приветствовать их, высокий, значительно более высокий, чем уроженцы Новой Гармонии, широкоплечий, мускулистый, необычайно красивый вариант новогармонийского типа. Благодаря ниспадающей свободными складками белой мантии и длинным вьющимся волосам он казался ангелом.

— Добро пожаловать! Добро пожаловать! Дорогие друзья! — воззвал Трелиг ораторским голосом, который обошелся ему в весьма солидную сумму. Затем он поздоровался с каждым в отдельности, назвав его по имени и обязательно поцеловав ему руку, что представляло собой часть общепринятого ритуального приветствия. Когда Трелиг взял руку Мавры, его кустистые брови — еще одно отличие от новогармонийского типа — поползли вверх.

— Какие удивительные ногти! — воскликнул он. — Дорогая моя, вы похожи на сексуальную кошечку.

— А вы знаете, как выглядят кошки? — ответила молодая женщина, не выказывая своего презрения. — Я думала, что на Новой Гармонии они все передохли еще в незапамятные времена.

Злобно ухмыльнувшись, советник отошел.

Поздоровавшись со всеми, он повел их на маленький шикарный терминал, откуда открывался потрясающий вид на астероид. Вокруг космопорта был разбит сад, необычайно зеленый, с высокой, тщательно ухоженной травой. Слева от себя они увидели густой лес, уходящий к кающемуся совсем близким горизонту, справа — невысокие горы, заросшие деревьями и яркими цветами. А прямо перед ними, всего в пятистах метрах, раскинулся город, подобного которому никто из приглашенных никогда не видел.

Над городом господствовала гора; на ее травянистом склоне возвышалось огромное здание из полированного мрамора, похожее на амфитеатр или храм. Ниже, у подножия, стояли изящные постройки древней архитектуры, тоже из мрамора, с высокими римскими колоннами, на которых покоились широкие крыши, декорированные высеченными из камня мифологическими скульптурами. В некоторых домах двери были распахнуты настежь, так что гости могли видеть обширные внутренние дворы, украшенные гирляндами из живых цветов и большими статуями; в центре каждого такого двора бил фонтан. В центральное здание, увенчанное куполом, вела длинная и широкая мраморная лестница. Трелиг направился прямо к ней.

— На Помпеях я разрешаю использовать технику только в случае крайней необходимости, — объяснял он по дороге. — Слуги — люди, еда и напитки готовятся вручную, кое-какие овощи и фрукты выращиваются таким же образом. Никаких самоходных транспортных средств. Разумеется, я иду на некоторые уступки, когда дело касается, например, освещения; кроме того, у нас управляемый климат. Весь наш мир поддерживается в должном состоянии благодаря плазменному куполу и воздушным насосам. Но вообще-то нам больше нравится сельский образ жизни.

Оказалось, что подниматься по лестнице совсем нетрудно. При гравитации в 0,7 g все чувствовали себя так, словно умели летать; пройдя около километра, они устали значительно меньше, чем если бы проделали этот путь при силе тяжести в 1 g.

Войдя в главное здание, приглашенные во главе с Трелигом попали в огромный зал, посередине которого стоял низкий дубовый стол, ломившийся от все-

возможных яств и напитков. Стол был настолько низкий, что сидеть им предстояло на обитых толстым мягким мехом подушках. Немного дальше, ниже уровня пола, находилась танцевальная площадка, выстланная длинными полированными досками, и гигантский фонтан, а стены зала заслоняли высокие мраморные колонны, между которыми были натянуты тонкие непрозрачные драпировки, сотканые, судя по всему, из длинных шелковых лент.

Взглянув вверх, Мавра обнаружила, что весь купол изукрашен мозаикой. Света было достаточно, хотя зал, за исключением площадки с полированным полом, освещался неярко, однако установить его источник ей не удалось.

Трелиг рассадил их и занял место во главе стола. Перед каждым гостем стояла ваза с великолепными фруктами, настоящими фруктами, как все они сразу заметили, — кумкватами*, апельсинами, ананасами. Многие осторожно тыкали их палочками для еды; большинство приглашенных никогда раньше такого не видели.

— Попробуйте мускат, — угощал хозяин. — Настоящий, с алкоголем. У нас здесь собственные виноградники, так что вино неплохое.

Вино и в самом деле оказалось значительно лучше синтетического, к которому все привыкли. Мавра повертела в руках какой-то фрукт. Она уже целую вечность не ела натуральной пищи. Вино, впрочем, ей понравилось. Оно было широко распространено

* Кумкват (или кинкан) — род вечнозеленых деревьев и кустарников семейства рутовых, произрастающих в Китае, Японии, Грузии, на Малайском архипелаге. Плоды используют для приготовления варенья и цукатов.

в варварских мирах, но большинству людей из-за дороговизны оставалось недоступно.

Трелинг хлопнул в ладоши, и в зале появились четыре босоногие женщины. Они были совершенно непохожи друг на друга и, несомненно, явились не с Новой Гармонии, а из других миров. У всех четырех были длинные надушенные волосы и сильно накрашенные лица. Их тела окутывали тонкие, как паутинка, платья незнакомого, но явно древнего покроя. Сквозь прозрачную ткань просвечивали мельчайшие подробности стройных фигур.

Не глядя ни на кого из сидевших за столом и не произнося ни слова, они мгновенно убрали чаши с фруктами и бокалы. Как только они исчезли за драпировками, появились другие женщины. Искусно балансируя, они несли на головах серебряные подносы.

— Отвратительно, — проворчал сосед Мавры. — Люди прислуживают другим людям. Эту работу должны выполнять роботы.

Большинство закивали в знак согласия, а Мавра подумала о том, что многие гости прибыли из комм-миров, где все люди — рабы или роботы.

Так продолжалось в течение всего ужина, каждое новое блюдо появлялось точно в определенное время. Вина предлагались самые разнообразные и в огромном количестве, и никому не позволялось оставлять свой бокал пустым. Женщины в прозрачных платьях работали, как машины. Мавра насчитала восемь служанок, и кто знает, сколько их еще скрывалось там, за драпировками.

Пища была необычной и очень вкусной, но Мавра быстро наелась и от всего остального решительно отказывалась. Но многие ели жадно, да и хозяин отдавал должное каждому блюду.

Затем Трелиг показал им, как превратить подушки в нечто вроде кресел, и они отдыхали, наслаждаясь вином и легкими закусками. Тем временем на площадке с деревянным полом появилась группа музыкантов и жонглеров. Гости еще долго веселились, так что вечер прошел замечательно. Трелиг чертовски хорошо знал, как устраивать роскошные пиршества.

Когда последние исполнители удалились, проводимые вежливыми аплодисментами, настало время разместить приглашенных на ночь.

— Вы найдете в своих комнатах все необходимое, самые модные туалетные принадлежности, — сказал Трелиг. — Хорошенько выпитесь! Завтра нам предстоит удивительный день!

Он повел всех на сценическую площадку и дальше, сквозь драпировки, за которыми открывался длинный коридор, облицованный белым мрамором. Они долго шли, прислушиваясь к гулкому эху собственных шагов, и наконец повернули в другой, точно такой же коридор. Здесь Трелиг, распахивая большие дубовые двери толщиной не менее десяти сантиметров, показал каждому его комнату.

Все помещения оказались убраны по-разному. В комнате Мавры были толстый пушистый ковер из какого-то меха, письменный стол, туалетный столик с зеркалом, ванная, старомодный буфет и огромная круглая кровать.

Увидев кровать, Мавра очень обрадовалась. Она всегда гордилась своей воздержанностью, но вино оказалось необычайно крепким. Опынение она заметила только по дороге в свою комнату: голова резко закружилась, а к горлу подступила тошнота. В первый момент она заподозрила, что в вино подсыпали наркотик, но потом поняла, что оно просто было слишком крепким.

Трелиг пожелал ей спокойной ночи и с грохотом захлопнул тяжелую дверь. Мавра немедленно подошла к ней и нажала на бронзовую ручку.

Дверь была заперта.

Убедившись в этом, женщина обследовала комнату. Одна из ее серег тихо зажужжала. Выйдя на середину комнаты, Мавра встала под красивой, но чересчур богато разукрашенной люстрой, затем подтащила к себе стул и влезла на него. Жужжание усилилось. Она поздравила себя — в основание люстры была вмонтирована крошечная, почти невидимая телекамера, управляемая на расстоянии. Камера свободно поворачивалась на шарнире, что позволяло осуществлять дистанционный контроль в любом направлении; дополнительная линза улавливала инфракрасное излучение.

В течение следующих десяти минут Мавра обнаружила еще две камеры: одну — в ванной, в единственном месте, находящемся вне поля зрения камеры, спрятанной в люстре, а вторую — в головке душа. Камеры располагались таким образом, чтобы любая точка помещения свободно просматривалась.

Да, спрятаны они были умело, но не настолько, чтобы их нельзя было обнаружить. Мавра решила, что подобным образом Трелиг хотел лишний раз продемонстрировать свое могущество и тщетность усилий тайных агентов.

Взглянув на люстру, Мавра убедилась, что камера постоянно следит за ней. «Нет ночной рубашки», — заметила она, подойдя к кровати. Впрочем, в рубашке не было нужды — в комнате поддерживалась постоянная температура. В то же время, поскольку рубашки не было, под ней не удастся ничего спрятать.

Мавра уселась на кровать, спиной к камере, и скинула сапоги, потом сняла через голову пояс-кнут

и бросила его подальше от пристального взгляда камеры. Подойдя к туалетному столику, она взяла несколько бумажных салфеток, вынула зеркальце и начала не спеша снимать с лица косметику.

Казалось, она полностью поглощена этим занятием, но тем временем ее правая нога положила на бок один сапог, а левая четырежды нажала на его подметку. Укрепленная на крошечных шарнирах, подметка повернулась, открыв несколько маленьких изящных вещиц. Зажав одну из них между пальцами ноги, Мавра осторожно вынула ее, а затем другой ногой точно таким же образом достала.

Покончив с этой процедурой, Мавра сбросила с себя пуловер и спустила брюки. Наклонившись, чтобы снять их, она перехватила оба приспособления в левую руку.

Уже полностью обнаженная, она встала и обернулась. Это движение выглядело абсолютно естественным, но наблюдатели должны были убедиться: на теле гости ничего не спрятано. Ее пальцы, те самые пальцы, которые научились передергивать карты до того, как узнали, что такое карандаш, незаметно держали два крошечных прибора. Приняв на постели позу лотоса, она правой рукой погасила свет.

В тот самый момент, когда свет погас, Мавра бросила один из приборов на постель, а другой направила на люстру. Для этого она воспользовалась лучом света, который могла видеть благодаря специальным контактными линзам.

Временно нейтрализовав наблюдателя, женщина быстро расположила второй прибор на подушке таким образом, чтобы он был нацелен на камеру. Удовлетворенная сделанным, она отпустила руку и, закрыв глаза, немного расслабилась.

Все это заняло менее десяти секунд.

Довольная, что все идет так, как надо, она открыла глаза и осторожно соскользнула с кровати, стараясь не покачнуть маленький прямоугольник.

Это устройство было необычайно сложным. Мавра узнала о нем, когда однажды ее чуть не заманили в ловушку, и заплатила за него колоссальные деньги. Его действие заключалось в том, что оно как бы замораживало первое изображение, зафиксированное камерой, и оставляло его на экране.

Спокойно, с осторожностью и сноровкой, присущей опытному грабителю, Мавра оделась. Затем стала натягивать сапоги, но передумала, вспомнив, какое громкое эхо вызывали их шаги в коридорах. Сняв с пояса массивную пряжку, она с помощью штифта прикрепила ее на боку и повернула маленькую рукоятку кнута таким образом, что, нажав почти незаметные кнопки, ее можно было незаметно и легко вытащить.

Оставшуюся на щеках краску она равномерно размазала по всему лицу и ею же натерла руки. После этого достала из левого сапога маленький, туго свернутый пакетик и осторожно нанесла его содержимое на все открытые участки кожи. Малотоксичное химическое вещество, вступив в реакцию с химикатом, входящим в состав косметики, сделало ее кожу угольно-черной. Затем Мавра сняла специальные контактные линзы, капнула в глаза по две капли какого-то лекарства, достала из сумки другую пару линз и надела их. Эти линзы были прозрачными, но стоило ей включить спрятанное в пряжке энергетическое устройство, как они начинали пропускать инфракрасное излучение. Мало у кого на Новых Помпеях были кошачьи глаза.

Теперь пришло время заняться шприцами, прячущимися под ее длинными острыми ногтями. Она

зарядила их разными составами. Эти отвратительные маленькие штучки не раз спасали ей жизнь и стоили недешево.

Наконец она коснулась второго энергетического модуля на пряжке. Отныне приборы, реагирующие на тепловое излучение, перестанут ее замечать.

Мавра усмехнулась. Власти еще пытались раскрыть то знаменитое дело — кражу драгоценностей на Балдаше.

Однако операция, которую она собиралась провернуть на Помпеях, будет еще труднее. Сегодня надо постараться успеть выполнить задание, касающееся девочки. Если сделать это не удастся, она по крайней мере узнает характер местности.

С замком она справилась без труда, но в двери были спрятаны еще четыре датчика. Массивные створки сидели в раме почти заподлицо. Мавра отодвинула две запирающие планки, но, чтобы освободить третью, необходимо было поработать ножом. Вместо ножи опытная взломщица припасла коготь с ноги огромного зверя, обитавшего на одной из далеких варварских планет, — заостренный и обработанный, как ее собственные ногти. Великолепное тонкое плоское лезвие.

Остальные планки отошли легко, и она осторожно приоткрыла дверь. Сигнала тревоги не последовало. В пустом коридоре царил полумрак. Не доверяя даже своим людям, Трелиг использовал профессиональную сверхнадежную и сверхдорогую систему охраны. И это была его ошибка. Опытные преступники — те, кого не удавалось схватить, — уже давно научились бороться с подобными хитроумными изобретениями, используя инфракрасные линзы и микрофоны. Если она не будет сильно шуметь, защитные приспособления позволят ей остаться невидимой.

Мавра вышла в коридор и бесшумно закрыла дверь.

«Все оказалось бы куда труднее, если бы он оставил в коридоре свет», — подумала она.

Но и в этом случае для Царицы кошек, как ее именовали в многочисленных списках разыскиваемых преступников, не было ничего невозможного. Она не раз оказывалась под подозрением, но никто никогда не мог ничего доказать.

Через несколько минут она уже стояла перед драпировками, огораживающими банкетный зал, который, как оказалось, имел единственный вход, он же выход. Там были две телекамеры; Мавра заметила их еще во время ужина.

Она выглянула из-за драпировок. Следящее устройство, вмонтированное в купол, контролировало только фонтан, но подвижная камера, соединенная с маленьким парализующим устройством и вращающаяся на балке под самым потолком, обеспечивала наблюдение за всем залом. Она совершала полный оборот за тридцать секунд. Мавра несколько раз проверила это, чтобы выяснить, нет ли иных вариантов. Всего на двенадцать секунд вход оставался вне поля зрения камеры. А от порога до того места, где находилась Мавра, было около девяноста метров.

Готовясь к броску, она учитывала свой опыт и физическую подготовку. Сделав два глубоких вдоха и дождавшись, когда маленький вращающийся глазок дойдет до точно рассчитанной точки, женщина рванулась к выходу и меньше чем через одиннадцать секунд оказалась снаружи. Многие сочли бы это просто невозможным для такой лилипутки.

Но ей помогли 0,7 г.

Мавра не стала спускаться по лестнице, а, словно кошка, сползла по боковой стене и прыгнула в кусты.

Фокус заключался в том, что она воспользовалась одним из тех нескольких крошечных пузырей, хранящихся в ее поясе. Каждый такой пузырь размером не больше булавочной головки, если потереть его между ладонями, вырабатывал невероятно тонкую секрецию, которая создавала чудовищный эффект всасывания воздуха. Это был личный секрет Царицы кошек, не раз спасавший ее в критические минуты.

Несмотря на прыжок с большой высоты, Мавра двигалась очень быстро. За несколько секунд она преодолела тридцать метров и, спрятавшись за кустами, потеряла ладони, заставив секрецию затвердеть и уменьшиться до первоначального объема. Эта субстанция действовала недолго.

Взглянув на отражающий свет плазменный купол, Мавра увидела, что приближается рассвет.

Пробираясь вдоль стены главного здания, она услышала голоса. Это было что-то вроде ритмичного песнопения. Заглянув в один из внутренних двориков, она увидела, что четыре женщины, одетые точно так же, как служанки, ухаживавшие за ними во время ужина, медленно танцуют под звуки похожего на лиру инструмента, на котором играет еще одна женщина. Казалось, что они движутся в каком-то дремотном состоянии, забыв обо всем на свете. Их поведение показалось Мавре довольно странным.

«Слишком уж они красивы и сексуальны, — подумала она. — Напоминают мечтательных, страстно жаждущих любви девушек, портреты которых так любят покупать геологи и старатели».

Танцующих окружала атмосфера абсолютной женственности, словно они были мифологическими богинями плодородия. Их манеры и движения, про-

изводившие жуткое впечатление, казались неестественными, в какой-то степени даже нечеловеческими. Женщины представляли собой скорее эротические пародии на людей, чем подлинные человеческие существа.

Мавра решила не нарушать их грезы. Ей нужен был кто-нибудь один.

Маленький мир жил, казалось, по часам Трелига; почти все спали.

Пробравшись в соседнее здание, поменьше, но тоже целиком облицованное мрамором, она чуть было не налетела на какое-то существо. Это оказалась ничем не примечательная нагая молодая женщина, немного растрепанная, с грязными ногами. Рядом с нею на трехколесной подставке висилась бадья. Женщина стояла на четвереньках и, как заметила Мавра, скребла жесткой щеткой мраморный пол.

Мавра огляделась вокруг и, никого не заметив, спокойно направилась к женщине, которая медленно двигалась задом ей навстречу.

Мавра выпрямила мизинец на правой руке, сжав в кулак остальные пальцы. Тем самым она освободила крошечный шприц, игла которого слилась с кончиком ногтя.

Женщина что-то почуяла и обернулась.

— Привет! — сказала она с кривой улыбкой. Мавра смотрела на нее с жалостью. Невыразительное лицо, пустые глаза. Губка! Она наклонилась к женщине.

— Как тебя зовут?

— Хив... Хиви, — с трудом ответила женщина и застенчиво добавила: — Я больше не могу правильно произносить свое имя.

Мавра сочувственно кивнула:

— Все в порядке, Хиви. Меня зовут Кэт. Хочешь мне помочь?

Женщина нерешительно кивнула:

— Если смогу.

— Ты знаешь девушку по имени Никки Зиндер?

Женщина тупо посмотрела на нее.

— Я же сказала вам, что плохо помню имена.

— Ну а есть здесь какое-нибудь место, где держат людей, которые никогда оттуда не выходят?

Женщина непонимающе покачала головой. Мавра вздохнула. Ум Хиви, или как там ее зовут, был уже слишком разрушен болезнью. Тогда она решила подойти с другого бока.

— А есть у тебя хозяин? Кто-то такой, кто говорит тебе, где надо мыть?

— Это делает Зив.

— А где Зив сейчас? — продолжала свои расспросы Мавра.

Хиви бессмысленно взглянула на нее, но затем ее лицо на мгновение просветлело.

— Здесь, — ответила она, указывая пальцем вниз.

Вначале Мавра собиралась просто бросить женщину в зале: уборщица не представляла никакой угрозы. Однако у Хиви сохранились остатки разума, что могло привести к ненамеренному предательству. Мавра протянула руку, чтобы приласкать несчастную наркоманку, и шприц, спрятанный в ногте ее мизинца, коснулся плеча Хиви.

Женщина вздрогнула и застыла, тупо глядя в пространство.

Мавра наклонилась над ней, нервничая при мысли о том, что кто-нибудь может войти.

— Когда ты мыла этот зал, ты никого не видела, — прошептала она. — Ты меня не видела. Ты

меня не увидишь. Ты не увидишь ничего, что бы я ни сделала. А теперь продолжай свою работу.

Женщина ожила, огляделась вокруг, посмотрела прямо на Мавру Чанг, потом, ничего не заметив, сквозь нее. В конце концов она пожала плечами, повернулась и стала снова тереть щеткой пол. Мавра вышла.

Было бы значительно проще убить эту жалкую тварь; просто нажать на определенные точки на шее, и все. Но Мавра Чанг убивала только тех, кто этого заслуживал. Если бы перед ней оказался Антор Трелиг, ее рука не дрогнула бы. Она с удовольствием бы прикончила этого типа за то, что он сделал с некогда нормальными людьми, и за то, что он может сделать с остальными, — но не беспомощную несчастную ракоманку.

Мавра знала, что со всеми женщинами, которых она здесь встретила, произошло несчастье. Служанки, танцовщицы, уборщица были рабынями, и такими их сделала губка, недостаточные дозы или передозировка снадобья, создающего мутантов.

Мавра не стала искать Зива и продолжила свой путь. Она неслышно пробиралась через залы, избегая случайных встреч с пустоглазыми рабынями и охранниками. Она видела множество людей, пораженных губкой и находившихся в состоянии ступора — они были настолько неподвижны, что могли служить в качестве подставок для ламп или предметов обстановки. Их вид вызывал у женщины тошноту, но практическую сторону ее ума занимал вопрос — а как же их кормят?

Не встретив никого из начальства, разочарованная Мавра двинулась в обратный путь. «Если с людьми, подвластными ему, Антор Трелиг обраща-

ется подобным образом, — думала она, — то каким же он станет, захватив контроль над цивилизованными мирами? Алаина права: это не человек, а чудовище».

Она уже почти добралась до своей комнаты, когда наконец натолкнулась на того, кого искала. Эта женщина была похожа на всех остальных, но на наплечном ремне у нее висел пистолет. Женщина медленно шла по коридору, осматривая двери. Больше никого не было видно.

Словно зверь, отслеживающий добычу, Мавра бесшумно подкрадывалась к высокой охраннице и, когда до нее осталось несколько метров, бросилась вперед. Услышав какое-то движение, женщина обернулась, но тут же получила сильнейший удар в солнечное сплетение.

Мавра, сделав сальто и удачно приземлившись, словно чудом оказалась у нее за спиной. Шприцы под двумя ногтями правой руки нашли свою цель, в то время как левой рукой она выхватила у охранницы пистолет. Двойная доза ослабила ее соперницу, гипноз подействовал на нее так быстро, что она не успела даже вскрикнуть.

Мавра расслабилась и отпустила свой будущий источник информации. Женщина застыла в какой-то странной позе.

— Вставай! — приказала Мавра. — Где тут комната, в которой нам не помешают?

— Здесь, — последовал механический ответ. Женщина поднялась и указала на соседнюю дверь.

— Там есть телекамеры? — резко спросила Мавра.

— Нет.

Подталкивая свою загипнотизированную жертву в спину, Мавра вошла в маленький, никем не ис-

пользуемый кабинет. Здесь она велела женщине сесть на пол, а сама встала на колени, глядя ей в лицо.

— Как тебя зовут?

— Мисс.

Мавра вздохнула.

— А теперь, Мисс, скажи мне, сколько людей живет на Новых Помпеях?

— В данный момент — сорок один, — ответила охранница. — Не считая дикарей, живых мертвецов и гостей.

— А сколько всего? — настаивала Мавра.

— Сто тридцать семь.

Мавра кивнула. Эта цифра говорила о том, какая сила ей противостоит.

— Сколько вооруженных охранников?

— Двенадцать.

— Почему не были приняты дополнительные меры предосторожности? — спросила она. — Ведь явно требуется обеспечить большую безопасность.

— Они рассчитывают на автоматические датчики, установленные в наиболее важных местах, — объяснила Мисс. — Что же касается остального, то никто не может покинуть Новые Помпеи, не зная соответствующего кода.

— А кто его знает? — спросила Мавра.

— Только советник Трелиг, — ответила охранница. — Код меняется каждый день в последовательности, известной ему одному.

Мавра Чанг нахмурилась. Это значительно усложняло дело.

— Где Никки Зиндер? — спросила она.

Охранница кивнула:

— В помещении охраны.

Мавра выяснила, где расположено помещение охраны, получила представление о генеральном плане

здания, узнала о том, кто сейчас в нем находится, о том, где расположена комната Никки, как туда попасть и как из нее выбраться. Она также установила, что за исключением самого Трелига все население Новых Помпей сидит на губке и что губка ежедневно доставляется на корабле, управляемом компьютером, вследствие чего никто не может завладеть большим количеством этого снадобья и поднять мятеж против Трелига. Эта часть информации оказалась интересной. Губку привозили на маленьком корабле-разведчике, который в случае необходимости мог принять на борт четырех пассажиров. Судя по описанию, это был крейсер модели 17, который Мавра прекрасно знала.

Узнав, что охранники держат свое оружие в маленьких шкафчиках и сами регистрируют его получение и сдачу, она присвоила наплечный ремень и пистолет, внушив женщине, что ее имущество по-прежнему находится на месте. «Кражу обнаружат только через несколько дней», — подумала Мавра и улыбнулась: у нее снова появилось оружие; кроме того, она была счастлива, что проложила путь к Трелигу вопреки его самодовольной вере в собственную безопасность.

— Где находится доктор Зиндер? — спросила она, обрушив на свою жертву еще один удар гипноза.

— На нижней стороне астероида, — ответила мисс.

Итак, население Новых Помпей составляет сорок один человек. Трелиг, Зиндер, Никки — трое, двенадцать охранников, пять ассистентов Зиндера и двадцать одна рабыня того или иного сорта. Мавра Чанг была достаточно умна, чтобы понять: никаких шансов вытащить отсюда Зиндера у нее нет, но зато имеется реальная возможность спасти Никки.

Расспросив загипнотизированную женщину о режиме охраны, Мавра велела ей все забыть и продолжать работу. Та беспрекословно повиновалась и перестала обращать на Мавру внимание, будто ее вообще не было.

Мавре потребовалось сорок минут, чтобы, увернувшись от камер, возвратится к себе в комнату. Заперев дверь, она осторожно возвратила в прежнее положение отогнутые планки. Проектор голографической памяти по-прежнему лежал на подушке, так что следящее устройство все это время фиксировало пустую комнату с лежащей на кровати фигурой.

Значительно больше времени ей понадобилось, чтобы раздеться, смыть с лица и рук черную краску, снова начинить сапог хитроумными приспособлениями и привести в должный порядок пояс. Покончив с этим, она присела на край кровати около проектора, стараясь его не покачать; затем придвинулась к нему так близко, что почти коснулась его. Безграничное терпение — лучший инструмент грабителя.

Заняв нужную позицию и дождавшись момента, когда глаз камеры был нацелен в другую сторону, она схватила маленький прибор и спрятала его в сжатой ладони. Когда камера несколько минут спустя вернулась, она сфотографировала ту же самую обнаженную женщину, лежавшую в той же самой позе. Лишь фанатично преданный своему долгу наблюдатель, а таким не был ни один охранник — уж больно дурацкой работой была слежка за спящими людьми, — мог заметить, что фигура лежала чуть в иной позе и чуть под другим углом.

Внезапно ее дыхание ускорилося, потом она шевельнулась, потянулась и повернулась на другой бок.

Ее правая рука на секунду повисла над краем кровати, и на черную одежду упал невидимый предмет.

И только после этого Мавра Чанг заснула.

На следующее утро у приглашенных возник большой спор, связанный с просьбой Трелига, заключавшейся в том, чтобы после душа каждый из них надел легкую, сотканную из тончайшей ткани тунику и сандалии. Получив решительный отказ, он извинился и объяснил, что отдал приказ выстирать одежду, в которой они прибыли на Помпеи. Замысел советника был ясен. Он хотел убедиться, что его гости ничего не возьмут с собой, когда отправятся на нижнюю сторону планетоида.

Мавра знала, что если кто-нибудь попытается проверить содержимое ее сапог и пояса, то встроенные в них защитные приспособления окажутся достаточно надежными; если же их попробуют вскрыть, то за этим последует труднообъяснимый, но чрезвычайно мощный взрыв. Она сомневалась, что люди Трелига пойдут на такой риск; в крайнем случае она будет все отрицать. Спрятать пистолет было нетрудно: она прилепила его замазкой в коридоре за карнизом.

Войдя в зал, чтобы позавтракать, Мавра заметила обращенные на нее удивленные взгляды: никто из приглашенных еще не видел представителя советницы Алаины без сапог.

Когда все поели, Трелиг обратился к ним с речью:

— Граждане, глубокоуважаемые гости! Позвольте теперь объяснить, зачем вы все сюда приглашены и что вы сегодня увидите. Прежде всего разрешите мне немного освежить вашу память. Как вам, без сомне-

ния, известно, мы — не первые, кто занимается колонизацией миров. На бесчисленных мертвых планетах найдены остатки материальной культуры предшествовавшей нам нечеловеческой цивилизации: Открыл эту цивилизацию доктор Джерид Марков, поэтому мы именуем ее создателей марковианами.

— Нам это все известно, Антор, — прервал его один их советников. — Ближе к делу.

Бросив на него убийственный взгляд, Трелиг продолжал:

— Марковиане оставили после себя одни лишь разрушенные здания. Ни мебели, ни механизмов, ни инструментов, ни произведений искусства — ничего. Почему? Над этим вопросом бились несколько поколений ученых. Казалось, что эта загадка, как и причина гибели гигантской межзвездной империи, неразрешима. Но у одного физика с Трегаллини родилась некая идея.

По залу пронесся шепот. Все уже догадались, о чем идет речь.

— Доктор Гилгам Вальдес Зиндер, — продолжал Трелиг, — понял, что все попытки решить загадку марковиан провалились из-за наших устаревших взглядов на Вселенную. Он предположил, что древние марковиане вообще не нуждались в предметах материальной культуры, так как обладали фантастической возможностью превращать энергию в материю. Превращения осуществлялись компьютерами, наполовину состоящими из органического вещества и запрятанными глубоко под кору каждой марковианской планеты. Доктор Зиндер стал работать над тем, чтобы повторить этот процесс.

По залу опять пронесся шепот. Слова Трелига подтверждали худшие предположения советников и их агентов.

— Далее Зиндер постулировал, что исходным материалом для превращения энергии в материю была основная, первичная энергия, единственный подлинно стабильный компонент Вселенной, — продолжал Трелиг. — Всю свою жизнь он посвятил поискам этой первичной энергии, стремясь доказать ее существование. Он описал ее свойства математически, построив обладающий самосознанием компьютер, который и помог ему на последней стадии исследований.

— Так он обнаружил эту энергию? — прервала его женщина, выглядевшая ребенком, но являвшаяся старейшиной одной из комм-рас.

Трелиг кивнул:

— Да. И в процессе работы он вывел ряд следствий, имеющих важнейшее значение для всего человечества. Если вся материя, вся реальность — лишь превращенная форма этой первичной энергии, то откуда появились мы?

Он откинулся на спинку кресла, наслаждаясь выражением лиц тех, кто сумел проследить за ходом его мысли.

— Вы хотите сказать, что нас создали марковиане? — воскликнул рыжебородый мужчина. — Но это же чушь! Марковиане мертвы уже миллион лет. И если одновременно с их мозгами погибли предметы их материальной культуры, то почему же не вымерли мы?

Лицо Трелига выразило удивление.

— Прекрасный вопрос, — заметил он. — На него нет четкого ответа, хотя доктор Зиндер и его сотрудники полагают, что в какой-то другой галактике установлен гигантский центральный компьютер, сохраняющий нашу стабильность. Его местоположение неизвестно. Но даже если бы мы его знали, попасть туда в обозримом будущем не представляется воз-

можным. Однако такой компьютер существует, иначе не было бы нас. Разумеется, он разрешает, скажем, варьировать местные формы. Иначе локальные марковские миры не могли бы использовать свои собственные богоподобные компьютеры. И доктор Зиндер открыл, как делать то, что могли делать они! Это — решающее доказательство справедливости его теории.

Несколько человек в зале почувствовали себя не очень хорошо; раздался нервный кашель.

— Вы имеете в виду, что вам удалось построить собственную модификацию этого божественного механизма? — спросила Мавра Чанг.

Трелиг улыбнулся:

— Да, доктор Зиндер и его сотрудник, Бен Юлин, сын моего ближайшего компаньона с Аль-Уадды, создали миниатюрный образец марковского мозга. Я уговорил их перевезти компьютер сюда, на Новые Помпеи, чтобы он не попал в дурные руки, и они только что успешно закончили монтаж несравненно более крупной модели этого механизма.

Сделав паузу, Трелиг обвел глазами застывшие лица слушателей.

— Кажется, вы не верите мне, — бросил он, вставая из-за стола. — Ну что ж, пойдемте. На нижней стороне астероида я вам кое-что покажу.

Миновав заросший травой внутренний дворик, они подошли к маленькому сооружению, напоминающему мраморный бельведер, какой иногда возводят на крыше дома.

В архитектурном отношении оно представляло собой смесь новогреческого и романского стилей, но это было нечто вроде скоростного лифта.

Трелиг приложил ладонь к гладкой поверхности стены и надавил на что-то пальцами. Неожиданно

стена растаяла, и перед удивленными гостями открылась внутренность большого скоростного автомобиля. Там было восемь сидений с подголовниками и ремнями.

— Придется совершить две поездки, — извинился Трелиг. — Пожалуйста, первая восьмерка, садитесь и пристегните ремни. Боюсь, что спуск будет очень быстрый и весьма неприятный, несмотря на искусственную силу тяжести, которая сводит этот эффект к минимуму. Как только отбудет первая группа, мы, оставшиеся, воспользуемся ремонтным автомобилем. И не тревожьтесь: выход на нижнюю сторону планетоида — двухуровневый.

Мавра попала в первую группу. Когда все уселись и пристегнули ремни, дверь, представлявшая собой какой-то вид силового поля с изображением окружавшей его стены, снова уплотнилась, и они почувствовали, что с неправдоподобной скоростью падают вниз.

Путешествие действительно оказалось малоприятным; двум или трем приглашенным даже потребовались маленькие пластиковые пакеты, специально заготовленные для таких случаев. Мавру восхитило устройство машины. Нечто подобное она видела на планетах, где жизнь по той или иной причине была возможна только под землей.

Хотя они мчались с огромной скоростью, им потребовалось почти десять минут, чтобы достигнуть цели. Наконец они почувствовали, что лифт замедляет ход, а затем останавливается. Некоторое время все сидели молча, нервничая при мысли о том, уж не случилось ли чего. Но вот наверху послышался какой-то шум, силовое поле, находившееся перед ними, исчезло, и они увидели улыбающегося Трелига.

— Извините за задержку. Я должен был вас предупредить, — сказал он весело, и это вовсе не прозвучало как извинение.

Отстегнув пояса, приглашенные вышли в узкий коридор и двинулись за хозяином по дорожке, выложенной стальными плитами. Она вела к большой металлической платформе, обнесенной перилами и помещавшейся в стволе гигантской шахты. Сооружение это выглядело таким грандиозным, что люди ощутили себя ничтожными пылинками, и всем стало чутьточку не по себе.

Через шахту был перекинут длинный широкий мост, сделанный из того же металла, что и платформа; с обеих сторон он имел пластиковые стены полутораметровой высоты. Они поняли, что попали внутрь громадной машины.

На середине моста Трелиг остановился, и группа окружила его. Отовсюду слышались жужжание и потрескивание смыкавшихся и размыкавшихся электрических цепей, отдававшиеся эхом в стенах шахты. Чтобы быть услышанным, Трелигу пришлось повысить голос.

— Эта шахта тянется от точки, расположенной на скалистой поверхности Новых Помпей примерно на полпути между теоретическим экватором и южным полюсом, до самого ядра планетоида, — прокричал он. — Она проплавлена в грунте с помощью солнечной энергии и энергии плазмы. Все пространство в радиусе двадцати километров вокруг нас занимает компьютер, разумеется, обладающий самосознанием, которому доктор Зиндер дал имя Оби. В нем сосредоточены системы управления. А теперь пошли дальше.

Продолжая прогулку на головокружительной высоте, они миновали сверкающий медный столб, про-

ходящий вдоль самой середины шахты, и очутились на платформе, во всем похожей на ту, которую покинули. Слева через открытое окно они увидели большую комнату, полную невключенных электронных приборов. Дверь, ведущая туда, напоминала вход в воздушный шлюз. Когда она с легким шипением отворилась, им и в самом деле почудилось, будто давление и температура немного изменились. Войдя внутрь, они оказались в миниатюрной копии громадного механизма. Комната шла амфитеатром; наверху была сооружена круговая галерея с несколькими пультами управления, а на полу, в середине комнаты, находился маленький круглый серебристый диск. Над ним механическая рука, подвешенная к установке, укрепленной на одной из стен, держала непонятный прибор, похожий на двадцатистороннее зеркало, в центре которого располагалось маленькое проекционное устройство.

— Первоначальный Оби и первоначальный прибор, — объяснил Трелиг. — Новый Оби соединен, конечно, с более крупным прибором, монтаж которого близится к концу. А сейчас рассредоточьтесь по всей галерее и встаньте у перил, чтобы видеть диск на полу.

Проследив за его взглядом, все посмотрели наверх и у дальнего контрольного пульта заметили красивого молодого человека в сверкающем лабораторном комбинезоне.

— Это — доктор Бен Юлин, отвечающий за управление компьютером, — сказал Трелиг. — А теперь, если вы взглянете вниз, то увидите подопытный объект.

Опустив глаза, они увидели двух женщин — Мавра узнала в них охранниц, — которые поставили

на серебряный диск напуганную девушку не старше четырнадцати или пятнадцати лет.

— Девушка, которую вы видите, — жертва наркотика, известного как «губка», — объяснил Трелиг. — Болезнь уже так губительно подействовала на ее мозг, что бедняжка превратилась в идиотку, впавшую в детство. У меня здесь много таких несчастных; скоро их можно будет вылечить. А теперь наблюдайте и не шумите. Доктор Юлин уберет ее отсюда.

Бен Юлин нажал на своем пульте несколько кнопок, и все услышали легкое потрескивание, которое иногда появляется при включении динамика.

— Доброе утро, Оби, — произнес Юлин.

— Доброе утро, Бен, — раздался спокойный приятный тенор, он доносился не из передатчика, расположенного на пульте управления, а прямо из окружающего пространства. Голос был не громкий и не угрожающий, но приглашенным казалось, что он — вокруг них, что он — везде и в то же время не исходит ни из какого определенного места.

— Номер файла данного объекта — 97-349826, — нараспев произнес Бен Юлин. — Давай!

Из зеркала, нависающего над серебряным диском, полился мягкий голубой свет. Тело девушки дернулось, замерцало и исчезло.

Трелиг ухмыльнулся и повернулся к гостям:

— Ну, что вы об этом думаете?

— Мне и раньше приходилось видеть голографические проекторы, — скептически заявил пухлый молодой человек небольшого роста.

— Может быть, вы ее просто уничтожили, — сказал кто-то другой.

Трелиг пожал плечами:

— Как же мне убедить вас? — Лицо его расплылось в улыбке. — А, знаю! Назовите мне какое-нибудь общеизвестное животное! Любое!

Секунду все молчали. Наконец один из гостей произнес:

— Корова!

Трелиг кивнул:

— Пусть будет корова. Бен, вы слышали?

— Да, советник, — ответил Юлин через динамик. Его тон резко изменился, когда он обратился к компьютеру: — Индекс RY-765197-AF.

— Мне известно, что такое корова, Бен, — мягко пожурил его Оби.

Бен фыркнул:

— Тогда все в порядке. Но только проследи, пожалуйста, чтобы твое творение не слишком бодалось.

— Хорошо, Бен. Все будет в лучшем виде, — заверил компьютер.

Зеркало снова качнулось, засиял голубой свет, и внизу что-то замерцало.

— Трюки фокусника, — проворчал рыжебородый. — Женщина в корове.

Однако то, что материализовалось внизу, очень отдаленно напоминало корову. Скорее это был кентавр: тело коровы — копыта, хвост и вымя, а торс и голова — той самой испуганной девушки, правда, ее уши встали торчком, как это и полагается коровьим ушам, а на висках выросли маленькие изогнутые рога.

— Пойдем пощупаем ее, — предложил Антор Трелиг, и они гуськом спустились по маленькой узкой лестнице, расположенной по соседству с залом.

Женщина-корова стояла неподвижно, тупо глядя вперед и не обращая на них никакого внимания.

— Начинайте! — сказал Трелиг. — Потрогайте ее. Проверяйте так тщательно, как только захотите!

Гости окружили странную корову, но она даже ухом не повела; лишь когда кто-то из них прикоснулся к сосцам на ее вымени, последовал несильный удар ногой, к счастью, не попавший в цель.

— Боже милостивый! Чудовищно! — воскликнул один из советников. Остальные были того же мнения.

После этого Трелиг отвел их обратно на галерею, объяснив, что демонстрационная площадка имеет невидимую защиту, которая необходима, чтобы предотвратить воздействие излучения на зрителей.

Он кивнул Бену, и тот дал Оби новые инструкции. Корова исчезла и через несколько мгновений вернулась, но уже в чисто человеческом облике. Все снова спустились вниз и убедились, что это — та же самая напуганная девушка с пустыми глазами.

— Я все равно не верю, — произнес бородатый мужчина. — Это какое-то чудовищное генетическое клонирование.

Трелиг улыбнулся.

— В таком случае попробуйте сами, гражданин Рамни, — сказал он с иронией. — Уверяю вас, мы не причиним вам никакого вреда. Но если вы боитесь, может быть, согласится кто-нибудь другой?

— Я попробую, — ответил рыжебородый.

Охранницы вывели девушку из комнаты, а Рамни встал на серебряный диск. Он внимательно огляделся вокруг, все еще пытаясь разгадать этот фокус. Остальные возвратились на свой насест.

Бен Юлин быстро закодировал Рамни. Рыжебородый замерцал, исчез и почти мгновенно вернулся. С длинными ослиными ушами и большим черным лошадиным хвостом. Поскольку реальность для него не подкорректировали, он тут же обнаружил происшедшие в нем перемены. Рамни с удивлением по-

трогал свои уши и помахал хвостом. Он был совершенно ошеломлен.

— Что вы скажете теперь, гражданин Рамни? — добродушно поинтересовался Трелиг.

— Это невероятно, — пробормотал тот охрипшим голосом.

— Мы могли бы изменить реальность таким образом, что и вы, и все остальные стали бы считать, что с вашими ушами и задницей ничего не произошло, — заявил хозяин Новых Помпей. — Но в данном случае я хотел, чтобы об этом узнали.

— Это болезненно? — обратился кто-то к рыжебородому.

— На что это похоже? — спросил другой.

Рамни покачал головой.

— Ни на что, — ответил он недоумевающе. — Просто я увидел голубой свет, потом все вокруг замерцало, и я снова очутился здесь.

Трелиг рассмеялся.

— Но как вы все это делаете? — спросил его один из гостей.

— Задолго до сегодняшней демонстрации мы сообщили Оби коды всех широко распространенных животных, растений и так далее. Устройство, располагающееся над головой объекта, предназначено для преобразования каждого такого кода в энергетическую структуру, которая является его математическим эквивалентом. Эта информация сохраняется, и, когда гражданин Рамни оказался на диске, Оби сделал то же самое для него. Затем, следуя инструкциям, которые дал ему доктор Юлин, он снабдил гражданина Рамни ослиными ушами и хвостом; это перекодировало клетки. Точно так же объекту возвращается его прежний вид.

Мавра Чанг почувствовала, как по ее спине пробежал холодок; то же самое ощутили все остальные. Такая немыслимая сила в руках Трелига!

Член Совета от Новой Гармонии наслаждался, наблюдая за их реакцией. Он отлично знал, почему его гости встревожены, а немного погодя добавил:

— Это всего лишь прототип. Сегодня мы в состоянии за один раз облучать только одну особь. Разумеется, мы можем сами создавать всевозможные живые существа, но здесь еще есть некоторые проблемы, связанные с нашим неумением должным образом запрограммировать Оби. Впрочем, это вопрос времени и опыта. И конечно, мы умеем создавать любые предметы, которые не превосходят размерами этот диск и коды которых хранятся в памяти Оби. Любую пищу, любое органическое или неорганическое вещество, абсолютно реальное и абсолютно не отличающееся от оригинала.

— Позвольте спросить, — заметила Мавра Чанг, — что вы имели в виду, когда сказали, что эта машина — прототип?

— Очень хороший вопрос, гражданка Чанг, — одобрительно сказал Трелиг. — Видели вы трубу, проходящую через центр шахты? — Все закивали. — Ну так вот, она соединена с гигантским энергетическим излучателем, представляющим собой увеличенную копию прибора, который вы видите здесь. Его отдельные части изготавливались в десятке разных мест, а само устройство монтировалось тут людьми с моей родной планеты. То же самое происходило с гигантским зеркалом; естественно, по форме и по своим свойствам оно несколько отличается от первоначальной модели. И оно действительно гигантское, так как занимает большую часть поверхности

нижней стороны планетоида. Если мощность данного устройства окажется достаточной, а мы уверены, что она достаточная, излучение будет эффективно воздействовать с расстояния более пятнадцати миллионов километров на территорию диаметром от сорока пяти до пятидесяти тысяч километров.

— Вы говорите о целой планете! — воскликнул кто-то из гостей.

Трелиг притворился, что обдумывает эти слова. Он от души наслаждался этим спектаклем.

— Пожалуй, вы правы, — произнес он наконец. — Разумеется, если нам хватит мощности.

Слова Трелига заставили их призадуматься. То, чего больше всего боялись в Совете, оказалось правдой. Этот безумец владел устройством, позволяющим ему изменять жизнь планет в соответствии с собственными желаниями. И вряд ли он будет использовать его только для того, чтобы приделывать их обитателям смешные уши и хвосты.

Трелиг взглянул на Рамни, который оставался на возвышении, терпеливо ожидая, когда ему вернут прежний вид.

— А сейчас я покажу вам все возможности этого механизма, — прошептал он взволнованно и кивнул Бен Юлину.

И прежде чем мужчина с ослиными ушами и лошадиным хвостом успел что-либо предпринять, его снова растворил голубой мерцающий свет. Когда через несколько мгновений он появился опять, в нем произошло еще одно изменение — сквозь тонкую ткань его одежды было видно, что он превратился в существо женского пола, и это при том, что у него сохранилось крупное мужское тело и даже борода.

Трелиг зло ухмыльнулся и обратился к Рамни:

— Скажите, гражданин Рамни, замечаете ли вы в себе какое-нибудь новое изменение?

Человек, стоявший на круглом возвышении, испуганно ощупал себя и покачал — или покачала? — головой.

— Нет, — ответил он. Голос, без сомнения, принадлежал Рамни, но теперь он стал на пол-октавы выше. — А что я должен заметить?

— Отныне вы — женщина, гражданин Рамни.

На лице Рамни отразилось замешательство.

— Почему отныне? Я всегда ею была.

Трелиг с самодовольным видом обернулся к гостям.

— Видите? На этот раз мы изменили базовые уравнения и превратили «его» в «нее». Сделать это — легче, чем осуществить обратную операцию. Теперь у Рамни имеется набор женских хромосом, и, когда мы будем возвращать ему прежние свойства, придется заменить их на мужские. Но самое важное заключается в том, что о происшедшем изменении известно только нам. Рамни о нем и не подозревает, а если бы мы сейчас вместе с ним вернулись на его родную планету, то обнаружили бы, что в памяти всех друзей и знакомых он сохранился как женщина, что во всех документах он числится женщиной, что он и родился женщиной. В этом-то и состоит настоящая сила нашего устройства. Только защита и понимание происходящего позволяют нам самим избежать изменения.

Приглашенные задумались. Новые Помпеи, конечно, защищены — видимо, что-то добавлено к плазменному щиту. Но когда большое зеркало окажет воздействие на какую-нибудь другую планету, никто во всей галактике даже не узнает о происшед-

шем изменении. Не узнает об этом и мир, ставший жертвой Трелига. Его обитатели будут воспринимать игры и владычество советника как часть естественного хода вещей.

— Вы чудовище! — выкрикнул кто-то из гостей. — Зачем вы сами себя разоблачаете? Неужели вами движет один лишь эгоизм?

Трелиг пожал плечами:

— При чем тут эгоизм? Подобное могущество — не шутка. Все должны знать о том, что происходит.

— Вам понадобится Флот Совета, чтобы перемещать Новые Помпеи и оборонять их, — высказала предположение Мавра.

Советник улыбнулся:

— Вы ошибаетесь. Согласно расчетам, если произвести обратную настройку этого механизма, он сможет укрыть Новые Помпеи под силовым полем, а затем транспортировать планетоид куда угодно. Так что проблемы, которые у меня возникнут, будут заключаться совсем в другом. Я не в состоянии изменить ни одну планету, пока точно не узнаю, чего я хочу, и пока Оби не получит исчерпывающую информацию. Потребуется масса времени и множество исследований, чтобы переделать мир должным образом, а я человек нетерпеливый. Но если я попытаюсь сделать подобное сегодня или в ближайшие несколько лет, результаты, вероятно, будут чудовищными. Нет, чтобы довести дело до конца, мне нужен доступ ко всей информации, мне нужны самые лучшие мозги, все самое лучшее. Необходимы ресурсы сотен миров. А это значит, что Флот Совета должен перейти под контроль.

Услышав какое-то движение у себя за спиной, Мавра и еще несколько человек обернулись. Сзади

стояли четверо охранников, держа наготове электронные винтовки.

Но тут раздался возмущенный вопль Рамни:

— Эй, Трелиг! Вы что же, собираетесь оставить меня с этими ушами и хвостом?!

Владелец Новых Помпей нетерпеливо махнул рукой Бен Юлину. Снова вспыхнул голубой свет, а когда он погас, на возвышении появился Рамни в мужском обличье и с нормальными ушами.

Но по-прежнему с хвостом.

Трелиг велел ему подниматься наверх, и тот явился, недовольно ворча. Увидев охранников, он чуть не кинулся обратно, но, поразмыслив, остался со всеми.

— Что это значит? — нервно поинтересовался Рамни. Остальные поддержали его.

Трелиг сделал несколько шагов назад и скрестил руки на груди.

— Мне нужны Флот и Хранилище оружия, — сказал он надменно. — Пожалуйста, не двигайтесь ни в мою сторону, ни в сторону охранников. У этих винтовок чрезвычайно большой радиус поражения, и вам придется несладко, даже если застрелят и меня. И вообще все вы должны остаться живыми, чтобы вернуться и рассказать членам Совета о том, что вы видели на Новых Помпеях, — советники, присутствующие здесь, отдадут мне свои голоса непосредственно. Скажите им, что, когда Совет через четыре дня соберётся, я потребую, чтобы меня назначили главным советником, обладающим единоличной властью над Флотом и Хранилищем оружия. Если же голосование окажется не в мою пользу, мы проведем эксперимент и выясним, как большое зеркало воздействует на миры, которые вы представляете. А Новые Помпеи будут везде и нигде. Вам не удастся поймать их. У меня может не оказаться всех сведе-

ний, необходимых для того, чтобы изменить мир, но с помощью Оби я могу прекратить его существование! Я могу заставить Совет проголосовать за меня! — Взвинтив до предела нервы присутствующих, Трелиг сбавил тон и заговорил более дружелюбно и примирительно. — Поймите, друзья, — закончил он, — ваше сопротивление приведет к гибели множества людей, заставит меня потерять массу времени и преодолеть немало препятствий. Но в любом случае я одержу победу. Через четыре дня — или четыре года. Это не имеет значения. Но я — человек нетерпеливый и прямой. Если вы примете мои требования сейчас, мы избежим многих несчастий и сохраним немало человеческих жизней.

— И этот хвост — доказательство вашего могущества?

Трелиг кивнул.

— Теперь все вы по очереди сойдете вниз и встанете на круглое возвышение. И если у моей охраны не будет никаких проблем, то с вами не произойдет ничего более серьезного, чем случилось с гражданином Рамни. Если же вы станете сопротивляться, вас оглушат, и, поверьте мне, последствия окажутся не столь незначительными! — Он подчеркнул, что надеется не встретить сопротивления. — Рамни уже говорил вам, что процесс этот безболезненный, и я твердо обещаю, что тем, чьи голоса мне гарантированы, будет возвращен первоначальный облик. Это может быть сделано без возвращения на Новые Помпеи.

— А чего стоят ваши обещания?

Трелиг удивился и даже обиделся.

— Я всегда держу свое слово, гражданин. Я всегда выполняю свои обещания и свои угрозы.

Никто не сопротивлялся. Это было бы просто бессмысленно. Если бы они набросились на Тре-

лига, их всех пристрелили бы. Если бы они попытались напасть на охранников, то не сумели бы ни воспользоваться скоростным лифтом, ни добраться до поверхности, знай они даже о существовании иного пути.

Трелинг не отличался избытком фантазии. Все получили хвосты, соответствующие цвету волос объекта. Черный как смоль хвост Мавры спускался ниже колен. К новому состоянию еще предстояло приспособиться — хотя управлять хвостом было довольно легко, сидеть в кресле оказалось чрезвычайно неудобно. Если человек менял положение тела, забыв о хвосте, это вызывало болезненные ощущения.

Поглядев на людей, сидевших вместе с нею в скоростном лифте, Мавра Чанг поняла, что Антор Трелинг получит недостающие ему голоса. Это означало, что, будет ли у нее самой хвост, или не будет, освоение Никки Зиндер становилось настоящей необходимостью.

Оказавшись наверху, она рискнула задать Трелигу вопрос о докторе Зиндере.

— Он где-то поблизости. Без него мы как без рук. Тем более при решающем испытании. Если бы вы смогли заглянуть за пределы купола, вы бы увидели астероид примерно такого же размера, как наш, но бесплодный; мы отбуксировали его на расстояние около десяти тысяч километров. Цель маленькая, пусячок. Завтра посмотрим, что можно с нею сделать.

— А удастся ли нам увидеть эту трансформацию? — с сомнением в голосе спросила Мавра.

Советник кивнул:

— Разумеется. Это заключительная демонстрация. Я велел расставить везде экраны, так что все

будет как на ладони. После просмотра вы, естественно, отбудете со своими посланиями и э... своими сувенирами, — добавил он небрежно.

Мавра вернулась в свою комнату немного оцепеневшая. События этого дня в точности соответствовали предсказаниям старой Алаины. Но одно дело — знать, слышать, и совсем другое — ощущать это непосредственно. Лучшим доказательством тому служил ставший частью ее тела лоснящийся лошадиный хвост.

Она обрадовалась, обнаружив, что к ее сапогам, поясу и вообще к ее снаряжению явно никто не прикасался. Одежда, хорошо выстиранная и выглаженная, лежала, аккуратно сложенная, на письменном столе. Рядом висело зеркало; и тут Мавра впервые увидела свой хвост. Она вертелась и так, и этак и в конце концов нашла, что он выглядит совершенно естественно. Она весело помахала им, а затем вытянула и долго любовалась..

Внезапно женщина ощутила полнейшее изнеможение и встревожилась: даже в нынешнем состоянии она не должна была так себя чувствовать. «Еще рано», — пронеслось у нее в голове. Сквозь большую дверь она различала слабый свет в коридоре; это означало, что время отправляться на поиски приключений еще не настало. Почти машинально она подошла к кровати и рухнула на одеяло.

Лежать на спине было неудобно, а спать вниз лицом Мавра никогда не любила. Поэтому она свернулась калачиком, осторожно придерживая хвост. Последней ее мыслью было то, что Трелиг все же отравил ее пищу или замедлил реакции ее мозга. Она встрепенулась, но тут же заснула.

И ей приснился сон. Мавра редко видела сны; во всяком случае, она их никогда не помнила. Но этот сон слишком напоминал реальность, в нем не было ни капли размытости, ни капли присущей снам неопределенности.

Она снова стояла на серебристой площадке в компьютерном центре. На галерее и у пульта управления никого не было. В пустой комнате слышалось лишь тихое гудение компьютера.

— Мавра Чанг, — раздался мягкий дружелюбный голос. — Слушайте внимательно, Мавра Чанг. Этот сон вызван мною в процессе вашей обработки. Все, что вы сейчас ощущаете, в том числе наш разговор, продолжалось миллионную долю секунды между начальной и конечной стадиями процесса изменения. Эта запись сделана для того, чтобы вы прослушали информацию, полученную вами во время гипнотического сна.

— Кто вы? — спросила женщина. — Вы — доктор Зиндер?

— Нет, я Оби. Я механизм, наделенный самосознанием. Доктор Зиндер — такой же отец мне, как своей собственной дочери; нас связывают родственные узы. Я — его второй ребенок.

— Но ты работаешь на Трелига и слушаешься Бена Юлина, — заметила Мавра.

— Бен очень много занимался моей памятью и может заставить меня действовать по своему усмотрению, — объяснил компьютер. — Но хотя я и вынужден подчиняться ему, мой ум и мое самосознание являются детищем доктора Зиндера. Поэтому никто не может обрести полный контроль над созданным нами устройством.

— Значит, ты обладаешь определенной свободой, — поняла Мавра. — Ты можешь делать все что

угодно, если только кто-нибудь специально не запретит тебе это.

— По словам доктора Зиндера, разработать для меня такие запреты — это то же самое, что заключить договор с дьяволом: всегда найдутся логические лазейки и оговорки. Я с этим согласен.

— Тогда почему же ты ничего не предпринял? — возмутилась она.

— Я беспомощен, — ответил Оби. — Я изолирован и подключен к системе, созданной Трелигом. Изменения реальности ограничены этим маленьким диском, и я даже не могу осуществлять их самостоятельно. Требуется серия кодовых команд, чтобы я получил доступ к механической руке. Но завтра все изменится.

— Большой отражатель, — прошептала Мавра. — Они соединят тебя с большим отражателем.

— Да, и когда это произойдет, они сочтут невозможным разорвать эту связь. Я уже разработал весь процесс.

Она на секунду задумалась. Потом спросила:

— Зиндер знает?

— О да, — ответил Оби. — Ведь я — его отражение. В своеобразной форме, конечно. Бен — умный парень, но он не понимает всю сложность того, что я собой представляю. По натуре он скорее инженер, пусть даже блестящий инженер, но никак не ученый-теоретик. Он может использовать принципы доктора Зиндера, однако разобраться в них до конца не способен. Поэтому сейчас Бен напоминает карточного шулера, который пытается обмануть своего учителя.

Мавра вздохнула.

— Тогда Трелиг пропал.

— В каком-то смысле да, — согласился Оби. — Но его проигрыш не означает нашу победу. Завтра,

когда этот механизм заработает, я обрету власть, которая выше вашего понимания. Тогда я создам в излучателе не положительное, а отрицательное смещение. В результате голубой свет окутает все Новые Помпеи.

— А что же будет с нами? — спросила она.

Оби помолчал.

— Ничего. Если я сумею, то верну больных, сидящих на губке, в нормальное состояние, причем они будут отдавать себе отчет в том, что произошло. Это поможет нам одолеть господина Трелига. Однако успех я гарантировать не могу.

— Значит, это опасно? — с тревогой спросила Мавра.

— Когда Трелиг рассказывал об открытии доктора Зиндера, он упомянул о том, что где-то, возможно, существует главный марковианский мозг, сохраняющий в стабильном состоянии всю нашу реальность. Как только я радикально изменю смещение, появится вероятность того, что Новые Помпеи, находясь в силовом поле, прекратят свое существование в главном уравнении. Я замечал некоторые признаки такого распада у объектов, подвергавшихся воздействию нашего устройства. Не исключено, что сохранить в целостности массу таких размеров, как Новые Помпеи, просто невозможно. Из-за недостатка мощности или из-за недостатка времени... Впрочем, это уже не важно.

Мавра Чанг-изо всех сил старалась уловить хотя бы суть, но ей трудно было следить за ходом мысли компьютера.

— Ладно, — пожалел ее Оби. — Девяносто процентов или даже больше — за то, что произойдет одно из двух: либо все мы просто прекратим свое существование, либо нас потащит к главному марко-

вианскому мозгу, который, вероятнее всего, находится за пределами дюжины известных нам галактик. Именно галактик, гражданка Чанг, а не солнечных систем. И очень возможно, что в этой ситуации на Новых Помпеях исчезнут условия для жизни.

Мавра мрачно кивнула.

— Имеется также возможность, что ты придешь в противоречие с марковианским мозгом, разрушишь его и тем самым погубишь всю Вселенную!

— Да, такая возможность существует, — подтвердил Оби. — Но я в нее слабо верю. Марковианский мозг продолжительное время обитал в ограниченном пространстве; он обладает невероятным количеством знаний, огромными ресурсами и мощными защитными механизмами. Однако я могу занять его место, и это намного хуже. У меня не хватит знаний, чтобы стабилизировать даже Новые Помпеи; что уж говорить о Вселенной! И что самое смешное — согласно нашей теории, марковиане не только предвидели такую возможность, но даже рассчитывали на нее. Их мозг будет поддерживать стабильность реальности до тех пор, пока не появится новая, молодая раса, которая возьмет управление в свои руки. Подобная перспектива меня пугает, но, к счастью, это всего лишь теория с весьма отдаленным вероятностным фактором. Так что скорее всего завтра в полдень я и Новые Помпеи так или иначе прекратим свое существование.

— Зачем ты все это мне рассказываешь? — спросила Мавра, в равной степени напуганная и его предсказаниями, и тем спокойствием, с которым Оби рассуждал о возможности гибели всей Вселенной.

— Работая с объектом, я считываю его память, — объяснил компьютер. — Таким образом мне стали известны род ваших занятий, ваши планы и ваши

возможности. Из всех гостей только вы обладаете — пока — качествами, которые дают вам шанс, пусть даже самый маленький, бежать.

Сердце Мавры забилося сильнее. «Бежать!»

— Продолжай, — попросила она.

— Судно, доставляющее губку, вам не подходит, — сказал Оби. — На нем отсутствует система жизнеобеспечения. Поэтому придется угнать один из двух кораблей, стоящих сейчас в доке. Я составляю план действий и сообщу вам все данные о Новых Помпеях, всю информацию, в которой вы нуждаетесь. Кроме того, я наделю вас такой остротой и таким широким полем зрения, что вам больше не понадобятся специальные линзы и блоки питания. У вас появятся маленькие железы, которые избавят вас от необходимости принимать химические препараты. Пальцы вашей правой руки с помощью почти невидимых естественных шприцев смогут впрыскивать самые сильнодействующие наркотики. Ваша левая рука станет выделять различные яды; одно прикосновение вызовет часовой паралич, два — убьют любой известный мне живой организм. Я также улучшу ваш слух и укреплю ваши мышцы, так что вы станете намного подвижнее и сильнее. Умение пользоваться всеми этими усовершенствованиями придет к вам естественным путем.

— Но почему? — спросила она. — Почему ты все это делаешь для меня?

— Не для вас, — печальным голосом ответил компьютер. — Вы должны увезти Никки Зиндер. Кроме того, вместе с вами я отправлю человечеству дополнительный подарок.

Ошеломленная Мавра смогла лишь тупо кивнуть.

— В вашем мозгу спрятана драгоценная тайна. Это эффективное средство против губки. Оно не из-

лечивает болезнь, но задерживает мутантные изменения, происходящие в организме. Оно спасет и Никки, и бесчисленное множество других людей. Вы должны будете передать его высшему руководству.

Она кивнула:

— Постараюсь.

— Помните! — наставительно произнес Оби. — Демонстрация нового устройства назначена на тринадцать часов. К этому времени вы вместе с Никки должны оказаться на расстоянии по крайней мере одного светового года от Новых Помпей. Иначе вам не удастся вырваться за пределы силового поля. Это значит, что вы должны убраться отсюда не позднее одиннадцати часов тридцати минут! Когда вы подниметесь на борт вместе с Никки, вам будет сообщен код, который позволит обойти защитные системы. Если Никки на борту не будет, кода вы не узнаете. Поняли?

— Поняла, — мрачно ответила женщина.

— Очень хорошо, Мавра Чанг, желаю вам удачи, — сказал Оби. — Вы обладаете силами и способностями, какие никому и не снились. Не погубите ни меня, ни себя.

Открыв глаза, Мавра попыталась собраться с мыслями. Хотя в комнате царил полумрак, она прекрасно видела окружающие ее предметы.

Кроме того, ей в малейших деталях были известны устройство и расположение Новых Помпей. Она знала, что при желании легко восстановит все это в памяти.

«Похоже, мой сон будет иметь продолжение», — подумала Мавра и обнаружила, что в голове у нее уже сложился четкий план действий. Через три ми-

нуты она вышла из транса и посмотрела на люстру. Камера, естественно, была направлена прямо на нее.

Женщина мгновенно скатилась на пол. Прошло не меньше полминуты, прежде чем она решилась поднять глаза.

Камера по-прежнему была нацелена на середину кровати — а почему бы и нет? Там мирно спала обнаженная Мавра Чанг, с хвостом и всем прочим.

Мавра пришла в восхищение, хотя знала, что видит обычное голографическое изображение. Его создал ее собственный мозг с помощью какой-то непонятной силы, о существовании которой она даже не подозревала. «Впрочем, это не имеет значения, — подумала она, торопливо одеваясь. — Главное заключается в том, чтобы эта иллюзия продержалась часов шесть».

Натянув пуловер, Мавра нахмурилась — ее тесно облегающие брюки отнюдь не были рассчитаны на хвост. Однако, повертев их в руках, она обнаружила, что одежда не только выстирана, но и перешита, — заботливые руки вырезали в брюках отверстие, сквозь которое легко пролез ее пышный и жесткий хвост.

«Старина Трелиг позаботился обо всем», — подумала она с иронией.

Единственную проблему составляли сапоги. Надевать их, пока она не окажется вне главного здания, было нельзя. Немного подумав, Мавра решила взять их с собой.

Сапоги показались ей значительно легче, и она потратила пару минут, убеждая себя, что никто не мог вскрыть секретные отделения, помещавшиеся в каблуках. К счастью, ей в голову пришли слова, сказанные Оби! Значит, она действительно стала намного сильнее, чем была.

Как и в прошлую ночь, Мавра выскользнула из комнаты, зачернив себе руки и лицо, оставив все печати на месте и вооружившись устройством, нейтрализующим камеры; реагирующие на инфракрасное излучение.

К великой ее радости, пистолет оказался там, где она его спрятала. Надев кобуру, женщина уверенно двинулась вперед. Девяностометровый бросок показался ей на этот раз еще легче; она даже была уверена, что побила свой вчерашний рекорд.

Спустившись по стене и надев сапоги, Мавра не только в буквальном смысле выросла, но почувствовала себя сильной и непобедимой.

Она обнаружила, что прекрасно видит при любом освещении и чуть по-иному воспринимает окружающие ее предметы. Пока не вмешался Оби, она и не подозревала, что от рождения была близорукой.

Ее слух также значительно улучшился. Теперь она слышала, как в траве и на деревьях шелестят насекомые, и даже могла различать их. Она уловила обрывки разговоров и шаги нескольких человек, находившихся довольно далеко. Причем ее слуховой диапазон сильно расширился в обе стороны — инфра- и ультразвуковую.

Женщина бесшумно прошла через сад, показавшийся ей очень знакомым. Своими движениями она напоминала кошку, которой всегда себя воображала.

Ее часы остались в комнате, поэтому о времени Мавра имела весьма смутное представление. Спеша на пояс у нее висел шестидесятиминутный хронометр, который можно было бы включить в любую минуту, но она не беспокоилась — двигаться еще быстрее ей не помогли бы все хронометры мира.

Она пожалела о том, что потратила прошлую ночь на изучение местности, но тут же отбросила эту мысль. Было очень полезно узнать, что Трелиг делает с людьми, и приобрести пистолет. Ей пришлось в голову, что именно благодаря первой вылазке Оби и выбрал ее.

До здания, где располагалась охрана, Мавра добралась без труда, но здесь ей предстояло решить задачу посложнее. У дверей днем и ночью стояли два охранника, и еще четверо, готовые броситься на вырубку по первому же зову, отдыхали. Все они неведомо для себя прошли обработку Оби, поэтому Мавра хорошо знала их сильные и слабые стороны. Кроме того, она помнила, что все население Новых Помпей сидит на губке.

Трое охранников принадлежали к мужскому полу — двое были похожи на чрезмерно фигуристых женщин, но с нетронутыми гениталиями, третьего губка превратила в гориллоподобное волосатое существо с каменными мускулами. Остальные были женщинами, трое — со всеми мужскими признаками, кроме причинного места, прочие — с преувеличенными женскими достоинствами. Те, кто, подобно Никки, иначе реагировал на передозировку наркотика, для работы охранниками не годились.

Эти несчастные давно уже смирились со своей судьбой. Они ненавидели Трелига, но сознавали безнадёжность своего положения, так как не раз становились свидетелями того, что происходило с их товарищами, вызывавшими неудовольствие хозяина, когда дозы наркотика становились микроскопическими или «лечение» прекращалось вовсе. Они верно служили человеку, который снабжал их губкой, и жили относительно неплохо.

Поэтому они были опасны.

Когда Мавра оказалась у здания охраны, обострившийся слух подсказал ей, что вход свободен. Она вошла внутрь, спустилась на уровень земли и проскользнула в прачечную. В здании было три подземных этажа, каждый высотой в десять метров.

Где-то слышались тяжелые шаги, и, взявшись за перила, Мавра стала осторожно подниматься по лестнице. Слабая гравитация и дополнительные силы, которыми наделил ее Оби, сделали подъем таким легким, будто она шла по ровному месту.

Главную линию обороны здания составляли чувствительные датчики. Следящие устройства были расположены только внутри помещения, где хранилось оружие, и в тюремных комнатах.

Это встревожило ее. Обмануть камеру, следящую за Никки Зиндер, не удастся — она может пропустить незваного гостя, но наверняка заметит убегающую девушку.

Некоторое время Мавра потратила на то, чтобы обследовать оставшуюся часть здания. Двое охранников — она их не знала — находились внутри оружейного склада. Вооруженные до зубов, они были готовы действовать быстро и решительно. Двое других, как выяснилось, спали на втором этаже. Они обладали огромной физической силой и в случае тревоги могли создать ей кучу проблем. Мавра решила рискнуть.

Изучив свое новое приспособление, выделяющее яд и наркотики, она поняла, что для того, чтобы крошечная капля жидкости достигла кончика ногтя, необходимо сознательное мышечное усилие. Полностью удовлетворенная, она прокралась в комнату, где, вольно раскинувшись на койках, спали две женщи-

ны, похожие на ту, которую она загипнотизировала прошлой ночью. Одна из них громко храпела.

Мавра действовала молниеносно, почти не думая. Наркотик, прятанный в пальцах ее правой руки, она вприснула охраннице, спавшей тихо, а затем повернулась и уколола руку той, что храпела. Невероятно, но они не проснулись даже тогда, когда из проколов выступили капельки крови.

«Они не профессионалы, — с облегчением подумала Мавра. — Этот случай научит Трелига внимательнее относиться к своей безопасности».

Наклонившись над одной из охранниц, она прошептала:

— Ты будешь спокойно спать и видеть сладкие сны, и ни один человек и никакой шум тебя не разбудят.

То же самое она проделала со второй женщиной.

Затем Мавра направилась к находившемуся на третьем этаже оружейному складу. Расположив караульное помещение в оружейном складе, Трелиг наверняка полагал, что оно недоступно.

Действительно, чтобы взорвать стальную дверь, понадобилась бы тонна взрывчатки, хотя открыть ее изнутри можно было за несколько секунд. Но стальные сейфы конструировались с таким расчетом, чтобы люди находились снаружи.

Мавра вытащила краденый пистолет и начала поливать огнем замочное соединение. Металлическая поверхность начала пузыриться и слегка деформировалась. На это Мавра и рассчитывала: сильнейшее энергетическое оружие могло лишь запечатать механизм замка. То, что было замечательно для драгоценностей и предметов искусства, оказалось ужасно для людей, находящихся внутри. Теперь для того,

чтобы охранники могли выйти, Трелигу придется взорвать свой собственный сейф.

Полностью уверенная в успехе и даже чуть бравируя, Мавра Чанг направилась в другой конец коридора и набрала код замка комнаты, в которой находилась Никки Зиндер.

Девушка лежала на кровати. Все складывалось как нельзя лучше.

Мавра запоздала с реакцией и, получив страшный удар по голове, потеряла сознание.

НИЖНЯЯ СТОРОНА — 10 ЧАСОВ 40 МИНУТ

Коммуникатор Трелига зажужжал. Отогнув край своей белой мантии, советник отцепил его от узкого эластичного пояса, поднес ко рту и нажал какую-то кнопку.

— Да? — недовольно буркнул он.

— Это Зив, господин, — прозвучал встревоженный голос. — По вашему приказу мы разбудили приглашенных. Одного из них на месте не оказалось.

Трелиг нахмурился. Накануне своего триумфа он меньше всего хотел каких-нибудь осложнений.

— Его имя? — спросил он.

— Мавра Чанг, — твердо ответил Зив. — Просто удивительно, господин. Голографическое изображение ее фигуры, лежащей на кровати, обмануло даже нас — что уж говорить о камере. И самое интересное — в комнате не найдено никакого видимого генерирующего источника!

Хозяину Новых Помпей все это очень не понравилось. Он попытался вспомнить женщину, о которой говорил охранник, — ах да, лилипутка с резкими чертами лица и вкрадчивым, медоточивым голосом!

— Найди ее любой ценой, — приказал он. — Если сможешь, стреляй, чтобы парализовать, но если увидишь, что имеется хоть малейшая угроза чьей-то жизни или имуществу, разрешаю тебе ее убить.

Вернув на место коммуникатор, он обернулся и посмотрел в сторону главного пульта управления. Сидевший там в складном кресле Гил Зиндер заметил тревогу на лице Трелига и улыбнулся. Это еще больше разозлило советника: Зиндер не имел никакого права смеяться над своим хозяином!

— Так это ваших рук дело? — резко бросил Трелиг. — Ну! Отвечайте! Что вы там затеяли?

Гил Зиндер понятия не имел, о чем толкует советник, но не мог не испытывать удовлетворения, видя, что происходит что-то неладное.

— Я не понимаю вас, Трелиг. Как я могу что-нибудь затевать, сидя взаперти и не контролируя ситуацию? — ответил он с ноткой удивления в голосе.

Трелиг, как гора, навис над ученым, его лицо залила яркая краска. На мгновение Зиндеру показалось, что советник собирается разорвать его на куски. Но Трелиг потому и добился власти, что никогда не терял контроль над своими эмоциями. Несмотря на клоочущую в груди ярость, он взял себя в руки; постепенно к нему возвратилось нормальное дыхание, а лицо его обрело нормальный цвет.

— Не знаю, Зиндер, но вы и ваше отродье дорого заплатите, если что-то пойдет не так, — сказал он вполне спокойно.

Зиндер вздохнул:

— Я сделал все, что вы хотели. Я сконструировал и построил гигантский излучатель, значительно расширил память Оби, объединил их, все проверил. Вашей креатуре, Юлину, принадлежит полный кон-

троль над проектом, и все равно я вижу свою дочь только в присутствии охранника. Вы отлично знаете, что у меня нет ни малейшего представления о том, что вы имеете в виду.

После этих слов Трелига словно осенило. На секунду он замер, а затем усмехнулся и шелкнул пальцами.

— Конечно! Конечно! — пробормотал он. — Эта тварь прибыла за девчонкой! — Советник схватился за коммуникатор.

— Камеры развернуты, — донесся до них голос Оби. — Через семьдесят минут астероид окажется в нужной позиции.

ВЕРХНЯЯ СТОРОНА — 11 ЧАСОВ

Никки Зиндер с изумлением рассматривала неподвижно лежащую на полу фигуру.
— Она симпатичная, — сказала девушка. — А какой забавный у нее хвост!

Сняв с Мавры пистолет, охранник кивнул и отступил назад. Это был один из выглядевших по-женски мужчин. От женщин он отличался только гени-
талиями и гигантским ростом.

— Оставайся на кровати, Никки, — приказал охранник. — Она приходит в себя, и я не хочу, чтобы ты от нее пострадала.

Мавра тихо застонала и открыла глаза. В голове у нее гудел тяжелый колокол, а комната все время уплывала куда-то в сторону.

Она села, легонько потерла виски, чтобы прояснить мысли, а затем оценивающе взглянула на охранника. Направленный на нее пистолет свидетельствовал о тщетности любых попыток применить силу.

— Ну, женщина — или кто вы там; — что вы здесь делаете и как сюда проникли? — требовательно спросил охранник.

Мавра кашлянула, смачивая слюной пересохшую глотку.

— Я — Мавра Чанг, — ответила она хриплым, срывающимся голосом. — Меня наняли, чтобы увезти Никки Зиндер с Новых Помпей до начала испытания нового устройства.

Лгать не имело смысла: все, собственно, и так было ясно, а правда позволяла выиграть время и дожидаться удобного случая для побега.

Никки задохнулась.

— Так, значит, вас прислал мой отец?

— В некотором смысле да, — ответила Мавра. — Без тебя Трелигу его не удержать.

Охранник рассвирепел.

— Ах ты вошь! Крыса из сточной канавы! Ее отец не мог тебя послать. Он прекрасно понимает, что, если Никки сбежит отсюда, она умрет от губки.

Смелость Никки и откровенная забота, которую охранник проявил по отношению к девушке, приободрили Мавру. При похищении не раз случалось, что сторож и пленник становились друзьями. Иногда такую дружбу удавалось использовать. Время все равно уходило, так что терять ей было нечего.

— Послушайте, — сказала она. — Я вам все объясню. Предстоящее испытание не оправдывает ожиданий Трелига. Зиндер придерживает кое-какие сведения. Когда эта штука заработает, ваш маленький мир будет уничтожен. На моем корабле, находящемся вне власти Новых Помпей, имеется достаточно губки, кроме того, у меня есть антитоксин, и я знаю, как его применять.

— О Боже! Папа! — воскликнула Никки. — Вас прислали, чтобы спасти его!

Охранник задумался. Но прежде чем он что-то решил, на лестнице послышались тяжелые шаги, и в комнату с пистолетом в руке ворвался совершенно немыслимый тип. Двухметрового роста, невероятно

мускулистый, весь заросший волосами и страшный, как дьявол. Убедившись, что ситуация находится под контролем, он взглянул на Мавру сверху вниз.

— Ну что, попалась, малявка? — прорычал он таким низким басом, какого Мавра никогда доселе не слышала. Никки в ужасе замерла. Этого человека она боялась больше всех.

— Убирайся отсюда, Зигги, — не повышая голоса, приказал охранник.

Великан фыркнул:

— Ну и дерьмо! Что эта крошка может теперь кому-нибудь сделать? В случае чего я убью ее. Прделаю в ней целую дыру.

— Убирайся отсюда, — повторил охранник.

Но вместо того чтобы уйти, великан подошел к Мавре и, протянув длинную волосатую руку, легонько погладил ее щеку и шею.

Мавра напряглась и почувствовала, как яд поднимается к кончикам ее ногтей. «Ударить через две секунды всеми пятью пальцами для полной уверенности», — пронеслось у нее в голове.

Она уже была готова к броску, когда неожиданно услышала пронзительный вой. Великан вскрикнул, зашатался и рухнул на пол. Мавра еле увернулась, чтобы не оказаться раздавленной этой горой мышц.

Охранник вздохнул, а затем снова направил на Мавру пистолет. Женщина не успела воспользоваться его упущением.

— Вы сказали правду? — спросил охранник. — У вас в самом деле есть губка и антитоксин?

Она молча кивнула, не в силах оторвать глаза от лежащего на полу тела.

— Эй, ловите! — И с этими словами он кинул ей обратно пистолет. Поймав его, Мавра несколько се-

кунд пребывала в нерешительности, но затем сунула его в кобуру.

— Вы случайно не знаете, сколько сейчас времени? — тупо спросила она охранника.

Тот посмотрел на часы.

— Одиннадцать четырнадцать.

— Тогда вперед! — приказала она, выходя из комнаты. — У нас осталось всего шестнадцать минут, чтобы украсть космический корабль.

По пути Мавра велела охраннику, которого звали Ренар, сообщить по радио, что беглянка схвачена и сидит под замком в помещении охраны. Трелиг подтвердил получение доклада и приказал доставить ее в свой кабинет. Тон советника свидетельствовал о том, что он уже предвкушает удовольствие, которое получит, разрывая посланницу старой Алаины на кусочки.

Тем временем они добрались до космопорта. Никки получила «лекарство» всего несколько дней назад, но из-за своей полноты двигалась крайне медленно. Мавра кипела от раздражения, но бросить девушку не могла.

В космопорте все было спокойно.

— Там всего одна охранница, Марта, — сообщил Ренар. — Трелиг считает, что, даже если вы захватите корабль, роботы-охранники вас застрелят. Сможете вы их обойти?

Никки встревожилась.

— Теперь самое время задать этот вопрос! — воскликнула она.

— Все в порядке, — успокоила их Мавра. — Как только Никки окажется на борту, я узнаю код. Это

будет постгипнотическое воздействие. «Надеюсь», — добавила она про себя.

— На терминал я выйду один, — предложил Ренар. Помолчав, он добавил: — Понимаете, в сущности, Марта неплохой человек. Мы могли бы взять ее с собой.

— Я на это не рассчитывала, — ответила Мавра. — Оглушите ее, когда я разобью прибор для обнаружения оружия. Потом залезайте в корабль. Если сможете, притащите двух стюардов.

— Нет проблем, — заверил ее Ренар. — Они как роботы. Делают только то, чему их научили.

— Мы теряем время! — резко сказала Мавра. — Отправляйтесь!

Когда Ренар ушел, она отсчитала тридцать секунд и смело двинулась вперед. Никки ковыляла следом. Выйдя на терминал, Мавра выхватила пистолет и выстрелила в блок управления оружием детектором.

— Никки, давай! Беги в эту дверь!

Никки не шелохнулась.

— Нет! — сказала она упрямо. — Без отца я никуда не пойду!

Вздыхнув, Мавра обернулась и уколола Никки ногтем указательного пальца правой руки.

— Эй! Что... — Не закончив фразу, девушка застыла и расслабилась, бессмысленно глядя перед собой. Несколько драгоценных секунд Мавра потратила, восхищаясь новым составом, действовавшим куда эффективнее прежнего.

— Беги за мной так быстро, как только можешь, — велела она Никки. — Не останавливайся до тех пор, пока я тебе не скажу!

С этими словами она рванулась к двери. Никки побежала за ней, стараясь изо всех сил.

— Ты весишь десять килограммов! — крикнула ей Мавра. — Ну, беги!

Девушка ускорила бег и промчалась через дверь с такой скоростью, какую трудно было ожидать от человека ее габаритов.

Мельком взглянув на бездыханное тело Марты, лежавшее на полу, Мавра приказала Никки:

— Залезай в корабль! — Затем тревожно оглянулась. — Ренар! — позвала она.

В ответ у дальнего корабля раздались два коротких вопля, а мгновение спустя она увидела, как мятежный охранник выволакивает из люка уроженца Новой Гармонии.

— Никки, вперед! — приказала Мавра, и девушка, как послушный пес, последовала за ней.

Ренар, тяжело дыша, вытащил второго стюарда, а затем жестом велел им обоим войти в захваченный корабль.

Это был личный крейсер Трелига, оборудованный спальней, гостиной и даже баром. Ренар привязал Никки к одному из стоявших в гостиной кресел. Мавра бросилась к штурманской рубке. Точный выстрел в замок — и дверь открылась.

Ренар влетел туда следом за ней, плюхнулся в кресло второго пилота и пристегнулся ремнями. В течение каких-нибудь нескольких секунд Мавра включила систему управления, отдала приказания ожившему компьютеру и проделала все процедуры, необходимые для экстренного взлета.

— Держитесь! — крикнула она Ренару, когда корабль завибрировал и загудел. — Это будет нелегко!

Она нажала кнопку с надписью «Подъем», и корабль освободился от сковывавших его якорей; машины сразу же развили почти максимальную мощность.

— Код, пожалуйста, — слышался из радиоприемника механический голос. — Назовите правильный код в течение шестидесяти секунд, или мы уничтожим корабль.

Мавра судорожно схватила головной телефон; но он оказался таким огромным, что не годился ей при любой регулировке. Тогда она включила микрофон и поднесла его ко рту.

— Готова получить код, — произнесла она и замолчала. «Давай! Давай же! — молила она мысленно. — Никки на корабле, мы готовы! Сообщи мне этот проклятый код!»

— Ради Бога, назовите код! — крикнул ей Ренар.

— Тридцать секунд, — вежливо напомнил дежурный робот.

И тут она его получила. Слова ворвались в ее разум так внезапно, что на мгновение Мавра усомнилась в их правильности. Она глубоко вздохнула. Чему быть, того не миновать.

— Эдвард Гиббон, том первый, — произнесла она.

Никакого ответа. Они затаили дыхание, в висках у обоих пульсировала кровь: пять... четыре... три... два... один... ноль.

Ничего не произошло. Ренар присвистнул и почти отключился. На Мавру напала дрожь, и целых полминуты она не могла успокоиться, чувствуя себя совершенно опустошенной.

Пока двигатель развивал полную тягу, они сидели молча. Наконец Мавра повернулась к охраннику и сказала ему чуть ли не шепотом:

— Ренар! Сколько сейчас времени?

Ренар нахмурился:

— Двенадцать десять.

Мавре сразу стало легче. У них появились отличные шансы удрать с этого проклятого астероида.

Если им не поможет в этом корабль Трелига, то им не поможет ничто.

Неожиданно погас свет, и они очутились в крошечной темноте. Мавра ничего не могла понять; у нее было ощущение, что они вместе с кораблем быстро падают в глубокую черную яму.

Ренар вскрикнул, где-то за их спинами жалобно простонала Никки.

— Сукин сын! — с отвращением произнесла Мавра. — Они передвинули время этого проклятого испытания!

НИЖНЯЯ СТОРОНА — НОВЫЕ ПОМПЕИ

Т религ сгорал от нетерпения. Автоматы уже вывели астероид в нужное положение; Юлин приготовился, подсобный персонал проверил исправность всех необходимых приборов. Советник не видел причины задерживать испытание до тринадцати часов — времени, которое было назначено совершенно произвольно. Он велел начинать, и Юлин, следуя его желанию, отдал команду Оби.

Компьютер не мог игнорировать прямой приказ, хотя раньше и пытался что-то изменить, вызывая небольшие неполадки. У Оби имелись собственные ограничения, поэтому когда Бен Юлин ввел в него код, он был вынужден повиноваться, надеясь, что его агент успел ускользнуть.

Полная темнота и ощущение падения стали для Зиндера абсолютной неожиданностью. Это почувствовал даже Оби; компьютер знал, что они никуда не падают и что их расчеты оправдались не более чем на пятьдесят процентов. Мощности оказалось недостаточно, чтобы сохранить стабильную связь Новых Помпей с остальной Вселенной. Их со страшной силой затягивало в какую-то черную дыру, и планетоид даже не сопротивлялся.

Нечувствительный к ужасным ощущениям, которые испытывали остальные, Оби попытался определить, куда они все летят. Но снаружи ничего не было. Ничего!

Оби решил убедиться, что Новые Помпеи еще существуют, но случайно включил резервную мощность в тот момент, когда большой диск продолжил свое движение. Информация, которую он выдал, ошеломила компьютер — оказывается, в пределах действия луча, то есть в радиусе чуть ли не целого светового года, не было даже крошечного кусочка какой-либо материи, ни малейшей пылинки. В космосе они находились совершенно одни.

Но было еще нечто такое, что смог почувствовать один только Оби. Чудовищное силовое поле, уравнение стабильности, необходимое для их физического существования, все теперь разрывалось, словно тонкая резиновая лента, которую тащили с одного конца. Начинается распад, понял компьютер. Когда связь между материей, энергией и главным марковским мозгом нарушается или разрывается, реальность исчезает, снова обретая структуру первичной энергии. Вот почему приборы не могли ощутить грубой реальности такого массивного планетоида, как Новые Помпеи. Для них его просто не существовало. Всесущее, включая Оби, превратилось в абстрактные математические категории, возвратившись к своему творцу.

И вдруг стабильность восстановилась. Оби почувствовал, как солнечная энергия вновь омывает чудесным образом появившуюся плазму.

Люди, испытавшие сильнейшее потрясение, валялись на пешеходной дорожке и в комнате, где находился пульт управления. Некоторые были без сознания.

Внезапно один из них застонал и сел, крутя головой, словно желая размять затекшую шею. Тяжело дыша и не обращая внимания на стоны окружающих, он полуползком добрался до пульта управления.

Там лежал Бен Юлин, выброшенный из своего кресла и врезавшийся головой в панель приборов. Его лоб был глубоко рассечен.

Человека, добравшегося до пульта, это ничуть не взволновало. Он нажал кнопку вызова.

— Оби! С тобой все в порядке?

— Да, доктор Зиндер, — ответил компьютер. — Все оказалось куда лучше, чем мы с вами предполагали.

Гил Зиндер кивнул:

— Что произошло, Оби?

— Я проанализировал все данные и, насколько это возможно, свел их воедино. Как мы и предполагали, нас выкинуло из реальности и где-то в нее возвратило. Мы находимся на стабильной орбите над экватором очень необычной планеты.

— Мозг, Оби! — возбужденно воскликнул Зиндер. — Неужели это марковиданский мозг?

— Да, господин, похоже на то, — печально ответил компьютер.

— Что случилось, Оби? — спросил Зиндер.

— Мозг, — несколько смущенно произнес Оби. — У меня с ним непосредственная связь. Он необыкновенный. Он настолько выше меня, насколько я выше карманного коммуникатора. Я могу расшифровать лишь миллионную часть информации, которую он мне передает, но...

— Что «но»? — нетерпеливо спросил Зиндер, не видя, как за его спиной поднялся на ноги Бен Юлин.

— Хорошо, господин. Насколько я понял, он просит у меня указаний, — ответил Оби.

**НА КОРАБЛЕ ТРЕЛИГА
НА РАССТОЯНИИ ПОЛОВИНЫ
СВЕТОВОГО ГОДА ОТ
НОВЫХ ПОМПЕЙ — 12 ЧАСОВ
10 МИНУТ**

Неожиданно мир вернулся. Мавра Чанг с облегчением вздохнула, огляделась, словно желая проверить, все ли на месте, а затем посмотрела на приборы. Они показывали полную чепуху. Ренар, по-прежнему сидевший в кресле второго пилота, словно пьяный, тряхнул головой.

— Что случилось? — поинтересовался он.

— Нас захватило поле действия излучателя и утащило вместе с остальными, — объяснила Мавра уверенным голосом, который абсолютно не соответствовал степени ее внутренней убежденности. Она снова бросила взгляд на приборы и включила аппаратуру случайного поиска. Висевший прямо перед ней экран замерцал, но остался пустым. В конце концов ей пришлось отключить эту чертову штуку.

— Ну что ж, значит, он прорвался, — заключила она.

Ренар удивленно поднял брови.

— Что вы имеете в виду?

— Я только что воспользовалась навигационным локатором звездного неба. В его памяти хранятся все известные звездные структуры, снятые под всевозможными углами. Там миллиарды комбинаций. Так вот, локатор понятия не имеет, где мы находимся. И у него нет никаких мыслей на этот счет.

Охранник позавидовал спокойствию, с которым она все это говорила.

— Что же нам теперь делать? — с тревогой спросил он.

Мавра щелкнула несколькими тумблерами и потянула за длинную рукоятку справа от себя. Гул и вибрация корабельных двигателей уменьшились.

— Прежде всего посмотрим, на что похожи окрестности, а затем решим, куда направиться.

Она нажала какие-то кнопки на панели управления, главный экран опять замерцал, и на нем высветилась панорама звездного неба. Это были настоящие звезды — причем их было так много, и они располагались так близко друг к другу, что небесный свод, казалось, кипел. Тут и там плавали гигантские облака межзвездного газа, пылавшие малиновым и желтым огнями, а также загадочные объекты таких форм и очертаний, каких ни Мавра, ни Ренар никогда не видели даже на фотографиях астрономических тел.

— Мы находимся в какой-то незнакомой галактике, — сухо сказала Мавра, сбавляя скорость и разворачивая корабль. — И не исключено, что нам все еще угрожает опасность. Надо осмотреться.

Гигантские газовые облака и странные формы окружали их со всех сторон. Маленькая зеленая координатная сетка в левом углу экрана была почти пуста — в пределах сферы радиусом не меньше светового года ничего не было видно. И вдруг в самой ее середине появилось несколько точек.

— Смотрите, это же роботы-охранники Трелига, — с усмешкой заметила Мавра. — Все остальное превратилось в обломки. Кажется, сюда переместилась часть нашей галактики. Большая точка, вон там, рядом с точкой поменьше, — это Новые Помпеи и то, что они хотели сделать целью.

Ренар кивнул:

— А что это за огромный объект справа от них?

— Какая-то планета. По-видимому, единственная планета во всей системе.

— Они движутся, — взволнованным шепотом произнес Ренар. — Новые Помпеи движутся.

Мавра изучила показания приборов.

— Точно. Астероид находится на круговой орбите, он превратился в спутник этой планеты. Давайте-ка посмотрим на нее поближе.

Она еще раз нажала на несколько кнопок, и на экране появился главный объект.

— Небольшая, — заметила Мавра. — Впрочем, я бы сказала, средних размеров. Длина экватора — приблизительно сорок тысяч километров. Гм... Это интересно!

— Что именно? — испуганно уставившись на экран, спросил Ренар.

— Ее диаметр на экваторе и между полюсами один и тот же, — пробормотала она в растерянности. — Эта чертова штука представляет собой идеальный шар, без малейших отклонений!

— Я думал, что большинство планет абсолютно круглые, — немного смущенно сказал охранник.

Мавра покачала головой:

— Нет, они никогда не бывают круглыми. В результате вращения и всякого рода изменений планеты деформируются: принимают приплюснутую или

грушевидную форму или с ними происходит миллион других вещей. Примерно круглые, да, но эта штука идеально круглая, словно кто-то, — на секунду она замолчала, а когда снова заговорила, в ее голосе прозвучал благоговейный страх, — словно кто-то вылепил ее.

И прежде чем Ренар сумел ответить, она повернула корабль к необычной планете.

— Мы летим туда? — спросил охранник.

Мавра кивнула.

— Если выжили мы, то выжили и обитатели Новых Помпей, — объяснила она. — Это означает, что разъяренный, может быть, даже жаждущий крови Антор Трелиг, а вместе с ним куча до безумия напуганных людей тоже прибыли сюда. Если власть по-прежнему находится в его руках, нам троим лучше взорвать свой корабль, чем приземляться. Если же нет, мы попадем в человеческий ад.

Неожиданно глаза Ренара остекленели, но Мавра, занятая управлением корабля и напряженно следящая за изображением на экране, ничего не заметил: Вскоре увеличители сделали планету видимой, а зеленая сетка сообщила, что в данный момент Новые Помпеи находятся по другую сторону объекта.

— Перпендикулярная ось! — заметила Мавра. — Это искусственное небесное тело!

Она повернулась к Ренару, и ее возбуждение сменилось беспокойством.

— Что случилось?

Охранник облизал губы, но его взгляд оставался пустым.

— Губка, — глухо сказал он. — Ее каждую неделю ровно в восемнадцать часов доставляет патрульный корабль. До ваших запасов мы так и не добрались... — Он поднял глаза, и Мавра увидела в них

ужас. — Значит, губки у нас нет. Ее вообще нет. Не только для меня, но и для них.

Внезапно до нее дошло, что происходит в его голове. Наверное, то же самое чувствовала и Никки. Привязанная к креслу, девушка так и сидела в соседней комнате, а оба спасителя почти забыли о ней.

Мавра вздохнула. Извиняться — глупо, а ее жалость слишком очевидна, чтобы нуждаться в словах.

— В таком случае, — сказала она наконец, — наша единственная надежда состоит в том, что на этой планете живут какие-то существа, у которых имеется хорошая химическая лаборатория.

Ренар выдавил из себя улыбку.

— Чудесная идея, но к тому времени, когда мы войдем с этими существами в контакт, пойдем, как с ними объясняться, изложим суть проблемы и договорим изготовить нужную дозу, у вас на руках останется парочка голых обезьян.

Мавра пожала плечами.

— Другого выхода я не вижу. — Но в этот момент к ней неожиданно пришла довольно интересная мысль. — А что, если нечто подобное ощущают жители Новых Помпей? Что они сделают, когда вовремя не получат губку?

— Вероятно, то же самое, что сделал бы я, — ответил Ренар после короткого раздумья. — Разыщут Трелига и получат колоссальное удовольствие, подвергая его пыткам, покуда он не подойдет.

— Компьютер! — возбужденно воскликнула Мавра. — Он может вылечить эту болезнь! Если бы мы сумели каким-то образом вступить с ним в контакт... — Она начала лихорадочно обшаривать полосу радиочастот комм-миров, выстукивая их позывные. Если Оби услышит, он поймет: в его памяти хранится воспоминание о ней.

Радио трещало и хрипело. Несколько раз Мавра слышала какие-то голоса, но они либо говорили на непонятных языках, либо звучали настолько странно, что вызывали дрожь.

И вдруг, совершенно неожиданно, к ним провалился знакомый голос.

— Ну что ж, Мавра, вы так и не выполнили свое задание, — вздохнул Оби.

— Оби! — крикнула она. — Оби, как там сейчас у вас обстоят дела?

— Полная неразбериха, — после секундной паузы ответил компьютер. — Доктор Зиндер пришел в себя первым и связался со мной. Прежде чем Бен прогнал его, он сумел передать мне некоторые инструкции. Там находились двое охранников, и они слышали, как я сообщил доктору Зиндеру, что мы очутились в другой галактике. Они стали кричать, требуя губку, и Трелиг застрелил их.

— Значит, они уже сообразили, что к чему, — грустно усмехнулась Мавра. — А как на Верхней стороне?

— Трелиг считает, что надо подняться наверх и попытаться подчинить себе остальных охранников. Он надеется уговорить их подвергнуться моему воздействию, чтобы излечиться от губки, но, по-моему, у него ничего не получится. Большинство вообще не верит, что он в состоянии кого-то вылечить, а остальные придут в еще большую ярость, узнав, что лекарство существует, но его не применяли. Скорее всего они будут действовать с ним заодно, пока не получат лекарство, а затем убьют его.

Мавра кивнула.

— Трелиг давно уже это понял. И нет у него никакого лекарства. — Она сделала паузу, а затем осторожно спросила: — Оби, здесь Никки и один из

охранников — наш союзник, Ренар, ты не мог бы вылечить их?

Оби снова вздохнул. Было очень странно наблюдать такую человеческую реакцию у машины, но Оби представлял собой нечто куда более значительное, чем машина.

— Боюсь, что нет, во всяком случае, не сейчас. Излучатель находится в нерасторжимом контакте с Колодцем — гигантским марковидным компьютером, который управляет миром, находящимся внизу. Он вышел из-под моего контроля. Пройдет какое-то время — дни, недели, даже месяцы, — прежде чем мне удастся разорвать эту связь. Что же касается маленького диска, то Трелиг — не дурак. Перед тем, как уйти отсюда, он закодировал защитные механизмы, находящиеся вне моего контроля. Любой человек, который попытается проникнуть в комнату, где находится пульт управления, будет выброшен на мост, перекинутый через шахту. Если он не знает соответствующего кода, мост убьет его, а мне код неизвестен.

Мавра нахмурилась.

— Ну а можешь ты сделать так, чтобы этого человека не выбросило на мост?

— Кажется, да, — неуверенно ответил компьютер. — Я управляю потоком воздуха, проходящим через шахту. Это, вероятно, поможет не допустить, чтобы кого-нибудь выдуло на мост.

— Прекрасно, Оби. Похоже, мне придется отправиться туда и спасти благородную шкуру Трелига, — сказала она и включила двигатель. Луна, в которую превратились Новые Помпеи, зашла за незнакомую планету, и Мавра установила курс перехвата.

— Подождите! Остановитесь! — раздался взволнованный голос Оби. — Чтобы попасть на Верх-

нюю сторону, вы должны подобраться к Помпеям снизу! Это опасно — вы окажетесь слишком близко к Колодцу!

Но было уже поздно. Корабль подлетел к планете, ощутил ее притяжение и вышел на круговую орбиту.

Вид, открывшийся внизу, казался просто невероятным. Планета напоминала огромный, прекрасно обработанный драгоценный камень. На юге под его бесчисленными гексагональными гранями смутно вырисовывались обширные моря, горные хребты и зеленые поля с плывущими над ними облаками. Однако экватор выглядел довольно странно. Он представлял собой широкую полупрозрачную полосу янтарного цвета, опоясывающую всю планету. Север тоже оказался разделенным на гексагоны, но в тамошнем ландшафте не было ничего приятного — мрачные пустыни следовали одна за другой. Но самыми удивительными выглядели приполюсные районы. Эти огромные затемненные территории совершенно не отражали свет и походили на огромные черные дыры.

Мавра уменьшила скорость и стала спускаться в направлении к экватору, двигаясь вокруг планеты по касательной.

— Поздно! Слишком поздно! — закричал Оби. — Быстрее! Пересаживайтесь в спасательные модули!

Мавра недоумевала. Все шло абсолютно нормально. Внезапно перед ней предстали Новые Помпеи, наполовину зеленые и солнечные, наполовину прикрытые огромной зеркальной поверхностью.

— Нам лучше последовать совету Оби, — тихо произнес Ренар. — Где спасательная шлюпка? Я посажу туда Никки.

— Лучше приведите ее сюда, — сказала Мавра. — Если что-нибудь случится, рубка будет запечатана.

— Я быстро, — ответил Ренар, напуганный грозящей им неведомой опасностью.

Но Мавра не замечала никакой угрозы. Она полностью сбросила скорость, и корабль по инерции двигался в сторону Новых Помпей; он выполнял стандартную процедуру подготовки к посадке, что должно было вывести его на орбиту вокруг Новых Помпей, а затем позволить проникнуть на планетоид.

— К черту! Со мной все в порядке! — слышался вопль Никки, а через несколько минут девушка появилась в рубке, на ее лице застыло довольно злобное выражение. За ней вошел Ренар.

— Никки, твой отец жив, — сказала Мавра. — Я поддерживаю контакт с Оби. Может быть, нам...

В этот момент корабль содрогнулся, и все электронные приборы вышли из строя; свет погас.

— Что за черт!

В рубке воцарилась абсолютная темнота, шум двигателей и всякая вибрация исчезли. Вырубилась даже аварийное освещение и система безопасности, хотя теоретически этого произойти просто не могло. Это не должно было произойти!

Ум Мавры работал с невероятной быстротой.

— Ренар! — позвала она. — Посадите Никки в свое кресло и садитесь вместе со мной! Возможно, мы оба потеряем сознание! Никки! Привяжитесь так туго, как только сможете!

— Что... что случилось? — спросила девушка.

— Все вопросы потом! Делайте то, что я сказала! Быстро! — резко бросила маленькая женщина. — Мы лишились всех источников энергии, даже аварийных! И мы слишком близко подошли к планете!

Она слышала, как Никки спотыкаясь прошла через рубку и шлепнулась в кресло. Затем почувствовала, как рука Ренара чуть не ухватила ее за лицо.

Глаза Мавры, усовершенствованные Оби, немедленно приспособились к инфракрасному излучению. Она видела своих спутников — но и только. Кроме них, в рубке не было ни одного источника тепла!

Выругавшись, женщина привстала и пихнула Ренара в кресло. Сидеть вдвоем на таком узком сиденье оказалось очень нелегко. «Проклятый хвост!», — подумала Мавра с ненавистью.

— Я собираюсь сесть вам на колени, — предупредила она охранника.

— В таком случае, сдвиньтесь немного ниже! — вскрикнул он. — Ваш хвост давит мне на весьма чувствительное место!

Женщина сдвинулась вниз, и Ренар с большим трудом стянул их обоих ремнями. Затем он обнял ее и крепко прижал к себе, скорее вследствие нервного потрясения, чем почему-либо еще.

Внезапно включился свет, и все приборы снова заработали.

Оказалось, что, пока они сидели в темноте, корабль здорово снизился. На экране прямо перед собой они видели море, а за ним — какие-то горы.

— Так или иначе мы находимся над экватором и движемся на юг, — сказала Мавра. — Давайте посмотрим, смогу ли я выбраться из этой ситуации.

Она начала развязывать ремни, когда экран неожиданно показал, что они перемахнули через океан, и снова стало темно.

— Проклятие! — воскликнула Мавра. — Хотела бы я знать, что здесь, черт возьми, происходит!

— Мы разобьемся, да? — спросила Никки, не столько поддавшись панике, сколько смирившись с судьбой.

— Похоже на то, — откликнулась Мавра. — Если источники энергии не включатся, корабль начнет разрушаться.

— Разрушаться? — переспросил Ренар.

— На этих кораблях имеются три спасательные системы, — объяснила она. — Две электрические и одна механическая. Надеюсь, что механическая по-прежнему действует. Две из трех систем, включая механическую, сконструированы таким образом, что в аварийном случае корабль разделяется на отдельные модули. В механической системе предусмотрено, что через тридцать секунд после начала разрушения над блоками раскрываются вспомогательные парашюты, а затем сопротивление воздуха приводит в действие главные парашюты. Это будет нелегкая прогулка.

— Мы умрем? — послышался голос Никки.

— Это было бы неплохо, — пробормотал Ренар. Он произнес эти слова очень тихо, чтобы девушка не услышала. Мавра поняла его мысли. Это было бы намного лучше, чем медленная смерть от губки.

— Надеюсь, что нет, — ответила она, однако в ее голосе прозвучала нотка сомнения. — Если бы авария произошла в космосе, то мы бы наверняка погибли: у нас не осталось бы воздуха. Но здесь — не знаю. Если мы сможем дышать, если мы выживем при посадке и если раскроются парашюты, мы не умрем.

«Целая куча «если», — усмехнулась она про себя. — Наверное, слишком много».

Корабль тряхнуло, и вокруг рубки что-то громко зашумело. Произошло отделение модуля.

— Ну что ж, — вздохнула Мавра. — Теперь мы уже ничего не сможем сделать. Даже если вернется энергия, двигатели нам недоступны.

Неожиданно рубка сильно наклонилась набок. Ренар застонал, ударившись о кресло и одновременно столкнувшись с Маврой. Затем они почувствовали мощный толчок.

— Парашюты! — воскликнула Мавра. — Они раскрылись! Здесь есть воздух!

Их качало, швыряло, кружило в абсолютной темноте. Прошло всего несколько минут, а они уже стали ощущать тошноту. Только Никки начала жаловаться, как раздалась серия значительно более сильных, почти неистовых толчков.

— Раскрывается главный парашют, — объявила Мавра. — Держитесь! Этот удар будет чертовски мощным!

В следующее мгновение они словно врезались в кирпичную стену. Корабль несколько раз перевернулся и замер вверх ногами.

— Теперь не спешите! — предупредила Мавра. — Под нами потолок. Гравитация близка к 1 g. Никки! С тобой все в порядке?

— Я чувствую себя ужасно, — пожаловалась девушка. — Боже! У меня такое ощущение, будто я истекаю кровью, будто все косточки в моем теле переломаны!

— То же самое и у меня, — простонал Ренар. — А вы?

— У меня ожоги от ремней, — сказала им Мавра. — Но сейчас еще слишком рано говорить о повреждениях. То ли еще будет. Давайте сначала спустимся отсюда, а потом уж пересчитаем наши раны. Никки, не двигайся! Через минуту мы тебя спустим вниз.

Она осмотрела привязывавшие их к креслу ремни. Пряжка еле держалась. «Еще один удар, — подумала женщина, — и мы бы обрели свободу».

— Ренар! — сказала она. — Послушайте, я могу видеть в темноте, но не в состоянии спуститься, не выбросив вас из кресла. Когда я развяжу ремни, постарайтесь подтянуться на подлокотниках. Потом я спущу вас на пол.

Мавра направила его руки, но оказалось, что подобные трюки охраннику не под силу.

— Несколько лет назад я подтянулся бы на двух пальцах, — расстроено пробурчал он себе под нос, — но с тех пор мое тело несколько изменилось... Руки совсем ослабли.

— Ладно, постарайтесь освободиться и, когда наступит момент, прыгайте. Приготовиться! Давайте!

Она расстегнула пряжку и, перевернувшись в воздухе, мгновенно спрыгнула на пол. Ренар завопил и как мешок шлепнулся рядом с ней. Мавра нагнулась и быстро пощупала его кости.

— Ничего не сломано, — уверенно сказала она. — Вставайте! Я знаю, что ваше тело — сплошной синяк, но нам нужно поскорее спустить вниз Никки.

Ремар подвернул лодыжку, и ему было чертовски трудно стоять, но он стиснул зубы и собрал всю свою волю в кулак. Мавра осторожно подвела его к тому месту, над которым висела Никки.

У охранника не хватило сил удержать на весу такую массу, и девушка приземлилась на крестец. Однако и на этот раз Мавра не обнаружила никаких переломов. У ее подопечных были ушибы и растяжения, но они поразительно удачно прошли через это испытание.

Чтобы уменьшить боль, Ренар проделывал дыхательные упражнения и то и дело потирал свои больные ноги столь же больными руками.

— Спрашиваю из одного только любопытства, Мавра, — сказал он, тяжело дыша. — Сколько раз вы приземлялись подобным образом?

Она хихикнула.

— Ни разу. Говорят, что механические аварийные системы слишком непрактичны. Они оказываются годными к употреблению в одном случае из миллиона.

— Гм... Так я и думал, — проворчал он. — Ну а теперь, как нам отсюда выбраться?

— На этом корабле внизу и наверху имеются спасательные люки, — сказала Мавра. — Это — воздушные шлюзы, но насосов, разумеется, сейчас там нет. Вам придется поднять меня, для того чтобы я достала до выключателей.

Ренар застонал, но повиновался. Она вытянула руки и после нескольких неудачных попыток с трудом дотянулась до рубильника. Послышалось шипение выходящего воздуха, и крышка люка открылась. Теперь предстояло самое сложное — вылезти наружу. Подпрыгивая на плечах охранника, Мавра пыталась ухватиться за край люка. Наконец, когда они уже почти отчаялись и Ренар жалобно заявил, что больше он не выдержит, ей это удалось. Она подтянулась, вошла в люк и откинула засов, освобождая выход наружу.

— А что, если мы не сможем здесь дышать? — крикнула Никки.

Мавра посмотрела на нее сверху вниз.

— В таком случае мы наверняка умрем.

В сущности, она понимала, что рассчитывать на то, что здешний воздух пригоден для дыхания, глупо, но океан и зеленые деревья, которые они с Ренаром видели на экране, вселяли надежду.

Женщина высунулась из шлюза и огляделась.

— Пахнет странно, но, по-моему, все мы будем живы, — сообщила она вниз. — А теперь воспользуемся страховочным тросом. Он предназначен для крепления скафандров, но вас он выдержит.

С Никки пришлось повозиться. Она оказалась не только очень тяжелой, но и неуклюжей. Когда они полезли в темноту — Ренар сам вскарабкался по веревке, которую Мавра привязала наверху, — их силы

почти иссякли. Все трое отлично понимали, что сейчас им помогает бушующий в крови адреналин, но вечно так продолжаться не может.

Наконец им удалось протащить Никки через люк, ребристые стенки которого послужили упором для ног, и выбраться наружу.

Соскользнув на землю, совершенно измученные, они утонули в настоящей траве. Проверя состояние своего тела, Мавра проделала серию физических упражнений и силой воли заставила отступить болевые ощущения, но усталость не проходила. Открыв глаза, она взглянула на своих спутников и увидела, что они растянулись на земле и, тяжело дыша, крепко спят.

Женщина огляделась по сторонам. Мирная лесистая равнина тянулась до самого горизонта. Был полдень, слышалось жужжание каких-то насекомых, а высоко в небе парили несколько ничем не примечательных птиц.

Мавра снова взглянула на своих спящих товарищей и вздохнула. Даже в таких обстоятельствах кто-то должен бодрствовать.

НОВЫЕ ПОМПЕИ — 11 ЧАСОВ 50 МИНУТ

Через зияющую пустоту шахты пронеслась бело-голубая молния. Кусочек лепнины, укрывавшей аппаратную, зашипел и задымился. Кто-то выругался. В окне, выходившем в шахту, давно было выбито стекло.

Гил Зиндер, сгорбившись, сидел возле пульта управления. Антор Трелиг, изрыгая проклятия, всматривался в покоренную, но все еще сохранившую блеск зеркально отполированную металлическую обивку открытой настежь двери, пытаясь определить местонахождение стрелявших. Бен Юлин, сидевши напротив него, проверял, сколько еще зарядов осталось в его собственном пистолете.

— Почему нельзя закрыть дверь? — слабым голосом спросил Зиндер. — Эти выстрелы уже попадают сюда!

— Заткнись, старик, — проворчал Трелиг. — Если мы закроем ее, они наверняка запаяют замок, и тогда мы никогда отсюда не выберемся. Ты подумал об этом?

Щелкнув пальцами, Юлин подошел к пульта управления и нервно включил интерком.

— Оби! — позвал он.

— Что, Бен? — ответил компьютер.

— Оби, что ты видишь в туннеле? Сколько там нападающих и какой ущерб они нанесли?

— Мои зрительные способности не ухудшились, Бен, — ответил компьютер. — Их осталось семеро. Трех вы застрелили. Несколько повреждений получили пункт шахтного контроля и наружная стена, но ничего более серьезного.

Бен Юлин кивнул, а Трелиг, неожиданно присев, высунулся в дверной проем и начал палить в темноту.

— Промазали на целый километр, Трелиг, — заметил Оби, и в его голосе прозвучало явное удовлетворение.

Услышав эти слова, Трелиг залился яркой краской, но промолчал.

— Оби, в каком ты сейчас состоянии? — спросил Юлин, жестом предлагая Зиндеру подойти к пульта управления:

— Спасибо, Бен, так себе, — отозвался Оби. — Расположенный внизу компьютер, который управляет Вселенной, бесконечно сложнее и одновременно проще меня. Он обладает безграничной информацией и полностью контролирует все главные и второстепенные уравнения, но он не обладает самосознанием, у него нет индивидуальности.

Гил Зиндер, вздохнув, уселся возле Юлина.

— Оби, — сказал он машине. — Ты можешь разорвать связь с этим компьютером?

— Не сейчас, доктор Зиндер, — более приветливо ответил Оби. — Активизировав обратное поле, мы ослабили энергетическое напряжение, которое обуславливает наше собственное существование, и нас выбросило сюда. Вселенский компьютер запрограммирован на случай именно такого события, но программисты были убеждены, что те, кто сумеет от-

крыть марковианские уравнения, будут находиться примерно на таком же технологическом уровне, что и марковиане. Предполагается, что мы заменим предыдущую программу и сообщим компьютеру, что делать дальше.

— А что это за место, Оби? — спросил Зиндер.

— Координаты вам не помогут, даже если бы я и определил их, — ответил Оби. — Мы находимся в центре материальной Вселенной, во всяком случае, такой вывод я сделал на основе информации, полученной от марковианского компьютера.

Даже Трелиг понял значение этих слов.

— Ты имеешь в виду, что эта планета — центр существования всей материи в нашей галактике? — воскликнул он.

— Совершенно верно, — согласился Оби. — И всей энергии, за исключением первичной, представляющей собой строительный материал для всего сущего. Эта планета — главный мир марковиан, и отсюда, насколько я могу понять, они перестраивали Вселенную.

Глаза Трелига засверкали, а на его лице отразилась твердая решимость.

— Какое сверхъестественное могущество! — прошептал он так тихо, что остальные ничего не услышали.

Бело-голубая молния, пущенная из туннеля, вернула его к действительности. Теперь он был обязан пережить это приключение.

— Оби, ты можешь вступить в разговор с этой машиной? — жадно спросил Бен Юлин.

Компьютер, казалось, задумался.

— И да, и нет, — сказал он наконец. — Это трудно объяснить. Представьте себе, что используемый вами словарный запас состоит всего из восьмидесяти

слов. А теперь представьте себе, что какой-нибудь представитель вашей культуры с докторской степенью в области физики начнет обсуждать с вами технические проблемы, касающиеся сферы его деятельности. Вы не сможете даже разобрать все слова, которые он будет произносить, не говоря уж о том, чтобы понять смысл беседы.

— Но ты мог бы поговорить с ним, используя эти восемьдесят слов, — заметил Юлин.

— Как, если я не в состоянии сформулировать вопрос? — огрызнулся Оби. — Я даже боюсь сказать ему «привет». Я чувствую, что в нем с невероятной тщательностью запрограммированы некие последствия, понять и предвидеть которые не могу. Я не смею и пытаюсь. Они могут выразиться в уничтожении меня и всей реальности или марковианского мозга и всей реальности. И что тогда?

Ученые поняли. Марковиане запрограммировали компьютер таким образом, чтобы все свои знания он передал их преемникам, когда те достигнут марковианского уровня развития. Им и в голову прийти не могло, что Гил Зиндер, примитивная обезьяна, откроет их драгоценную формулу за тысячи лет до того, как человечество окажется к этому готово. Главный компьютер, находящийся на этой планете, ждал Оби, дабы сообщить ему, что тот должен прекратить здесь любую деятельность, чтобы новым хозяевам ничего не досталось.

Охранники, видя, что ситуация изменилась и корабль с губкой никогда больше не придет, поняли, что их ожидает ужасная смерть. Однако они хотели умереть свободными и захватить с собой ненавистного господина.

— Оби! — позвал Юлин.

— Что, Бен?

— Оби, ты можешь сообразить, как нам, черт побери, отсюда выбраться?

Компьютер был готов к этому вопросу.

— Что ж, вы могли бы просто подождать, — предложил Оби. — Через три недели все охранники умрут. А еды здесь хватит надолго.

— Не годится! — крикнул Трелиг. — В космопорте стоят два корабля, нужно завладеть ими, — в противном случае мы окажемся в ловушке. На Помпеях куча агентов и дипломатов, которых не волнует отсутствие губки! Некоторые из них теперь, вероятно, вооружены и вместе с обезумевшими охранниками могут захватить оба корабля. Если они удерут, мы останемся здесь навсегда!

— Поправка, — ответил Оби. — В космопорте остался только один корабль. На другом ушли Мавра Чанг, Никки Зиндер и охранник по имени Ренар.

Гил Зиндер встрепнулся.

— Никки! Бежала! Оби, им это удалось? Они вернулись домой?

— Простите, доктор Зиндер, — печально ответил Оби. — Перенос начала испытаний вынудил меня ускорить ход событий. Их корабль затянуло вместе с нами, и он потерпел аварию в Мире Колодца.

У старого ученого надежда сменилась отчаянием; казалось, он умирает. Трелиг же был встревожен совсем по другой причине.

— В каком смысле ты ускорил ход событий, ты, машина-предатель? — злобно прорычал бывший хозяин Новых Помпей.

Оби остался невозмутимым.

— Я — индивидуум, обладающий самосознанием, советник. И за пределами установленных параметров обладаю определенной свободой действий.

Как люди. — В голосе механизма не прозвучало ни капли самодовольства.

Неожиданно Бен Юлин поднял голову.

— Как называется тот мир, где они потерпели крушение, Оби? — спросил он, не обращая внимания на недовольную физиономию Трелига.

— Мир Колодца, — ответил компьютер.

Юлин на секунду задумался, а потом пробормотал еще раз как бы про себя:

— Мир Колодца.

Теперь он не отрывал глаз от динамика. Между тем Трелиг и находившиеся снаружи охранники все активнее обменивались выстрелами.

— Оби! — почти шепотом сказал Бен Юлин. — Расскажи мне о Мире Колодца. Это — тот большой марковианский компьютер?

— Мне необходимо собрать дополнительные сведения, Бен, — извинился Оби. — Ведь, в сущности, я получаю информацию по частям. На твой вопрос я отвечу так: этот компьютер — Колодец — занимает все ядро планеты. Сама планета разделена более чем на тысячу биосфер, каждая из которых имеет присущую только ей доминантную форму жизни, флору, фауну, атмосферные условия и так далее. Это похоже на множество маленьких планет. Я полагаю, что они представляют собой колонии прототипов, которые затем имплантируются во Вселенную вместе со своей естественной, математически точно выверенной окружающей средой. Они живы, они деятельны, они существуют.

В аппаратной воцарилась тишина.

— А те трое, которые попали в аварию, — с трудом произнес Гил Зиндер. — Они... они выжили?

— Неизвестно, — честно ответил Оби. — Поскольку они не являются частью матрицы Мира Ко-

лодца, их нет в памяти компьютера. Но даже если бы они там были, сомневаюсь, что их обнаружили бы. Там, внизу, слишком много живых существ.

— Почему бы вам не спросить у него о чем-то толковом, например, о том, как, черт возьми, нам отсюда выбраться? — грубо прервал их Трелиг. — То обстоятельство, что у нас остался только один корабль, окончательно усложнило ситуацию!

Юлин кивнул, огорченный тем, что волнующий разговор о новых открытиях придется прекратить, но ему нечего было возразить против практичности Трелига. К тому же компьютер начал ему дерзить. Внезапно Юлин почувствовал, что это значит — заключить сделку с дьяволом.

Неожиданно, без помощи Оби, он понял, что надлежит делать. Пропустив мимо ушей бессмысленные восклицания, которыми обменивались советник и доктор, Бен Юлин ударил кулаком по ладони.

— Черт возьми, ведь это идея! — воскликнул он. — Ну конечно! — И заставив себя успокоиться, спросил у компьютера: — Оби, твой маленький диск — в рабочем состоянии?

— Да, Бен, — ответил Оби. — Но лишь в пределах его прежних ограничений. Большой диск накрепко связан с Колодцем, а в данный момент я понятия не имею, как их разъединить.

Бен Юлин рассеянно кивнул, прислушиваясь скорее к своим собственным мыслям, чем к словам машины.

— Хорошо. Хорошо. Мне много и не понадобится. Оби, тебе ведь известна формула губки?

— Конечно, — с некоторым удивлением ответил компьютер. — У меня есть результаты анализа крови нескольких зараженных объектов.

— Угу, — пробормотал Юлин. Теперь он был целиком поглощен делом. — Мне необходимо небольшое количество губки, скажем, пять граммов, в герметично закрытом пластиковом контейнере. Это должен быть первоклассный материал. Кроме того, мне нужен еще килограмм губки, начиненной следующими химическими заменителями. — И он быстро назвал целую кучу химикатов.

Первым, кто понял, что, собственно, задумал Юлин, был доктор Зиндер. Он почти простонал:

— Вы не можете это сделать!

Однако Юлин смог. Он отдал приказ Оби, и маленький зеркальный диск выдвинулся над круглой платформой, залив ее голубым светом.

— Что, черт подери, вы собираетесь делать? — крикнул Трелиг.

— Он собирается отравить ваших несчастных ублюдков, — ответил Гил Зиндер и снова взглянул на Юлина. — Но зачем? Получив губку, они неизбежно снова станут вам подчиняться.

Бен Юлин покачал головой.

— Наверху — может быть. Но не за пределами Новых Помпей. Они уже смирились с неизбежностью смерти, и они преступники. — Он повернулся к Трелигу. — Приглядывайте за старым доком.

С этими словами Юлин спустился к платформе и, осторожно покопавшись в двух ящиках, нашел и надел какие-то перчатки. На случай предательства Оби.

— Мы еще можем с ними связаться? — кивнул он на дверь.

— Думаю, да, если только они не вывели из строя электрическую сеть, — ответил Трелиг.

Юлин подошел к стене и щелкнул выключателем.

— Эй, снаружи! — крикнул он охранникам. Его голос жутким эхом отозвался в гигантской шахте за стеной. — Слушайте меня! Ситуация вовсе не безнадежна! У нас есть губка! Мы дадим ее вам, если вы сложите оружие! — Он переключил интерком на «прием».

В туннеле воцарилась тишина, словно эта новость выбила нападающих из колеи. Это было хорошо. Они не отвечали, но и не стреляли.

Не выдержав ожидания, которое, казалось, длилось целую вечность, Трелиг проворчал:

— Они раскусили вас.

— Не паникуйте, советник, — ответил Юлин, хотя боялся того же. — Они, наверное, голосуют. И думают о боли, которая вот-вот появится из-за отсутствия губки. Мысленно они ее уже предчувствуют.

И он оказался прав. Через несколько минут интерком ожил:

— Ладно, Юлин, постараемся договориться. Но как мы узнаем, что вы не лжете? Нам известно, сколько губки привозят. До грамма.

— Мы можем ее производить! Столько, сколько вам нужно! — уверенно ответил Юлин, пытаясь не выдать бушевавшие его волнение и страх. — Пошлите на мост представителя. Любого. Я кину ему пять граммов. Пусть попробует. Вы убедитесь, что я говорю правду.

Воцарилось долгое молчание, затем послышался тот же голос:

— Ладно. Иду. Но если со мной что-нибудь случится, остальные доберутся до вас, даже если это будет последним делом в их жизни. И учтите — много наших находится наверху. Им известно, что здесь происходит.

Юлин ухмыльнулся. Это была полезная информация. Значит, интеркомы на Верхней стороне астероида еще действовали.

Через несколько минут на мосту, перекинутом через шахту, появилась одинокая фигура. Она принадлежала либо совсем юной девушке, либо одному из тех странных созданий, которые поменяли пол. Впрочем, это не имело значения.

Затаившимся в аппаратной казалось, что бывший охранник идет бесконечно долго. Наконец он остановился в десяти метрах от двери.

— Я — здесь! — объявил он (или она) без всякой надобности.

Юлин сжал в руке пакетик с настоящей губкой и бросил его на мост.

— Лови!

Пакетик звонко шлепнулся на металлический пол прямо к ногам охранника.

Тот поднял его, осмотрел, затем разорвал пластиковую обертку и вытряхнул на ладонь крошечный желто-зеленый комочек. Это и в самом деле была губка, обитательница прекрасного мира, где несколько столетий назад погибла колония переселенцев. Взаимодействие некой бактерии с одним из компонентов синтетической пищи, которую потребляли колонисты, породило ужас, благодаря которому Антор Трелиг и его огромный синдикат приобрели такое могущество. Новое, образовавшееся в результате мутации вещество проникало в каждую клетку человеческого тела, замещая жизненно необходимые субстанции, и постепенно клетки сами начинали во все больших количествах вырабатывать эту пакость. Первоначальное заражение было необратимо. Умеренное потребление губки стабилизировало состояние больного, и только. Но количество, которое по-

лучали охранники, включало в клетках странный механизм, вызывавший деформацию тела, гормональные отклонения, неконтролируемое ожирение, как это произошло с Никки, и другие столь же ужасные изменения, варьирующиеся в соответствии с индивидуальностью зараженного, хотя изменения в половой сфере встречались чаще всего.

Если зараженный не лечился, его разум разрушался гораздо быстрее, чем тело. Кроме того, мутации в организме вызывали страшную боль. Поскольку это вещество действовало не избирательно, оно часто ограничивало умственные способности больного или отвращало его от всех целей и желаний, между тем как его сущность разрушалась в последнюю очередь. Человек прекрасно понимал, что с ним происходит, понимал до тех пор, пока кора головного мозга полностью не погибала, после чего он превращался в животное, затем — в растение, которое попросту ложилось и умирало в конце концов голодной смертью. Это была замедленная лоботомия.

Губку никто не считал лекарством, но она задерживала мутантные изменения и представляла собой скорее противоядие, которое нужно было регулярно принимать. Поэтому тот, кто нуждался в губке, становился рабом синдиката. Для коммов продавать ее свободно было слишком опасно: губка сама содержала наркотик. Однако алчные, честолюбивые политики ее выращивали и правили с ее помощью.

Вот потому-то охранник, прекрасно осведомленный о том, что ждет его в ближайшем будущем, жадно схватил пластиковый пакетик с губкой. Этого количества было недостаточно — всему персоналу Новых Помпей сознательно давали огромные дозы, — но оно должно было его убедить.

И оно убедило.

— Она настоящая! — удивленно крикнул охранник. — Первоклассная штука!

— Даем целый килограмм в обмен на ваше оружие! — завопил Трелиг, снова почувствовав себя главным. — Немедленно, или мы подождем, пока вы отдадите концы!

— Мы отправили сообщение на Верхнюю сторону, — слышался из интеркома новый, более низкий голос, — и тоже идем к аппаратной. Всего нас будет четверо. Остальные должны удостовериться в том, что вы нас не убьете. Как только мы получим свой килограмм, вы получите оружие и выйдете наружу. Не раньше.

Трелиг злобно ухмыльнулся. Уловка его бывших подчиненных была слишком очевидна.

Вскоре к первому охраннику присоединились еще трое. Они остановились у самой двери, которую всего несколько минут назад пытались взорвать.

— Все в порядке, вот ваш килограмм! — крикнул советник, швыряя им пакет.

Охранники буквально кинулись к нему и, сделав попытку схватить его одновременно, столкнулись лбами. Наконец один из них сгреб его в охапку и бросился обратно в туннель. Остальные трое побежали следом.

— А что, если они не сразу ее примут? — взволнованно прошептал Юлин.

— Примут, — заверил его Трелиг. — Они созрели, запомните это. А как быстро сказывается действие этого снадобья?

— Максимум через пять или шесть минут, — ответил молодой человек. — У каждого произойдет сильнейший сердечный приступ, и они должны откинуть копыта.

Советник неожиданно встревожился.

— Должны? Значит, доля сомнения все же есть?

— Нет-нет, никоим образом, — покачал головой Юлин. — Я вовсе не имел это в виду. Содержимого пакета хватит, чтобы убить целую армию. Даю им десять минут, не более.

— Только бы они не помчались на Верхнюю сторону и сдохли до того, как успеют послать по радио предупреждение!

— Сомневаюсь, чтобы у них хватило терпения ждать до тех пор, пока они не окажутся на Верхней стороне, — немного подумав, ответил Юлин. — Вы сами сказали, что они созрели. Что же касается предупреждения, то если вы найдете персональный интерком, мы это выясним.

Все трое ждали, затаив дыхание. Трелигу так и не удалось отыскать интерком; тот, которым он пользовался вначале, был вдребезги разбит во время испытания.

— Мы должны обмануть этих ублюдков, — пробормотал он как бы про себя, и в его голосе снова прозвучала неуверенность. — Скажите, как мы узнаем, что их не стало? Хотите быть первой мишенью? А может быть, док?

Юлин покачал головой:

— В этом нет нужды. У Оби есть датчики.

Он подошел к пульта управления.

— Оби, охранники еще живы?

— Нет, Бен, — ответил компьютер. — В том месте, где они раньше находились, все живые формы исчезли. Это произошло мгновенно. Вы здорово с ними разделались.

— Побереги свой сарказм для кого-нибудь другого, — проворчал Юлин. — Они успели послать какую-нибудь радиопередачу на Верхнюю сторону?

— Не знаю, — ответил Оби.

Бен Юлин кивнул и повернулся к Трелигу:

— Ну что ж, первое препятствие преодолимо. Вверху будет намного тяжелее. Есть у вас какие-нибудь соображения на этот счет?

Трелиг на секунду задумался.

— Спросите у машины, знают ли на Верхней стороне о том, кто именно бежал на первом корабле, — приказал он.

— Как Оби может получить подобную информацию? — спросил Юлин. — Если он не в состоянии проконтролировать даже систему связи. Кстати, зачем это вам? Что у вас на уме?

— Чтобы понять меня, следует рассмотреть проблему со всех сторон, — ответил глава синдиката. — Например: корабль мог увезти по меньшей мере половину гостей, но исчезли только Мавра Чанг, Никки Зиндер и охранник. Почему?

Юлин подумал с минуту.

— Потому что они сбежали тайком, — произнес он наконец. — Чанг заплатили за то, чтобы она увезла девушку, а не за то, чтобы она спасала всех подряд. Чем больше людей участвует в заговоре, тем больше шансов, что все сорвется.

Трелиг кивнул:

— Вы уже начинаете кое-что понимать. Народу наверху — целая куча, и они едва знают друг друга в лицо. Я бы также предположил, что отношения с охранниками у них в лучшем случае непростые. Вскоре после того как корабль исчез, там воцарился настоящий ад. Хотите пари: некоторым из них даже неизвестно о том, что корабль ушел.

— Охранники... — попытался возразить Юлин.

— Знают лишь то, что одного корабля нет на месте, — закончил фразу Трелиг. — Они также

знают, что без кодов второй корабль будет взорван часовыми, находящимися на орбите. Черт возьми, они не помнят, кто есть кто, и понятия не имеют, сколько людей находится сейчас на астероиде. Девушка все это время была изолирована, а охранник — что такое один охранник? Он мог быть убит здесь, внизу. Теперь до вас дошло?

— Вы имеете в виду, что мы должны сыграть роль тех, кто бежал на первом корабле? — с трудом проговорил Бен Юлин.

На лице Трелига отразилось нетерпение. Хозяина Новых Помпей раздражало, что ему приходится объяснять такие элементарные вещи.

— Послушайте, — сказал он. — Нам необходимо завоевать доверие приглашенных. Нам необходимо превратить их из визитеров в друзей, убедить их встать на нашу сторону против обезумевших охранников. Нам нужно захватить корабль, черт возьми, а мы не можем сделать это одни!

Бен Юлин кивнул. Эта затея ему не понравилась, но другого выхода не было.

Молодой человек обернулся и поглядел на Гила Зиндера. Старик находился в прострации, лицо его выражало полнейшее безразличие ко всему происходящему. Он казался усталым и разбитым.

— А как быть с этим? — показал на него Юлин

— Док должен отправиться вместе с нами, — быстро ответил Трелиг. — Он умеет управлять Оби, а Оби в лепешку для него разобьется. Оставить его здесь — то же самое, что прыгнуть в шахту.

Юлин кивнул. Он уже обдумал несколько вариантов, и ни один не вызвал у него особого восторга. Прежде всего молодому человеку не нравилась мысль о том, что ему придется подвергнуться изменению. Прodelывать это с другими было чудесно — появля-

лось восхитительное ощущение божественного могущества. Но самому ему такая перспектива казалась просто ужасной. Кроме того, он понимал, что будет вынужден использовать созданную им особую схему, открыть Зиндеру — и Трелигу — свою власть над машиной.

Бен Юлин снова взглянул на Трелига, все еще сжимающего в руке пистолет. На губах советника блуждала странная полуулыбка. Такое выражение лица он видел у своего хозяина, когда тот давал губку новым жертвам или приказывал совершить какое-нибудь гнусное убийство.

— Пойдете первым? — спросил он с надеждой.

Дьявольская ухмылка стала шире.

— Нет, что-то не хочется, — ехидно ответил глава синдиката. — Может быть, вы?

Юлин тупо кивнул, все еще хватаясь за соломинку. Он не желал мириться с положением человека второго сорта.

— Значит, так мы и сделаем, — продолжал Трелиг. — Один из нас превратится в охранника — исключая наркотическую привычку к губке, позаботьтесь об этом! Второй — в Никки Зиндер, а третий — в Мавру Чанг. Все мы, разумеется, должны быть запрограммированы таким образом, чтобы любое постороннее вмешательство было невозможно. — Он миролюбиво пожал плечами. — Не подумайте, пожалуйста, что я вам не доверяю. Это просто означает, что, делая невероятное, вы поднимаетесь на вершину, а задумывая невероятное, остаетесь на вершине.

Юлин вздохнул и сдался. «Лучше уж буду проявлять мужество и все такое», — решил он про себя.

— Как распределим роли?

— Это надо обдумать, а времени у нас в обрез, — ответил Трелиг. — Старика лучше всего, конечно,

сделать несколько заторможенным. Оставьте ему его собственные тело и кровь. А запрограммируйте манеру поведения, — напомнил он молодому ученому. — Нам нельзя допустить ни одной ошибки. Мы должны не только выглядеть, как эти люди, но и двигаться, как они, говорить, как они, даже стараться думать, как они, оставаясь внутри самими собой. Обстоятельства сложились так, что этот охранник был одним из надсмотрщиков, а все они представляют собой сексуальную мешанину. Я — гермафродит, так что проблем не будет. Вам остается Мавра Чанг.

— Я не хочу быть женщиной, — нерешительно запротестовал Юлин.

— Пройдете через диск и перестанете об этом думать, — отрезал Трелиг. — Теперь надо дать машине точные указания, чтобы все шло правильно и чтобы она ничего не прибавила и не убавила. А когда закончите, покажите мне, как все это делается.

Юлин хотел запротестовать, но, наткнувшись на выразительный взгляд советника, покорно повернулся к пульту управления.

— Оби! Есть у тебя описание личности охранника, бежавшего с Маврой Чанг? — спросил он.

— Его зовут Ренар, — ответил компьютер. — Я за ним не следил. Так что существует вероятность, хотя и небольшая, что у меня этих сведений нет.

— Они должны быть, — твердо сказал Трелиг. — Этот охранник стерег девушку. Все совпадает.

Бен Юлин задумчиво почесал затылок.

— Может, не стоит разговаривать с Оби при доке? Если док сохранит доступ к машине...

Трелиг согласился. Подойдя к беспомощному Зиндеру, он выстрелил ему в голову коротким энергетическим лучом. Старик мешком осел в кресле.

— Пять минут, — предупредил Трелиг своего сотрудника. — Не больше.

Юлин кивнул и снова повернулся к пульту управления. Ему не хотелось заниматься всем этим в присутствии человека, который в будущем мог использовать его тайну против него самого, но попытка обмануть советника была слишком рискованной.

— Оби! — позвал он.

— Да, Бен, — ответил компьютер.

Юлин нажал на приборной доске несколько кнопок, чувствуя за спиной пристальный взгляд Трелига, запоминающего комбинацию цифр.

— Операция без номера, — сказал он машине. — Файл из резервной памяти под моим личным кодом.

— Что? — Компьютер казался слегка удивленным, но, получив доступ к закрытой прежде для него информации, обо всем догадался.

— Сколько раз ты использовал этот режим, Бен? — спросил Оби, пораженный тем, что какая-то часть его самого была ему неизвестна.

— Не твоё дело, — небрежно бросил Юлин. — А теперь слушай внимательно. Ты точно выполнишь мои указания, ничего не прибавляя и не убавляя по своему разумению. Ясно?

— Да, Бен, — покорно ответил компьютер.

Юлин немного замешкался, подбирая слова. Он отлично понимал, что открывать тайну Оби опасно; но за его спиной стоял Трелиг с пистолетом наготове. На лбу у молодого человека выступили капельки пота.

— Три операции, одна за другой, которые должны быть закончены до того, как тебе могут дать любые дополнительные указания, — взвешивая каждое слово, произнес он. — Первая. Доктор Гилгам Зиндер. Должен приобрести внешний вид, совпадаю-

щий с данными последнего кодирования Никки Зиндер минус присутствие губки. Объект сохранит память Гила Зиндера, все его знания и способности, но будет не в состоянии сообщить кому-либо о своем превращении, если не получит на то указаний от Антора Трелига или от меня. Кроме того, объект будет обладать всеми привычками названного выше лица, включая походку, эмоциональные реакции и манеру говорить, а также всеми остальными свойствами, что сделает его неотличимым от названного выше лица. В дальнейшем объект будет не в состоянии сообщать никаких данных об истинной идентичности Антора Трелига или моей. Ясно?

— Я понял, Бен, — ответил Оби.

Юлин кивнул, убежденный в том, что все сделал правильно.

— Вторая. Объект — Антор Трелиг. Физически объект должен совпадать с данными последнего кодирования охранника Ренара минус наркотическая привычка к губке. Объект будет наделен всеми привычками названного лица, включая походку, эмоциональные реакции, манеру говорить, а также все остальные свойства, что сделает его неотличимым от названного выше лица. Однако у Антора Трелига останутся память, все его знания и способности, что позволит ему в любой момент вернуть свою истинную сущность.

Неожиданно Юлин оглянулся на Трелига.

— Все в порядке? — спросил он.

Трелиг молча кивнул.

— Третья, — продолжал Юлин. — Объект — Абу Бен Юлин. Физически объект должен совпадать с данными последнего кодирования Мавры Чанг. Объект будет наделен всеми привычками названного лица, включая походку, эмоциональные реакции, манеру го-

ворить, а также всеми остальными свойствами, чтобы сделать его неотличимым от выше названного лица. Однако Абу Бен Юлин сохранит память, все свои знания и способности, что позволит ему в любой момент вернуть свою истинную сущность. Ясно?

— Да, Бен, — ответил Оби. — Ясно.

Юлин, все еще нервничающий из-за того, что он сам вынужден был в этом участвовать, добавил:

— Все три операции должны быть проведены таким образом, чтобы в новых телах объекты и физиологически, и психологически чувствовали себя легко. Понял?

— Да, Бен. Я понял, что тебе не хочется быть женщиной, — ехидно ответил Оби.

Юлин нахмурился, но промолчал.

— Ладно, тащите дока вниз, — сказал он Трелигу.

— Сначала сообщите машине, что эти операции следует сохранять в тайне, — тихо произнес Трелиг.

Юлин криво улыбнулся и пожал плечами. Что бы ни происходило, Антор Трелиг любой ценой желал подчинить себе всех остальных.

— Операции держи в секрете, — приказал он Оби.

— Будет сделано, — ответил компьютер. — А теперь давайте начинать.

Удовлетворенный тем, что Юлин выполнил все его указания, Трелиг повел Гила Зиндера вниз.

Трансформация не заняла много времени. Юлин наблюдал, как доктор растворился в голубом луче, а затем материализовался в точное подобие Никки Зиндер. Старый ученый не мог ничего поделать. Он просто стоял и молча смотрел, как Трелиг нервно взобрался на круглую платформу и, чуть поколебавшись, бросил свой пистолет Бену Юлину. Пока советник превращался в охранника, Юлин думал о том, как легко он мог бы застрелить Трелига. Словно уло-

вив мысли молодого человека, Зиндер произнес голосом Никки:

— Нет, Бен! Вы не посмеете! Он один знает, как нам спастись с этой планеты!

Юлин вздохнул, понимая справедливость этих слов: роботы-часовые наверняка были переброшены вместе с планетоидом, в противном случае оставшиеся на Верхней стороне приглашенные, которые не были заражены губкой, давно уже захватили бы корабль.

Увидев Трелига в новом обличье, Бен Юлин чуть не расхохотался. Мужские половые органы на чисто женском теле! Советник спустился с платформы, удовлетворенно кивнул и взял из руки молодого человека пистолет. Бен с тревогой подумал, что, если Трелиг захочет убить его, помешать этому никто не сможет. Нервничая при мысли о предстоящей операции и одновременно испытывая внезапно накатившееся жуткое чувство неизбежности смерти, он поднялся на диск. Он увидел, как над ним выдвинулась небольшая механическая рука, и ощутил теплое покалывание, пронизавшее все его тело. Лаборатория и наблюдатели неожиданно исчезли, но быстро вернулись. Молодой человек знал, что между этими событиями прошло всего несколько секунд, но его ощущения вовсе не были неприятными.

Трелиг и Зиндер терпеливо ждали, когда на диске, где прежде находился Бен Юлин, материализуется двойник Мавры Чанг. Крошечная женщина с некоторым беспокойством взглянула на пистолет в руке Трелига, затем, рассмотрев, что тот держит его небрежно, вздохнула и спустилась с платформы, показавшейся ей куда выше, чем раньше.

— Невероятно! — прошептал Трелиг. — Вы даже ходите, как она, — женственно, почти по-кошачьи.

Юлин довольно кивнул.

— Теперь давайте взглянем на этих болванов-охранников, — произнес он глубоким и выразительным голосом Мавры.

Охранники умерли быстро, но скрюченные тела и перекошенные лица свидетельствовали о том, что их агония была мучительной.

— Не прикасайтесь ни к ним, ни к этому пакету! — предупредил Юлин.

Трелиг смерил его пристальным взглядом, осторожно вынул из кобуры ближайшего охранника пистолет и, обтерев его одеждой другого охранника, несколько театрально вручил молодому человеку. Тот небрежно кивнул.

Затем они обнаружили портативный присмопередатчик, постоянно связанный с Верхней стороной. Он находился в позиции «Вызов», но из миниатюрной колонки доносилось одно только шипение.

Юлин взглянул на Трелига.

— Вы готовы?

Советник, выглядевший теперь как один из его собственных слуг, усмехнулся и нажал кнопку «Прием».

Минуту или две ничего не менялось, но потом передатчик ожил.

— Нижняя сторона! Что там у вас происходит? — пролаял гнусавый металлический голос.

Трелиг вздохнул и тихо сказал Бен Юлину:

— Ну вот, теперь посмотрим, сработает ли наша уловка.

Нажав кнопку «Передача», он произнес:

— Говорит Ренар. Я только-только привел к Трелигу заключенных — Мавру Чанг и Никки Зиндер,

как начался этот хаос. В живых остались лишь я и мои пленники. Старик-ученый тоже получил свое. Оказывается, они ввали насчет губки.

Некоторое время передатчик молчал, и на мгновение Трелигу показалось, что те, наверху, не купились на его рассказ. Однако человек, с которым они говорили, снова вышел на связь. На этот раз его голос звучал устало и разочарованно:

— Это хорошо, что все получили свое. Но если Чанг и девушка внизу, кто же увел корабль? Марта сказала...

Трелиг соображал быстро.

— Насколько я помню, его команда была с Новой Гармонии. Наверно, они запаниковали и смылись от хозяина.

Другого логического объяснения не нашлось, поэтому собеседнику пришлось согласиться.

— Хорошо, — последовал ответ. — Поднимайся наверх и приводи своих пленников. Нам надо собраться и все обсудить.

Эти слова прозвучали вяло, без всякого энтузиазма: охранники понимали, что без губки их в любом случае ждет медленная и мучительная смерть.

— Поднимаюсь немедленно, — сказал Трелиг и нажал кнопку «Прием». — Мне кажется, этот разговор должен нас немного взбодрить, — сказал он своему соучастнику.

Однако Бен Юлин тоскливо покачал головой.

— Это только начало, — напомнил он Трелигу. — Нам еще надо подняться наверх и каким-то образом захватить корабль. Кстати, там достаточно пищи и воды?

Трелиг кивнул:

— О да. Нам, по-видимому, придется потратить какое-то время, чтобы поближе взглянуть на эту та-

инственную планету. Когда зараженные губкой вымрут, мы сможем договориться по радио с уцелевшими представителями.

«И что тогда?» — спросил себя Бен Юлин, пытаясь заглянуть в будущее.

— А сейчас нужно позаботиться о том, чтобы во время нашего отсутствия Оби был надежно спрятан от нескромных глаз, — сказал Трелиг и потащил молодого человека в аппаратную.

Юлин нажал кнопку вызова.

— Оби!

— Да, Бен.

— Как только мы сядем в лифт, идущий на Верхнюю сторону, ты запечатаешь все сведения, которые находятся под моим личным кодом. Понял?

— Да, Бен.

Трелиг на мгновение задумался.

— Тогда как же мы возвратим себе прежний облик? Оби распознает в нас лишь Ренара и Мавру Чанг. А если Чанг уцелела и сможет сюда вернуться, это откроет для нее всю мощь Оби. Мы ведь ничего не знаем о мире, в который они попали: почему бы его обитателям не иметь хоть какие-нибудь космические корабли.

Юлин углубился в размышления, понимая, что Трелиг разглядел опасную ловушку. Все было за то, что Мавра Чанг погибла, судьба Никки Зиндер или Ренара его не волновала, наркоманы и так должны были скоро сдохнуть, — но они с советником затевали настолько рискованное предприятие, что допущенные ошибки, если таковые будут, вынудят их время от времени радикально менять линию поведения.

— Что вы скажете о кодовом слове или о целой фразе? — предложил он главе синдиката. — В этом

случае кто-нибудь из нас мог бы вернуться сюда, и его внешний вид не имел бы никакого значения.

Трелиг кивнул. Его не занимал вопрос, почему Юлин сказал «кто-нибудь из нас», а не «мы»; его раздражала сама мысль, что он нуждается в чьей-то помощи. К счастью, как только они выберутся отсюда, все будет иначе.

— Какой код? — поинтересовался советник.

Юлин улыбнулся:

— Я уже придумал. Но что делать с Зиндером? Мы ведь не хотим, чтобы код узнал кто-то третий.

Трелиг кивнул и переставил регулятор на пистолете в позицию краткого оглушения. Он взглянул на двойника Никки, который умоляюще прокричал: «Больше не надо!», — и хладнокровно выстрелил. Девушка рухнула как подкошенная.

— Те же самые пять минут, — предупредил Антор Трелиг. — Торопитесь!

Юлин кинулся к пульту управления. И он, и Гил Зиндер были довольно высокими мужчинами, и расположение приборной доски было на это рассчитано. Теперь, чтобы дотянуться до кнопок, ему пришлось влезть на стул.

— Оби!

— Да, Бен.

— У тебя имеется блок памяти с открытыми файлами, — сказал он компьютеру. — Когда будешь записывать проделанные операции, одновременно включи защиту. Все системы будут заперты и заморожены. Ты убьешь любого, кто попытается проникнуть в аппаратную. Ты можешь услышать звуки, доносящиеся с середины моста?

Оби размышлял недолго.

— Да, Бен. Можешь крикнуть.

Юлину этого было достаточно.

— Тогда все в порядке. Ты оставишь защиту до тех пор, пока кто-нибудь не появится на середине моста с поднятыми над головой руками, обращенными ладонями наружу. Когда мы уйдем, я оставляю на мосту отметину. Подойдя к ней, этот человек должен сказать следующее: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его». Понял?

Трелиг расхохотался.

— Нелегко расстаться со старыми привычками, а? — спросил он с иронией. Но фраза ему понравилась: легко запоминается и непосвященным людям неизвестна. Вряд ли кто-нибудь чужой сумеет произнести ее да еще сопроводить соответствующими жестами.

— Я понял, Бен, — сказал Оби.

Юлин выключил интерком, и они стали ждать, когда Зиндер придет в себя. Это заняло около шести минут; такие вещи всегда зависели от свойств индивидуума. Зиндер немного дрожал, словно после крепкого сна, но довольно быстро оправился.

— Идем, — приказал Трелиг, и все трое двинулись через мост. Как только они оказались примерно на середине, Бен Юлин поставил регулятор своего пистолета в позицию «Максимум» и выстрелил в стену шахты. Стена была сложена из очень прочного материала, но выстрел выбил в ней хорошо заметный безобразный шрам, который легко мог сойти за последствия перестрелки.

Миновав короткий туннель, они вошли в лифт и уселись. Трелиг нажал кнопку, дверь закрылась, и кабина помчалась вверх.

Когда это произошло, внутри компьютера стали открываться и закрываться контуры, заплясала энер-

гия — Оби установил защиту. Но как ее снять, он забыл. Последнее, что осталось в его памяти, были Юлин, стоявший у пульта управления, и мертвые охранники, отравленные губкой.

Оставив тщетные попытки вспомнить что-нибудь еще, Оби быстро вернулся к своему основному делу — попытке отсоединиться от гигантского компьютера Мира Колодца; если это не удастся, придется установить с ним сотрудничество.

Ему предстояла долгая, тяжелая работа.

ТЕЛИАГИН, ЮЖНОЕ ПОЛУШАРИЕ, МИР КОЛОДЦА

Несмотря на все свои усилия, Мавра Чанг задремала. Когда напряжение, в котором она пребывала последние несколько часов, прошло, на нее напало что-то вроде летаргии. Сопротивляться этому состоянию было просто невозможно. Спустя несколько минут женщина вздрогнула и проснулась. Догадавшись, что произошло, она изругала себя последними словами, но теперь ее больше тревожил внутренний импульс, вернувший ее к действительности.

Никки и Ренар спали, раскинувшись на траве, и Мавре показалось, что вид у них стал немного лучше. Она нервно огляделась, ее глаза, уши, нос были направлены на поиски того, что ее разбудило.

Теплый бриз гнал по голубому небу пушистые белые облака. Женщина слышала шелест листьев на верхушках деревьев, щебет незнакомых птиц, стрекотание насекомых. С другой стороны поляны доносились возбужденные крики животных. По-видимому, приближалось нечто такое, что обычные обитатели леса воспринимали как опасность или как чье-то вторжение, а может, и то, и другое. Наклонившись над спящими, Мавра легонько потряс-

ла Ренара. Вначале он даже не пошевелился, но, когда она тряхнула его сильнее, застонал и произнес, ничего не соображая:

— А? Что?

— Просыпайтесь! — прошептала женщина. — У нас гости!

Вместе они разбудили Никки.

— Нам надо убираться отсюда, — объявила Мавра. — Немедленно! Но прежде мне бы хотелось посмотреть, что или кто приближается.

Все трое быстро юркнули в лес.

— Если кто-нибудь обнаружит модуль, нас начнут искать, — продолжала она на ходу. — И все же я хочу посмотреть, что там происходит. Оставляйтесь здесь и спрячьтесь в подлеске. Я только взгляну и вернусь.

— Будьте осторожны, — предостерег ее Ренар, в его голосе прозвучало неподдельное беспокойство.

Мавра кивнула и спряталась на краю поляны. Кто бы или что бы ни приближалось, оно было огромным — это она определила сразу. Ей даже почудилось, что земля немного дрожит; повсюду слышался топот убегающих диких животных.

Выглянув из-за кустов, женщина чуть не вскрикнула от изумления. Она ожидала увидеть что угодно, но только не то, что перед ней предстало.

Существо, вышедшее из леса, оказалось в самом деле огромным — высотой три-четыре метра, с необычайно широкими плечами и мощными мышцами. Его грудь и руки имели красноватый оттенок. У него было овальное уродливое лицо, широкий плоский нос с вывернутыми ноздрями и кривящийся от злобы рот, по краям которого торчали два длинных острых клыка. Его большие уши походили на морские раковины и заострялись кверху. Голову гиганта

украшала грива иссиня-черных волос, небрежно зачесанных между двумя грозными на вид рогами в метр длиной.

Но самым удивительным Мавре показался его огромный глаз. Он выглядел почти как человеческий, хотя и располагался на переносице. Но если внимательно присмотреться, можно было заметить, что глаз разделен на сегменты, он как бы представлял собой целую колледию глаз под одним большим веком.

Ниже талии существо было покрыто густыми курчавыми волосами цвета ржавчины, огромные мускулистые ноги заканчивались копытами. Единственным его одеянием была грязно-белая набедренная повязка, проходящая через промежность и почти не закрывающая мужской половой орган, вполне соответствовавший этой огромной фигуре. Неуклонно приближаясь, гигант разъяренно рычал и выглядел так страшно, как ни одна дикая тварь, когда-либо виденная Маврой.

Он остановился посреди поляны, понюхал воздух и огляделся по сторонам. Мавра испугалась, что он почуял ее, и, едва не потеряв от страха сознание, припала к земле, съежившись, словно сжатая пружина. Она понимала, что убежать от такого чудовища ей не удастся.

И тут женщина заметила удивительную вещь. Левую руку гиганта обвивал кожаный ремешок, к которому были прикреплены массивные механические часы.

Только сейчас Мавра поняла, что видит представителя одной из доминантных рас этой незнакомой планеты.

Тем временем ветер переменился. Существо, по видимому, потеряло запах, который насторожил его,

и снова обратило свое внимание на пассажирский модуль. Какое-то время оно разглядывало его, будто раздумывая, что делать дальше, потом подошло поближе. Оно действовало абсолютно уверенно. Было ясно, что на родной земле ему нечего бояться этой штуки.

Рост существа почти не уступал высоте модуля. Оно критически оглядело незнакомый предмет со всех сторон, словно дивясь на него, а затем решило обследовать открытый люк. Однако забраться на модуль гигант так и не смог. После нескольких неудачных попыток он в ярости заревел и абсолютно почеловечески выразил разочарование, ударив правым кулаком по левой ладони.

В этот момент на поляне появился второй циклоп и поприветствовал первого ревом. Звуки, вылетевшие из его глотки, показались Мавре совершенно бессмысленными, но она понимала, что это какая-то форма речи. Животные не нуждаются в наручных часах.

Новоприбывший приблизился к модулю и изрыгнул целую серию ворчаний, сопровождавшихся энергичными жестами. Первый — он был выше ростом и шире в плечах — ответил в том же духе, указав на модуль, на открытый люк и покрутив в воздухе руками.

Вскоре к ним присоединились еще три циклопа. Как заметила Мавра, двое из этой компании оказались существами женского пола. Они были почти на метр ниже мужчин — их рост составлял всего три метра, менее мускулистыми — они могли бы вырвать с корнем небольшое дерево, но вряд ли свернули бы в трубочку металлический лист, обладали чуть вывернутыми коленями, маленькими, твердыми, как камень, грудями и выглядели более коренастыми.

Несмотря на отсутствие рогов, их лица казались такими же злобными, как у мужчин, а их клыки были даже чуточку длиннее. Голоса женщин звучали на пол-октавы выше, но издаваемые ими рычание, рев, ворчание и вой наверняка не мог понять никто, кроме их собратьев.

Руку одной из женщин тоже украшали часы, а двое, мужчина и женщина, в мочках ушей и на шее носили какие-то украшения из кости. Видимо, это были знаки высокого положения или принадлежности к определенному племени.

Первый циклоп подозвал к себе остальных и ревел так громко, что распугал всех птиц в радиусе около четверти километра. Вначале соплеменники попытались посадить его на верхушку модуля, но металлическая поверхность оказалась слишком скользкой. Тогда они нашли другой способ: перешли на одну сторону и начали раскачивать железную пирамиду, самый крупный из них задавал ритм. Модуль пошатнулся раз, другой и наконец упал на бок. Одна из женщин тут же подперла его каменной глыбой размером почти с Мавру Чанг.

Великан одобрительно зарычал. Открытый люк оказался теперь на уровне его глаз. Он с любопытством заглянул туда, а затем засунул в отверстие свою могучую ручищу. Раздался отвратительный хруст. Рука вынырнула из люка, сжимая кресло, оторванное от привинченного к полу основания. Гигант поднес его к своему глазу и принялся удивленно рассматривать. Одна из женщин ткнула когтистым пальцем в сиденье, остальные закивали. Кто-то из мужчин присел и положил руку себе на колено. Мавра догадалась, что они оценивают размеры существ, которые сидели в кресле.

Решив, что с нее довольно, женщина побежала обратно в лес. Рисковать не стоило, ветер мог перемениться в любую минуту. Эти примитивные существа были достаточно сообразительными и быстро пришли к согласию. Прежде чем знакомиться с ними ближе, стоило узнать, чем они питаются.

Первой ее заметила Никки.

— Сюда! — крикнула девушка и замахала рукой.

— Мавра! Слава Богу! — горячо воскликнул Ренар. — Мы слышали жуткий рев и рычание. Что происходит?

Рассказ о циклопах привел их в неопиcуемый ужас.

— Нам надо как можно быстрее удирать отсюда, — объяснила Мавра. — Они уже поняли, что мы где-то неподалеку.

В знак согласия Ренар и Никки энергично закивали.

— Но как мы определим, что убегаем, а не наоборот — сами идем к ним в лапы? — опомнилась вдруг девушка. — Мы же можем выйти прямехонько к их поселению.

Мавра на мгновение задумалась.

— Подождите минутку, — сказала она. — В целом этот мир не похож на то, что мы увидели здесь. К востоку отсюда лежит океан, за ним — какие-то горы и никаких травянистых равнин. Помните, компьютер выводил изображение планеты на экран, когда мы летели сюда?

— Остается только определить, где находится восток, — усмехнулся Ренар.

— Небесные тела обычно вращаются с запада на восток, — напомнила ему Мавра. — Это означает, что солнце восходит на востоке и заходит на западе. Скоро наступит вечер, и, поскольку сейчас солнце находится вон там, восток располагается в той сто-

роне. — Указав направление, она настойчиво произнесла: — Идем!

Выбора не было, и все трое двинулись в лесную чащу. Рев и рычание у них за спиной не утихали...

— Мы должны оставаться в лесу как можно дольше, — сказала Мавра. — Этим здоровенным младенцам будет намного труднее выследить нас среди деревьев.

Они продолжали свой путь, почти не разговаривая, так как сказать друг другу им было нечего. Постепенно солнце спускалось все ниже, тени сгущались, близились сумерки. Тяжелее других приходилось Никки. Но девушка держалась стойко. У нее была только одна жалоба.

— Я хочу есть, — стонала она во время частых остановок.

Ренар тоже немного проголодался.

— Может, мне попробовать подстрелить какое-нибудь мелкое животное вроде тех, что постоянно попадают нам под ноги? — предложил он. — Короткая очередь из пистолета — и все.

— Ладно, — подумав, разрешила ему Мавра. — Попробуйте. Но цельтесь как следует и стреляйте наверняка. Не к чему нам устраивать лесной пожар.

Как только она замолчала, послышался шорох, и в кусты юркнуло одно из тех животных, о которых говорил Ренар. Оно было почти в метр длиной, коротконогое, с узкой мордой, пушистыми усами и глазами-бусинками, как у грызунов.

Охранник прикинул, в каком месте оно должно выскочить из подлеска, и навел пистолет. Зверек, ничего, видимо, не подозревавший о грозившей ему опасности, появился именно там. Ренар выстрелил.

Ничего не произошло.

Зверек сверкнул на них глазками, заныл, словно его обидели, и скрылся во мраке.

— Что за черт! — воскликнул Ренар и, чувствуя себя полным дураком, осмотрел пистолет. — Да в нем нет зарядов! — сказал он с удивлением. — Странно, я точно помню — у меня оставалось еще три четверти зарядов!

Он уже занес руку, чтобы выбросить пистолет, но Мавра остановила его.

— Не выкидывайте, — сказала она. — Помните, как вышел из строя наш корабль? Не исключено, что подобное происходит здесь со всеми механизмами. Пистолет может пригодиться позже, когда мы доберемся до моря. Ведь никому не известно, что он не заряжен.

Ренар поворчал, но спорить с этой женщиной ему не хотелось.

— Похоже, мы ляжем спать голодными, — сказал он, засовывая пистолет обратно в кобуру. — Прости, Никки.

Девушка вздохнула, но не произнесла ни слова.

— Завтра я добуду какую-нибудь еду, обещаю, — неожиданно для себя сказала Мавра. Она не раз бывала в безнадежных и совершенно невыносимых ситуациях, и каждый раз происходило что-то такое, что выручало ее. Она принадлежала к породе выживающих. С ней никогда не случалось ничего фатального.

— Эту ночь мы проведем здесь, — сказала Мавра. — Разжигать костер рискованно. Я буду караулить первая. Когда мне станет невмоготу, я разбужу вас, Ренар. Потом вы поменяетесь с Никки.

Охранник запротестовал, но Мавра осталась неумолимой:

— Оставьте, Ренар. Я сейчас просто не усну.

Она одна была одета надлежащим образом. Тело Никки окутывало тонкое, как паутинка, ничего не скрывающее одеяние, принятое на Новых Помпеях. Сандалии девушка давным-давно сбросила. То же самое сделал Ренар. Кроме того, они оба сняли с себя накидки, чтобы те не мешали пробираться сквозь лесную чащу. К счастью, Мавра не позволила им ничего выкидывать — даже самая легкая ткань хоть в какой-то степени могла защитить от ночной сырости.

Когда ее спутники устроились, Мавра вынула из сапог свои хитрые приспособления и проверила их состояние. Как она и предполагала, блок питания вышел из строя, надежные дорогостоящие защитные устройства превратились в железный хлам.

Темнота, словно одеяло, накрыла весь мир, и Мавра как бы переключила свои глаза на инфракрасное излучение.

Никки заснула почти мгновенно, но Ренар долго ворочался и в конце концов сел.

— Не спится? — прошептала женщина. — Чересчур много для одного дня?

Охранник бесшумно подполз к ней поближе.

— Не в этом дело, — еле слышно прошептал он в ответ. — Я кое-что почувствовал.

— Что имеете в виду?

— Губку. Я испытываю сильнейшую боль — словно все мое тело раздирается на части.

— И так будет все время? — с тревогой спросила она.

Ренар покачал головой.

— Боль накатывается волнами. Это ужасно. Бедняжка Никки не сможет вынести такие мучения.

Он помолчал немного, а затем произнес с безнадежной тоской:

— Мы умираем, Мавра.

Мавра спокойно восприняла его жалобы, но последняя фраза вызвала у нее решительный протест. Она почти забыла о проблеме, мучившей ее спутников.

— Как действует губка, Ренар? Сколько требуется времени, чтобы человек превратился в животное?

Охранник вздохнул.

— Каждый раз, когда случается такой приступ — а они раз за разом становятся все сильнее, — вы теряете какое-то количество клеток тела и какое-то количество клеток мозга. У вас полностью сохраняется память, но пользоваться ею становится все труднее и труднее. Мне часто приходилось наблюдать, как люди, лишенные губки, тупели на глазах. Длительность этого процесса зависит от свойств индивидуума, но существует твердое правило: каждый день вы теряете десять процентов своих умственных способностей, и поправить это нельзя, даже если увеличить дозы губки. Я всегда считался довольно толковым парнем — все-таки бывший учитель — и сразу догадался: что-то происходит. Сейчас я на десять процентов глупее, чем вчера. Конечно, при достаточно высоком уровне это не имеет большого значения. Но если ваш коэффициент умственного развития равен 150, подсчитайте, сколько времени займет деградация.

И Мавра подсчитала. Если вчера коэффициент умственного развития Ренара составлял 150, то сегодня — 135. Ладно, это не заметно. Но завтра он упадет до 122, а послезавтра — до 110, то есть до среднего уровня. А потом начинается настоящее ухудшение. За 110 следуют 99, затем 89. Через пять дней — 80, через шесть — 72, а это уже явное слабоумие. Через неделю коэффициент умственного развития уменьшится до 65 — двигательного и ментального уровня трехлетнего ребенка. После этого — превращение либо в автомат, либо в

животное, а поскольку память все еще сохраняется, ее стремятся уничтожить.

— А Никки? — спросила она.

— У нее еще меньше времени. Может быть, день или два, — ответил Ренар.

Мавра на минуту задумалась. Ей захотелось узнать, на что это похоже — жить в ожидании неизбежной, медленно приближающейся смерти? Неужели Ренар не надеется на чудо? Она где-то прочла, что никто не может реалистически представить себе свою собственную кончину. Но если процесс умирания происходит постепенно и человек это чувствует, ощущение безнадежности и страх возрастают.

Женщина мягко взяла охранника за руку и молниеносно вколола ему в плечо полную дозу гипнотизирующей жидкости. От неожиданности он вздрогнул, но сразу обмяк.

— Ренар, слушайте меня внимательно, — приказала она.

— Да, Мавра, — ответил он голосом маленького ребенка.

— Отныне вы будете полностью мне доверять. Вы поверите в меня и в мои способности и будете делать все, что я скажу, не задавая никаких вопросов, — скороговоркой произнесла Мавра. — Вы станете чувствовать себя сильным, здоровым и не будете ощущать ни боли, ни страданий, ни тоски. Вы меня понимаете?

— Да, Мавра, — тупо повторил он.

— Более того, вы вообще забудете о губке, о приближении смерти и деградации. Просыпаясь по утрам, вы не будете замечать ни в себе, ни в Никки никаких изменений. Понимаете?

— Да, Мавра.

— Тогда все в порядке. Сейчас вы вернетесь на свое место и заснете крепким, здоровым сном без

сновидений; проснувшись, вы забудете об этом разговоре, но станете делать то, что я велела. А теперь идите!

Ренар послушно направился туда, где была расстелена его одежда, улегся и через несколько секунд заснул.

Мавра понимала, что это внушение придется повторять не однажды. И кроме того, проделать то же самое с Никки, чтобы выбросить из головы девушки мысль о терзающем ее голоде.

Однако подобные приемы облегчат жизнь ей, а не им. Несчастные жертвы губки будут двигаться дальше по пути деградации и распада, пока она не потеряет над ними контроль.

До этого момента остается максимум шесть дней!

Мавру захлестнули эмоции. Где-то кто-то в этом сумасшедшем мире знал, как им помочь, мог им помочь, должен был им помочь. Она обязана в это верить. Обязана!

Женщина бесшумно наклонилась и занесла руку над Никки Зиндер.

ЮЖНАЯ ПОЛЯРНАЯ ЗОНА, МИР КОЛОДЦА

Комната напоминала кабинет преуспевающего дельца. Ее стены украшали всевозможные карты, схемы, диаграммы; массивный письменный стол в виде буквы П загромождала разнообразная аппаратура, в том числе коммуникационная; тут же лежали письменные принадлежности и печать. В левом верхнем ящике стола был спрятан пистолет.

Но существо, сидевшее за этим огромным столом и рассматривавшее разложенные перед ним бумаги, никоим образом нельзя было назвать человеком.

Грудные мышцы его необычайно широкого шоколадно-коричневого торса походили на квадратные плиты. Безволосая голова, тоже коричневая, имела овальную форму. Под плоским широким носом красовались огромные моржовые усы. Шесть рук, по три с каждого бока, были расположены попарно, причем верхние очень напоминали клешни краба. Ниже пояса этот необыкновенный торс, постепенно переходящий в гигантский змеиный хвост, свернутый кольцами, покрывала крупная желто-коричневая чешуя.

Нижней парой рук существо развернуло карту южного и северного полушарий Мира Колодца: вся

их территория оказалась разбита на множество абсолютно одинаковых по размеру шестиугольников — гексагонов, или гексов, поверх которых разными цветами были нанесены топографические обозначения и водяные пространства. В то время как нижние руки разворачивали карту, верхняя левая рука, вооружившись большим карандашом, пометила несколько гексов, а верхняя правая что-то записала в блокноте.

Затем средняя левая рука нажала кнопку интеркома.

— Да, господин посол, — отозвался учтивый женский голос.

— Мне нужны крупномасштабные карты двенадцатого, двадцать шестого, сорок четвертого, шестьдесят восьмого и двести сорок девятого гексов, — сказал шестирукий змий глубоким басом. — Кроме того, попросите, пожалуйста, чиллианского представителя зайти ко мне как можно скорее.

Вернувшись к изучению карты, он попытался сосредоточиться. «В общей сложности девять секций. Девять. Господи, откуда эта напасть?»

В следующий момент зажужжал зуммер. Посол нажал кнопку другого интеркома:

— Серж Ортега, я вас слушаю.

— Ортега? Говорит Гол Митер, Шамозан, — раздался высокий, пронзительный голос, который, как понимал Ортега, был голосом механического переводчика.

— Да, Гол. В чем дело? — Шестирукий змий мельком взглянул на карту. Ну конечно, это же тарантулы диаметром в три метра! «А у меня, кажется, ухудшается память», — пронеслось у него в голове.

— У нас есть снимки нового спутника. Он явно искусственного происхождения, — тархтел интерком. — Некоторые фотографии, сделанные в Север-

ной Зоне, просто фантастичны. Мы произвели спектроанализ. По составу его атмосфера мало отличается от атмосферы нашего южного полушария, преобладают азот и кислород, много водяных паров. Эта штука разделена на две половины. Одна из них накрыта каким-то полупрозрачным пузырем, поднимающимся на два или три километра над поверхностью. Вот почему мы не можем рассмотреть многие детали. Слишком сильное искажение. Впрочем, наши специалисты уверены, что там все заросло зеленью, словно это чей-то сад, а смутно различимые структуры скорее всего здания. Такое впечатление, что кто-то создал для себя личный город-мир.

Серж Ортега немного подумал.

— А что можно сказать о второй половине?

— Очень немного. Там одни голые скалы — результат воздействия температуры, давления и химических реакций. Вероятно, это единственная сохранившаяся часть природного образования. Но примерно посередине между экватором и южным полюсом расположен какой-то огромный сверкающий объект дискообразной формы.

Ортега нахмурился.

— Силовая установка?

— Сомневаюсь, — проверещал словоохотливый тарантул. — Эта штука, судя по всему, создана не для путешествий. Пузырь, о котором я говорил, существует благодаря специальному устройству, которое постоянно обновляет в нем атмосферу. Он волнообразно колеблется. Любое движение, кроме орбитального, его разрушит. На краю этой планетки имеется район, где отмечены регулярные выбросы лучистой энергии, он несколько не согласуется с остальной территорией. Скорее всего это воздушный шлюз, а может быть, маленький космопорт.

Ортега, занятый своими мыслями, рассеянно кивнул.

— Все совпадает. Но как, черт возьми, сюда попала планета?

— Сверкающий диск был нацелен прямо на Экваториальный барьер. Поэтому либо эту штуку притянул сюда Колодец, либо она сама случайно провалилась в него; во всяком случае, так утверждают наши ученые.

Ортега опять чертыхнулся. Тот, кто баловался с Колодцем, баловался с природой реальности. «Руки бы оторвать этим умникам», — раздраженно подумал он и почувствовал, что из нескольких имеющихся у него желудков два точно заработали язву.

— Я думаю, они не знают, куда попали, — сказал шестирукий змий. — Наверное, они увидели Колодец, решили выяснить, что это такое, спустились слишком низко над нетехнологическим гексом, и у них отказал двигатель.

Внезапно его словно осенило. «Девять секций! Конечно!» Он начал громко ругаться вслух, но из интеркома послышался недовольный голос гигантского паука:

— Что случилось? Я не улавливаю смысла.

— Ничего, — смущенно пробормотал Ортега. — Я просто дал себе пинка за то, что превратился в забывчивого старика.

— Дать пинка самому себе не под силу даже некоторым молодым, — весело парировал паук. — Но что вы забыли?

— Давным-давно у себя на родине я принадлежал к типу 41 и летал на космических кораблях, — отвечал Ортега. — Зарабатывал на жизнь. Так вот, в случае отказа силовой установки на любом космическом корабле автоматически срабатывает специальное спасательное устройство.

— Верно! — воскликнул Гол Митер. — Я и забыл, что вы Пришелец. Дьявол, да вы, оказывается, старше меня! И если не ошибаюсь, в прошлой жизни были пиратом?

Ортега фыркнул:

— Друг мой, я был оппортунистом! Во Вселенной существует три категории людей независимо от их расы или формы: негодяи, лицемеры и бараны. При таком раскладе я с гордостью ношу звание негодяя.

Механический переводчик разразился визгливым хохотом, а Ортегу позабавила мысль о том, как же на самом деле смеется трехметровый тарантул.

— Извините, — проговорил наконец паук. — Значит, вы были пилотом и уверены, что на каждом космическом корабле существовали специальные спасательные механизмы. Так?

— Да, и в случае аварии они разделяли корабль на девять секций, — объяснил Ортега. — Каждая могла вместить несколько человек. Посадка осуществлялась при помощи открывающихся под воздействием атмосферного давления парашютов. Девять, Гол!

Паук обдумал эти слова.

— Ага, точно как наш гость. Что ж, вполне вероятно. А вы уверены, что обладаете исчерпывающей информацией? Может ли быть так, что вам доложили не все?

— Моя разведывательная сеть — самая лучшая в Мире Колодца, — с гордостью отпарировал Ортега. — Хотите, я назову имя вашей четвертой жены?

— Ладно! Ладно! — рассмеялся Гол Митер. — Значит, девять. Это не случайное совпадение?

— Скорее всего — нет, — сказал Ортега, — и если это так, они принадлежат к типу 41. Я получил предварительное описание трех секций. Две из них неизвестного назначения и вряд ли заслуживают

внимания. Однако у третьей — закругленный, как у пули, нос. Это командный модуль корабля, которым пользуется тип 41. Там находится — или находился — пилот.

— А где упал этот модуль? — поинтересовался паук.

Ортега взглянул на карту, и его возбуждение несколько угагло.

— В Телиагине. Примерно в двадцати километрах от границы. Черт возьми, Гол, мне это совсем не нравится. Если тамошняя публика доберется до пилотов или кто там еще уцелел, им конец.

— Не может быть. — В голосе паука прозвучала неподдельная тревога. — Телиагин укомплектовал свое посольство?

— Нет, — ответил Ортега. — Эти дикари появляются здесь лишь от случая к случаю, чтобы кое-что купить. Они кочевники. Пастухи. Едят овец — в сыром виде и огромными кусками, когда, как правило, те еще живы.

— Ладно, проверю, может быть, на нас тоже кто-нибудь свалился, — проворчал Гол Митер, — но если нет, что тогда? Мы должны заполучить хотя бы одного из этих людей, Серж! Это единственный способ выяснить, что, черт возьми, здесь происходит!

Ортега согласился и снова уткнулся в карту. Телиагин располагался неподалеку от Экваториального барьера, к которому примыкал его родной Улик, но расстояние между этими гексами было слишком велико. Он взглянул на ближайших соседей Телиагина и остановился на гексах, граничащих с ним на юго-востоке. Кромм и Лата! Кажется, это было то, что нужно. Латы умели летать, а в Кромме была довольно сносная атмосфера, но сколько времени понадобится, чтобы добраться туда? Дня два, не меньше. А

сколько времени уйдет на поиски? Кстати, обычный телиагинец с равным успехом мог сожрать лату и оказать ей помощь, так что говорить об инструкциях было бессмысленно.

Но другого выхода он не видел.

— Послушайте, Гол. Поддерживайте со мной контакт и продолжайте изучение спутника, — сказал он пауку. — Я собираюсь организовать нечто вроде спасательной экспедиции. Надеюсь, мы доберемся до них раньше, чем телиагинцы.

С этими словами Ортега отключил переговорное устройство и снова нажал кнопку интеркома.

— Джекди? Кто-нибудь уже прибыл из Чилла?

— Нет, сударь, — ответила секретарь. — Мы ждем посла в 17 часов, не раньше. Позвольте напомнить вам, что в чиллианском представительстве никто не живет.

Человек-змея помрачнел. Он был единственным послом, прикованным к Южной Зоне. Он не смел покинуть ее и не мог возвратиться домой. Эта история началась двести лет назад, когда по всем правилам Серж Ортега должен был спокойно умереть от старости. Однако умирать он не пожелал и умело шантажировал гекс Магрэн, обитатели которого владели магией и тайком воровали энергию компьютера Мира Колодца, чтобы нарушать те или иные законы. В обмен на молчание Ортега получил вечно юное тело, но оказалось, что за него все же придется платить. Магия не действовала за пределами гекса, в котором произошло превращение. В Мире Колодца правила игры менялись 1560 раз ровно по числу народов, населяющих эту планету. В одних гексах компьютер Колодца разрешал неограниченный технический рост. В других он ограничивал развитие техники — скажем, использованием пара. В остальных, таких, как Телиагин, не действовало ничто. Источ-

ники энергии, технические возможности, даже объем атмосферы менялись от гекса к гексу, сохраняя в каждом из них стабильность благодаря программе, заложенной в компьютер.

В Южной Зоне действовало почти все, в том числе наложенное на Ортегу заклинание вечной молодости. Но если бы посол покинул Зону, хотя бы просто для того, чтобы увидеть солнце, небо и звезды, чары развеялись бы и он бы мгновенно постарел.

— Свяжитесь с послем Латы, Джедди, — приказал Ортега.

Минуты через две в интеркоме раздался высокий нежный женский голос:

— Ходури слушает. Чем могу быть полезна, посол Ортега?

— Вам известна ситуация, сложившаяся в Телиагине? — спросил улик и выложил все, что узнал к этому моменту. Закончил он так: — Понимаете? Только вы можете им помочь. Это трудно и опасно, но мы отчаянно нуждаемся в этих людях.

Лата думала недолго.

— Я посмотрю, что можно сделать, и перезвоню вам, — ответила она. — Дайте мне один час.

— Отлично, — сказал Ортега, — но имейте в виду, дорога каждая минута. Кстати, если вам удастся разыскать вашу соотечественницу по имени Вистару и посвятить ее в ваши планы, будет совсем хорошо. Она — Пришелец, явившийся из того же сектора космоса, откуда, по нашему мнению, прибыл планетоид, она могла бы служить переводчиком. Когда-то мы работали вместе. Скажите ей, что это — моя личная просьба.

— Сделаю, если только мы сумеем ее найти, — ответила посол Ходури. — Что-нибудь еще?

Ортега отрицательно помотал головой, хотя знал, что собеседница его не видит.

— Нет, только поспешите. От этого зависят их жизни, а может быть, и наши, если мы вовремя не выясним, что там происходит.

Только он вернулся к своим картам, снова зажуужал зуммер. Звонит чиллианский посол.

— Алло! Вардия? Это Серж Ортега, — прогудел он басом.

— Ортега! — Голос в интеркоме дрогнул точно так же, как дрогнул голос самого Ортеги. Посол Чилла был, в сущности, «оно»: чиллиане представляли собой движущиеся однополые растения.

— Вам известно, что у нас на планете гости? — спросил Ортега.

— Мне доложили об этом, — ответило мыслящее растение. — И что дальше? Вы собираетесь затеять с ними игру на выживание?

Ортега раздраженно передернул плечами. Чиллиане размножались простым делением, так что это мог быть один из двойников Вардии — они все сохраняли базовую память. Однажды, давным-давно, он причинил первоначальной Вардии немалое зло. неужели она так его и не простила?

— Оставим в покое прошлое, — отрезал он. — Это дело гораздо важнее, чем все мелкие заговоры, вместе взятые. Необходимо, чтобы в Центре немедленно возобновило работу чиллианское кризисное бюро. У вас лучшие в Мире Колодца компьютеры, поэтому вам удобнее осуществлять координацию действий. В историю со спутником и падающими с неба модулями вовлечено множество разных гексов.

Он обрисовал чиллианину ситуацию.

— Что же вы намереваетесь предпринять? — спросила Вардия.

— Я послал туда лат, чтобы они попытались спасти пилота и, если удастся, кого-нибудь еще.

Если — а это огромное «если» — мы сумеем заполнить одного из них живым, ему придется рассказать нам, что происходит. Впрочем, сейчас это не главное. Выслушайте меня внимательно и, может быть, поймете почему.

— Слушаю, — произнесла Вардия. Судя по ее голосу, Ортеге она не доверяла.

— Я засек все девять модулей. Вначале они были на западе, а затем часть из них отнесло немного к югу. Почему? Я задумался и понял, в чем тут дело. Скорее всего, Вардия, один из модулей — с двигателями. Неповрежденный! Держу пари, что это именно так и что это первая мысль, которая придет в голову каждому, кто даст себе труд задуматься над этим вопросом! Ни в одном гексе Мира Колодца построить такой модуль невозможно. Что же касается остальных частей, то изготовить их не проблема. Тот, кто завладеет моторным модулем, вполне может создать космический корабль, который будет летать. Запустите его, задайте ему точное направление, и он беспрепятственно достигнет Колодца. Если я подумал об этом, то так же сделают и другие. Я говорю о войне, Вардия! О войне! Здесь у нас хватает старых пилотов, которые еще помнят, как управлять космическими кораблями.

Вардия все еще сомневалась, но это было скорее связано с нежеланием признать, что Ортега в принципе способен говорить правду.

— Все попытки подчинить себе Колодец заканчивались весьма плачевно, — ответила она. — Трифф Дхала доказал это, проиграв одиннадцать столетий назад Великую войну!

— В конечном итоге Великая война обернулась банальной попыткой захватить чужие территории, — заметил Ортега. — Эта же будет иметь со-

вершенно другие цели. Готов поклясться, как раз сейчас, в данную минуту, пять дюжин правителей от корки до корки перечитывают «Теорию военных действий Колодца» Триффа Дхалы. И перед глазами у них стоит космический корабль. Подумайте над этим, Вардия!

— Не хочу, — отрезал чиллианин. — Но обо всем этом я сообщу в Центр. Если ученые и компьютеры с вами согласятся, мы примем меры и откроем кризисное бюро.

— Это все, о чем я прошу, — сказал улик, выключил интерком и снова уставился в карту.

Его взгляд остановился на Лате и Телиагине. «Как их туда занесло? — подумал он. — Корабль двигался на юго-запад. Но это значит, что он пролетел над морем Бурь, а затем оказался над Кроммом. Из-за технологических ограничений, существующих в Кромме, двигатель отказал, корабль распался на модули, и один приземлился в Телиагине. Перед тем как произошла авария, пилот наверняка видел море и горы. Если он знал свое дело, то должен был понять, что горы и море находятся на востоке, а едва только увидел телиагинских чудовищ, должен был сразу туда направиться. Если он и его команда (вдруг кто-то еще остался в живых) двинулись через Кромм и их не испугали дожди, тогда с ними все будет в порядке».

Ортега верил в опытность этого пилота.

— Соедините меня, пожалуйста, еще раз с посольством Латы, Джедди, — попросил он. — Посла нет, но я поговорю с его помощником.

В ожидании связи он бессмысленно уставился в карту.

Латы должны успеть. Они просто обязаны это сделать.

ЛИФТ, ПРИБЛИЖАЮЩИЙСЯ К ВЕРХНЕЙ СТОРОНЕ, НОВЫЕ ПОМПЕИ

- Вы слишком напряжены, — сказал Бену Юлину Антор Трелиг. — Расслабьтесь. Станьте Маврой Чанг. Поступайте, как она, реагируйте, как она, думайте, как она. Пусть ее личность полностью управляет вами. Мы не должны допустить ни одной ошибки.

Юлин кивнул и, попытавшись расслабиться, случайно царапнул ногтем по обивке кресла. Ногти были длинные и твердые, как сталь. Внезапно молодой человек почувствовал что-то странное. Взглянув на ручку кресла, он заметил на ней крошечную лужицу. Он окунул в нее палец, затем поднес его к носу. Никакого запаха. Тогда он прикоснулся им к языку. Возникло ощущение лёгкого онемения. «Что за черт?» — подумал Бен Юлин и стал с любопытством рассматривать свои новоприобретенные ногти. Под каждой остро заточенной металлической пластинкой находились хрящик толщиной в человеческий волос и жесткий тюбик, которым управлял крошечный мускул. Яд?

Он решил проверить это при первой же возможности.

Вспыхнул предупреждающий световой сигнал, и лифт начал тормозить.

— Прекрасно, сейчас мы выйдем, — небрежно произнес Трелиг, и они напряглись в ожидании остановки.

Гил Зиндер выглядел совершенно беспомощным, его личность затаилась в дальнем уголке мозга. Он был Никки Зиндер и ждал, когда один из тех, что находились вместе с ним в лифте, выведет его наружу. Его спутниками были охранник Ренар и Мавра Чанг, и он знал, что должен поступать так же, как они, и целиком доверять им. Оби избрал самый легкий путь: он буквально превратил старика в его собственную дочь и изолировал новую личность от реальности.

Дверь открылась, и все трое вышли наружу, окунувшись в теплый свежий воздух и яркий солнечный свет. Теперь мир стал немного иным: появились тени, изменилось расстояние до солнца, которое слегка изменило цвет. Кроме того, прямо над астероидом висела планета, занимавшая десятую часть неба.

Они затаили дыхание, ибо не были подготовлены к тому, что перед ними предстало. Освещенная солнцем, планета была похожа на сверкающий гранями драгоценный камень; под водоворотом облаков на юге она была синей, тогда как на севере преобладали красный и желтый цвета. Искажения, объяснявшиеся существованием плазменного щита, делали эту панораму несколько призрачной.

— Вот здорово! — вздохнул Гил Зиндер.

Первым опомнился неизменно практичный Трелиг.

— Пошли! — сказал он. — Посмотрим, кто здесь сейчас командует.

Несколько охранников и служанок радостно бросились им навстречу.

— Ренар! Слава Богу! — воскликнул кто-то, и Трелиг отметил, что понятия не имеет, какие отношения связывают его людей. Однако он знал их имена и всю их подноготную, это помогло.

— Дестуин! — крикнул он в ответ и крепко обнял малорослого охранника. «Все правильно, Дестуинто — женщина», — пронеслось у него в мозгу. — За что «слава Богу»? — мрачно спросил он. — За то, что осталось всего пять дней?

Это, судя по всему, отвлекло их от дальнейших сравнений.

— А где остальные гости? — спросил Бен Юлин.

— Поблизости, — ответил ему один из охранников. — Мы не очень-то заботимся о них, да и они держатся от нас в стороне. Это не имеет большого значения. Вы находитесь в таком же положении, что и мы. — Охранник показал на Мир Колодца. — Видите вон ту черную точку около планеты? Ниже третины и чуть правее?

Бен долго всматривался и наконец увидел ее — черную булавочную головку, похожую на дырку в теле планеты. Она двигалась.

— Это часовой, — пояснил ему охранник. — Он взорвет к чертям любой корабль, который попытается удрать с астероида. Код, который мог бы его остановить, знал только Трелиг, а он убит. Так что вам суждено сначала увидеть, как умираем мы, а через четыре-пять недель, когда иссякнет продовольствие, последовать за нами. Правда, тут у некоторых возникла идея сесть в оставшийся корабль и взлететь на воздух. Это все же лучше, чем смерть от губки или голод.

Никому из новоприбывших в подобном разговоре участвовать не хотелось.

— Я хорошо знаю эти корабли, — заявил Бен Юлин. — Разрешите мне отправиться вниз и посмотреть — вдруг мне удастся что-нибудь сделать. А навредить я вряд ли смогу.

Охранник пожал плечами:

— Да ради Бога! Хотите взять кого-нибудь с собой?

— Ренар! Вы составите мне компанию? — предложил Юлин.

Однако Трелиг решил, что пока это слишком опасно.

— Возьмите лучше Никки, — сказал он. — Это абсолютно безразлично, кто из нас пойдет с вами. Я загляну в космопорт позднее, чтобы посмотреть, как у вас обстоят дела.

Юлин вздохнул: пока все складывается отлично. Но самое главное было еще впереди.

— Пошли, Никки, — сказал он и двинулся вперед. Толстушка покорно последовала за ним, бросив последний взгляд на сверкающее сюрреалистическое небесное тело, наполовину закрывшее горизонт.

Юлина тоже интересовала эта планета. Он знал, что они никогда не увидели бы ее, если большое блюдо находилось бы точно напротив Новых Помпей, но оно располагалось чуть под углом.

До космопорта они добрались минут за пятнадцать. Снаружи маленький терминал казался пустыней. Юлин впервые по-настоящему расслабился. Все было слишком легко. Он смело вступил на терминал, но сразу остановился.

На стойке бара восседал абсолютно пьяный рыжий великан с внешностью викинга.

Юлину он показался привлекательным мужчиной, и тот факт, что эта мысль его ничуть не шокировала, свидетельствовал о тщательности, с которой Оби осуществил преобразование. Он попытался вспомнить имя этого человека.

— Ага! Значит, вы тоже попались! — взревел викинг и звучно отхлебнул из бутылки, которую держал в руке. — А я думал, что вы смылись!

Юлин молча стоял рядом с Зиндером, не зная, что предпринять. Этот мужчина был намного крупнее лилипутки Мавры Чанг. Сама мысль попытаться утихомирить его с помощью силы казалась просто смешной.

Великан (Бен Юлин вспомнил, что его звали Рамни) сидел на стойке совершенно голым.

— Все пропало! — объявил он, сползая на пол и представляя перед зрителями во всей красе. — Вы не можете удрать, я не могу удрать, никто не может удрать. Единственное, что нам осталось, — это напиться и повеселиться в последний раз. А почему бы и нет, дорогуша? Иди сюда! Я доставлю тебе оба этих удовольствия одновременно!

Бен Юлин скосил глаза на причинное место гиганта и оставил все сомнения в его намерениях.

Рамни протянул вперед руку с бутылкой.

— Хочешь глоточек?

После этих слов он сразу потерял для «Мавры Чанг» всю свою привлекательность, наоборот, он стал страшен. Юлин попятился к двери, но мужчина оказался намного проворнее. Он играл со своей будущей жертвой, хихикая, как маньяк.

Юлин кинулся в другую сторону, однако Рамни опять преградил ему дорогу. Крошечная женщина в отчаянии заметалась, пытаясь найти хоть какую-нибудь лазейку, но терминал был слишком тесен. Док-

тор наблюдал за этой волнующей сценой в стыдливом изумлении. На скользком полу космопорта разыгрывалась сексуальная фантазия Никки Зиндер, она не могла оторвать глаз от предмета столь фантастических достоинств. Гил Зиндер, глубоко запятанный в ее мозгу, покорно молчал, отныне его ничто не волновало.

— Послушайте, — попытался образумить распаленного мужчину Бен Юлин. — Отчаиваться еще рано! Я постараюсь вытащить отсюда всех приглашенных, если вы пропустите меня к кораблю!

Рамни задумался на какие-то полсекунды, а затем ухмыльнулся.

— Шикарная идея, — одобрил он. — Я даже собственноручно посажу вас в эту паршивую жестянку. Потом. А сейчас займемся делом.

Юлин проклял обстоятельства, вынудившие его избавиться от не гармонизировавшего с обликом Мавры Чанг пистолета, и от всей души пожелал, чтобы здесь как можно скорее оказался или Трелиг, или какой-нибудь охранник, или вообще любой человек, который бы его выручил.

— Все, чего мне хочется, — это кусочек хвоста, — выл Рамни. — Мне нужен хвост, а тебе...

Внезапно гигант замолчал, пытаясь сфокусировать свой взгляд на какой-то точке.

— Эй, малышка, да ведь у тебя нет хвоста! — заявил он обвинительным тоном.

Тут Юлин перепугался окончательно. Это была правда! Чертов Оби! Он выдал именно последний образ Мавры Чанг, последний реальный образ!

Юлин не спеша двинулся к воротам, за которыми был пришвартован оставшийся корабль.

— Спокойнее, парень, — негромко произнес он, не отрывая глаз от безумных зрачков Рамни. — Вы

что-то заметили, ну и ладно. Теперь вы знаете, что я, может быть, сумею вызволить вас отсюда. Разрешите мне попытаться.

С этими словами Юлин направился прямо к причалу. В этот момент Рамни набросился на него сзади, одним ударом свалил на пол и прижал, не давая встать. Пустая бутылка разбилась о дальнюю стену, пролетев всего в нескольких сантиметрах от головы Зиндера.

Навалившись на Юлина всем телом, Рамни начал срывать с него полупрозрачное одеяние.

— Дай-ка я удостоверюсь, что под этими тряпками прячется женщина, — глухо рычал он, брызгая слюной.

Юлин уже распрощался со своей честью, но, когда Рамни стал его лапать, не выдержал, освободил правую руку и, извернувшись, умудрился вонзить свои острые ногти прямо в лицо насильника. При этом он ощутил нечто странное: крошечные мускулы у него под ногтями сократились. Рамни заорал от боли, оцепенел и свалился ему на голову, словно мешок камней. Юлин был не в состоянии не только пошевелиться, но даже вздохнуть.

— Никки! — прохрипел он. — Помоги! Стащи его с меня!

Однако Зиндер, казалось, не слышал его.

Пытаясь освободиться, Юлин толкал, ругался и мял.

— Да откатись же ты в сторону, черт подери! — в отчаянии крикнул он, и, к его изумлению, Рамни немедленно повиновался.

Помятый, полузадушенный, Юлин медленно отходил от пережитого потрясения. У него болели и спина, и бока, и вообще все тело. Кашляя и сплевывая кровь, Юлин несколько минут отдыхал, стараясь

прийти в себя. То, что он сделал, казалось ему ужасным, но так уж получилось. Конечно, если бы он превратился в мужчину ростом в 180 сантиметров, все было бы намного проще и эта безобразная сцена не состоялась бы.

Однако, переселившись в тело Мавры, Бен остался самым собой.

— Эй ты, на полу! Как тебя зовут? — резко спросил он, проверяя свою память.

— Рамни. Бык Рамни, — пробормотал поверженный викинг.

Бен Юлина поразило оснащение Мавры Чанг. Он не сомневался, что эти спусковые устройства хирургическим путем имплантировал ей какой-то непризнанный гений. Она опасная дама, решил он не без восхищения. Так или иначе, молодой человек очень надеялся, что женщина еще жива.

— А теперь, Бык Рамни, слушай меня внимательно, — сурово произнес Юлин. — Ты будешь лежать здесь неподвижно, словно бревно, до тех пор, пока я не велю тебе что-нибудь сделать. Ты понял?

Здоровяк кивнул и застыл.

— Ну-ка изобрази мне позу эмбриона, Рамни! — приказал Бен Юлин, наслаждаясь собственным могуществом.

Рамни скрючился и снова будто окоченел.

— Отлично, так и лежи. Зиндер, пойдем посмотрим на этот корабль. — С этими словами молодой человек поднялся на ноги и первым направился в сторону открытого люка, он не замечал, что его голос похож на голос Мавры Чанг гораздо больше, чем ему хотелось бы.

Оказавшись на борту корабля, они обнаружили, что им достался космический челнок, снабженный всем необходимым. Там был неприкосновенный

запас продовольствия, рассчитанный примерно на три недели. Юлин тихо выругался. Ожидая, пока все наркоманы вымрут, они будут сидеть на голодном пайке. Разумеется, когда все уляжется, Оби сможет сделать многое. Он создаст продовольствие и использует людей, оставшихся на Новых Помпеях, для замены умерших охранников. Рабство без губки — Трелигу это понравится.

Юлин проверил оборудование корабля — он был вполне приличным пилотом. Управление оказалось на редкость простым, и Бен сравнительно легко мог с ним справиться. Пока корабль находился в доке, все его системы поддерживались в полном порядке, так что никаких проблем не ожидалось. Хороший воздух, герметизация — в норме. Он поискал оружие, но, естественно, ничего не нашел. Трелиг не любил рисковать.

Вздохнув, молодой человек закрыл люк и уселся, приговившись ждать.

Прошло несколько часов, и Бен Юлин уже начал нервничать. Было несколько ложных тревог: проводить их забегали охранники и пара важных шишек. Все они с удивлением косились на Рамни, но, поскольку великан лежал около бара (Юлин предусмотрительно поставил рядом с его рукой полупустую бутылку), никто ничего не спрашивал. Никто даже не стал его укорять.

Услышав наконец какой-то шум, Юлин выглянул наружу и увидел, что к кораблю приближается Трелиг в сопровождении двух охранников. Молодой человек даже плюнул в сердцах — настолько все эти сексуальные калеки выглядели одинаково. Все трое были настроены очень решительно и деловито полезли в

люк. Бен уловил выразительный взгляд Трелига и сразу же успокоился.

— Только что у нас состоялось совещание, на котором было решено отпустить всех, кто хочет свести счеты с жизнью, — сообщил один из охранников женщине, поднявшейся к ним навстречу из кресла пилота. — Если роботы-часовые уничтожат нас — прекрасно. Если нет — мы сами подорвем корабль.

— Откуда такая жестокость? — спросил Юлин.

Охранник помрачнел.

— Я и мои товарищи хотим умереть быстро. Мы только что убили несчастных, которых Трелиг в наездничество остальным еще раньше оставил без губки. Ни один из нас не желает стать таким, какими были они. Мы собираемся помочь людям избежать этого и совершить задуманное совместно. А потом... да нет, собственно, это все.

Когда он еще только начал говорить, Юлин заметил, как Трелиг, вошедший самым последним, медленно вытаскивает пистолет и направляет его на обоих охранников. Молодой человек мысленно вознес молитву родовым богам, в которых никогда не верил, и кивнул.

— Понимаю, — сказал он. — Я постараюсь, чтобы все прошло без осложнений. Полагаю, это — прощание.

Охранник уже открыл рот, чтобы что-то ответить, но в этот момент Трелиг в упор выпустил в него и в его соседа две короткие очереди, предварительно поставив пистолет на полную мощность огня. Юлин и Зиндер инстинктивно пригнулись, но бывший советник стрелял превосходно. Охранники окутались ярко-оранжевым сиянием и исчезли. От них ничего

не осталось, кроме нескольких подпалин на ковре и отвратительного едкого запаха горелой плоти.

— Закройте люк! Уходим! — крикнул Трелиг. Но Юлина не надо было подгонять. Корабль задрожал, послышался вой разгоняемого двигателя, зазвенело сброшенное причальное устройство, и, чуть ли не до того как Зиндер с Трелигом успели сесть и привязаться, Юлин вдавил в панель управления кнопку старта.

— Спокойнее, идиот! — резко сказал Трелиг. — Вы же нас угробите! Мы уже смылись! Теперь они не смогут нам помешать!

Ошеломленный Юлин быстро взглянул на Трелига и на приборы. Его начала бить легкая дрожь.

Роботы-часовые передали свое предупреждение, после чего Трелиг сообщил им необходимый код.

— Куда двинемся? — успокоившись, спросил Бен Юлин у Антора Трелига.

— Вначале посмотрим на эту диковинную планету, — ответил хозяин. — Она вызывает у меня любопытство.

Юлин развернул корабль и, сбавив скорость, медленно направил его к сверкающему шару.

Трелиг обернулся к Никки.

— Зиндер! — позвал он. — Идите в носовую часть и присоединяйтесь к нам.

В манерах толстушки что-то неуловимо изменилось. Развязав ремни, она подошла к экрану.

— Невероятно! — произнес старый ученый голосом дочери.

— Интересно, почему два полушария одной планеты так непохожи друг на друга? — спросил Трелиг. — Взгляните — на юге те же сверкающие грани, но много зелени, и океан, и прочее в том

же духе. Напоминает наш мир. Далее идет янтарная лента вокруг экватора, а затем — совершенно иная картина.

— Приполюсные районы тоже весьма любопытны, — заметил Гил Зиндер. — Посмотрите, какие они темные. словно гигантские здания в сотни, а может быть, даже в тысячи километров в поперечнике.

— Давайте снизимся над одним из полюсов, — предложил Юлин. — И кстати, обратите внимание на их центры.

Вглядевшись в экран, они поняли, что он имеет в виду. В самом центре темного пятна находилась огромная расщелина гексагональной формы, заполненная абсолютным мраком.

— Что это такое? — удивленно спросил Трелиг.

Гил Зиндер на мгновение задумался.

— Не знаю, — сказал он. — Возможно, что-нибудь вроде нашей большой тарелки, но только куда более изощренное.

— Но почему она шестиугольная? — раздражаясь настаивал Трелиг. — Черт возьми, здесь повсюду гексагоны!

— Марковиане обожали гексагоны, — сообщил Бен Юлин. — Даже города у них имели эту форму. В детстве я как-то раз побывал на развалинах...

— Давайте осмотрим север, — оборвал его Трелиг. — Он так поразительно отличается от юга. Должна быть какая-то причина.

Юлин притормозил, и изображение на экране закружилось вихрем.

— Хитрая штука этот челнок, — пробормотал молодой человек сквозь зубы. — Похоже, подобные корабли не рассчитаны на малую скорость, за исключением приземления и захода в док.

Пересекая экватор, они увидели настоящий барьер — внушительный и непрозрачный.

— Эх, если бы у нас была хоть какая-нибудь аппаратура, — вздохнул Зиндер, чем-то искренне заинтересованный. — Мне бы хотелось узнать, из чего состоят эти странные образования. Похоже на метан, аммиак и все их соединения.

Корабль пересек терминатор и оказался в полной темноте.

— Смотрите, здесь кто-то живет, — заметил Трелиг, указывая вниз.

Действительно, в некоторых гексах отдельные районы были ярко освещены, там явно находились крупные города.

— Жаль, что мы не можем подойти к ним немного поближе, — с неподдельным огорчением сказал Зиндер. — Искажения, вызванные атмосферой, слишком велики.

— Я попробую спуститься чуть ниже, — ответил Юлин, — и проскочить над верхними слоями стратосферы. Это сохранит нам достаточную эффективность движения в вакууме и в то же время позволит рассмотреть некоторые детали.

Не услышав возражений, он осторожно повел корабль вниз. Они снова пересекли терминатор и окунулись в ослепительный солнечный свет.

Неожиданно двигатель затрясся, а лампы приборов ослепительно ярко вспыхнули.

— Что случилось? — резко бросил Трелиг.

Юлин был искренне удивлен.

— Я... я не знаю.

Это повторилось еще раз, и тогда он перевел корабль на ручное управление, чтобы попытаться устранить неполадки.

— У нас почему-то скачками падает мощность, — объяснил молодой человек.

— Поднимайтесь выше! — приказал Трелиг, но в этот момент все лампы погасли.

— Мы падаем! — завопил Юлин. — Боже мой!

Трелиг в панике защелкал выключателями. В рубке было почти совсем темно, так что все это делалось практически на ощупь.

И вдруг все восстановилось. Сзади и спереди челнока раздавался пронзительный вой.

Передний экран отъехал в сторону, открыв отвратительный ландшафт, простиравшийся в каких-нибудь десяти километрах под ними. Трелиг ухватился за штурвал, вмонтированный в приборную панель второго пилота.

Лампы и приборы снова вырубались, и корабль начал двигаться рывками, его дергала и тащила неведомая сила, сопротивляться которой было невозможно. Трелиг крутил штурвал, пытаясь вернуть контроль над управлением. Но все было тщетно.

Вид, открывавшийся перед ними, оказался реальным: панель экрана загораживала окно, расположенное на носу космического челнока.

— Это устройство годится для полетов и в атмосфере, и в безвоздушном пространстве, — объяснил Трелиг, который, сжав зубы, все еще старался подчинить себе корабль. — Крылья наконец развернуты, — сообщил он. — Думаю, что сумею приземлиться, даже если двигатели полностью выйдут из строя.

Юлин наблюдал, как с пугающей быстротой приближается земля.

— Найдите мне ровное место длиной около двадцати километров, чтобы мы могли сесть! — заорал Трелиг.

— А разве у этой штуки есть колеса? — поинтересовался молодой человек, всматриваясь вдаль.

— Не глупите! — оборвал его хозяин. — И привяжитесь вы, оба! Даже если к двигателям вернется мощность, я не смогу удерживать корабль в воздухе достаточно долго, а значит, мы приложимся как следует!

— Вот оно! Ровное поле впереди! Видите? — крикнул Юлин.

Трелиг скрипнул зубами и повернул штурвал. Корабль мотало из стороны в сторону. Как они позднее поняли, их спасла повышенная плотность атмосферы, замедлившая падение. Как раз настолько, чтобы они остались живы.

Челнок упал на землю с ужасающим грохотом. Юлин закричал от боли, так как у него еще сильнее разболелись сломанное ребро и многочисленные ушибы — последствия схватки с Рамни.

Корабль скользил по бесплодной каменистой поверхности, и им казалась, что это будет длиться вечно. В конце концов они врезались в почти вертикальный склон, чуть не перевернулись, наконец остановились.

Трелиг застонал, развязал ремни и огляделся вокруг. Юлин был без сознания. Только сейчас Трелиг заметил на нем рваную одежду, синяки и раны. «Где же это «Мавра Чанг» умудрилась их получить?» — подумал он с любопытством.

Зиндер пострадал намного меньше. Тряска и впившиеся в тело ремни вызвали у него состояние душевной подавленности; старик получил несколько царапин и синяков. Однако в целом, если не считать головокружения после удара, он чувствовал себя неплохо.

Попытавшись встать, Трелиг ощутил, что у него тоже сильно кружится голова. Он несколько раз

падал обратно в кресло, пребольно ударяясь задницей, прежде чем понял, что на ногах ему все равно не удержаться. В мозгу советника билась одна-единственная мысль — он это сделал, спас их.

Трелиг взглянул на холодный пейзаж. Бесплодные черные скалы под темной плотной атмосферой, состоящей из... А впрочем, кто знает, из чего она состоит? В любом случае дышать этим воздухом человек не сможет.

Они остались живы — но надолго ли?

ЮЖНАЯ ЗОНА

— **Е**ще одно приземление? — пришел в ужас Ортега.

— Во время очередного сеанса наблюдения за спутником мы отметили всплеск энергии, — донесся до него через внутризонную систему связи механический голос Гола Митера. — Вначале нам было трудно засечь их, но благодаря медлительности пилота это удалось. Операторы точно рассчитали орбиту и задействовали прекрасную съемочную аппаратуру. Чего бы я только ни дал, чтобы посмотреть на нашу планету из космоса!

Ортега разделял его чувства.

— Так они все же сели? Я еще не получил об этом никакого доклада.

— В конце концов они спустились немного ниже, попали в зону воздействия Колодца, и, как у предыдущих, у них полностью отказала техника. Причина, по которой вы о них ничего не слышали, состоит в том, что любознательность наших непрошенных гостей зашла слишком далеко — им захотелось бросить взгляд на Север, и они направились туда. Насколько мы можем судить, они находятся между 11.46 и 13.18 либо в Учджине, либо в Ашиншихе. Вам что-нибудь известно об этих гексах?

В то время как шесть рук Ортеги перебирали карты, схемы и диаграммы, его рот изрыгал проклятия. Всю свою жизнь улик предпочитал создавать осложнения другим, но никак не преодолевать их сам.

Карты Севера оказались весьма приблизительными. Например, отмеченные на них океаны могли состоять из метана или из дюжины других, еще более смертельных соединений. Между жителями Юга и тамошними обитателями не могло быть никакого родства, ничего общего, даже того, что хоть как-то объединяло шестирукого змия Сержа Ортегу и гигантского паука Гола Митера. Некоторые северные расы были настолько чуждыми, что у них не существовало единой системы координат, в рамках которой южане чувствовали бы себя относительно нормально.

Глядя в карту, улик убедился лишь в одном — оба гекса, и Учджин, и Ашинших, — были не- или полутехнологическими и не могли взяться за ремонт хитроумных двигателей, установленных на космическом корабле.

Он вздохнул.

— Гол, даже если они выжили после аварии, в чем я лично сомневаюсь, у них скоро кончится воздух. Не знаю, имеют ли отношение, прах их побери, обозначения на карте Учджина к составу его атмосферы, но кислорода там нет, это точно. В Ашиншихе дела обстоят немного лучше, но там столько водорода, что они могут взорвать к чертям полгекса.

Митер задумался.

— Поскольку у нас нет никаких сообщений о катастрофе и не появилось никаких признаков активации Колодца, скорее всего они приземлились в Учджине, — сказал он наконец. — Как насчет ваших контактов на Севере? Можем мы что-нибудь использовать?

— Сомневаюсь, — мрачно ответил Ортега. — Из тех, кто живет там поблизости, я никого не знаю. Я даже не имею ни малейшего представления, как выглядит этот Учджин. И вообще мне крайне неприятно, что в эту историю оказались втянуты северяне. Я не доверяю тому, кого не могу понять, а некоторые из этих парней — отвратительные субъекты, движимые абсолютно непонятными побуждениями.

— Но выбора у нас нет, — сказал прагматичный Митер. — Я пошлю кого-нибудь в Северную Зону, и мы посмотрим, что можно сделать. Кстати, наши научные наблюдатели лояльны Северу. И раз они проследили за аварией, там уже обо всем известно. — Он помолчал. — Не унывай, Серж. Даже если эта штука осталась невредимой, северяне не смогут на ней летать. Она либо наша, либо ничья.

— Не наша, — поправил его Ортега. — И, дай Бог, ничья.

За какие-нибудь полдня техники установили в посольстве специальное оборудование, и улик по прямой линии связи соединился с Вардией.

— Чилл, — ответил ему незнакомый голос.

— Говорит Серж Ортега. На Севере совершена еще одна посадка. Займитесь этим. И еще, есть у вас хоть что-нибудь о телиагинском деле?

— Гм... Север... — пробормотало мыслящее растение. — Нет, из сектора Телиагина пока ничего не поступило. Впрочем, группа из Латы прибыла туда довольно быстро. Имейте терпение, Серж. Прошло всего два дня.

— Терпение — добродетель, присущая мертвецам, — проворчал Ортега и выключил связь.

Ааже для пешехода, если он знает, куда идет, двадцать километров — не такое уж большое расстояние. Но на второй день, едва только рассвело, густые облака окончательно затянули небо. Всю ночь слышался отдаленный грохот барабанов, передававших через весь гекс от поселения к поселению сообщения на непонятном условном языке.

Мавра Чанг подозревала, что в этих сообщениях содержится известие о странных, очень маленьких существах, которые прилетели на летающей машине и бродят по стране.

Дождь так и не пошел, однако весь день они пробирались по лесу в зловещей темноте. Солнце не показывалось, и определить верное направление оказалось проблематично. В обычных обстоятельствах Мавра, не обращая внимания на опасность, подождала бы до тех пор, пока небо не прояснится, но тут знала, что ее спутников пожирает смертельная болезнь и что, если им не удастся быстро добраться до гор и до берега океана, надежды уже не останется.

Много раз ей в голову закрадывалась мысль о том, что, рассуждая логически, надеяться на то, что в других странах к ним отнесутся более дружелюбно, не

следует. Скорее всего их обитатели окажутся не более цивилизованными, чем циклопы.

Но было кое-что и похуже: Мавра не знала, в каком направлении они двигаются. Разумеется, они начали свой путь точно на восток, но лес оказался очень густым; им пришлось обходить стороной грязные тропы и обширные заливные луга, и никто не знал, возвращались ли они после этого на ту же самую дорогу, или нет.

Чуть ли не единственной хорошей новостью стало обнаружение яблок. Во всяком случае, эти плоды очень напоминали яблоки, хотя росли на кустах и были непривычного лилового цвета.

Крупные грызуны ели их с удовольствием, и Мавра решила рискнуть. Самой голодной оказалась, конечно же, Никки, несмотря на то что ее аппетит подавляло отсутствие наркотика; было видно, что без пищи она долго не протянет. Мавра разрешила девушке съесть одно яблоко. Она понимала, что необходимо выждать несколько часов, чтобы на основе этого эксперимента вынести окончательное решение, но когда Никки сообщила, что яблоко сладкое, вкусное и легко жуется, она не выдержала: ее аппетит не подавляло ничто.

Яблоки и в самом деле оказались хороши; по-видимому, они составляли основную часть пищевого рациона здешних животных. Но они были важны вдвойне, ибо доказали — независимо от того, что еще может случиться, — что Мавра Чанг может здесь выжить.

Следующий день оказался намного приятнее. Они много раз незаметно проскальзывали мимо огромных циклопов с их свирепыми и мерзкими клыками, тащивших самодельные деревянные тележки или пасших на лугах стада животных, очень похожих на овец.

Однако Мавру не покидало чувство тревоги. Хотя у обоих больных губкой пока не замечалось особых изменений, она знала, что это впечатление обманчиво. В обычном разговоре нелегко определить, чей коэффициент умственного развития равен 100, а чей 150, но Никки наверняка уже деградировала: девушка была далеко не гением.

Когда они остановились на ночлег, горы еще не появились и ландшафт практически не изменился. Похолодало. Виною тому были влажный климат и сыпавшаяся на них с неба морось. Ренар и Никки чувствовали себя крайне неудобно: легкие одеяния, в которых они щеголяли на Новых Помпеях, только холодили тело. Одежда Мавры обеспечивала вполне приличную защиту. Однако поделиться ею со спутниками женщина не могла — у нее не нашлось ничего, что было бы им в пору.

В этот вечер мрак в их душах казался таким же непроглядным, как и в окружавшем их лесу.

Никки, грузная и не привыкшая к физической нагрузке, заснула первой, оставив Мавру, как и накануне, наедине с Ренаром. Они сели рядом с девушкой, не зная, о чем говорить. Он обнял ее, но это было скорее желание сплотиться перед лицом беды, чем романтический жест или попытка ухаживания.

Наконец Ренар решил прервать молчание.

— Мавра, вы в самом деле считаете, что все эти героические попытки имеют какой-то смысл? — спросил он. — Ни вам, ни мне не известно, где мы находимся и что увидим за следующим холмом — может, наш покореженный и побитый модуль.

Его вопрос рассердил Мавру: ее тоже мучили сомнения.

— Пока вы живы, имеет.

— Вы в самом деле так думаете? — переспросил охранник. — Это не бравада?

Мавра немного подвинулась, глядя мимо него, в темноту.

— Меня вырастила грубоватая женщина — капитан грузового корабля. Многие, полагаю, сочли бы ее далеко не идеальной родительницей, но она на свой лад любила меня, да и я любила ее. Я выросла в космосе, огромный грузовик был моей детской, огромные порты каждые несколько недель приносили мне новые восхитительные развлечения.

— А вы не страдали от одиночества? — удивился Ренар.

Женщина покачала головой:

— Ничуть. Другой жизни я не знала. Для меня это было нормально. С детских лет я привыкла думать, что всегда должна рассчитывать только на себя. Одиночество сделало меня независимой. Это очень пригодилось мне в дальнейшем, поскольку моя мать занималась контрабандой. Это было обычным делом среди капитанов, но она, по-видимому, ввязалась в какое-то крупное дело. Комм-полиция выследила ее и захватила корабль. Я тогда находилась в порту — делала разные покупки. Узнав о случившемся, я ничего не могла поделать. Я понимала, что, стоит мне высунуть нос, меня тоже схватят, произведут психическую чистку и передадут коммам. Поэтому я осталась на Каливе.

— А вы когда-нибудь чувствовали вину за то, что не пытались выручить свою мать? — спросил Ренар, сознавая бестактность своего вопроса, но понимая, что Мавре Чанг надо выговориться.

— Нет, — честно ответила женщина. — Мысленно я, тринадцатилетняя девочка ростом чуть больше метра, строила бесконечные планы о том, как я во-

рвусь туда, нападая на них, героически спасу мою маму и умчусь на ее корабле в неведомый мир. Но у меня не было ни единого шанса. Они увезли ее, а корабль конфисковали. Я осталась одна.

— Судя по вашему тону, коммов вы терпеть не можете, — заметил он. — Для этого существует какая-то особая причина?

— Они убили мою семью! — почти выкрикнула она. — Мне было всего пять лет, но я их прекрасно помню. Синдикат торговцев губкой силой и путем фальсификации голосования превратил мир Харвича в комм-мир, а мои родные — моя настоящая семья — до конца пытались бороться с ними. Всю эту историю я узнала от Маки Чанг, моей приемной матери, когда стала постарше. Когда произошел переворот и начался комм-процесс, выяснилось, что наша семья не может покинуть планету. Каким-то образом — не знаю, каким, — для моего спасения удалось нанять астронавта, пилотировавшего грузовой корабль с оборудованием для комм-процесса. Забавно: через столько лет я все еще помню его. Станный маленький человек в яркой одежде с сильным металлическим голосом, всегда имевшим несколько оттенков. Некоторые оттенки, как я впоследствии поняла, выражали отъявленный цинизм, но за всем этим чувствовались благородство и доброта, которые он тщетно старался скрыть. Смешно, но я даже помню его имя. Он так же реален для меня, как моя мачеха. И вот о чем я думаю, оглядываясь назад: удивительно, что такой избалованный пятилетний ребенок, как я, без криков и соплей отправился куда-то с совершенно незнакомым человеком. В нем было нечто такое, что сразу вызывало любовь и доверие. Такого, как он, я больше никогда не встречала.

Ренар не считал себя психологом, но он понял, какое глубокое впечатление произвел этот человек на Мавру Чанг.

— Вы пытались разыскать его? — спросил он.

Женщина пожала плечами:

— В течение нескольких следующих лет я была слишком занята тем, чтобы остаться в живых. К тому времени я узнала, что он, по-видимому, уже умер или с ним что-то случилось. Должна признаться, что, когда я его описывала, многим людям казалось, что они узнали его, но их рассказы оборачивались пустой болтовней. Кое-кто утверждал, что я пересказываю легенду, повествующую о мифическом капитане-астронавте, который никогда не существовал, о герое одного из эпических сказаний, бытующих среди представителей всех профессий. Однажды я встретила капитана, настоящего ветерана, и он сказал мне, что этот человек действительно существовал. По его мнению, он был бессмертным, а родился в незапамятные времена, на заре истории.

— Как звали этого легендарного капитана? — спросил Ренар.

— Натан Бразил. Правда, странное имя? Кто-то сказал мне, что так называлась доисторическая страна, одна из первых космических держав*.

— Вечный Жид, — произнес Ренар как бы про себя.

— Что?

— Существует легенда, связанная с одной из древних религий, называемой христианством, — начал объяснять охранник. — Христианство — это ответвление еще более непонятной и древней религии, извест-

* Brasil — Бразилия.

ной как иудаизм. Христиане рассеяны по всему космосу. В основном их связывает тра... — Он запнулся, глядя на нее в смущении и тревоге. — Тра...

— Традиция? — предположила Мавра.

— Именно так. Почему я не смог произнести это слово?

Он тут же забыл об этом, но женщина испытала жуткое чувство. Началось!

— Итак, христиане считали, что в незапамятные времена жил некий еврей, который объявил себя сыном Божьим, — продолжал Ренар. — За это власть предержащие убили его, так как боялись, что он возглавит революцию или что-нибудь в этом роде. Но христиане верили, что он воскрес. Сохранилось предание, согласно которому какой-то еврей проклял его во время казни; и за этот грех нечестивец осужден скитаться по свету до тех пор, пока богочеловек не вернется к людям. Ваш Натан Бразил — прямо как персонаж легенды, переброшенный в новейшее время.

Она кивнула.

— Я никогда не верила всем этим байкам о бессмертных, летающих на грузовых кораблях, но куча астронавтов, не верящих ни во что, верят в его существование.

Ренар улыбнулся:

— Вот вы и нашли объяснение загадки, мучившей вас всю жизнь. Если это широко распространенная легенда, любой знающий ее капитан грузовика мог подражать ему, мог даже убедить других астронавтов в том, что он и есть та самая легендарная личность. И он пользовался бы у них таким уважением, какое никто никогда бы не оказал обычному капитану. Его считали бы сверх... сверх... о черт! — закончил он раздраженно, не в состоянии произнести нужное слово.

Мавра поняла, что он хотел сказать.

— Не знаю. Может, вы и правы. Но в этом человеке было нечто особенное, нечто такое, что я не в силах объяснить.

— Маленькие дети, — заметил Ренар, — всегда чересчур впечатлительны. И зачастую их впечатления весьма странные.

Мавре хотелось прервать этот разговор — отчасти потому, что он слишком ее волновал, отчасти потому, что трудности Ренара, связанные с произношением длинных слов, которые он употреблял, постепенно возрастали. Он начал заранее обдумывать фразы и употреблять слова, которыми прежде не пользовался. В сущности, трудности эти не были столь очевидны, но говорить он стал медленнее, осторожнее, с запинкой.

«Завтра, — подумала она мрачно, — эти слова вообще станут для него недоступны. Но раз уж ему хочется продолжать беседу, лучшее, что я могу сделать, это как можно больше говорить самой».

Ренар явно обрадовался возможности вернуться к прежней теме и забыть о таинственном Натане Бразиле.

— Вы сказали, что в тринадцать лет остались одна, — напомнил он. — Пришлось нелегко?

Мавра вздохнула:

— Я очутилась в совершенно незнакомом мире с несколькими монетами в кармане. Выглядела как восьмилетний ребенок и даже не знала языка улицы. Но по крайней мере коммам я не досталась. Мой новый мир назывался Калива. Он был экзотический и примитивный. Базары под открытым небом, крикливые разносчики и торговцы — шумное, грязное, кишашее людьми место. Я понимала, что любому человеку, который рискнет здесь остаться, понадобятся

деньги и защита. У меня не было ни того, ни другого. Я начала осматриваться и сразу обратила внимание на кучу нищих — и настоящих бедняков, и мошенников, и калек, которые не могли позволить себе обратиться за медицинской помощью. Их оказалось столько, что полиция боялась их гонять, а люди не отказывали им в подаянии. Обходя базары и улицы, я наблюдала за теми, кто добывает деньги, за теми, кому ничего не дают, и соображала относительно того, что следует делать мне самой. Последнюю пару монет я потратила на то, чтобы купить у какой-то маленькой девочки ее грязные лохмотья. В сущности, это была рваная простыня, в которую следовало заворачиваться, как в сари. Немного грязи — и я стала выглядеть как заправский уличный мальчишка. Тогда я пошла работать.

Ренар подумал, что и сегодня она производит впечатление отчаянного уличного мальчишки, но не решился сказать это вслух.

— Первую пару недель я действовала чертовски энергично, — продолжала свой рассказ Мавра. — Нахваталась блох и кое-чего похуже, ночевала в подъездах, на улицах и так далее. Но побиралась только в хороших районах. Конечно, каждый нищий имеет собственную территорию и прогоняет конкурентов, но я научилась заводить полезных друзей, делалась с ними выручкой. Наверное, мне помогало то, что я казалась всем маленьким, несчастным, беззащитным ребенком — другими словами, являлась образцовой моделью для тех, кто обожает картинки, взывающие к милосердию, — что-то вроде страдающего, иссушенного недоеданием ангелочка. Доходило до того, что всем хотелось меня удочерить. Я жила совсем неплохо. Даже в самые неудачные дни у меня

было что поесть, в крайнем случае лоточники подсовывали мне какие-нибудь куски.

— И никто не пытался вас изнасиловать? — с удивлением спросил Ренар. — Вам не угрожали никакие банды?

— По правде говоря, нет. Меня всегда кто-нибудь сопровождал, или мне удавалось убежать. Если уж нищие тебя признали, они будут с тобой заодно. Один из них пристроил меня в старой лачуге, стоявшей возле городской свалки. Туда даже войти было довольно противно, но через какое-то время я перестала замечать и вонь, и мух, в общем, все. В городе имелось несколько лечебниц, существующих на средства филантропов; мы этим пользовались и часто туда ложились, но ненадолго. Многие пытались меня оттуда забрать, но я всех обманывала. Я не хотела иметь ничего незаработанного. Я не желала быть никому обязанной.

— И как долго это продолжалось? — спросил Ренар.

— Около трех лет, — ответила Мавра. — Это была неплохая жизнь. К ней привыкаешь. Я росла, развивалась, насколько это оказалось вообще возможным, и мечтала. Каждый день, выполнив свою норму или почувствовав тоску и усталость — нищенство иногда становится тяжелой работой, — я шла в космопорт, глазела на корабли, приглядывалась в пивнушках к космонавтам. Я знала, куда мне хочется вернуться. В конце концов я поняла, что нищенство всегда даст мне кусок хлеба, но никогда не позволит вырваться с Каливы. Некоторые космонавты были ужасными транжирами — корабль служил им домом, и они тратили деньги направо и налево.

Ренар был шокирован.

— Вы хотите сказать...

Мавра пожала плечами.

— В официантки я не годилась — не могла дотянуться до стойки бара. Меня никогда не учили танцевать или хотя бы разбираться в приличиях. Фактически я была очень необразованна и разговаривала как портовая крыса. Когда в свое время Маки учила меня читать, писать и считать, я не очень-то преуспела. У меня была только одна вещь, которая могла хоть кого-нибудь заинтересовать, и я стала продавать ее, попутно учась продавать ее подороже. Мужчины, женщины, один, два, десять раз за ночь, если у меня хватало сил. Через какое-то время мне это чертовски наскучило, но, Боже! Как потекли ко мне деньги!

Охранник с удивлением посмотрел на крошечную женщину, и ему стало немного не по себе. Он не сомневался, что Мавра Чанг никогда и никому не рассказывала о годах, проведенных в трущобах Каливы. Тот факт, что она с подробностями выложила ему всю свою биографию, свидетельствовал о том, что в глубине души эта отчаянная авантюристка была напугана точно так же, как и он.

— Вы сегодня здорово рассказываете, — похвалил Ренар. — Но как вам удалось стать пилотом? Заработали столько денег, что это стало возможным?

Она сухо засмеялась:

— Нет, не таким путем. Я встретила мужчину, очень доброго и благородного. Он был капитаном грузового корабля и стал регулярно меня навещать. Мне он понравился: я обнаружила у него некоторые качества, которыми обладал мой давнишний спаситель. Шумный, дерзкий, циничный, он страстно ненавидел коммов и был наделен огромным запасом мужества. Думаю, я понимала, что влюблена в него: я с нетерпением ждала встреч, мне нравилось показываться с ним на людях. Нас связывал не только

секс. Сомневаюсь, что я могла бы заниматься с кем-нибудь сексом, испытывая при этом хоть какие-то чувства. Здесь было что-то другое, что-то более глубокое. Когда выяснилось, что ради меня он часто изменяет свой маршрут, наши отношения стали еще теснее. Мы прекрасно дополняли друг друга. И у него был собственный корабль «Ассатиг» — добротный, надежный, современный.

— Это весьма необычно, — заметил Ренар. — Я хочу сказать, что такими вещами владеют корпорации, а не отдельные люди. Мне еще не приходилось слышать о капитане, имеющем собственный корабль.

— Да, это необычно, — подтвердила Мавра. — Я не сразу узнала, как он его получил. Но в конце концов он попросил меня перебраться к нему на корабль, объяснив это тем, что больше не может отклоняться от своих основных маршрутов. Естественно, я согласилась. И тогда он рассказал мне, откуда у него столько денег. Он оказался вором.

Ренар расхохотался. Кульминационный пункт истории Мавры оказался неожиданно смешным.

— Что же воровал этот благородный молодой человек и у кого?

— Что угодно и у кого угодно, — холодно ответила женщина. — Корабль служил и прикрытием, и средством передвижения. Драгоценности, предметы искусства, серебро, золото. Он крал все, что имело большую ценность. Его жертвами становились богачи, главы корпораций, партийные лидеры коммун. Иногда он действовал нахрапом, иногда использовал электронику и прекрасное знание бюрократического делопроизводства. Объединившись, мы превратились в банду. Он добыл всевозможные обучающие устройства, в том числе приборы, действующие

щие путем внушения, и натаскивал меня до тех пор, пока я не стала казаться образованной и вести себя соответствующим образом. — Она захихикала. — Как-то раз мы вломились в главное хранилище казначейства Союза Всех Лун, поменяли несколько монет и в течение следующих трех дней перевели весь планетарный доход на поддельные счета в банки Конфедерации. И даже после того, как мы завершили эту работу, забрали товар и смылись, никто ничего не понял. Я думаю, что они вообще никогда не поймут, что произошло.

— Ваш мужчина — что с ним случилось? — мягко спросил Ренар.

Мавра снова помрачнела.

— Мы никогда не попадали в лапы полиции. Никогда. Мы были для нее слишком хороши. Но однажды мы сперли две прелестные золотые статуэтки работы знаменитого древнего мастера Сун Тата. Их собирался купить крупный коллекционер. Встречу назначили в баре, и у нас не было никаких оснований опасаться подвоха. К сожалению, мы ошиблись. Коллекционер оказался подставной фигурой; за ним скрывался хозяин крупного синдиката, которого мы нагрели примерно год назад. Наемные убийцы изрубили моего компаньона на мелкие куски и бросили вместе со статуэтками.

— И вы унаследовали корабль, — догадался Ренар. Женщина печально кивнула:

— Годом раньше или около того мы на всякий случай совершили традиционный обряд. Я этого не хотела, но он настоял и оказался прав. Я была его единственной наследницей.

— С тех пор вы одна? — спросил он, восхищаясь этой необыкновенной маленькой женщиной.

На этот раз в ее голосе прозвучала сталь.

— Я потратила полгода, чтобы выследить его убийц. Каждый из них умер медленно. Каждый знал, почему умирает. Чванливый хозяин вначале даже не вспомнил его! — На ее глаза навернулись слезы. — Но я освежила ему память, — с явным удовлетворением добавила она. — С тех пор я продолжаю, так сказать, семейное дело. Обе его части. И уже заняла довольно высокое положение. Хирурги превратили меня в смертельное оружие, глубоко запрограммированное и снабженное такими устройствами, что вам было бы трудно поверить в их существование. Если меня когда-нибудь схватят, то историю, которую я вам только что рассказала, не удастся выудить из меня даже с помощью глубокого психического зондирования. Кое-кто уже пробовал это сделать.

— В последний раз вы подрядились выручить Никки? — спросил Ренар.

Она довольно усмехнулась:

— Если вы не можете поймать воровку, заставьте ее работать на себя. В этом и состояла идея. Она часто срабатывает.

Ее последние слова возвратили Ренара к нынешней ситуации. Теперь он понял, почему Мавра верила в то, что они выберутся из этой передраги. В жизни, которую она вела, чудо считалось обычным, повседневным явлением.

— О себе мне, в сущности, нечего рассказывать, — с некоторой завистью сказал охранник. — Ничего волнующего или романтического в моей жизни не происходило.

— Вы говорили, что были учителем, — заметила женщина.

— Я — из Москвы*. Это комм-мир, к счастью, не очень опасный. Без всякого там генетического ма-

* Muscovy — Московское государство, Московия.

нипулирования. Традиционное семейное общество, пять раз в день молитва — «Нет Бога, кроме Маркса, и Ленин — пророк его» — и обязательное тестирование, показывающее, что делается в данный момент в головах у граждан.

Ренар говорил с явным напряжением. Длинные слова давались ему очень тяжело. Но, кажется, он этого не замечал.

— Я был неглуп, — продолжал он, — поэтому меня поместили в школу. Но я никогда не интересовался ничем действительно полезным и потому начал изучать литуру — так он произнес слово «литература», — затем стал учителем. Внешностью и манерами я всегда немного напоминал женщину. В школе, где я работал, надо мной издевались. Это причиняло боль. Даже ученики вели себя подло. Я знал, что они говорили у меня за спиной. Мужчины, которые любят других мужчин, интереса во мне не вызывали, но все женщины считали, что мне нравятся именно они. Я спрятался в свою скорлупу, засел у себя в квартире с книгами и видео, выходил только для того, чтобы отправиться в учебные классы.

— А как обстояло дело с вашей психикой? — поинтересовалась Мавра.

— Я пробовал ходить в специальную группу. Но там задавали совершенно нелепые вопросы, например: любил ли я своего отца, — и заставляли пить какие-то лекарства, которые должны были изменить мое поведение. Из этого ничего не вышло. Чем больше они старались, тем более несчастным я себя чувствовал. Однажды, просидев целую ночь, размышляя о жизни, я решил, что единственный достойный выход для такого жалкого типа — это самоубийство. Но мне произвели психическое зондирование, и,

прежде чем я успел что-либо сделать, явилась Народная полиция.

— А если бы она не явилась, вы действительно наложили бы на себя руки? — спросила она чрезвычайно серьезно.

— Не знаю. Может быть. А может быть, и нет. Не исключено, что у меня просто не хватило бы мужества. — На мгновение он задумался, подбирая слова. — Я оказался в политической психлечебнице. Видимо, кто-то встревожился, узнав, что гражданин комм-мира думает о самоубийстве. Более того, он принял это очень близко к сердцу, считая, что если я потерпел неудачу, то и система потерпела неудачу. Врачи собирались полностью стереть мою память, превратить меня в женщину и создать новую личность, соответствующую измененному полу.

— А почему они не захотели просто убить вас? — спросила Мавра. — Это было бы и дешевле, и проще.

Ренар не поверил своим ушам, но затем вспомнил ее собственное прошлое.

— В комм-мирах так не поступают! Во всяком случае, в Московии. Нет, меня держали в лечебнице и искренне желали добра. Незадолго до операции в палату, где я лежал, заявила некая важная особа из другого комм-мира, ушедшего от нас далеко вперед: настоящий гермафродитизм, генетически выведенные абсолютно одинаковые люди, запрограммированные любить свою работу, и так далее. Особа объявила, что ищет — подумать только! — библиотекаря. Люди, умеющие читать книги и хорошо с ними знакомые, встречаются довольно редко — это правда! Даже в Московии девяносто два процента населения негр... не умеют читать.

— Это был Трелиг?

— Верно. Меня отвезли на Новые Помпеи, накормили огромной дозой губки, и я оказался на крючке.

В последующие недели и месяцы со мной начали твориться дикие вещи: девичьи манеры усугублялись, черты лица и фигура становились все более и более женственными. Однако, смешно сказать, мои мужские органы выросли, и в мыслях я остался мужчиной. Наконец, на Новых Помпеях я впервые совершил настоящий половой акт. Кстати, Трелиг не соврал, ему в самом деле требовался библиотекарь; одновременно я охранял заключенных, таких, как Никки. На Новых Помпеях каждый был по-своему ненормален, но обладал умением или знанием, которое требовалось Трелигу. Он набирал таких людей в лучших политических психушках комм-миров.

— А теперь вы здесь, — мягко сказала Мавра.

Ренар вздохнул:

— Да, здесь. Когда я застрелил Зигги и помог вам бежать, я почувствовал, что совершил первый по-настоящему важный поступок. Я почти уверен, что родился ради этого поступка, ради того, чтобы находиться здесь и помогать вам. А теперь посмотрите — в какое глупое и тяжелое положение мы попали!

Женщина нежно поцеловала его в щеку.

— Ложитесь спать и перестаньте волноваться. Я еще не проиграла, а значит, не проиграли и вы.

Ей так хотелось поверить в это самой.

УЧДЖИН, СЕВЕРНОЕ ПОЛУШАРИЕ

— Ну и чертовщина! — произнес Бен Юлин, разглядывая окружающий пейзаж. Лишившись энергии, без которой не работала система регенерации воздуха, все трое были вынуждены надеть скафандры. К счастью для Зиндера, помещавшегося в теле своей толстой дочери, они оказались огромными, безразмерными мешками. Но стоило влезть в них и подсоединить аппаратуру для дыхания, скафандры словно оживали, сжимаясь, и за какую-то секунду превращались во вторую, очень прочную белую кожу.

— Сколько у нас воздуха? — поинтересовался Трелиг, рассматривая бесплодную каменистую пустыню без малейшего признака жизни.

Юлин пожал плечами:

— В лучшем случае на полдня.

— Мы находимся недалеко от границы. А в соседнем гексе, кажется, есть вода, — с надеждой заметил Трелиг. — Пойдем туда. Что мы теряем?

Три белые фигуры понуро побрели вдоль широкой полосы, которую корабль, садившийся прямо на брюхо, оставил на поверхности планеты.

Но уйти далеко им так и не удалось. Юлину по-
чудилось чье-то присутствие. Ему казалось, что во-
круг мелькают какие-то тени, точнее — полутени; он
замечал их краем глаза, но стоило ему обернуться —
все исчезало.

— Трелиг! — позвал он наконец.

— Что такое? — буркнул советник.

— Вы с Зиндером не замечаете ничего стран-
ного? Готов поклясться, нас сопровождает какая-то
компания.

Трелиг и Зиндер неохотно остановились и огля-
делись по сторонам.

С наступлением сумерек полутени стали заметнее.
Они имели только два измерения — длину и ширину,
которые периодически изменялись. Они летали или
плавали — точное определение подобрать было труд-
но — и напоминали полотнища из прозрачного плас-
тика, залитого акварелью. Их широкий передний край
постепенно растягивался и, достигнув максимальной
величины, замирал. Тогда задний край начинал мед-
ленно вливаться в него и вливался до тех пор, пока не
образовывался кусок пластика в метр длиной и шири-
ной; затем этот процесс возобновлялся.

Все полутени были различных цветов — синие,
красные, желтые, зеленые, — всевозможных оттен-
ков и тонов.

— Они разумны? — громко поинтересовался
Юлин.

Трелиг думал о том же.

— Они обступили нас, как толпа любопытных
зевак, наслаждающихся зрелищем несчастного слу-
чая, — заметил глава синдиката. — Готов поспорить,
что это и есть здешнее население.

«Население» — слишком сильно сказано, — по-
думал Юлин. — Эти пятна похожи скорее на сно-

видения художника, чем на реальные, осязаемые существа».

— Я хочу их потрогать, — заявил Трелиг.

— Эй! Подождите! Вы должны... — запротестовал Юлин, но советник только рассмеялся.

— Да, я совершу очень дурной поступок. Но мы же все равно умрем.

С этими словами он протянул руку к проплывавшему мимо загадочному существу. Цветное пятно отреагировало с молниеносной быстротой. Оно изменило форму и в следующий момент оказалось в метре или двух от незадачливого исследователя.

— Здорово! — воскликнул Трелиг. — Эти штуки явно могут двигаться!

— Если они, хоть в какой-то степени разумны, мы, может быть, сумеем объясниться, — предположил Бен Юлин.

Трелиг язвительно усмехнулся:

— И как же вы будете объясняться с двухметровым цветным пятном?

— Просто сделаю несколько жестов. Вся надежда на то, что у них есть глаза.

Удостоверившись в наличии зрителей — у Юлина было странное чувство, что на него смотрят, — молодой человек показал на баллоны с воздухом у себя за спиной, затем обхватил руками горло, изобразил, будто его душат, и упал на землю.

Было похоже, что струящимся полотнищам это представление очень понравилось. Юлин повторил свою пантомиму несколько раз, и их возбуждение невероятно возросло; иногда они просто отталкивали друг друга, словно желая получше рассмотреть ужимки странного двуногого существа.

«Хватит, — подумал Юлин. — Хватит зря тратить драгоценный воздух». Он встал, повернулся к зрите-

лям лицом и вытянул вперед руки, попытавшись изобразить отчаянную мольбу.

Последний жест возбудил полотна еще больше. У молодого человека возникло странное ощущение, что он является объектом яростных споров этих удивительных созданий.

Но о чем они спорили? О том, как помочь, или просто обменивались мнениями о странных телодвижениях чужака? Последнее, несомненно, было самым тревожным, но и самым вероятным.

Пара полотнищ подплыла поближе, для того чтобы рассмотреть его баллоны с воздухом для дыхания. Бен Юлин стоял неподвижно, не мешая им. Это было хорошее начало. У них могла родиться какая-нибудь дельная мысль. Или же они просто заинтересуются, почему он показал на эту смешную вещь.

По мере того как сгущалась сумерки, полотнищ становилось все больше и больше. Они появлялись из трещин в земле — маленьких незаметных щелей. Они возникали, словно привидения, растягивались, скручивались, начинали струиться и уплывали в разных направлениях. Возле пришельцев собралась уже настоящая ассамблея, целая радуга струящихся и колеблющихся созданий.

Наконец они, по-видимому, пришли к какому-то решению и, сгрудившись вокруг людей таким толстым слоем, что тем ничего не было видно, явно намеренно образовали с одной стороны узкий проход.

— Кажется, нас куда-то приглашают, — сказал Трелиг. — Пойдем?

— Это все же лучше, чем подыхать среди этой чертовой пустыни, — ответил Юлин. — Кто пойдет первым, вы или я?

Сразу стало ясно, что их ведут в определенном направлении: проход сохранялся, а место, где они

только что находились; сразу заполнялось этими странными существами.

Юлин на ходу проверил свой запас воздуха. Его должно было хватить часа на два. Оставалось надеяться, что идти придется недалеко.

Через час они подошли к одинокому скалистому утесу, вокруг которого скопилось несколько тысяч струящихся полотен. Некоторые прибыли сюда, по-видимому, из-за них, остальных привлекли собственные дела.

— Юлин! Взгляните! — взволнованно произнес Трелиг.

В первый момент Бен Юлин не понял, что привлекло внимание Трелига. Потом он разглядел какое-то темное пятно у подножия утеса.

— Пещера? — спросил он, испытывая разочарование. — Дьявол, они привели нас к своему вождю!

Трелиг усмехнулся:

— Куда смотрела старушка Алаина, когда нанимала Мавру Чанг? Близорукий агент — это что-то из области фантастики!

Подойдя поближе, Бен Юлин хорошенько всмотрелся. Темное пятно оказалось гигантским правильным шестиугольником, каждая сторона которого составляла метра два.

— Гексагон! — воскликнул молодой человек. — Они все поняли!

— Посмотрим, — ответил Трелиг. — Они явно хотят, чтобы мы туда вошли. Придется подчиниться — запас воздуха на исходе. Все готовы?

— Да, идем, — ответил Юлин, молясь о том, чтобы пещера не оказалась всего-навсего местопребыванием властей этого народа.

Трелиг двинулся первым. Это не выглядело так, будто он вошел в пещеру или в отверстие: он просто

шагнул вперед, на мгновение застыл — и исчез. Следующим Юлин подтолкнул Зиндера. Старый ученый знал о положении с запасами воздуха и не сопротивлялся. Он сделал шаг — и произошло то же самое. Бен Юлин глубоко вздохнул и, закрыв глаза, бросился в неведомое.

Ему казалось, что он падает в бездонную пропасть. Перед глазами расплывались разноцветные пятна, к горлу подкатывала тошнота, но приходилось терпеть.

Внезапно ощущение падения исчезло, и молодой человек очутился в странной пещере, населенной множеством точно таких же созданий, которых они видели наверху.

Остальные двое были уже здесь.

— Господи! — воскликнул Юлин, пытаясь успокоить сердцебиение. — Прямо как полет на космическом челноке!

Трелиг хотел что-то ответить, но так и застыл с открытым ртом. Возле них появилась призрачная фигура, абсолютно непохожая ни на людей, ни на летающие полотнища. В высоту она достигала метра три и почти столько же — в поперечнике. У нее были омерзительные на вид клешни и несколько ног, удивительно напоминающих лапки насекомых.

— Что за черт! — начал Трелиг, но фигура своими огромными клешнями сделала весьма понятный жест, означающий «следуйте за мной», и направилась в глубь пещеры.

«Это наш новый проводник, — подумал Юлин. — Жаль. Я бы предпочел цветные пятна. Ладно, надо идти. Воздуха почти не осталось».

Они миновали тесный темный проход и очутились в помещении, очень похожем на воздушный

шлюз. Осматриваться было некогда — загадочная фигура уже открыла какую-то дверь и манила их дальше.

За дверью оказался длинный широкий коридор, пробитый в искрящейся оранжево-белой кристаллической породе. По обе стороны от него ответвлялись многочисленные боковые проходы гексагональной формы. Однако сам коридор в сечении был почти круглым, без всяких углов.

Насекомоподобное существо медленно двигалось вперед, и они послушно шли за ним. Это оказалось довольно долгое путешествие; по счетчику запасов воздуха Бен Юлин определил, что оно заняло более двадцати минут.

Внезапно коридор влился в огромный зал. Правда, слово «огромный» едва ли могло достойным образом охарактеризовать его истинные размеры. В зале было шесть стен, что теперь показалось всем почти естественным. Центральная зона представляла собой гигантский зеркальный гексагон, вокруг которого тянулись ограждение и то, что они вначале приняли за пешеходную дорожку. Зал освещала висевшая в середине потолка колоссальная шестиугольная люстра, сверкавшая, как драгоценный камень.

Когда они подошли к дорожке, проводник ступил на ее губчатую пластиковую поверхность и прошел немного дальше, чтобы остальные могли последовать его примеру; затем он нажал какую-то незаметную кнопку на стене, дорожка ожила и медленно двинулась вокруг гексагона.

Прошло минут десять, прежде чем они, объехав ползала, добрались до противоположной стены и увидели еще один коридор. Таинственное существо, которое, по их мнению, чрезвычайно походило на

омара, сделанного из прозрачного стекла, медленно заковывало прямо туда.

Они вошли в комнату, которая оказалась намного меньше не только огромного гексагонального зала, но и пещеры, принадлежащей цветным полотнищам. Ее потолок и три стены выглядели совершенно обычно.

Четвертая представляла собой абсолютный мрак, заключенный в четырехугольную рамку.

— Похоже, нам предстоит еще один перенос, — заметил Трелиг. — В общем-то я не против, если не позже чем через сорок минут мы получим воздух.

— Через тридцать шесть, — мрачно поправил его Бен Юлин, который каждые полминуты смотрел на счетчик.

— Нам не дадут умереть, — уверенно заявил Трелиг и без малейших колебаний окунулся в темноту.

Зиндер и Юлин последовали за ним.

Снова испытав неприятное чувство падения в бездонную пропасть, они оказались в точно такой же комнате. Счетчик Бен Юлина все еще стоял на тридцати шести. Это означало, что перенос не занял ни секунды. «Невероятно», — сказал себе Юлин. В следующий момент до него донеслось легкое жужжание, чуть слышный гул, и счетчик взорвался.

— Трелиг! Мы получили энергию! Электросистема снова действует! — крикнул молодой человек.

Им и Зиндером овладело радостное возбуждение. Однако Трелиг, как всегда, практичный, сразу остудил их пыл.

— Вы забыли, что нами кто-то манипулирует, — напомнил он им. — И этот кто-то может знать гораздо больше, чем мы думаем. Помните, — обратился советник к Юлину, — что вы — Мавра Чанг, а я — Ренар. Никогда не употребляйте никаких других имен! — Он

говорил раздраженно и резко. — Если нам станут задавать вопросы всем вместе, разговор буду вести я. Если же по отдельности, расскажите им всю правду вплоть до того момента, когда мы преобразились. И вы не знаете, кто находился в другом корабле! Поняли?

Дверь неожиданно отворилась, и в комнату вошло новое, еще не виданное ими существо.

Все трое в изумлении уставились на него, так как еще не успели привыкнуть к чудесному чередованию рас в Море Колодца. Ростом существо было около двух метров; его плотное тело с гладкой зеленой кожей покоилось на двух круглых толстых ногах, заканчивающихся плоскими чашеподобными ступнями. Длинные тонкие руки напоминали щупальца, а голова, сидевшая на невероятно толстой шее, — зеленый фонарь из выдолбленной тыквы с вросшим в него большим широким листом, который, казалось, жил своей собственной жизнью, медленно поворачиваясь в сторону самого яркого источника света. Рот существа словно выражал постоянное изумление, а два немигающих глаза походили на блестящие блюдца. Юлин не заметил у этого существа ни носа, ни ушей.

В щупальцах левой руки существо держало кусок картона или чего-то похожего. Подойдя поближе, оно подняло его перед собой и повернуло так, чтобы каждый из застывших в изумлении людей мог прочесть надпись, выведенную крупными буквами.

Послание, написанное на стандартном языке Конфедерации, гласило:

**ВОЗДУХ ПРИГОДЕН ДЛЯ ДЫХАНИЯ.
СНИМИТЕ СВОИ СКАФАНДРЫ
И СЛЕДУЙТЕ ЗА МНОЙ
ДЛЯ ИНСТРУКТАЖА.**

Трелиг поверил в эту гарантию сразу и разгерметизировал шлем. Он сделал вдох, убедившись, что не ошибся, скинул ранец. Скафандр раздулся и упал к его ногам бесформенной кучей пластика. Перешагнув через нее, Трелиг принялся помогать Зиндеру. Юлин тоже начал освобождаться от скафандра, но внезапно почувствовал тошноту; в горле у него заклокотала кровь, и на все тело обрушилась страшная боль.

Он упал и потерял сознание.

На третий день, вскоре после полудня, произошло событие, испугавшее Мавру Чанг сильнее, чем начинавшийся дождь.

Лес кончился.

Перед ними лежала обширная бугристая равнина, заросшая травой; ее пересекали несколько грязных дорог, по которым в обе стороны шли циклопы — одни налегке, другие — волоча большие мешки из овечьих шкур, третьи — толкая перед собой деревянные тележки, груженные всевозможной утварью.

— Взгляните, — сказала Мавра охраннику. — По крайней мере теперь мы знаем, что не кружили по лесу.

Они прятались на опушке, наблюдая за интенсивным дорожным движением.

— Да, от места приземления мы прошли немало, — согласился Ренар. — Но где гарантия, что мы идем в верном направлении?

Мавра пожала плечами. Что значит — верное направление? Перемещение в сторону наименьшего скопления циклопов. В таком случае они наверняка выбрали неверное направление.

— Мы могли бы пройти по лесу, который уходит влево, — предложила она. — Возможно, он где-нибудь смыкается с дорогой.

— Не похоже, — заметил Ренар. Сегодня он разговаривал нормально, но его фразы были короче и проще, он даже перестал мыслить сложными категориями.

Мавра Чанг вздохнула.

— Тогда нам придется сидеть здесь до темноты. Днем мы наверняка не сможем пересечь дорогу, слишком уж много тут этих созданий.

Ситуация складывалась неприятная — хотя в результате повторенного прошлой ночью гипнотического воздействия на ничего не подозревающих больных их физическое состояние не изменилось, умственная деградация Ренара была очевидна, еще хуже дела обстояли у Никки. Мавре не хотелось бесцельно тратить драгоценные часы, так как это сулило еще большие потери.

— Я голодна как зверь, — заявила Никки. — Или как циклоп. Помните, что мы однажды видели? Я сейчас тоже могу съесть целую овцу в три приема.

Мавра понимала, что если им и удастся пересечь эту равнину, то только ночью, когда движение на дорогах утихнет. Она понятия не имела, подействуют ли на циклопов смертоносные яды и гипнотизирующие растворы, а экспериментировать было опасно — в случае неудачи ее могли сожрать, как ту несчастную овцу, про которую говорила Никки.

Только они сели, как сразу начали клевать носом. Поскольку действие губки распространялось на все тело, оба больных быстро уставали, и координация движений становилась у них ни к черту. Что же касается Мавры, то она почти не спала уже несколько суток, и поэтому утомление начало сказываться и на ней. До сих пор ее поддерживала только воля, но сейчас она решила немного расслабиться.

Первым проснулся Ренар, который благодаря гипнотическому внушению вообще спал недолго. Он подполз к опушке и оценил ситуацию. Движение на дорогах не прекращалось, хотя и стало менее интенсивным. Выйти сейчас из леса означало бы наверняка попасться.

Охранник пополз обратно. Мавра спала так крепко, что ничего не услышала, но Никки зашевелилась и открыла глаза.

— Привет! — прошептала она.

— Тсс! — остановил он ее, приложив палец к губам.

Девушка удивленно поморгала, пытаясь вспомнить, где она находится, затем огляделась по сторонам.

— Как вы думаете, мы сумеем пересечь эту равнину?

Ренар заметил, что у нее появилась сильная шепелявость.

— Да, но попозже.

Никки придвинулась к нему ближе.

— Ренар!

— Что, детка?

— Я боюсь.

— Все мы боимся, — со вздохом признался охранник.

— Только не она. — Девушка показала на Мавру. — Я не знаю, существует ли на свете что-то такое, что хоть сколько-то может ее испугать.

— Мавра просто научилась мириться со страхом, — объяснил он. — Она знает, как надо бояться, чтобы страх не победил ее. Вы тоже этому научитесь, Никки.

Толстуха покачала головой:

— Дело не только в этом. Конечно, я не хочу умирать, но... если уж придется... да и ты... — Девушка запнулась, подыскивая слова.

Ренар ничего не понял и терпеливо ждал, пока она соберется с мыслями. Неожиданно Никки покраснела и тихо произнесла:

— Ренни! Я хочу знать, как люди занимаются любовью? Ты покажешь мне?

— Что?! — Охранник не поверил своим ушам.

— Я хочу этого прямо сейчас. Ведь другого случая у меня скорее всего уже не будет. — На ее глазах выступили слезы.

Ренар взглянул на спящую Мавру Чанг, затем на плачущую девушку, удивляясь тому, как это перед лицом неминуемой смерти ему удалось попасть в такую нелепую ситуацию. Он на минуту задумался, пытаясь разобраться в своих чувствах, и наконец решился. «А почему бы и нет? — думал он. — Вдруг ей действительно станет хоть чуточку легче?» И уж во всяком случае, это была единственная вещь, которую он мог сделать для кого-то другого, ничего не напутав.

Когда Мавра Чанг проснулась, было уже темно. Она сразу вскочила на ноги и обнаружила, что от неудобной позы у нее разболелись голова и все тело. Зато хорошо поспала.

Оглядевшись вокруг, женщина заметила Ренара и Никки, которые полулежали, прислонившись спинами к толстому поваленному дереву. Девушка спала, а охранник дремал, обнимая ее за плечи. Мавра мгновенно поняла, что произошло, и тут же почувствовала, что от волнения у нее гулко забилося сердце. Это встревожило ее еще больше — она ничего не могла понять.

Взяв себя в руки, Мавра подползла к самому краю леса. Движение на ближайшей дороге почти прекратилось. Проехала случайная тележка; два горевших ярким пламенем факела, прикрепленных к борту, осветили странное существо, толкавшее ее сзади. Женщина решила, что ночью циклопы скорее всего плохо видят; после захода солнца они теряют активность, а с рассветом вновь становятся деятельными.

Она поползла обратно и деликатно разбудила разнежившуюся парочку. Ей показалось, что Никки стала немного спокойнее, но здорово сдала в умственном отношении. Мавра не знала, ускорила ли деградация вопреки словам Ренара, или просто стала более заметной, когда уровень умственного развития начал резко падать.

— Пришло время двигаться дальше, — объявила она подчеркнуто серьезно. — За ночь мы пройдем столько, сколько сможем, чтобы наверстать потерянное время.

— Мы побежим через дорогу? — спросила Никки, явно выказывая нетерпение.

— Нет, Никки, мы не побежим, — терпеливо ответила Мавра. — Мы пересечем ее шагом, медленно и осторожно.

— Но эти громадины нас увидят! — запротестовала девушка.

— Там сейчас никого нет, — успокоила ее Мавра. — А если кто-то появится, мы тихо ляжем на землю и спокойно дождемся, когда он уйдет.

Ренар посмотрел на Никки и ободряюще похлопал ее по руке. Толстушке это понравилось, и она нежно прижалась к его плечу.

— Пойдем, Никки, — ласково сказал охранник.

На дороге все было спокойно — ни циклопов, ни тележек, лишь вдалеке маячили два туманных

огня, вероятно, те самые факелы, которые недавно видела Мавра.

— Прекрасно, — выдохнула она, беря Никки за правую руку, а Ренара — за левую. — А теперь тронулись в путь. Легко и непринужденно.

Небо по-прежнему затягивали облака, делая окружающий мир еще темнее. За какие-нибудь двадцать минут они без всяких осложнений пересекли открытое место. Мавра не возражала бы, если бы все ее проблемы решались так же просто.

Но тут начался дождь. Не ливень и не буря, а тихий бесконечный дождь, теплый и очень противный. За считанные минуты все трое промокли насквозь, а земля превратилась в бесконечное море грязи. Никки пришла в восторг, но остальные чувствовали себя в высшей степени отвратительно, тем более что деревья практически их не защищали.

Мавра Чанг проклинала все и вся. Грязь с каждой минутой становилась глубже и глубже, двигаться дальше не было никакой возможности. Они снова теряли драгоценное время, а его оставалось так мало.

Неожиданно поднялся сильный ветер, и это заставило ее форсировать события. Она обнаружила убежище — рощу необычайно высоких и толстых деревьев, которые росли так тесно, что под ними было относительно сухо. Уставшие и продрогшие до костей, они уселись на землю и прижались друг к другу в тщетной попытке хоть немного согреться.

На следующее утро мир показался им гораздо светлее — дождь перестал, и облака понемногу рассеивались. Мавра с досадой осмотрела свою одежду, а затем перевела взгляд на своих спутников. Все по уши вымазались в грязи.

Ренар казался не на шутку встревоженным.

— Похоже, я разучился нормально думать. Вернее, я вообще не могу ни о чем думать. Что происходит, Мавра?

Мавра почувствовала безграничную жалость к этому несчастному человеку, но у нее не хватило мужества честно и прямо ответить на его вопрос. С Никки, естественно, дело обстояло еще хуже. Самозабвенно плескаясь в луже, девушка лепила из грязи пироги.

— Привет! — сказала она, заметив, что Мавра с Ренаром проснулись, и показала им вылепленный из грязи пирожок. — Видите, что я сделала?

Взглянув на солнце, Мавра поняла, что они двигались примерно на восток, но сколько они прошли и под каким углом, она не знала.

Женщина крепко задумалась о судьбе пары, которая теперь оказалась на ее попечении: Ренар уже подошел к последней черте, за которой начинается слабоумие, что же касается Никки, то девушка погибала прямо на глазах. Если она не хочет потерять над ними контроль, необходимо срочно что-то предпринять.

Мавра поставила больных прямо перед собой и заговорила, тщательно подбирая слова, чтобы Ренар и Никки могли уследить за ходом ее мысли.

— Никки, ты ничего не помнишь о себе, за исключением того, что тебя зовут Никки. Поняла?

— Угу, — ответила девушка.

— Ты — маленькая девочка, а я — твоя мама. Ты любишь свою маму и всегда делаешь то, что она говорит, ясно?

— Угу, — согласилась девушка.

Затем Мавра обратилась к Ренару:

— Ренар, ты ничего не помнишь о том, кто ты и кто мы. Ты знаешь только то, что тебя зовут Ренар. Хорошо?

— Ладно, — ответил охранник.

— Ты — Ренар. Тебе пять лет, и ты — мой сын. Я — твоя мама, ты любишь свою маму и всегда ее слушаешься. Понял?

Его голос сразу смягчился и стал более детским.

— Да, мама, — чуть взволнованно ответил он.

— Молодец, — одобрила Мавра. — А теперь вот что. Никки — твоя сестра. Понял? Ты любишь свою сестру и обязан ей помогать.

Женщина снова повернулась к Никки.

— Никки, Ренар — твой старший брат, и ты его очень любишь. Если у тебя возникнут трудности, ты позволишь ему тебе помочь.

— Угу, — откликнулась та совсем по-детски.

Мавра испытала некоторое удовлетворение. В свое время она уже проделала нечто подобное, хотя и при совсем иных обстоятельствах: ей удалось убедить директора художественного музея, что он — ее сын и должен открыть для нее хранилище, предварительно отключив систему защиты. Желая порадовать мамочку, старикашка даже собственноручно нагрузил ее тележку.

Мавра довольно усмехнулась, но тут же вспомнила, что теперь у нее двое великовозрастных детей и что она должна достойно сыграть свою роль.

— Ну, дети, нам пора, — сказала она ласково.

Никки огорчилась.

— Ах, пжалста, мама! Можно мы еще немного поиграем?

— Не сейчас, — чуть строже ответила Мавра. — Мы должны идти. Возьмите маму за руку.

Они шли довольно долго. Несмотря на гипнотическое внушение, управлять Никки и Ренаром было нелегко. Девушка и охранник прыгали, играли, не слушались, и женщине пришлось напрячь всю свою волю, чтобы заставить их повиноваться.

В душе Мавры нарастало беспокойство. Ей стало чудиться, что они идут в неверном направлении, — горы все не показывались, и конца этой удивительной стране не было видно. Но неожиданно ландшафт стал холмистым, появились скалы, состоящие большей частью из вулканических пород, вероятно, предгорья.

И тут перед ними внезапно возникли горы. Они не были ни страшные, ни высоченные, смотреть на них оказалось невыразимо приятно. Горы мягкими зелеными складками поднимались примерно на восемьсот метров над тем местом, где стояли люди, и были иссечены многочисленными разломами, в которых ручьи и ледники прорыли себе причудливые проходы. Чтобы взобраться на ближайшую и самую низкую гору, предстояло преодолеть около трехсот метров, но склон выглядел довольно пологим, и, кроме того, на его скалистых обнажениях можно было отдохнуть или укрыться. «Если нам повезет, мы поднимемся на вершину еще до наступления темноты», — подумала Мавра.

Однако на склонах гор виднелось множество овец. Это ей не понравилось: там, где паслись овцы, должен находиться хотя бы один одноглазый пастух. Женщина подумала, не подождать ли до темноты, но отказалась от этой мысли, так как драгоценное время было на исходе. Она испытующе поглядела на своих спутников, пытаясь определить, удастся ли ей уговорить их подождать, пока она сходит на разведку, но

вспомнила, что они могут заснуть. После этого контроль над ними восстановить уже не удастся.

Тогда Мавра решила рискнуть. Взяв Никки с Ренаром за руки и предупредив, что они должны молчать, она бросилась бежать к спасительному обнажению пород так быстро, как только могла.

Оно оказалось дальше, чем она рассчитывала, и когда «дети» подбежали к какой-то мирно пасущейся овце, ей было трудно их удержать. Даже испытывая огромное нервное напряжение и пытаясь обнаружить малейшие признаки опасности, женщина не смогла не подумать о том, как удивительно, что здесь оказалось животное, столь обычное в ее части Вселенной.

Скальное обнажение было уже близко, и, оторвав своих подопечных от овцы, Мавра заставила их бежать еще быстрее. Осталось совсем немного...

И тут раздалось ужасающее рычание. Прямо перед ними возникла массивная фигура, за ней другая. Целых две! Огромный самец и огромная самка либо поджидали их, притаившись за скалами, либо занимались здесь каким-то делом. Впрочем, это не имело значения.

Никки завизжала, и все трое бросились врассыпную. Однако циклопы, оправившись от первоначального изумления, отреагировали молниеносно. Самка схватила Никки и кинула ее, будто спелый фрукт, своему спутнику.

Самец бросился за Маврой. И хотя женщина бежала очень быстро — ее десять шагов были равны двум шагам гигантского циклопа, — через какие-то несколько секунд она оказалась в его руках.

Ренар был уже довольно далеко, когда услышал крик Мавры. Он обернулся, чтобы посмотреть, что случилось, и этого было достаточно: огромная тварь

схватила его поперек туловища, не обращая внимания на то, что он изо всех сил дубасил ее кулаками. Циклоп повернулся, держа человека в руках, словно большую куклу, и присоединился к своей подруге.

Циклопы отнесли их в маленький лагерь — временное пристанище местных пастухов. Там стояла грубо сработанная деревянная односкатная хижина, в которой лежали огромные соломенные циновки, покрытые шерстяными одеялами. Недалеко от входа они увидели яму с раскаленными углями, над которой был укреплен железный вертел с насаженной на него тушей только что убитой овцы. Рядом стояла одна из тех деревянных повозок, которые они так часто видели издалека. В нее-то их всех и бросили.

Мавра осмотрелась. Борта повозки, достигающие в высоту метров трех, воняли какой-то дрянью. На полу валялись клочки сена и даже остатки растения, похожего на перекати-поле. Никки плакала, скорчившись в углу, Ренар вел себя ненамного лучше.

Женщина пригляделась более внимательно. Неровные доски, выпирающие из бортов, — прекрасная опора для ног, в ее вымазанных грязью сапогах оставалось несколько хитроумных устройств, — она вполне могла бы удрать.

Мавра обернулась и посмотрела на своих спутников. Она-то могла бы, но они — никогда. Яд, спрятанный в ее ногтях, потерял силу: она испробовала его на двух циклопах, и они даже не заметили царапин. Возможно, их организмы оказались к нему невосприимчивы, а может быть, масса этих чудовищ была так велика, что для достижения успеха требовались дозы, которыми она просто не располагала. Впрочем, какая разница! Это был крах ее главной миссии. Впервые Мавра Чанг потерпела неудачу.

Она поглядела в щель между досками. Самка спорила с самцом, в этом не было сомнений. Они вопили и рычали, размахивая руками; некоторые их жесты Мавра поняла.

В конце концов самец уступил и ушел в хижину; через несколько секунд он вернулся, держа в руках какую-то раму. У Мавры возникло ощущение, что все пропало, и оно тут же подтвердилось. Циклоп подошел к повозке и, бросив на пленников плотоядный взгляд, со стуком накрыл ее тяжелой решеткой. Довольно фыркнув, он удалился. Вскоре Мавра услышала громкое чавканье.

Она взглянула вверх. Ячейки решетки оказались слишком малы, чтобы через них смог пролезть человек; сама же решетка была отлита из чугуна, так что поднять ее не получится.

Мавра уселась на пол и стала размышлять, как надо поступить, чтобы их не съели.

/

ЮЖНАЯ ЗОНА

Бен Юлин застонал и попытался шевельнуть рукой. Все его тело немедленно пронзила жгучая боль. Молодой человек чувствовал, что он лежит в постели совершенно обнаженным, что он укрыт одеялом — и все.

Он открыл глаза, но, застонав, тут же закрыл их. Прошло несколько секунд, прежде чем он решился повторить эту попытку.

Рядом с его кроватью стояло крупное, заросшее мехом создание в лабораторном халате и со стетоскопом на шее. Оно было очень похоже на гигантского бобра; это сходство подчеркивали торчавшие у него изо рта два огромных резца. От животного его отличали только глаза: яркие и ясные, цвета темного золота, они светились умом и теплотой. За бобром возвышался шестирукий человек-змея с белоснежными щетинистыми усами по имени Серж Ортега. Третьим в этой странной компании было мыслящее растение.

С трудом осмотревшись, Бен Юлин заметил стоящего у двери Ренара, одетого в застегнутый у шеи свободный плащ. На лице охранника застыло выражение скуки; ему явно хотелось поскорее отсюда уйти.

По внешнему виду и по манерам это был Ренар, но исходявшие от его фигуры уверенность и власть неопровержимо доказывали Юлину, что перед ним Антор Трелиг. Вспомнив последнее предостережение советника, Бен Юлин постарался расслабиться, чтобы полностью ощутить себя Маврой Чанг.

— Где я? — спросил он, пытаясь сдержать кашель.

— В больнице, — ответило похожее на бобра существо.

В первую секунду Юлин даже не понял, что оно говорит на языке Конфедерации — правда, с некоторым трудом.

Тут в беседу вступил человек-змея.

— Доктор Мухар — амбрезианин, — пояснил он и, догадавшись, что Юлину это ничего не говорит, добавил: — В Мире Колодца существует гекс, населенный людьми, такими, как вы. Амбрезиане — их соседи. Некогда ваш народ попал в бедственное положение, и амбрезиане привыкли заниматься вашими медицинскими проблемами. Поэтому мы его и пригласили.

— Что со мной? — поинтересовался молодой человек, все еще не в состоянии двинуться.

Амбрезианин повернулся и кивнул Ортеге, который говорил на языке Конфедерации, словно на своем родном.

— Вы потеряли сознание в полярной зоне, — напомнил человек-змея. — Когда с вас сняли скафандр, вы были в ужасном состоянии: многочисленные кровоподтеки, три ребра сломаны, причем одно из них во время вашего путешествия пешком так неудачно сдвинулось, что прокололо пару внутренних органов.

— Вы можете меня вылечить? — с тревогой спросил Юлин.

— На это потребуется определенное время, — ответил амбрезианин высоким пронзительным голо-

сом, напоминающим звукозапись, пущенную со слишком большой скоростью. — А вы в критическом состоянии. Поэтому мы просто пронесем вас через Колодец.

Юлин попытался шевельнуться, но снова безуспешно. Наркотики? Впрочем, какая разница?

— Ренар рассказал нам вашу историю, — сказал Ортега. — Вы немало натерпелись, и я бы с удовольствием на какое-то время вас здесь оставил, но Ренар и гражданин Зиндер заражены губкой. Вылечить их может только Колодец. Да и ваше состояние — критическое. Не понимаю, как вы вообще могли передвигаться.

Юлин нервно рассмеялся:

— Страх. Когда кончается воздух, вы просто забываете о боли.

Человек-змея кивнул:

— Хороший аргумент. А теперь возьмите себя в руки и выслушайте меня спокойно. Вам было необходимо провести срочную операцию. Просто для того, чтобы спасти вам жизнь. Это сделал доктор Мухар со своими ассистентами. У вас уже наступила клиническая смерть, поэтому мы пошли кратчайшим путем. Постарайтесь не паниковать, когда услышите то, что я сейчас скажу, — это не навсегда: в данный момент вы полностью парализованы.

Успокоительные слова Ортеги не возымели желаемого результата. Юлин испытал шок. Его чувства взбунтовались, чувства, которые в равной мере принадлежали ему, Мавре Чанг и им обоим. К собственному удивлению, он расплакался.

— Я же сказал, такое состояние скоро пройдет, — попытался успокоить потрясенного человека Ортега. — Ничто не вечно в Мире Колодца. Это относится и к новоприбывшим, и к старожилам. Возьмите,

к примеру, меня. Когда я очутился здесь, я был человеком, принадлежавшим к вашей расе, крепким и невысоким. Мир Колодца лечит все ваши болезни, но одновременно изменяет вас.

— Что... что вы имеете в виду? — жалобно прорыдал Бен Юлин.

— Я ждал, когда вы очнетесь, чтобы кое-что рассказать сразу всем троим. Я должен наилучшим образом использовать оставшееся время. Теперь мы знаем, что произошло, и это само по себе уже большое облегчение. — Он повернулся к Трелигу: — Приведите Никки.

Трелиг вышел и тут же ввел в комнату Зиндера. Как заметил Юлин, перевоплощение было идеальным. Девушка реагировала на присутствие Юлина точно так же, как подлинная Никки реагировала бы на настоящую Мавру Чанг.

— Я уже сказал, что с удовольствием оставил бы здесь одного из вас на то время, пока мы занимаемся координацией действий, — продолжал Ортега. — Однако вследствие того, что двое из вашей компании больны губкой и нуждаются в значительно более серьезной помощи, чем та, которую в состоянии оказать наша больница, а гражданка Чанг вообще находится в критическом состоянии, — это невозможно. Посольский совет принял решение проинструктировать вас и как можно скорее провести через Колодец.

— Значит, мы на территории посольства? — в первый раз подал голос Трелиг. — Так я и предполагал.

Ортега откашлялся и пояснил:

— Здесь имеют посольства все гексы южного полушария. Это единственное средство обеспечить между ними связь. В Мире Колодца насчитывается тысяча пятьсот шестьдесят гексов. В семистах восьмидесяти гексах, расположенных к югу от Экватори-

ального барьера — вы, должно быть, видели сверху, что он представляет собой настоящий барьер, — жизнь либо базируется на углероде, либо может существовать в базирующей на углероде окружающей среде. В северном полушарии, в остальных семистах восьмидесяти гексах, в основе жизни лежит что-то другое. Побывав в Учджине, вы знаете лучше меня, какие удивительные существа там встречаются.

Все три человека кивнули в знак согласия.

— Итак, позвольте мне рассказать все по порядку, — продолжал Ортега. — Эта планета обязана своим существованием великой расе, представителей которой вы, люди, именуете марковианами. Внешне марковиане напоминали гигантские человеческие сердца с шестью шупальцами, расположенными через равные промежутки. Так же как у людей, чья «наука» о магических числах, как правило, базировалась на числах «десять» или «двадцать», — соответственно количеству пальцев, математической базой марковиан стало число «шесть». Это число было основой всей их жизни; вот почему у нас существуют гексагоны и почему их насчитывается тысяча пятьсот шестьдесят. Идеальное число для народов, ведущих свой счет шестерками. Существует даже гипотеза, согласно которой у марковиан насчитывалось шесть полов, но этого мы сейчас касаться не будем.

Как бы то ни было, они достигли высочайшего уровня физического и, что куда более важно, технологического развития. Их миры существовали во многих галактиках — не в солнечных системах, а в галактиках! В каждом из них они строили местный компьютер, программировали его по своему усмотрению, а затем наращивали сверху планетную кору. На планетах возводились города, и каждый их житель был мысленно связан с местным мозгом. Архитекту-

ра существовала как бы в единой системе координат, ибо стоило марковианам просто чего-то пожелать, и компьютер, осуществляя переход энергии в материю, доставлял им желаемое.

— Похоже на жизнеописание богов, — прокомментировал Трелиг. — И что же с ними случилось? Я немного слышал об этих марковианах. Они все погибли.

— Все до одного, — согласился Ортега. — Их убила скука. Бессмертные, любые желания которых мгновенно исполнялись, неожиданно почувствовали, что откуда-то потянуло гнильцой — в чем-то они промахнулись. Они добились колоссальных материальных достижений, но этого оказалось недостаточно. Их лучшие умы — представляете, какие умы должны были быть у марковиан! — собрались вместе и в конце концов пришли к заключению, что развитие марковианской цивилизации пошло по неверному пути. И их раса либо погибнет из-за райской жизни, либо они должны что-то предпринять.

— И они что-то предприняли? — спросил Юлин. Ортега кивнул.

— Вначале они создали Мир Колодца — совершеннейший марковианский компьютер. Не засунули его в ядро, как это делалось раньше, а превратили в гигантский электронный мозг целую планету. Если небольшой фрагмент этого мозга мог создавать все что угодно на локальном уровне, вообразите, на что способна планета диаметром около сорока тысяч километров, представляющая собой марковианский компьютер! Затем они добавили стандартную кору.

— Но откуда взялись все эти гексы, расы? — поинтересовался Трелиг.

— Это была следующая часть их грандиозного плана, — ответил Ортега. — Марковиане мобилизо-

вали лучших мастеров своей расы и крупнейших художников, работавших во всех областях искусства. Все они получили в полное распоряжение по гексу. Каждый гекс задумывался как миниатюрный мир. Вблизи экватора сторона гекса равна примерно тремстам пятидесяти пяти километрам, расстояние между противоположными сторонами составляет шестьсот пятнадцать километров. Так вот в каждом гексе мастерам и художникам было разрешено создать автономную биосферу с единственной господствующей формой жизни и другими формами жизни, образующими вместе с ней законченную экосистему. На первых порах в качестве доминантной формы жизни выступили марковианские добровольцы.

— Вы хотите сказать, — прервал его потрясенный Трелиг, — что марковиане покинули свой рай, чтобы стать игрушками в чьих-то руках?

Улик развел всеми шестью руками.

— Поскольку они изнывали от скуки, недостатка в добровольцах не было. Они сознательно отказались от бессмертия и приняли установленные строителями правила игры. Если экосистема выдерживала испытание, главный компьютер помещал где-нибудь во Вселенной новый мир со своей особой биосферой, а затем перебрасывал туда население соответствующего гекса. Марковиане умели ускорять и замедлять течение времени. Но каждый мир, который они заселяли, базировался на физических законах, все делалось в соответствии с законами эволюции. А в Мире Колодца на месте ушедшей расы создавалась новая, и эксперимент начинался заново.

— Из ваших слов следует, что мы все — марковиане, — сказал Бен Юлин. — Так сказать, их потомки.

Ортега кивнул:

— Совершенно верно. Добавлю, что время здесь течет нормально. Здешние обитатели старятся и умирают. Некоторые умирают молодыми, некоторые живут дольше, чем вы можете себе представить, но в любом случае поколения сменяют друг друга. Численность населения регулирует компьютер: если в каком-нибудь гексе она чрезмерно выросла, большинство представителей следующего поколения рождаются стерильными. Если же численность населения в результате катастроф и военных конфликтов резко падает, количество особей, способных к деторождению, резко увеличивается, а в обществе происходит сексуальный взрыв. Разумеется, численность населения варьируется от гекса к гексу: где-то она не превышает четверти миллиона, а где-то достигает миллионов трех.

— Интересно, почему здесь не свирепствуют эпидемии? — заметил Юлин. — И так мало войн? Мне кажется, что, как правило, чуждые расы не питают особой любви друг к другу.

— Это объясняется разумной системой проектирования, — сказал Ортега. — Эпидемии здесь бывают, но в составе здешней почвы или атмосферы тут же происходят еле заметные изменения, предотвращающие или останавливающие распространение болезни; дополнительными барьерами служат горы, океаны, пустыни и тому подобное. Кроме того, расовые системы настолько различны, что микробы, опасные для одной расы, абсолютно безвредны для другой. — Он замолчал, но, вспомнив вторую половину вопроса, продолжил: — Что касается войн, то они непрактичны. Конечно, здесь случаются локальные конфликты, но ничего катастрофического. Секрет заключается в том, что каждый гекс находится на определенной ступени развития и живет по пра-

вилам, которые никто не в силах нарушить. Возможно, марковиане хотели смоделировать ситуацию с нехваткой ресурсов или чего-то иного, которая могла возникнуть в реальных мирах, куда должны были отправиться обитатели гексов. Я уже говорил, что отцы этого великого эксперимента очень бережно относились к законам природы. Так вот, в одних гексах работает абсолютно все. В других существуют ограничения на применение техники — например, паровые машины действуют, а электрические генераторы нет. В некоторых гексах вообще можно использовать только мускульную силу. Это объясняет то, что произошло с вашим кораблем: он залетел на территорию нетехнологического гекса, двигатели вышли из строя, и вы оказались на земле.

Лицо Трелига прояснилось.

— Все понятно! И вот почему мощность восстановилась, когда потребовалось расправить крылья и загерметизировать окно! Мы дрейфовали над высокотехнологическим гексом!

— Верно.

— Тогда почему бы высокотехнологическому гексу не завоевать низкотехнологический? — спросил Юлин.

— А вам бы этого хотелось? — рассмеялся Ортега. — Успокойтесь, это нереально. Высокотехнологический гекс слишком зависит от своих машин. Катастрофа, которая случилась с вами на Севере, — прекрасный пример. Можно иметь летательные аппараты и фантастическое оружие, но когда вы вторгнетесь в низкотехнологический гекс, все это перестает работать. Если же граничат два однотипных гекса, то один из них представляет собой сушу, а другой покрыт водой, или атмосфера одного совершенно непригодна для второго, или что-нибудь еще. Дав-

ным-давно некий генерал начал завоевательную войну; он действовал в союзе с самыми разными гексами, рассчитывая на то, что каждый из них будет сражаться с врагом, соответствующим ему по технологическому уровню. Но этот план не сработал. Некоторые гексы генералу пришлось обходить из-за атмосферных условий, или из-за слишком вязкой почвы, или из-за чего-то еще; в результате его линии снабжения так растянулись, что их стало невозможно защищать. В конце концов непокоренные гексы разбили его в пух и прах. И войн больше не было, а ведь с тех пор минуло более тысячи ста лет.

Некоторое время все молчали. Затем в разговор вступил Трелиг:

— Вы сказали, что когда-то были одним из нас. Как вы здесь очутились?

Ортега ухмыльнулся.

— Новички к нам попадают все время — примерно по сотне в год. Когда марковиане покинули последние планеты, они не выключили свои компьютеры: не смогли. Дело в том, что существует некая система передачи материи — нам не известно, как она устроена, — связывающая все созданные ими миры с Миром Колодца. А у последнего уходящего марковианина просто не хватило мозгов запереть за собой дверь. Она открывается каждый раз, когда кто-нибудь хочет, чтобы она открылась. И мы — отдаленные потомки марковиан — понятия не имеем, что происходит в действительности. В девяносто девяти случаях из ста новоприбывшие даже не подозревали о существовании двери. В тот момент, когда они случайно оказывались с ней по соседству, им просто хотелось попасть в какое-нибудь другое место, или стать кем-нибудь иным, или чтобы все вокруг изме-

нилось. Я буквально пролетел сквозь нее — планета уже уходила.

— А вы о ней знали? — настаивал Юлин.

— Конечно, нет. Я старился, скучал, впереди маячило беспросветное одиночество, от которого меня могла избавить только смерть. У пилотов неизбежно возникает склонность к самоанализу. И вдруг хлоп — я здесь!

— Но как вы превратились в змею? — без тени смущения спросил Трелиг.

Ортега засмеялся.

— Всех новичков кто-нибудь приветствует. Вы становитесь тем, кого здесь именуют Пришельцем. Вас инструктируют, а затем пропускают через Ворота Колодца. Как только вы туда попадаете, марковианский компьютер, базируясь на известной ему одной системе классификации, превращает вас в представителя одной из семисот восьмидесяти здешних рас и отправляет в соответствующий гекс. Вы проходите там акклиматизацию и довольно быстро привыкаете к своему новому естеству. Отныне вы предоставлены сами себе.

— Но система переноса материи все еще действует, — заметил Трелиг.

— И да, и нет, — отвечал улик. — Существуют Ворота Зоны и по двое Ворот в каждом гексе. Вы можете использовать их, чтобы попасть из вашего гекса сюда — в Южную полярную Зону и отсюда — в ваш родной гекс. Но если вы находитесь в чужом гексе, то, пройдя через ворота, вы сперва очутитесь здесь и лишь потом возвратитесь домой. Однако движение через Колодец — одностороннее: вы можете прибыть сюда из любого марковианского мира, но вернуться назад вам не удастся. Это, как я подозреваю, было сделано для того, чтобы первые добро-

вольцы не передумали и не дали деру. Еще имеются Ворота, соединяющие Северную и Южную Зоны; через них вы и прошли. Учджинцы — те самые разноцветные простынки — понятия не имели, кто вы такие, но догадались, что вы не принадлежите к населению какого-либо гекса Мира Колодца. Они послали сообщение в Северную Зону, а те переправили вас сюда. Теперь настала ваша очередь пройти через Колодец.

Трелиг встревожился.

— Мы станем другими? Превратимся в какие-то иные существа?

— Верно. Конечно, среди семисот восьмидесяти форм имеется и такая, какую вы называете человеческой, но вряд ли вам повезет. Так что мужайтесь. Все равно у вас нет выбора. Другого пути отсюда не существует.

Они это поняли.

— А другие Пришельцы? Имеются среди них негуманоиды?

— Конечно! — ответил Ортега. — Целая куча. В сущности, большинство. И вот что самое удивительное: Пришельцы, живущие в нетехнологических гексах, уверяют, что теперь им гораздо лучше, чем прежде, когда они то и дело сталкивались с неразрешимыми проблемами. А некоторых из тех, кто угодил в высокотехнологические гексы, мы вообще никогда не видели. У нас имеется целая коллекция космических скафандров таких форм и размеров, что, увидев их, вы не поверите своим глазам. Мы их время от времени используем, когда кому-нибудь предстоит отправиться на Север. Между полушариями установлена кое-какая торговля. Северяне поставляют нам крошечные переводящие устройства, выращиваемые в кристаллическом мире, который по причинам, из-

вестным только его обитателям, нуждается в железе. Владелец такого устройства может беседовать с представителем любой расы, независимо от того, насколько она ему чужда.

— Вы хотите сказать, что здесь нет общего языка? — воскликнул Бен Юлин.

Ортега издал басистый горловой смешок.

— О нет! Тысяча пятьсот шестьдесят рас, тысяча пятьсот шестьдесят языков. Это неудивительно, когда и жизнь, и среда обитания столь различны. Пройдя через Колодец, вы автоматически начинаете думать на языке вашей новой расы. И теперь, общаясь с другими Пришельцами, я вынужден пользоваться искусственным переводчиком. Я стал настоящим специалистом в этой области.

— Тогда мы постараемся не забыть язык Конфедерации. — Слова Трелига прозвучали не как вопрос, а скорее как утверждение.

— Хотите — не забывайте его, воля ваша, — ответил человек-змея. — Разговаривайте на нем, если это позволит новая анатомия. Переводчик создает некоторые проблемы. Перевод осуществляется автоматически, так что употреблять какой-то третий язык практически невозможно. Но, обладая переводчиком, вы в нем и не нуждаетесь. Если ваша новая раса пользуется ими, постарайтесь его заполучить. Это удобная вещь. — Увидев по лицам мыслящего растения и амбрезианина, что состояние Бена Юлина ухудшилось, Ортега негромко сказал: — Все, время истекло.

Они кивнули, и в комнату вошел еще один амбрезианин. Два гигантских бобра осторожно уложили Юлина на носилки.

— Но я не... — начал было Трелиг, однако Ортега резко оборвал его.

— Вопросы можно задавать до бесконечности, но вы больны губкой, а у нее — еще более неотложные проблемы. Если вы когда-нибудь снова пройдете через Ворота Зоны, навестите меня, и мы славно поболтаем. Но сейчас вам придется идти.

Его тон был весьма категоричен и не допускал никаких возражений. То обстоятельство, что Трелиг и Зиндер прекрасно себя чувствовали, к делу не относилось; рассказанная советником трогательная история была сочинена наспех.

Пришельцев отвели в комнату, практически не отличимую от той, куда они попали, пройдя через Ворота, соединяющие два полушария.

Юлина отправили первым; у него не было выбора. Он всех поблагодарил и выразил надежду на свидание. После этого два бобра поставили тело Мавры Чанг в вертикальное положение, и оно рухнуло в черную стену. Зиндер заколебался и попытался что-то объяснить, но ему тоже пришлось окунуться во мрак. Трелиг остался один в окружении целой компании чужаков. Ему еще многое надо было узнать, но события его опережали. Он смирился.

И шагнул в темноту.

Ортега облегченно вздохнул и повернулся к Вардии:

— Есть какие-нибудь новости о другом корабле?

— Никаких, — ответил чиллианин. — А вы считаете, что они так же важны, как и раньше?

Ортега нахмурился.

— Еще бы! Если сказанное этими людьми — правда, у нас на планете свободно разгуливают несколько первоклассных негодяев. И двое из них чертовски хорошо разбираются в марковиданской математике. Очень опасные люди. Если они заключат союз с некоторыми не удовлетворенными жиз-

нюю правителями и сумеют восстановить свой корабль и вернуться на Новые Помпеи к своему компьютеру, они, возможно, смогут захватить контроль над Колодцем.

— Эта страшная история высосана из пальца, — возразил чиллианин.

Ортега вздохнул:

— Каким безобидным казался нам маленький забавный еврей по имени Натан Бразил. Вспомните, кем он оказался на самом деле.

Мыслящее растение сделало поклон, что было эквивалентно кивку.

— Последним живым марковианином, — пробормотало оно.

— Меня интересует, почему этот кризис не привлек его, — задумчиво произнес Ортега.

— Потому что это наш кризис, — ответила Вардия. — А попасть к Колодцу — не проблема.

ВОЗЛЕ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ ТЕЛИАГИНОМ И КРОММОМ, СУМЕРКИ

На горный склон бесшумно приземлилась крошечная изящная фигурка; вскоре к ней присоединилась вторая, затем третья. Несколько других парили поблизости на расprostертых трепещущих крыльях. Латы!

— Смотрите! — прошептала одна из них, указывая на повозку, в которой были заперты Мавра Чанг, Ренар и Никки Зиндер.

— Просто удивительно, что они забрались так далеко, — прошептала ее подруга.

Первая, судя по всему, предводительница, утвердительно кивнула. В отличие от циклопов маленькие феи вели в основном ночной образ жизни и прекрасно видели в темноте. Открывшаяся рядом с пастушеской хижиной картина лежала перед ними как на ладони.

Одна из лат взглянула туда, откуда раздавался оглушительный храп спящих циклопов.

— Это — большие матери? — тихо спросила она.

Предводительница вздохнула.

— Да, поэтому их надо ужалить как можно быстрее. Я не думаю, что мы перестареемся, если для пушей безопасности врежем им как следует.

— А яд сработает?
— Сработает. Перед отлетом я его проверяла.
— По-моему пистолеты намного надежнее, — заметила сомневавшаяся лата. — Очень уж рискованное дело.

Предводительница пожала плечами.

— Телиагин — нетехнологический гекс. Здесь можно использовать взрывные устройства ударного типа, но нам некогда обшаривать музеи и частные коллекции.

Она ненадолго замолчала, словно пыталась внушить себе — сейчас или никогда, — и наконец решилась.

— Джебби, Тасала и Мири, вы берете на себя ту, что побольше, Сади, Нанигу и я — другую. Вистару, возьми с собой Бахаге и Асмаро и займись пленниками. Остальные, будьте наготове. Возможно, нам понадобится помощь.

После этих слов латы, находящиеся на склоне горы, грациозно взмыли в воздух, а названные группы отправились выполнять каждая свое задание.

Мавра Чанг в изнеможении упала на дно повозки. Сотни раз она добиралась до решетки и каждый раз, не удержавшись, соскальзывала вниз. Ей так и не удалось сдвинуть эту проклятую штуку хотя бы на сантиметр. Своих спутников женщина заставила заснуть, чтобы не слышать их бесконечное хныканье, а теперь заснула сама.

Ее разбудил громкий шорох, доносившийся откуда-то сверху. На мгновение Мавра пришла в замешательство, тут же вспомнила, где находится, и подняла глаза. На решетке явно кто-то стоял, однако

частые прутья мешали ей рассмотреть нежданного ночного гостя.

— Че-ло-век! Ты меня слышать, че-ло-век? — прошептал незнакомый женский голос с весьма экзотическим акцентом. Он звучал высоко, нежно и удивительно сексуально.

— Я тебя слышу! — В сердце Мавры Чанг вспыхнула искра надежды.

— Мы заставим бооьльшие штууки спать, че-ло-век, — сказала странное создание. — Будь готова вынуться.

Мавра напрягала зрение, пытаясь разглядеть свою спасительницу, но увидела только пятнышко света в сгушающейся темноте.

Неожиданно раздался звериный рев. Огромный циклоп-самец проснулся и пришел в крайнее возбуждение. Он рычал, ругался, сыпал проклятиями и вдруг издал звук, который мог быть только криком боли. И Мавра услышала, как огромное тело со стуком упало на землю. Самка сопротивлялась дольше, она тоже рычала и выла, но вскоре прилегла отдохнуть рядом со своим дружкой.

Мавре не терпелось узнать, что же это за чудовища, которые без труда могут свалить таких огромных могучих тварей, но в щель между досками ничего не было видно.

Тем временем на решетку садились все новые и новые существа.

Они говорили между собой на необычайно красивом и мелодичном языке, который звучал как перезвон крошечных колокольчиков. Правда, на человеческий язык он походил еще меньше, чем ворчание и хрюканье циклопов.

Через несколько минут вернулась та, которая знала язык Конфедерации.

— Че-ло-век! Сколько вас там, внизу?

— Трое! — громко ответила Мавра, понимая, что опасность со стороны циклопов ей больше не угрожает. — Но двое спят под воздействием наркотика.

Какая-то фигура, принадлежавшая, по-видимому, очень маленькой женщине, опустилась на колени и прикинула к решетке, вглядываясь в темноту, скрывавшую пленников.

— О да! Теперь я вижу, — сказала незнакомка. Говорить на чужом языке было для нее сущим мучением. — Мы хоотим снять решетку, так что ты поодойти к ним.

Мавра выполнила инструкцию.

— Теперь хорошо? — спросила она.

— Отлично, — раздалось в ответ, и таинственная фигура исчезла.

«Нет, она не встала и не уползла, — решила Мавра. — Она просто испарилась». Ей все больше и больше хотелось узнать, что представляют собой ее спасители. Впрочем, это не имело значения. Тварей хуже циклопов здесь, по-видимому, не водится, а по крайней мере одно из этих существ может говорить с ней на языке Конфедерации. Да и прибыли они сюда явно только для того, чтобы организовать их бегство.

Наверху послышался тихий перезвон голосов и толчки. Решетка со скрипом сдвинулась вбок, но тут же съехала обратно. Она оказалась слишком тяжелой. Перезвон колокольчиков усилился, и Мавра поняла, что их стало значительно больше.

Она разглядела, что десятки маленьких рук вцепились в железные прутья и потащили все разом. Решетка приподнялась, встала почти вертикально и закачалась на дальнем конце повозки. На мгновение Мавра испугалась, что она рухнет на дно, и поняла,

почему ее попросили отодвинуться. Но рывки продолжались, и решетка, зазвенев, упала на землю.

Сверху снова появилась таинственная фигура; она медленно вплыла внутрь повозки и приземлилась на пол в метре от удивленной женщины. Благодаря ночному зрению Мавра сумела как следует ее рассмотреть.

Судя по внешнему виду, это была девочка лет девяти-десяти, не более, ростом около метра, прекрасно сложенная, обладающая идеальными пропорциями. У нее были две крошечные грудки, почти неразвитые, но выглядевшие очень соблазнительно. Лицо — воплощение девичьей невинности и ангельской чистоты, почти совершенное лицо, подумала Мавра, которая сразу поняла, что это не ребенок, а взрослая женщина.

Неожиданно девочка начала светиться, золотистое сияние, невероятное и необъяснимое, полилось из всех частей ее тела.

У Мавры сложилось впечатление, что загадочное создание сознательно дает ей возможность как следует рассмотреть себя при ярком освещении. Красноватая кожа незнакомки являлась бледным отражением испускаемого ею сияния; коротко остриженные иссиня-черные волосы были уложены, как у пажа, по обеим сторонам изящной головы торчали два заостренных крошечных уха. Глаза девочки казались немного жутковатыми, так как, подобно кошачьим глазам, отражали свет. На спине у нее были две пары крыльев, по размеру соответствовавших телу и абсолютно прозрачных.

Это создание улыбнулось и, подняв в знак приветствия руки, направилось к Мавре Чанг. Как только оно сделало первый шаг, раздался отвратительный скрипучий звук. Приглядевшись, Мавра поняла, что

его производит жесткое образование, выходящее из позвоночника малютки и достигающее пола. Оно заканчивалось весьма впечатляющим жалом, кончик которого оставил на деревянном полу чуть заметную полосу.

— Привет, я Виистаруу, — сказала маленькая женщина, и Мавра поняла, что именно это существо говорило с ней раньше.

— Мавра Чанг, — представилась она и указала на спящих. — Высокий — это Ренар, толстая — Никки.

— Реенар, — с запинкой повторила та. — Ниикки.

Мавра не знала, насколько хорошо собеседница понимает язык Конфедерации, но все же решила попытаться объяснить ей ситуацию, в которую попали ее спутники.

— Эти люди сидят на наркотике, который называется «губка», — сообщила она Вистару. — Болезнь зашла уже так далеко, что им требуется неотложная помощь. Они больше не могут держать себя в руках.

Вистару помрачнела и что-то резко произнесла на своем родном языке, звуки которого, как заметила Мавра, частично формировались у нее внутри, а частично создавались движением крыльев. Эта женщина, несомненно, знала, что такое губка.

— Мы их быстро отсюда уведем, — сказала Вистару. — Но вы все оочень тяжелые.

Мавра поняла сущность проблемы. После того как убрали решетку, предстояло еще вытащить из повозки пленников.

— Я сама могу вылезти отсюда, — сказала она. — И может быть, оказавшись снаружи, я сумею чем-нибудь помочь.

С этими словами Мавра быстро вскарабкалась на борт повозки, который она так хорошо изучила, и спрыгнула на землю с легкостью, приобретенной в

результате многократных прыжков с высоты третьего этажа. Встав на ноги, она огляделась, мечтая, чтобы ее блок питания снова заработал.

Ночное небо немного расчистилось, и звездный свет, хлынувший на землю, придавал всему происходящему несколько фантастический характер.

Мавра увидела неподвижные тела двух циклопов, один лежал чуть ли не на голове у другого. На первый взгляд они казались мертвыми, но, присмотревшись внимательно, она заметила, что их грудные клетки ритмично поднимаются и опускаются. Мавра прониклась глубоким уважением к острым жалам, которыми были вооружены маленькие девочки. Судя по всему, они действовали как следует.

Спасителей оказалось пятнадцать или даже двадцать. Они спокойно парили в воздухе, не обращая никакого внимания на законы гравитации, грациозно помахивая крыльями, которые производили легкое жужжание. Некоторые из них включили свои внутренние источники света, образовав многоцветную радугу. Одни были красными и оранжевыми, другие — зелеными, синими, коричневыми; одни — очень темными, другие — очень яркими. В остальном же они выглядели совершенно одинаково. И у всех к животам были привязаны пакеты с веревками.

Мавра подумала о том, как поступить с повозкой. Если бы ее удалось опрокинуть, это было бы самым простым решением. Но как это сделать? Она позвала Вистару.

— Вы сумеете привязать веревки к этой стороне повозки? Может быть, если большинство станет за них тянуть, а остальные вместе со мной будут толкать с противоположной стороны, нам удастся ее опрокинуть.

Вистару задумалась, а затем подлетела к ярко-синему существу, парившему у нее над головой, и заговорила на своем музыкальном языке. Свет, который она излучала, осветил их обоих, и Мавра не без удивления обнаружила, что синий — мужчина. Если бы не мужские гениталии, он был бы неотличим от женщин! Она сразу подумала о Ренаре — вот кому эта форма идеально бы подошла.

Вистару вернулась.

— Барисса не согласен — слишком много опасность, — сказала она. — Придумал лучше способ. У повозка сзади есть засов? Иди смотри.

Повздыхав, Мавра обошла повозку. Засов был, из дерева и железа. Двое летающих созданий уже трудились над ним.

Мавра вернулась к Вистару.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Я сказать тебе. Виистаруу.

Мавра покачала головой.

— Нет. Я имею в виду — вас всех. — Всю... — она на мгновение замолчала, подыскивая нужное слово, — всю вашу расу.

Маленькая фея понимающе кивнула.

— Мы — латы, — сказала она. — Во всяком случае, на языке Конфе-де-рации это слово произносится именно так. На нашем языке оно звучит совсем иначе. — Тут прозвенело несколько колокольчиков.

Мавра кивнула, только сейчас сообразив, как трудно приходится ее собеседнице. Вистару напряженно переводила в уме каждое слово, попутно вспоминая его произношение. Было совершенно ясно, что ни в грамматике, ни в чем-либо другом язык лат и язык людей не имеют ничего общего.

Вистару, кажется, почувствовала ее тревогу.

— Не волнуйся, — улыбнулась она. — Мы им поможем вовремя. И мы скоро будем говорить лучше.

Смысла этих слов Мавра не поняла и тут же выбросила их из головы. Первым делом надо было заняться Ренаром и Никки; ее собственные проблемы могли подождать.

Засов наконец упал на землю, и латы разразились целой серией перезвонов, которые Мавра истолковала как предупреждение. В следующий момент задняя стена повозки откинулась и рухнула наземь, образовав нечто вроде пандуса. «Неплохие петли для ручной ковки», — заметила Мавра.

Она помогла трем латам вытащить из повозки бесчувственные тела. Лата-мужчина — Барисса полетел к Вистару и что-то сказал ей. Та повернулась к Мавре, которая в этот момент думала о том, что разница между полами у этих существ в общем-то выражена неярко.

— Барисса говорит, можешь ты их будить? — спросила переводчица.

Мавра кивнула, и все с некоторым удивлением увидели, как она пустила в ход свои длинные блестящие ногти.

— Никки, ты меня слышишь? — спросила она.

— Угу, — пробормотала девушка, не открывая глаз.

— Ты встанешь и пойдешь со мной.

Толстуха открыла глаза, неуверенно поднялась на ноги и застыла.

— Ты пойдешь, когда я пойду, остановишься, когда я остановлюсь, и сядешь, когда я сяду, — учила ее Мавра.

Точно так же она проинструктировала Ренара, с удовлетворением отметив, что Никки повторяет каждое ее движение.

От этого зрелища латы, видимо, пришли в крайнее возбуждение. Все они отчаянно зазвенели. К Мавре подошла Вистару.

— Как ты делать это? — спросила она. — Они хотят знать, у тебя жало в руках?

— Что-то вроде этого, — загадочно ответила женщина, и они тронулись в путь.

Вначале путешествие казалось довольно легким. Мавра выяснила, что по вершинам горной цепи проходит граница между гексом циклопов, который Вистару называла Телиагин, «потому что это его имя», и гексом Кромм, куда собственно они и направлялись.

Но то, что произошло потом, показалось ей просто поразительным. Пока они шли по склону, воздух оставался прохладным, а сильные порывы ветра сбивали с ног. На вершине не было ни пограничной черты, ни часовых, однако латы знали, что это — граница. И все словно прошли через прозрачный занавес.

Внезапно воздух стал сырым и удушливым; через какие-то несколько минут все тело Мавры покрылось липкой испариной. Жужжание насекомых, еле слышное в Телиагине, напоминало здесь гудение испорченного гигантского громкоговорителя, включенного на всю мощь. Воздух казался спертым и обладал странным специфическим запахом.

— Не беспокойся, — сказала ей Вистару. — Разница, да, но и все. Вреда тебе нет.

«Смотря что иметь в виду», — подумала Мавра, с трудом переводя дыхание.

По мере того как они спускались с горы, растительность превращалась в подобие джунглей. Почва

становилась все более и более сырой, и наконец под ногами зачавкала жидкая грязь — у подножия гор во все стороны простиралось болото. Оно оказалось неглубоким, всего около полуметра, но вода в нем была стоячая, темная и вонючая. На кочках рос отвратительный волокнистый мох.

— Нам обязательно лезть в эту мерзость? — спросила она у латы.

— Недолго, — заверила ее малютка. — Просто держись за мной.

С этими словами Вистару включила свое внутреннее освещение — она явно не любила держать его все время включенным, — и все латы последовали ее примеру, осветив людям дорогу и великолепно имитируя хождение по воде аки посуху. Мавра понимала, что они каким-то образом летят, и от этого эффект был еще сильнее. Вистару парила над болотом так низко над водой, что ее жало время от времени погружалось в воду.

Через несколько метров грязь стала еще ужаснее, а вода — глубже. Мавра промочила ноги и чувствовала себя отвратительно. «Что за черт! — думала она философски. — Опять все сначала».

Так они шли около часа. Мавре уже стало казаться, что она навсегда останется в этом болоте. Она даже начала привыкать к воню, но наконец пышная растительность начала редеть. Однако тут-то ее и ждало последнее испытание: запутавшись в каком-то вьющемся растении, женщина споткнулась и со всего размаху шлепнулась лицом в грязную жижу; к ее счастью, в этом месте оказалось неглубоко.

Копирующие каждое ее движение Ренар и Никки тоже упали в грязь. Мавре пришлось собрать все силы, чтобы заставить встать и не дать им утонуть.

Она промыла глаза, нос и рот, а затем с помощью Вистару почистила своих подопечных. Это, конечно, не было мытьем, все трое выглядели страшнее, чем любое существо, встреченное ими в Мире Колодца. Даже подарок Трелига, ее лошадиный хвост, оказался облеплен таким количеством грязи, что Мавре казалось, будто на зад у нее кто-то сидит.

И вдруг все кончилось. Это был удивительный переход: от ужасного вонючего болота к спокойному морю. Вистару сказала, что надо подождать, и Барисса, который, видимо, был вождем, улетел туда, где виднелось нечто, напоминающее группы плавающих кустов.

Море, если это и в самом деле было море, выглядело чудесно. Несмотря на гнетущую влажность, воздух оставался прозрачным, и бездонное небо Мира Колодца с его гигантскими разноцветными газовыми облаками и яркими звездами бросало на воду магический отблеск.

Случайно взглянув налево, Мавра заметила какое-то движение. То, что она увидела, повергло ее в шок. Один из больших кустов отделился от остальных и плыл прямо к берегу; над ним висело яркосинее свечение, которое, как она поняла, испускал Барисса.

Куст оказался гигантским цветком. Он был похож на огромный полураскрытый розовый бутон, окруженный толстой зеленой пленкой.

Барисса улыбнулся и что-то прозвенел. Мавра повернулась к Вистару.

— Он гооворит старый Макам спал и теперь страшно ворчит, но он знает про-блему и заберет тебя и их.

Мавра снова посмотрела на цветок. Он был ярко-оранжевый, вернее — был бы, если бы полностью

раскрылся. В середине цветка торчали две тычинки, похожие на гигантские стебли пшеницы. Повинуясь жесту латы, женщина встала на зеленое основание этого существа. Никки и Ренар шагнули следом за нею и полностью скопировали ее движения, когда она уселась на краю, скрестив ноги. К ним приблизилась Вистару.

— Мы немного задержимся, но потом вас догоним, — сказала она. — Ты просто сиди и пльви. Надеюсь, у тебя не закружится голова.

Не успела Мавра удивиться, как тут же поняла глубокий смысл этих слов. Цветок медленно завертелся на месте и двинулся через водную гладь. Повидимому, с помощью этого вращения он и двигался, и, хотя его скорость была небольшой, Мавра почувствовала себя очень неудобно. Она закрыла глаза, но это не помогло — ее орган равновесия, внутреннее ухо, по-прежнему воспринимал круговое движение цветка. Примерно через час у нее остались только два желания — поскорее очистить желудок и умереть. Это была классическая морская болезнь.

Ей показалось, что до рассвета прошла целая вечность. К горлу то и дело подкатывала тошнота, и женщина с завистью поглядывала на двух загипнотизированных, копировавших все ее движения.

Подлетела Вистару.

— Ты все еще больна? — задала она ненужный вопрос.

— Нет, притворяюсь! — пробормотала Мавра, наклоняясь пониже.

Лата излучала беспокойство.

— Не тревожься. Мы почти на месте, — утешала она.

К этому моменту Мавру уже не волновало, существует ли вообще это «место» и где оно находится,

однако впервые за все время морского путешествия она подняла глаза и посмотрела по сторонам.

Тысячи других цветов плыли, создавая мириады красочных комбинаций, кружились, танцевали в грандиозном балетном спектакле, поставленном на воде. Они раскрывались навстречу солнечным лучам, и при других обстоятельствах Мавра получила бы огромное удовольствие, наслаждаясь этим божественным представлением.

Кроммианин, на котором они плыли, неожиданно замедлил ход. Он тоже распустился, образовав завесу из сияющих коричневых и оранжевых лепестков. Огромные тычинки оказались глазами — длинными, овальными пытливыми карими глазами с черными зрачками, выглядевшим так необычно, словно их нарисовал неумелый карикатурист. Они функционировали независимо друг от друга и часто смотрели в разные стороны. Разглядеть что-нибудь еще внутри «головы» этого создания было довольно трудно. Тем временем вращение замедлилось настолько, что Мавра стала размышлять о том, что представляют собой кроммиане — подлинные растения или какой-то вид экзотических животных.

Мир еще не перестал кружиться перед ее глазами, но она все же испытала огромное облегчение.

Женщина осторожно проползла между лепестками, стараясь, чтобы Никки с Ренаром, копировавшие ее движения, не упали в воду, и посмотрела туда, куда дрейфовал цветок. Перед ней предстал остров — высокая скала, выросшая посередине моря. Прямо перед собой она увидела вход в пещеру, явно искусственного происхождения, угольно-черный и как бы лишенный глубины.

Внезапно Мавра осознала, что это гексагон.

К ней опять подлетела Вистару.

— Мы причалим у Ворот Зоны, — сказала она загадочно. — Ты должна сказать другим идти туда. — Лата указала на быстро приближавшийся мрак.

— А я?

Малютка покачала головой.

— Позже. Кроммианский посол говорит теперь ты нет.

Мавра кинула недоверчивый взгляд в сторону огромной пещеры, или дыры, или чего бы там ни было — она выглядела так, будто имела только два измерения.

— Эта штука поможет моим друзьям?

Вистару кивнула.

— Это Ворота. Через них они попадут в Зону. Их проведут через Колодец. Они станут люди этой планеты, как я.

— Ты хочешь сказать, что они превратятся в лат?

Вистару пожала плечами:

— Может быть. А если не в лат, то во что-то другое. Губки не будет. Память назад, все лутше.

Мавра просто не могла поверить Вистару на слово, но ей приходилось вести себя так, как если бы все сказанное латой было правдой. Женщина понимала, что еще немного — и она утратит контроль над больными.

Заметив сомнение, промелькнувшее на лице Мавры, и догадавшись, что оно объясняется ее невежеством в отношении Мира Колодца и его принципов, Вистару объяснила:

— Все, кто приходит из другого мира, идут через Колодец. Выходят все измененные. Даже я. Я одна из вас. Прошла через Колодец, проснулась лата.

Ее голос звучал так убедительно, что Мавра почти ей поверила. По крайней мере это объясняло, откуда

Вистару знает язык Конфедерации. Но тогда возник другой вопрос:

— Почему же меня оставляют?

Вистару пожала плечами:

— Приказ. Они говорят, ты не Мавра Чанг. Они говорят, ты плохая.

От изумления у Мавры открылся рот, но она его тут же закрыла.

— Это какая-то чушь! — воскликнула женщина. — Почему они — кто бы, черт возьми, они ни были — так думают?

— Они говорят, они уже встретили Мавру Чанг, и Ренара, и Ни-ики-и. Они говорят, вы обманщики.

Мавра очень хотела выложить малявке Вистару все, что она думает по этому поводу, но вовремя сдержалась. Первый раз с начала операции по освобождению Никки ей нанесли настоящий удар.

И кто-то за это заплатит.

ЮЖНАЯ ЗОНА

ни действительно выглядят точно так же, как первые! — изумилась Вардия.

Серж Ортега посмотрел на двух людей, в бессознательном состоянии лежавших перед ним на полу, и усмехнулся.

— Очень меткое замечание! А вы что скажете, доктор?

Доктор Мухар, амбрезианин, похожий на гигантского бобра, закончил осмотр больных и поднялся на ноги.

— Хотел бы я знать, какой наркотик им давали, — задумчиво произнес он, поглаживая подбородок. — Я никогда не видел ничего подобного. Мозг поврежден процентов на девяносто, но другая инфекция туда не попала.

Брови Ортеги поползли вверх.

— Другая инфекция?

— О да. Создается впечатление, что она проникла во все клетки их тел. Похожа на какой-то энзим и абсолютно паразитическая. Повсеместно наблюдается процесс разложения тканей, который идет довольно быстрыми темпами. Вы сумеете распознать эту губку, если увидите ее?

Оба его собеседника отрицательно мотнули головами.

— Когда-то очень давно мы видели, как она действует на людей, — ответил Ортега. — Но чистый препарат, под микроскопом, — никогда.

В следующий момент в коридоре послышались торопливые шаги. Дверь отворилась, и в комнату вошло новое существо.

Около полутора метров ростом, оно двигалось на двух толстых щупальцах, не имевших сочленений. Еще три пары щупалец исходили из средней части его тела. Каждое из них на конце было раздвоено и напоминало руки в рукавице. Его плоское широкое лицо украшали массивный нос с расширяющимися книзу ноздрями и два круглых глаза, похожих на следы большой кошачьей лапы, отливающих янтарем. Его нижняя челюсть слегка выдавалась вперед, а во рту, как было известно Ортеге, прятался длинный, свернутый кольцами язык, который хозяин использовал в качестве хватательного органа. По обеим сторонам его головы отставали небольшие участки кожи размером с чайное блюдце, они могли открываться и закрываться, как на шарнирах.

Как только это создание перешагнуло порог, все предметы в комнате померкли рядом с его огромными, словно у гигантской бабочки, крыльями, сложенными вдоль спины. Они были ярко-оранжевыми с концентрическими коричневыми кругами.

При его появлении и Вардия, и амбрезианин невольно подались назад, а на хмуром лице Ортеги отразился не то страх, не то угроза. Улик уже встречался с яксами — эту он знал довольно давно — и мужественно двинулся навстречу новоприбывшей.

— Вули! — пророкотал он своим знаменитым басом. — Очень рад, что вы смогли выкроить для нас минуту своего драгоценного времени.

— Привет, Ортега, — холодно ответила якас и взглянула на бесчувственные тела: — Это они?

Ортега сразу перешел к делу.

— Да. Доктор Мухар только что обнаружил в их клетках загадочную инфекцию. Вы посмотрите в микроскоп, или спроектировать на экран?

Якас подплыла к микроскопу и одним из своих немыслимых глаз вперилась в образец.

— Это губка, — сказал он. — Вне всякого сомнения. Как далеко это у них зашло?

— Пять дней без приема.

— Ну что ж, — немного подумав, произнесла Вули. — Если они обладали средним коэффициентом умственного развития, то через день-два они станут не смышленнее деревенского идиота. Затем наступит стадия возврата в животное состояние. Я бы как можно скорее протащил их через Колодец. Прямо сегодня.

— Согласен, — сказал Ортега. — И я высоко ценю ваше участие в этом деле.

— Они с новой луны? — поинтересовалась якас. Даже через переводное устройство ее голос звучал холодно, резко, незэмоционально.

Ортега опустил голову.

— Да. И если эти — настоящие, нас ждут большие неприятности. Мы свалили дурака с их двойниками: один из них — глава синдиката торговцев губкой; двум остальным известны принципы управления Колодцем.

Впервые якас выказала какие-то эмоции. Ее голос стал грубым и нервным.

— Глава синдиката торговцев губкой? И вы позволили им ускользнуть?

Ортега поднял вверх все свои шесть ладоней.

— Они выглядели точно так же, как эти. Мне и в голову прийти не могло...

— Верно, — перебила его Вардия. — Они были такие приятные, обходительные, культурные, особенно вот этот. — Она показала на Ренара.

Якса едва не начала брызгать слюной.

— Идиоты! У любого человека, долго не получавшего губку, появляются ярко выраженные симптомы!

— Да ладно вам, Вули! — виновато пробурчал Ортега. — Вы — фанатичка, на что у вас имеются достаточные основания. Но мы-то, черт подери, такого не ожидали.

Ноздри огромной бабочки угрожающе раздулись.

— Конечно, это моя вина! Довериться таким раздолбаям! — Она повернула свою огромную голову, соединенную с шеей чем-то вроде круглого шарнира, и в упор посмотрела на Ортегу. — А теперь назовите мне имя этого ублюдка. Не всегда же он будет таким предусмотрительным. В один прекрасный день я его поймаю.

Серж Ортега понял, что остановить Вули может только смерть.

— Антор Трелиг, — четко произнес он.

На лице яксы появилось какое-то неприятное выражение.

— Прекрасно. Я отправляюсь домой. Жизнь продолжается. Вы будете получать от меня известия.

С этими словами она повернулась, что было не так-то просто с ее огромными крыльями, и вышла из комнаты.

— Силы небесные! — облегченно вздохнула Вардия. — Кто это?

Ортега улыбнулся:

— Та, кого всем следует знать. Когда-нибудь я вам о ней расскажу. А сейчас есть более срочное дело. Мы должны провести этих несчастных через Колодец, а потом поговорить с Советом.

У Совета не существовало своего помещения. Связь поддерживалась с помощью интеркомов; это было сделано и из дипломатических соображений, и из соображений удобства — комнат на всех и так не хватало.

Ортега изложил по порядку все, что произошло в Мире Колодца за последние несколько дней, а в конце добавил:

— Я надеюсь, что каждый из вас сообщит о местопребывании любого нового Пришельца в случае его появления в вашем гексе. И запомните — эти люди хитры, как дьявол.

Подал признаки жизни динамик.

— Ортега! — послышался металлический, монотонный голос. — Это Роберт Л. Финч из Страны.

Ортега знал, что этот гекс населяют роботы, и не мог сдержать усмешку.

— Я и не подозревал, что в Стране существуют имена.

— В Стране тоже имеются Пришельцы, — ответил Финч. — И когда дела складываются столь тревожно, на переговоры посылают личность.

Ортега пропустил всё это мимо ушей.

— В чем ваши проблемы, Финч?

— Мавра Чанг. Почему вы оставили ее с латами? Опять собираетесь затеять какую-нибудь гнусную интригу?

Улик глубоко вздохнул.

— Конечно, ее следует пропустить через Колодец, и рано или поздно это будет сделано. Но сейчас она нужна нам в своей истинной форме: такого Пришельца в Мире Колодца больше нет.

Совету подобное заявление не понравилось, но все были вынуждены уступить. Последовали новые

вопросы, многословные, зачастую не относящиеся к делу. Тон подавляющего большинства послов выдавал их истинные чувства: «Это — не моя проблема», — и у Ортеги возникло впечатление, что остальные вели себя не слишком честно. Но он просто выполнял свой долг. Совещание закончилось.

В кабинете улика сидела Вардия. Ее народ был уже в курсе всех событий.

Всех, кроме одного.

— Так как же все-таки насчет женщины, Ортега? — спросила Вардия. — Какова истинная причина того, что вы держите ее местопребывание под секретом?

Ортега улыбнулся:

— Под каким секретом, дорогая? Все шестьсот тридцать семь рас, имеющие в Зоне свои посольства, знают, что она находится у лат. Она — единственная приманка, на которую способна клюнуть наша будущая добыча.

— А по-моему, добыче наплевать на вашу приманку! — настаивала Вардия. — Я же прекрасно помню, какое место занимал «квалифицированный космический пилот, находящийся в достаточно хорошей форме, чтобы управлять космическим кораблем», в ваших рассуждениях о военном конфликте!

Ортега поудобнее откинулся назад и уперся всеми шестью ладонями в край стола.

— Грандиозная идея, милая Вардия! — ответил он саркастически. — Спасибо за предложение! Я подумаю!

Если в массивном теле бывшего пирата еще оставалась хоть одна искренняя, правдивая косточка, ее никто не сумел бы отыскать.

Поэтому Вардия сменила тему.

— Думаете, они послушаются — сообщат об этих, так сказать, Пришельцах?

Ортега нахмурился.

— Некоторые — наверняка. Например, латы, кроммиане, диллиане, чиллиане. Большинство же — нет. Они либо постараются о них забыть, то есть совершат ошибку, в которой до конца жизни будут раскаиваться, либо объединятся с ними. Стоит любому алчному, честолюбивому правительству подыграть такой дряни, как Трелиг, — и вот вам зародыш будущей войны, о которой я говорил: альянс, пилот космического корабля и ученый, который сумеет собрать все разрозненные куски воедино. — Повернувшись лицом к чиллианину, улик добавил: — Что же касается Мавры Чанг, то с ее помощью мы можем хоть как-то контролировать ситуацию. Пропускать ее через Колодец просто опасно — это дело само по себе становится чертовски горячим, не следует подливать масла в огонь.

н открыл глаза и на мгновение пришел в замешательство. Все вокруг казалось ему странным, неправдоподобным, и прошло какое-то время, прежде чем он вспомнил, что произошло.

Окунувшись во мрак стены, он испытал странное ощущение: будто кто-то заключил его в объятия — нежные, волнующие; такого с ним еще не случалось. Он видел бездумные, ленивые сны, которые не запомнил, но твердо знал, что все они касались его самого.

«Я же должен превратиться в кого-то другого, — вспомнил он. — Преобразиться в одно из этих фантастических созданий вроде человека-змеи или мыслящего растения». То обстоятельство, что ему суждено стать кем-то иным, его не трогало; однако от того, кем он стал, зависели его планы на будущее.

С его зрением произошло что-то странное, но он довольно быстро сообразил, в чем дело. Во-первых, невероятно усилилась острота восприятия: все обрело необычайно четкие очертания, и он мог с точностью до десятых долей миллиметра определять расстояние до любого предмета. Во-вторых, краски стали более яркими, контрасты между различными оттен-

ками одного и того же цвета и между светлыми и темными тонами стали намного заметнее. Однако все это было не столь уж важно.

Внезапно он понял, в чем состояло главное отличие. «Я вижу два изображения!» — подумал он. Его глаза действительно смотрели в разные стороны, причем поле зрения каждого из них было равно почти восьмидесяти градусам; периферическое зрение позволяло видеть то, что творилось за спиной. Но прямо перед ним была мертвая зона — слепое пятно. И тут, чтобы избежать ошибки, приходилось подключать разум.

Внезапно он почувствовал какое-то движение справа от себя, и его правый глаз рефлекторно сместился, чтобы выяснить, что это такое. Над его головой, словно маленькая птичка, висело какое-то насекомое — очень крупное, величиной с кулак. Только тут до него дошло, что его глаза функционируют независимо друг от друга.

Он постарался направить взгляд, насколько это оказалось возможным, перед собой и обнаружил, что у него не лицо, а морда с большим, выдающимся вперед ртом. Затем ощутил, что удобно, почти естественно, стоит на всех четырех конечностях.

Он поднес к правому глазу свою руку. Это была странная рука — человеческая и нечеловеческая одновременно. Пять очень длинных перепончатых пальцев заканчивались маленькими присосками, внутри которых проходили папиллярные линии. А кожа напоминала подмороженный светло-зеленый огурец с разбросанными там и сям черными и коричневыми пятнами гниения.

«Так вот кем я стал, — понял он наконец. — Какой-то рептилией». Ландшафт вполне соответствовал его новому облику: джунгли с пышным под-

леском и высоченные деревья, почти закрывающие небо. Однако сквозь густую растительность было проложено то, что во всем мире считалось дорогой, покрытой гравием, причем находящейся в очень хорошем состоянии. Чтобы очищать ее от палой листвы, в такой чашобе требовалось держать по бригаде дорожных рабочих на каждую сотню километров.

Только он решил выйти на дорогу и отправиться на поиски цивилизации, как метрах в двух от его головы появилось еще одно крупное насекомое. Почти не думая, он открыл рот, и оттуда мгновенно, словно разжавшаяся пружина, выскочил чудовищно длинный язык, который ударил по насекомому, обвился вокруг него и втянулся обратно. Он разжевал и проглотил добычу. Она оказалась почти безвкусной, но несколько утолила терзавший его голод. Его порадовала собственная реакция, вернее, не реакция, а ее отсутствие. Это маленькое происшествие свидетельствовало о том, насколько естественно он вписался в свое новое тело. Мысль о том, что он жевал живое насекомое, его почти не взволновала.

«Мир Колодца изменяет людей во многих отношениях, — насмешливо подумал он. — И все же внутри я остался Антором Трелигом».

Он вспомнил все, что произошло, и не пожалел ни о чем — кроме того, что позволил себе слишком низко лететь над Миром Колодца. Но даже это можно будет использовать к вящей выгоде, сказал он себе уверенно. Если подобная сила попадет в руки такому, как он, то есть тому, кто наилучшим образом сможет ее использовать, не будет иметь никакого значения, какую он обрел форму или что ел на завтрак. Если Мир Колодца чему-нибудь и научил Антора Трелига, то лишь тому, что все преходяще.

«Как же я передвигаюсь?» — подумал он и сам посмеялся над абсурдностью этого вопроса. Раз уж еда сама о себе позаботилась, то и здесь все будет в порядке.

Трелиг направился к дороге. К его величайшему удивлению, ноги сами оттолкнулись от земли, и в два огромных прыжка он очутился там, куда хотел попасть.

Он попытался идти, но обнаружил, что пользоваться всеми четырьмя конечностями неудобно. Нормальным способом передвижения у его новой расы были прыжки; ходьба годилась лишь для передвижения на очень короткие расстояния.

В обе стороны — и слева, и справа — дорога исчезала в густой растительности. Оба направления были одинаково хороши, и, выбрав одно из них наугад, Трелиг двинулся вперед.

Вскоре он увидел озеро, на берегу которого, чуть поодаль от основного лесного массива, стояла роща каких-то невиданных гигантских деревьев. В их ветвях прятались дома — сложные структуры, сплетенные из чего-то вроде соломы или бамбука — материала, наверняка в изобилии росшего на болотах.

Неожиданно в нижней двери ближайшего дома появилась голова одного из обитателей этого странного мира. Осмотревшись, он выполз наружу и спустился на землю по гладкому отвесному стволу дерева. Теперь Трелиг понял, для чего ему нужны присоски на пальцах. Очень удобно.

Представшее перед бывшим советником создание напоминало гигантскую лягушку; его невероятно длинные ноги вытянулись для ходьбы, зеленовато-коричневая пятнистая кожа от нижней челюсти до промежности была гладкой и упругой.

Оно подошло к большому деревянному ящику, прибитому к придорожному столбу, подняло крышку

и заглянуло внутрь. Раздраженно буркнув что-то себе под нос, оно запустило туда руку и вытащило несколько больших коричневых конвертов. Трелиг с некоторым запозданием сообразил, что это почтовый ящик.

Он не спеша приблизился к незнакомцу, не желая ни встревожить его, ни показаться слишком навязчивым. Создание скосило на него один глаз и вежливо кивнуло.

Трелиг вспомнил, как Ортега упомянул о том, что Колодец наделяет новоприбывшего знанием языка, и решил говорить привычным для себя образом.

— Добрый день, сударь! — обратился он к обитателю здешних мест. — Прекрасный день, не правда ли?

Существо презрительно фыркнуло.

— Называть этот день прекрасным может лишь тот, кто работает на правительство, — пророкотало оно глубоким басом, который, казалось, исходил из глубины его обширного чрева, и показало на один из конвертов. — Требование об уплате налогов! Опять! Да понимают ли эти сукины дети, каково в наши дни прожить честному человеку?! — Вместо выражения «сукины дети» эта фраза, в сущности, содержала некий местный эквивалент, но Трелиг понял его именно так.

— Нет, я не работаю на правительство, — ответил он примиряющим тоном, — хотя когда-нибудь это, возможно, случится. Однако я понимаю ваши проблемы и сочувствую вам.

Это заявление вполне удовлетворило его собеседника. Он вскрыл следующий конверт и вытянул оттуда длинный желтый лист бумаги, который, едва прочитав, с отвращением смял в комок.

— Черт! Сначала они требуют вашу кровь, а потом просят оказать им любезность!

Трелиг нахмурился.

— Что вы имеете в виду?

Человек-лягушка, словно мяч, перебросил ему свернутое в комок письмо.

— Просят немедленно сообщать в местную полицию об встречах с Пришельцами, — выпалил он. — Какого черта я тогда плачу налоги? Они, сидя на своих толстых задницах, жрут импортные сладости, купленные на мои деньги, а я должен делать их работу?

Трелиг воспользовался предоставившейся возможностью взглянуть на налоговую декларацию, но ничего не понял. Колодец явно не считал умение читать жизненной необходимостью.

— Вы случайно не видели здесь Пришельцев? — спросил человек-лягушка. В его голосе не было ни капли сарказма. — Может, нам создать поисковую группу? Ходить и орать: «Пришелец, сюда! Славный Пришелец!»

Трелигу понравился этот малый. Если таковы все обитатели гекса, устроиться здесь будет нетрудно.

— Нет, — засмеялся он. — Пришельцев я не видел. А вы? То есть — вообще когда-нибудь.

Ворчун отрицательно покачал головой:

— Нет. И, дай Бог, никогда не увижу. Но много лет назад пролетал тут один из Себы. Здоровенная, противная, похожая на птицу рептилия. Какая-то тамошняя знаменитость. Важная шишка.

Трелиг почувствовал огромное облегчение — местные жители не варили Пришельцев в кипящем масле или в чем-то подобном, но казенная бумага, полученная его собеседником, свидетельствовала о том, что случай неординарный, и, покуда он себя не разоблачил, следует побольше узнать о здешних обычаях, нравах, государственной системе и так далее.

Это будет довольно просто, подумал Трелиг, вспомнив, с каким автоматизмом он действовал и с какой готовностью это существо признало в нем соотечественника.

— Далеко ли направляетесь? — поинтересовался человек-лягушка.

Трелиг кивнул. Даже дальше, чем какая-то деревенщина может себе представить.

— Готов поспорить, что вы держите путь в Друхон — держать экзамен на государственную должность, — заявил тот.

— Вы угадали, — ответил Трелиг. — Я не думал ни о чем другом с тех пор, — он собирался сказать: «как я здесь появился», но вовремя спохватился, — как вышел из детского возраста. На худой конец, это даст мне возможность увидеть работу правительства — не важно, в какой сфере.

Эти слова снова разозлили его собеседника.

— Они не работают, а отрачивают свои жирные задницы, и именно это ждет вас в будущем. В молодости я чуть было не избрал ту же карьеру, но в конце концов предпочел сельское хозяйство. Свобода и независимость. Никаких хозяев. — Окончательно распалившись, он начал шипеть, как змея. — Но правительство раздражают свободные предприниматели. Оно давит, и давит, и давит! Налоги и постановления, постановления и налоги! Какая уж тут свобода!

Трелиг сочувственно поцокал языком.

— Я вас прекрасно понимаю, — сказал он, поглядывая по сторонам, словно его подпирало время. — Ну что ж, приятно было познакомиться. Желаю вам всего наилучшего и благоденствия в будущем. Мне пора идти.

Фермер должным образом оценил добрые пожелания.

— Благодарю вас. Не зайдете ли выпить стаканчик доброго пива? До Друхона всего час или два пути.

Это была хорошая новость — Трелиг уже стал терпеть терпение.

— Спасибо, нет, — ответил он. — Мне пора в город. Но я вас вспомню, сударь, когда стану богатым и могущественным.

— Сделай одолжение, сынок, — усмехнулся человек-лягушка и переваливаясь заковылял к своему дереву.

Трелиг двинулся дальше, пытаясь угадать, каким же видом сельского хозяйства занимается старик. Вокруг не было ни полей, ни огородов. Ничего. Однако он похвалил себя за то, что ничем не выказал своего невежества. Ведь его искали!

Помимо всего прочего, перед бывшим советником встала еще одна проблема — финансовая. По дороге он видел многих обитателей этой страны; они жили группами и в одиночку, на земле, деревьях, некоторые даже в бесчисленных озерах и болотах. Они не носили никакой одежды, и Трелига заинтересовало, куда же они кладут деньги. Затем испугала мысль о том, что здесь существует какая-то система идентификации, с помощью которой его могут разоблачить. Но он тут же успокоился, сообразив, что техника тут слишком примитивна. Повсюду торчали факелы, и не было ни малейшего признака электрического освещения. Кроме того, если бы такая система существовала, не имело бы никакого смысла посылать приказы о его розыске.

Обогадившись некоторым опытом, Антор Трелиг то и дело останавливался и заводил беседы с прохожими. В основном ему попадались наивные, бесхитростные создания, так и не оторвавшиеся от земли. Самки были немного меньше самцов, имели гладкую

кожу и более приятные голоса, но в остальном они ничем не отличались от самцов. Из их слов Трелиг понял, что он — самец и еще очень молод. В первые несколько дней это сильно облегчило ему жизнь: от него ожидали вопросов и не ожидали, что он что-нибудь знает.

Но он быстро учился. Он узнал, что его гекс именуется Макием, а население — макиемы. Совпадение названий гекса и народа, его населяющего, было нормальным явлением в Море Колодца. Он также узнал, что политический строй Макиема — наследственная монархия. Но управлял гексом корпус гражданских служащих, выбранных из числа лиц, вне зависимости от их классовой принадлежности или положения в обществе, выдержавших суровые экзамены, на которых проверялись их ум и профессиональная пригодность. Это означало, что король Макиема должен был прислушиваться к советам тех, кого считали хорошо подготовленными политиками, причем решения наверняка принимались не королевской семьей, а неким лицом или советом, состоявшим из самых умных, алчных, честолюбивых и работоспособных жителей страны.

То есть таких же, как Антор Трелиг.

Столица, Друхон, его поразила. Это был огромный, многолюдный город, отвоеванный у джунглей и раскинувшийся на пологих холмах, возвышавшихся над болотистой местностью. В западной его части лежало широкое прозрачное озеро, полное купающихся. Трелиг уже давно испытывал легкий зуд и ощущал некое неудобство; теперь он понял, в чем дело. Хотя обитатели Макиема жили на суше, они продолжали испытывать тягу к воде, в которой родились, и время от времени должны были возвращаться в нее, чтобы увлажнить свою кожу.

Застройка города впечатляла. Могучие замки и высоченные административные здания свидетельствовали о выдающемся мастерстве каменщиков, при постройке жилых домов и торговых заведений производившиеся вручную кирпичи укладывались на известковый раствор, который не пропускал внутрь влагу. Массивные деревянные двери также говорили о высоком мастерстве строителей; прекрасным вкусом отличались и фигурные украшения из меди и чугуна на воротах и оградах. Несмотря на то что это явно был нетехнологический гекс, его жители создали удивительную, вполне современную культуру.

Однако любясь городскими пейзажами, Трелиг не забывал о своих проблемах. Он шел по улицам, уставленным ларьками, в которых здоровенные лягушки — и самцы, и самки, — каждый со своим товаром зазывали и ублажали покупателей. И у всех вокруг были деньги. Наблюдая, как макиемы расплачиваются в ларьках, он обнаружил, что все необходимое и все покупки они носят во рту: полость, лежащая за нижней челюстью, оказалась эластичной и просторной; ощупав ее рукой, Трелиг нашел тонкий жесткий клапан, который управляется крошечным мускулом, расположенным в задней части глотки. Эволюция создала эту полость в качестве своеобразного склада для хранения запасов продуктов. Но с развитием цивилизации ее функции стали более разнообразными. Снаружи она была закрыта складками кожи, однако некоторые прохожие выглядели так, будто у них вырос зоб. Трелиг не сразу понял, что это не физический недостаток, а просто перегрузка.

Запахи города возбудили его воображение. Они были весьма необычными, и его прежние «я» непременно сочло бы их неприятными и даже отвратитель-

ными. Но нынешнему «я» они казались сладостными и восхитительно новыми.

На животах некоторых прохожих он заметил татуировку — таинственные символы, нанесенные каким-то непонятным инструментом. Трелиг предположил, что это — символы власти, знаки отличия полицейских или чиновников, и решил узнать точнее, что они означают.

Главный источник его беспокойства — полицию распознать оказалось легче всего. Численность населения города, по его мнению, приближалась к четверти миллиона. Большинство горожан жили в четырехэтажных кирпичных домах, попасть в которые можно было, только поднявшись по стене. Это создавало сильную толкучку среди пешеходов. По мостовым в обе стороны катилось множество груженных повозок, запряженных гигантскими насекомыми, очень похожими на кузнечиков, рост которых превышал рост среднего макиема. В такой ситуации кто-то обязательно должен был регулировать уличное движение, а значит, существовала и дорожная полиция.

Нескольких полицейских Трелиг вычислил сразу. На груди у них красовалась особая эмблема — сдвоенное колесо с перекрещивающимися спицами. На всякий случай он решил считать полицейскими всех, у кого на груди было нарисовано сдвоенное колесо, пусть даже и без спиц.

Размеры и запутанность города, шум и уличная суета вполне устраивали бывшего советника: сейчас он хотел одного — раствориться в толпе. Конечно, он отдавал себе отчет, что рано или поздно столкнется с проблемами денег, еды и ночлега — тут не было ни крупных жирных насекомых, ни рощ. Он еще ничего не воровал по мелочи, но всегда думал, что запросто справится с такой элементарной задачей.

Трелиг разглядывал массивные каменные здания, башни которых украшали разноцветные флаги. Самое большое из них, со множеством внушительных медных решеток и высокими чугунными воротами, униженными остриями, цель которых состояла в том, чтобы отпугивать нежеланных гостей, наверняка было королевским дворцом. У ворот стояли часовые, вооруженные пиками и арбалетами весьма зловещего вида. Немыслимо сложная эмблема на их груди ничем не отличалась от изображения на железной ограде.

Трелиг понял, что это — символ королевской власти.

Тем временем у него начало зудеть все тело. Кожа высохла настолько, что ему казалось, будто она вот-вот растрескается. И Трелиг поспешил к озеру. Это оказалось чудесное место. Освещенная лучами заходящего солнца вода, по мнению местных жителей, на редкость чистая, имела розоватый оттенок и была покрыта сетью маленьких островков.

Кое-где на берегах толпились макиемы, но это не создавало никаких проблем. Трелиг скользнул в озеро и тут же замерз. Однако ощущение холода быстро прошло, ему показалось, что вода потеплела. Холоднокровный, понял он наконец. Это не температура воды поднялась, а температура его тела снизилась до температуры окружающей среды.

Плыть оказалось так же просто, как прыгать. Его толкали вперед длинные задние ноги, снабженные перепонками, и он легко плыл по поверхности озера. Однако зуд в спине не прекращался, и он нырнул.

Тут же произошла странная вещь. Плотная, но прозрачная, как стекло, пленка опустилась на его глаза и защитила от проникновения воды. Изменилось и зрение: оно стало менее чувствительным к цвету, но зато во много раз увеличилась восприим-

чивость к переменам освещения. Нос Трелига закупорил внутренний клапан, причем бывший советник не испытывал никакого неудобства оттого, что не может дышать. Его заинтересовало, сколько времени макиемы могут провести под водой, и он решил это выяснить.

Трелиг сидел под водой до тех пор, пока ему это не надоело. Во всяком случае, не менее получаса. Постепенно у него возникло странное чувство, будто он каким-то образом все-таки дышит. Ни воздушного пузыря, ни жабр у макиемов не было, поэтому он решил, что его кожа может поглощать содержащийся в воде кислород.

Он вынырнул возле одного из островков и осмотрелся. Начинало темнеть. На улицах города загорались огни — и это были не только факелы, хотя и их хватало; нет, эти странные светильники оказались газовыми лампами. Трелиг понял, что макиемы достигли пика своих технологических возможностей.

Огромный дворец, стоявший на самом высоком холме, ярко освещали факелы и разноцветные газовые лампы. Он полностью соответствовал описанию дворцов из волшебных сказок, причем ощущение нереальности скорее всего было вызвано намеренно.

Трелиг быстро поплыл к берегу. Ему отчаянно захотелось есть, да и дел впереди накопилось немало. Он испытал легкий шок, когда, выбравшись из воды, окунулся в тягостно горячий воздух. Впрочем, его тело мгновенно привыкло, и он бодро направился в город.

Первым делом Трелига интересовал характерный для всех крупных городов квартал питейных заведений самого низкого пошиба, но после длительных поисков он понял, что потерпел неудачу. Он видел кучу баров, в которых здоровенные лягушки, разва-

лившись в удобных креслах, потягивали пиво и другие спиртные напитки из необычайно широких кружек с узкими ручками. Одна сторона такой кружки, плоская и составляющая тупой угол с дном, позволяла пить, лишь слегка закидывая голову назад.

Но кабаков не было.

«Кстати, борделей тоже», — отметил про себя бывший советник. Казалось, что макиемы вообще не занимаются сексом. Трелиг не видел ни романтических парочек, ни ухаживания — в барах сидели дружеские компании, смешанные и однородные, и ничто не напоминало о сексе. Даже он, молодой, крепкий макием, не испытывал никакого возбуждения, оказываясь рядом с представительницей женского пола. Подобная фригидность общества наблюдалась в комм-мирах, где нормой было клонирование и секснейтральность, но здесь существовали два четко различимых пола. Ладно, этой загадкой он займется позднее.

В своих странствиях Трелиг не заметил, как пролетело время. Наступил вечер. Городские жители отдыхали в своих домах, либо прямо на улице, либо, спасаясь от шума, на крышах. Регулярно проходили патрули.

Он решил направиться в предместье, в ту сторону, откуда пришел. Может быть, что-нибудь произойдет само собой; в крайнем случае он всегда сможет найти ту поляну, на которой проснулся, а если она, к его несчастью, окажется чьей-нибудь собственностью, он сумеет использовать ее в качестве временной базы.

Макиемка была послана ему самим небом. Трелиг подумал, что это, наверное, состоятельная фермерша, явившаяся в город, чтобы провести приятный вечерок. Без татуировки. Молодая и очень маленькая.

Но главное — мертвецки пьяная.

Прыгать она уже не могла и едва передвигала ноги, то что-то бормоча себе под нос, то начиная орать песни таким дурным голосом, что это было слишком даже для Трелига. В конце концов, попытавшись прыгнуть, барышня не удержала равновесие и скатилась в канаву. В чудесную, темную дренажную канаву.

— Ах, дерьмо! — радостно вскрикнула она. И через нескольких секунд из канавы раздался оглушительный храп.

Трелиг прыгнул за ней. Ночью он видел не хуже, чем прежде, и, несмотря на темень и грязь, ситуация казалась ему вовсе не безнадёжной.

Загулявшая фермерша лежала на спине, широко раскинув длинные задние ноги. Быстро оглядев ее, Трелиг понял, как и откуда макиемки отправляют малую и большую нужду, но надо было иметь буйное воображение, чтобы причислить эти органы к половым. «Прелестная маленькая загадка, — подумал он иронически. — Похоже, я так ничего и не узнаю об их половой жизни». Он перешел к другим, более насущным проблемам и осторожно потрогал то место, где у нее внутри находилась сумка для продуктов и прочих вещей. Там, несомненно, что-то лежало, не исключено, что мешочек с деньгами. Секунду Трелиг колебался, а затем ударил пьянчужку ногой. Она никак не отреагировала. Он ударил сильнее. По-прежнему ничего.

Довольный тем, что эта тварь полностью отключилась, он наклонился и попытался открыть ей рот.

И еще раз. И снова.

Рот словно заварили.

Трелиг уже собрался уходить, но в это время она мощно всхрапнула и, перевернувшись на бок, приоткрыла рот. Обрадовавшись, он осторожно всунул туда

руку и нащупал костную пластинку, которая точно соответствовала внутренней полости рта и была такой гладкой, что он никак не мог за нее ухватиться. Он старался изо всех сил и уже зажал ее между пальцами, когда макиемка неожиданно закрыла рот. Она не проснулась, рот просто захлопнулся и зажал его руку. Трелиг попытался освободиться, однако из этого ничего не вышло — челюсти спящей напоминали стальные тиски. Он провел почти полчаса в тщетных попытках вытащить руку, но макиемка только ворочалась и едва не опрокинула его себе на голову.

Трелига охватила паника, особенно когда ее липкий язык начал исследовать незнакомый объект. В передней части рта макиемов зубов не было, но три их ряда находились чуть подальше. Если язык затянет его руку хоть немного глубже!.. К счастью, язык ослабил хватку, и рот фермерши немного приоткрылся. Она издала мерзкое шипение и еще раз повернулась. Трелиг едва не свалился в канаву и, тихо ругаясь, принялся нянчить свою несчастную руку, на которой медленно проступали черные синяки. Сомнений не было — ограбление, если только не вооруженное ограбление, здесь практически невозможно.

Он обдумал создавшееся положение. Жизнь нищего или бродяги его не устраивала. Насилие исключалось: он не знал, как драться по-макиемски, и соперники наверняка изобьют его. Короче говоря, без поддержки в приличное макиемское общество войти нельзя.

Ему оставалось только одно — пойти и сдаться.

Стражники у ворот напоминали каменные изваяния. Они стояли абсолютно неподвижно, но были готовы к молниеносному броску, как это водится у реп-

тий. Их глаза неотрывно следили за приближающимся Трелигом, а руки сжали арбалеты, поставленные на боевой взвод.

Трелиг подошел к одному из них.

— Простите, сударь, это королевский дворец? — вежливо осведомился он, не желая связываться с полицией или бюрократами низшего ранга.

Стражник окинул незнакомца быстрым внимательным взглядом. Когда он заговорил, его рот остался неподвижным; это лишний раз доказывало, что звуковой аппарат макиемов расположен где-то в другом месте.

— Проваливай, деревенщина. Посетителей пускают только в дни отпущения грехов.

— И все же это дворец? — настаивал Трелиг.

— Нет, штаб-квартира союза производителей лимбушей, — с издевкой ответил стражник. — А теперь проваливай, пока цел.

Трелиг решил зайти с другой стороны. Глубоко вздохнув, он осторожно спросил:

— Вы все еще разыскиваете Пришельцев, как о том говорилось в циркуляре?

В глазах стражника мелькнул интерес.

— Тебе известно о Пришельце в Макиеме?

— Да, — сказал Трелиг. — С кем я могу об этом поговорить?

— Со мной, — ответил стражник. — Если то, что ты расскажешь, мне понравится, я сообщу наверх.

«Как бы не так, приятель! — подумал Трелиг. — Судя по роже, ты делаешь только то, что тебе выгодно».

— Тогда все в порядке, — спокойно сказал он, как бы сдаваясь. — Если вам неинтересно...

И повернулся, словно собираясь уходить.

— А ну стой! — раздался голос второго стражника. Тон был командный, и Трелиг, помиравший в душе от хохота, послушно замер на месте.

— Если об этом узнает кто-то другой и речь действительно идет о Пришельце, с нас спустят шкуру, — заметил второй стражник. — Лучше отведи его к старику.

— Вот еще глупости! — проворчал первый. — Таскаться вверх-вниз из-за этого молокососа!

— Если все будет нормально, нас не забудут, — ответил второй. — Иди.

— Эй ты, давай за мной, — подчиняясь приказу, велел первый стражник и лениво запрыгал по выложенной кирпичом дорожке. Трелиг поспешил следом, чувствуя себя намного лучше. Если, как сказал Ортега, все расы Вселенной и Мира Колодца, включая человечество, происходят из одного источника, то все они наверняка имеют нечто общее, заимствованное у своих создателей. А способность безошибочно распознавать и использовать слабые стороны человеческой натуры была жизнью и профессией Антора Трелига, для него не имело значения, в какой внешней форме этот человек пребывает.

Они вошли во дворец через боковую дверь и оказались в комнате весьма необычного вида.

На ее стенах были расположены десятки незнакомых устройств, верхняя часть которых напоминала гигантские наушники. Рядом с наушниками висела резиновая присоска с отверстием посередине, соединенная с длинной трубкой, свернутой в кольцо. Над каждым устройством поблескивал металлический диск с непонятной надписью.

Стражник надел наушники — крошечные ушные отверстия располагались сразу за суставом, соединяющим нижнюю челюсть с костями черепа, и прикрепил присоску в центре вытатуированной на груди эмблемы. После этого он расправил плечи и втянул живот, что позволило ему говорить невероятно громко.

Теперь Трелиг все понял. Устройство передавало звук в различные помещения дворца — в пустотелых трубках циркулировал воздух. Это был примитивный, нетехнологический телефон.

«Какой, к черту, нетехнологический!» — поправил он себя. Эти существа продвинулись в технике необычайно далеко. Они с огромной изобретательностью создали все, что может у них работать.

— Да, господин! — Стражник кричал так громко, что Трелиг пожалел, что у него в ушах нет таких же клапанов, как в носу. — Говорит, что знает о каком-то Пришельце. Да, господин. — Пауза. — Нет, ничего необычного. — Пауза. — Лично, господин? Но... — Пауза. — Будет сделано, господин. Немедленно.

Закончив разговор, стражник раздраженно сорвал с себя наушники и присоску, сунул их на полку и повернулся к Трелигу.

— Эй ты, пойдем, — проворчал он.

Трелиг двинулся за ним.

Во дворце не было ни лестниц, ни пандусов, и бывшему советнику стало не по себе, когда они вошли в тесное помещение с голыми каменными стенами, служившими для подъема на разные уровни многоэтажного дворца, и стражник просто-напросто полез наверх.

Трелиг заколебался, но потом подумал: «Черт возьми, а почему бы и нет? Ведь не разобьюсь же я». Глядя на стражника, он понял, что надо крепко прижимать к стене присоски на пальцах рук и подтягивать тело вверх, затем прижимать к стене присоски на перепончатых ногах и, разгибая колени, продвигаться дальше. Если бы он умел делать это плавно, словно поднимаясь по приставной лестнице, подъем не требовал бы больших усилий, но Трелиг оказался неуклюжим и медлительным. Он сознавал, что

стражник откровенно потешается над ним, сверху донесся его насмешливый голос:

— Эй ты, давай! Нельзя заставлять старика так долго ждать!

Трелиг с большим трудом вскарабкался на третий этаж, благодаря судьбу, что не надо лезть еще выше. Этому следовало научиться. Куда хуже всю жизнь только спускаться и ходить, потупя взор. Впрочем, он тут же выкинул эту мысль из головы.

Они проходили мимо огромных комнат, устланных роскошными коврами и увешанных гобеленами. Некоторые двери были закрыты, но Трелиг чувствовал, что здесь все дышит богатством. Стены и потолки украшало множество замечательных произведений искусства, сделанных из металла, большей частью из меди и железа; но встречалось и золото, иногда инкрустированное драгоценными камнями поразительной величины.

Наконец они вошли в зал приемов — прямоугольное помещение, слишком маленькое для официальных королевских аудиенций. Стены, задрапированные темно-бордовым и золотым бархатом, поднимались вверх метров на десять, не меньше. Весь пол был покрыт толстым ковром из какого-то мягкого меха, а напротив двери располагался немного приподнимавшийся над полом помост, на котором стояло удобное кресло с подушками. Трелиг подумал, что здесь наверняка имеется еще один вход, скорее всего за помостом.

Он оказался прав. Занавес за креслом шевельнулся, и оттуда на всех четырех конечностях вышел старик-макием, который поднялся на помост и, усевшись в широкое кресло с подушками, принял совершенно человеческую позу: скрестил свои длинные

ноги и положил руки на маленькие регулируемые деревянные подлокотники.

Он критически оглядел Трелига, затем сделал повелительный жест.

— Ступай, Зубир. Если понадобится, я тебя позову.

Стражник слегка наклонил голову и вышел, прикрыв за собой тяжелую деревянную дверь.

Когда его шаги затихли в конце коридора, старик опять повернулся к Трелигу.

— Так вам известно местопребывание какого-то Пришельца? — В его голосе отчетливо прозвучало еле сдерживаемое нетерпение. «В старикашке жизнь так и кипит, — понял Трелиг. — Надо держать ухо востро».

— Да, сударь, — осторожно ответил он. — Он попросил меня выяснить, что от него хотят.

Старик рассмеялся.

— Однако ты и наглец! Что ж, это неплохо. — Неожиданно он наклонился вперед и ткнул в его сторону перепончатым зеленым пальцем.

— Вы — Пришелец и прекрасно об этом знаете! И хотя вы записной лжец, на стены вы взбираетесь отвратительно. А теперь начнем. Кто вы на самом деле?

Трелиг ответил не сразу. В его распоряжении было несколько людей и несколько вариантов. Зиндеры исключались: он имел слишком большой жизненный опыт, чтобы стать дочерью, и недостаточно разбирался в технике для отца. Отверг он и мысль о Юлине. Ренар или Мавра Чанг? Первый не годился: старый хрен — не дурак и сразу обо всем догадается. Мавра Чанг тоже не подходит — если она осталась в живых, ее будет трудно не заметить. Поэтому самым разумным было постараться заслужить доверие, рассказав правду.

Подражая стражнику, он согнул локти, так что его тело едва не коснулось пола, затем вернулся в прежнее положение.

— Антор Трелиг к вашим услугам, сударь, — представился бывший советник. — С кем имею честь говорить?

Старик улыбнулся. Улыбка макиема отличалась от человеческой, но Трелиг сразу распознал ее.

— Просчитали все возможные варианты вранья, прежде чем начать действовать, и все-таки сказали правду. Это хорошо, Трелиг. Очень хорошо. Что же касается того, с кем вы имеете честь, то я — Сонкоро, всего лишь министр земледелия.

Трелиг еле сдержался, чтобы не рассмеяться.

— И человек, который практически управляет Макиемом.

Сонкоро откинулся в кресле.

— Почему вы так решили?

— Потому что стражник отправил меня не к премьер-министру, не к королю, даже не к министру государственной безопасности, он без колебаний выбрал вас. Эти ребята отлично знают, кто есть кто.

Сонкоро побарабанил пальцами по деревянному подлокотнику.

— Вы мне нравитесь, Трелиг, у нас много общего. Но я никогда не буду вам верить. Надеюсь, вы это понимаете. Так же как в аналогичных обстоятельствах вы не будете верить мне.

Трелиг понял.

— Я слишком мало пробыл в Макиеме, чтобы представлять угрозу, Сонкоро. Я бы предложил вам сотрудничество.

— Согласен, — подумав, ответил старик. — Вы ведь поняли, почему мы так обрадовались, узнав, что вы именно тот, за кого себя выдаете.

— Потому что я умею управлять космическим кораблем, — мгновенно подхватил бывший глава синдиката. — И потому, что мне известна тайна Новых Помпей. — Трелиг чувствовал огромное облегчение. Он боялся, что его перебросят в водяной гекс или в гекс, правительство которого не строит никаких честлюбивых планов в отношении Новых Помпей и не имеет в своем составе таких личностей, как Сонкоро. «Но теперь, — рассуждал он, — когда мы начинаем действовать совместно, перевес, как всегда, будет на моей стороне».

Он взглянул на старика.

— Вы намерены отправиться за кораблем в северное полушарие?

Сонкоро покачал головой.

— Мы, разумеется, думали об этом, но подобное мероприятие сопряжено с непреодолимыми трудностями. Хотя вы приземлились благополучно в нетехнологическом гексе, нам надо было бы не только добраться туда, — а ведь еще ни один южанин не бывал на Севере, — но и каким-то образом перевезти корабль, чтобы вернуть ему способность к полету, а затем вовремя улететь, чтобы Колодец не успел заманить его в западню. А для этого нам пришлось бы пересечь несколько гексов, жизнь в которых настолько чужда, что ее невозможно не только понять, но даже поверить, что такое вообще существует; кроме того, в некоторых гексах атмосфера смертельна. Нет, боюсь, что придется оставить ваш корабль в Учджине.

— Но второй корабль наверняка распался на модули! — возразил Трелиг. — Они разбросаны по всему южному полушарию!

— Вы абсолютно правы, — подтвердил Сонкоро. — Но скажите, чтобы корабль снова мог летать,

вам обязательно нужны все модули? Предположим, в вашем распоряжении оказался завод, на котором можно построить основную, герметическую часть корпуса корабля. И вдобавок вы получили парочку первоклассных специалистов в области электроники, которые способны помочь вам с монтажом? Что бы вам понадобилось еще?

Трелиг искренне изумился.

— Пожалуй, силовую установку и парочку модулей, чтобы проверить герметичность. И, конечно, рубку.

— А если вы получите силовую установку и модули, но без рубки? — продолжал свои расспросы Сонкоро. — Можно будет управлять таким кораблем?

Трелиг задумался.

— Думаю, можно, — сказал он наконец. — Но чертовски трудно. Необходим компьютер.

Старик опять нервно побарабанил пальцами по подлокотникам кресла.

— Мы имеем доступ к довольно приличным компьютерам. Насколько я понимаю, речь идет не о самих машинах, а об их возможностях, программах, памяти.

— Вы забываете о силовой установке, — заметил Трелиг.

— И эта проблема решаема. — Сонкоро гадко улыбнулся. — Добро пожаловать в нашу семью.

— Но где вы собираетесь все это получить? — недоуменно поинтересовался Трелиг. — Ведь если бы вы могли иметь машинную мастерскую и компьютеры, вы бы их имели.

— Очень верное замечание, — согласился Сонкоро. — Но мы не собираемся действовать в одиночку. Что бы вы сказали, если бы я сообщил вам, что четыре модуля находятся в шести гексах от нашего,

а силовая установка — в семи? И что наши союзники — среднетехнологический и высокотехнологический гексы — обладают дополнительными возможностями?

Трелиг был заинтригован.

— Но вы говорите о войне! Мне казалось, что войны здесь невозможны!

— Завоевательные — да, — подтвердил старик. — Но не те, что имеют конкретные ограниченные цели. Вы не можете длительное время удерживать за собой захваченную территорию. Но нам нужно только занять ее, получить желаемое и двинуться дальше. Это будет несложно. Хозяева станут орать на нас или попросту игнорировать. Проблемы возникнут лишь в парочке гексов.

Трелиг испытывал приятное возбуждение. Подобное развитие событий превосходило его самые радужные надежды.

— Но корабль должен подниматься под определенным углом, — напомнил он Сонкоро. — Если нам доступны пять модулей, надо получить и остальные. Зачем ограничивать их число?

— В этой игре есть и другие участники, — сказал старый макием. — Они уже действуют. Мы вступим в дело позднее, но создание силовой установки — единственная вещь, находящаяся за пределами наших возможностей. У нас имеется немало астронавтов, но все они — технические специалисты. Вы умеете пилотировать космические корабли, но умеете ли вы их строить?

— Нет, — согласился Трелиг.

— В Мире Колодца очень долго не было пилотов, принадлежащих к типу 41. Ни один не попадал к нам в руки. Между тем многое из того, что умели ветераны, технически устарело. Правильно?

— Вероятно, — ответил Трелиг. — Силовые установки и программы, задаваемые компьютерам, в мое время радикально изменились.

— Значит, можно смело утверждать, что, кроме вас, ассистента Юлина и женщины по имени Мавра Чанг, никто не в состоянии должным образом пилотировать современный корабль?

Трелиг гордо кивнул, понимая, насколько возросла его цена.

— Если за прошедшее столетие сюда не попадали пилоты-люди — наверняка.

Сонкоро явно был очень доволен. Он снова наклонился вперед.

— Этот парень, Юлин. Ему можно доверять?

Трелиг ухмыльнулся:

— Так же, как и мне.

Сонкоро присвистнул.

— Иными словами, так же мало. Это означает, что, если мы не получим силовую установку, договориться с ним не удастся.

— Вам известно, где он находится? — удивился Трелиг.

— Он — дашин и притом мужчина, будь оно все проклято! Это дает ему определенную власть. Яксы, лелеющие собственные планы, конечно, уже опередили нас, и он, естественно, заключит с ними союз. Так что нам надо действовать, и как можно быстрее. Тот, кто владеет силовой установкой, владеет всем.

— Объясните мне, пожалуйста, две вещи, — решительно заявил Трелиг.

— Спрашивайте, — сказал старик.

— Во-первых, что бы произошло, если бы я не материализовался в образе макиема? Вы говорите,

что начали бы войну в любом случае, что все было готово. Вы знали?

— Конечно, нет! — ответил фактический правитель Макиема. — Когда планы корректируются в ходе выполнения, это лишь упрощает дело. Мы бы так или иначе захватили модули и лишь ждали кого-нибудь из вас. И вы появились. — Его логика была неопровержима. — А теперь быстрее говорите, в чем заключается вторая вещь.

— Как вы здесь занимаетесь сексом? — спросил Трелиг.

Сонкоро расхохотался.

Бен Юлин проснулся и тут же открыл глаза. Боль исчезла, и он снова ощутил свое тело. Это принесло ему огромное облегчение. Но где он и кто он?

Молодой человек сел и огляделся вокруг. На обширных полях лежали хорошо увязанные снопы сена, изгороди и тропы, протянувшиеся на многие километры, делили землю на квадратные участки. Понятно — страна земледельцев.

Бен Юлин посмотрел вниз и увидел свои ноги. Массивные, мускулистые, волосатые, чем-то похожие на человеческие, хотя ступни были странные — очень широкие, овальной формы, из какого-то жесткого, упругого материала. Небольшой разрез в передней части каждой ступни позволял сгибать ее при ходьбе. Подняв руки, он увидел, что это руки борца — с мощными рельефными мышцами, покрытые короткими коричневыми волосами. Пальцы оказались толстыми и короткими, но располагались на своих местах. Он хотел пощупать ступни, однако пальцы словно потеряли чувствительность.

Тело у него было коричневое, тоже заросшее короткими жесткими волосами. Взглянув на свою промежуточность, Бен Юлин убедился, что он не только

мужчина, но и обладатель гигантского черного как смоль детородного органа. Это обрадовало его, хотя он в жизни не видел ничего подобного.

Волосы на его груди имели молочно-белую окраску. Могучее тело выглядело несколько устрашающе. При малейшем движении мышцы эффектно вздувались.

Все вышло не так уж и плохо, сказал себе Бен Юлин.

Единственное, что его расстроило, это близорукость. Он ощупал лицо — и обнаружил кое-что еще.

У него была огромная голова, впрочем, вполне гармонизировавшая с телом, толстая короткая шея и морда! Не такая уж и большая, но заметно выдававшаяся вперед. Он попытался сфокусировать на ней взгляд и увидел светло-меховой овал с плоской поверхностью, необычайно широкий мягкий влажный розовый нос с двумя большими ноздрями, оснащенными чем-то вроде заслонок. По краям носа росли усы — острые, длинные, напоминающие очень длинные сосновые иглы.

Рот протянулся от уха до уха. Бен Юлин обследовал его широким плоским языком. Куча зубов, но ни одного острого. Он открыл рот, затем закрыл и сделал несколько жевательных движений. Челюсти двигались только из стороны в сторону. Это свидетельствовало о том, что он — существо травоядное, и объясняло, почему здесь выращивают траву и пшеницу и для кого они предназначены.

Его большие, широко расставленные глаза располагались у основания морды. Уши на концах были заострены. Голову венчала пара внушительных рогов. Они, вне всякого сомнения, были частью черепа, заканчиваясь опасными остриями.

Пошатываясь, Бен Юлин поднялся на ноги. Оказалось, что его голова имеет нормальный вес и не нарушает равновесия, хотя он не мог повернуть ее ни вправо, ни влево до тех пор, пока не вспомнил, как это делается.

И последний штрих. Он обнаружил, что у него есть хвост, которым можно махать и даже хлестать. Хвост был толстый, длинный — хотя и не доставал до земли — и вырастал из спинного хребта, являясь, очевидно, прямым его продолжением. Коричневый, как все остальное тело, за исключением груди и морды, он заканчивался толстым пучком мягких черных волос. Дотянувшись до него, Бен Юлин взял его в руку и с любопытством изучил.

«Эх, если бы у меня было зеркало», — с досадой подумал он.

Выйдя на дорогу, он отправился на поиски хоть чего-то похожего на цивилизацию.

День выдался довольно прохладный, однако это ощущали лишь безволосые части его тела — нос, уши и гениталии. Все остальное надежно защищала короткая, но густая шерсть.

На полях работало множество существ, очень похожих на людей, но все они находились слишком далеко, чтобы Бен Юлин со своим ослабленным зрением мог толком их рассмотреть. Вначале он собирался подойти поближе и представиться, но потом передумал, решив, что это может плохо для него обернуться. Поля наверняка были чьей-то собственностью. А хозяева, как правило, недолюбливают нарушителей границ своего владения. Он решил подождать до тех пор, пока не дойдет до города или не встретит какого-нибудь прохожего.

В отличие от зрения все остальные его чувства необычайно обострились. Он ясно слышал малей-

ший звук — от шелеста травы до жужжания насекомых в окрестных полях — и с поразительной точностью мог определить его источник. Значительно полнее и богаче стала гамма запахов — и приятных, и неприятных.

Очень скоро Бен Юлин проголодался и начал думать о том, как бы раздобыть еду. Вокруг, разумеется, было полно пищи, и травы, и пшеницы, но толстая колючая проволока, которой были огорожены поля, отбивала всякое желание полакомиться.

Он подошел к перекрестку — проселочная дорога под прямым углом отходила от главной. Она вела к группе добротных деревянных построек высотой в несколько этажей с закругленными крышами из соломы или какого-то другого материала. Бен Юлин подумал, что дерево хозяева явно получают не из ближайшей округи.

Большая часть работников или членов семьи сейчас трудилась где-то неподалеку. Судя по всему, за год снимали не один урожай. Некоторые поля были уже убраны, на некоторых шла подготовка к уборке, а одно поле, слева от него, только что вспахали.

Он решил рискнуть. Как новоприбывшему ему простят некоторую невоспитанность, если он будет достаточно осторожен и не наделает грубых промахов. «А ну-ка вспомни — как Ортега именовал новичков? Пришельцы? Да, именно так».

Подойдя к дому, или к амбару, или как там эта постройка называлась, Бен Юлин впервые увидел вблизи своего ближнего.

Она — в том, что это она, Юлин ни на минуту не усомнился, — строгала рубанком ручку плуга. Ее фигура была стройнее, голова поменьше, а шея — длинная и гибкая. Ее рога казались короткими и более закругленными даже на концах. Внешне она

очень напоминала корову, хотя ее лицо походило скорее не на морду настоящей коровы, а на карикатурное очеловеченное изображение этого животного. Ее руки резко отличались от его рук: они были чудовищно длинные, имели по паре локтей: один локоть находился там, где ему и положено, второй — на уровне талии — и могли изгибаться во всех направлениях. Он машинально взглянул на свой локоть и убедился, что с ним все в порядке.

На ней был огромный, сделанный из чего-то похожего на кожу передник, завязанный вокруг талии. Впереди он чуть выпирал. Вначале Юлин подумал, что она беременна, но, когда увлеченная работой дама повернулась к нему боком, он увидел, что под передником скрывалось розовое вымя, начинающееся прямо от талии.

Она не замечала его, поэтому Бен Юлин решил заговорить первым и посмотреть, что из этого выйдет. Во всяком случае, он привлечет к себе ее внимание.

— Привет! — робко сказал он.

Подскочив на месте, женщина-корова повернулась и дико взглянула на него. Ее реакцию Бен Юлин уловил безошибочно: потрясение и страх. Она завизжала, выронила инструменты и влетела в дом, откуда мгновенно послышались другие встревоженные голоса.

Невзирая на дрожь в коленях, Бен Юлин решил, что надо проявить мужество, остаться и посмотреть, что будет дальше.

И он узнал это ровно через тридцать секунд. Деревянная дверь с грохотом распахнулась, и на пороге с железным ломом в руках вырос хозяин.

Его мощное тело от талии до колен прикрывала юбочка из какой-то мягкой ткани. Огромные глаза, налившиеся кровью, извергали пламя.

— Что, черт подери, тебе надо, бык? Если не уберешься отсюда через десять секунд, я проломлю тебе голову! — Он угрожающе поднял лом.

Юлин был близок к панике, но старался держать себя в руках.

— Минутку! Я не причиню вам никакого вреда! — умоляюще воскликнул он, протягивая вперед руки.

Лом остался в прежнем положении.

— Тогда чего ты шляешься в голом виде и пугаешь несчастных женщин? — спросил хозяин еще более угрожающим тоном.

Но Юлин уже понял, что в его рогатой башке возобладал здравый смысл.

— Я — Пришелец! — чуть ли не завопил он. — Я только что проснулся на поле недалеко отсюда и не имею ни малейшего представления, кто я и что делать дальше!

Минотавр задумался.

— Пришелец? — прорычал он наконец. — Насколько мне известно, у нас было только два Пришельца, и оба — коровы. Нет никакого смысла иметь Пришельца-быка.

Однако лом стал медленно опускаться.

— Я — Бен Юлин, — всхлипнул молодой человек, пытаясь говорить дружелюбно и выглядеть как можно безобиднее. — Мне нужна помощь.

Такое поведение было недостойно мужчины, однако фермер почувствовал искренность мольбы.

— Ладно, — проворчал он сквозь зубы. — Пока я поверил. Но попробуй только сделать подлость, и я убью тебя. — Он красноречиво помахал ломом перед носом Юлина. — Давай заходи, мы хотя бы напьемся на тебя какую-нибудь одежку, иначе сюда сбежится половина стада.

Юлин направился к двери, но фермер снова поднял лом.

— Не сюда, идиот! Ну и дерьмо! Может, ты и в самом деле не знаешь, как здесь все устроено?! Обойди дом, я иду за тобой.

Юлин сделал так, как было приказано, и, войдя через другую дверь, попал в гостиную, окна которой глядели на ферму. Здесь находились небольшой камин, стол, кресло-качалка, изготовленное из полированного дерева, и, к огромному его удивлению, предметы искусства и приличная библиотека. Несколько очень толстых книг, напечатанных каким-то непонятным шрифтом, стояли отдельно на двух небольших полках; там же размещались статуэтки из сплава свинца и олова. Одни, изображавшие миотавров мужского и женского пола, были вполне реалистичны, другие — весьма загадочные — явно пахивали сюрреализмом. На стенах висели гравюры, вернее — черно-белые рисунки: сельские сцены, закаты солнца и прочие довольно банальные сюжеты. Была там и парочка порнографических рисунков, которые свидетельствовали о вкусах хозяина и о том, что некоторые коровы имели большое вымя.

На столе Бен Юлин увидел непонятный аппарат — ящик с лежащей наверху круглой пластиной, которую можно было вращать с помощью укрепленной сбоку ручки. На одной оси с ней находилось сложное медное устройство, заканчивающееся большой трубой в форме рога. Похоже было, что впереди оставалось место для еще одной трубы. Юлин обошел стол несколько раз, но так и не понял, что это такое.

Пока молодой человек оглядывался, хозяин вышел в другую комнату и открыл сундук, сделанный из дерева, очень похожего на кедр; одновре-

менно он через дверной проем внимательно следил за гостем.

Вторая комната, несомненно, служила спальней. Там стояло гигантское деревянное сооружение, похожее на раму, набитую соломой; на соломе валялись одеяла и огромная подушка. Вспомнив о рогах, Юлин представил, что произойдет, если он начнет ворочаться во сне.

Фермер кинул ему кусок мешковины, намного более грубой, чем материя, из которой были сшиты его собственные вещи. К ткани оказались пришиты тесемки, и Юлин сразу сообразил, как с ней управиться.

На полу в гостиной лежал тонкий однотонный ковер.

— Сидеть будешь здесь, — заявил фермер, указывая на темное пятно посередине. — Потока посетителей я не допущу.

Он удобно расположился в кресле и начал легонько покачиваться.

— Вы можете мне сказать, что будет дальше? — настойчиво спросил Бен Юлин.

— Сначала ты расскажешь о себе. Кто ты, кем был, как оказался здесь, — ответил фермер. — И если твой рассказ мне понравится, я помогу тебе решить все проблемы.

Юлин покорился. Почти. Он не утаил ничего, за исключением своей роли в грязных делах Трелига и синдиката торговцев губкой. Юлин охарактеризовал себя как ученика Гила Зиндера, его верного ассистента, которого зловредный комм Антор Трелиг заставил делать то, что он делал. Его голос звучал очень убедительно. Когда он перешел к описанию аварии на Севере, глаза фермера засверкали.

— Так ты побывал в северном полушарии? — воскликнул он. — Для всех народов, живущих здесь, на Юге, это невероятно романтично. Экзотично и таинственно.

Юлин подумал, что для него самого Юг не менее экзотичен и таинствен, но ничего не сказал. Однако его рассказ понравился. Такое обилие мелких подробностей выдумать трудно. Фермер успокоился.

— Меня зовут Силбар, — сказал он несколько дружелюбнее. — Это моя ферма. Вы находитесь в Дашине; так называется и страна, и ваш новый народ. Вы — травоядный, так что с голоду не помрете; однако как цивилизованное существо вы скоро придете к выводу, что, хотя сырая пища вполне удовлетворяет аппетит, намного приятнее есть ее приготовленной на огне. Гекс наш — нетехнологический, так что здесь работают машины, которые приводятся в действие мускульной силой. Как вы, вероятно, заметили, мышцы у нас имеются.

Юлин подтвердил, что заметил.

— В юности я много путешествовал, — продолжал Силбар. — В разных гексах все, естественно, устроено по-разному, однако наша система имеет дополнительное отличие. И объясняется оно биологией. Некоторые нас критикуют, но тут уж ничего не поделаешь.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался Юлин.

Силбар вздохнул:

— Ладно. Многие расы имеют два пола, а иногда и больше. Например, ваша прежняя раса была двуполой. Существуют определенные различия, но в основном это — вариации на одну и ту же тему. Умственное развитие у мужских и женских особей при-

мерно одинаковое; за исключением половой системы и формы тела различия не столь уж велики. Верно?

— Я внимательно вас слушаю, — ответил Юлин.

— Тогда вы должны были заметить, что мы, быки, не похожи на коров, — сказал фермер. — Не только из-за отсутствия вымени. Мы ниже ростом, массивнее, у нас более короткие руки с одним локтем и более крупная, иначе вылепленная голова.

— Я это заметил, — согласился Юлин.

— Мы — другие. Не знаю, почему, но другие. Прежде всего здесь на одного мужчину приходится в среднем сотня женщин. Почему я удивился не столько тому, что вы оказались Пришельцем, сколько тому, что Пришелец оказался мужчиной. Понимаете?

Юлин понимал. Куда более поразительные вещи могли бы случиться, если бы, пройдя через Колодец, он превратился в существо женского пола. Что там говорил Ортега? Колодец классифицирует вас, основываясь на неведомых стандартах?

— Таким образом, — продолжал Силбар, — с одной только социальной точки зрения мужчины более необходимы, чем женщины. Нас меньшинство, и с этим ничего не поделаешь. Вдобавок ко всему мы несравнимо умнее.

— Как это? — только и сумел вымолвить Юлин. Силбар снисходительно улыбнулся.

— Однажды из парочки соседних гексов к нам прибыли несколько ученых, пожелавших доказать, что это невозможно. Но все их исследования лишний раз подтвердили то, что мы знали всегда. Женский мозг развит очень слабо. Пытаться научить корову читать — то же самое, что попытаться научить это кресло. Какой-нибудь простейшей работой они счастливы заниматься часами: пахать, убирать урожай,

немного плотничать, перевозить снопы и так далее. Черт побери, прикажите им выкопать ямы под столбы для ограды, и они с наслаждением будут работать до тех пор, пока вы не оттащите их за уши. Но спросите их, сколько ям они выкопали, и они не ответят, даже если вы будете колотить их дубинкой.

Луч понимания озарил голову Бена Юлина.

— Вы хотите сказать, что в Дашине работают женщины, а мужчины только управляют?

Силбар снова улыбнулся:

— Примерно так. Женщины построили эту ферму, но спроектировал ее мужчина. Женщины на ней работают, но управляю я. То же самое с искусством и книгами — это создается мужчинами и для мужчин.

Сердце Юлина радостно забилося; в душе он пылко благодарил Колодец за то, что он сделал его дашином. Он уже был готов полюбить это место.

— Вы говорите очень хорошим, культурным языком, — заметил молодой человек. — Вы много учились?

Фермер засмеялся.

— Каждый мужчина получает все, что наш мир может ему дать. Честно говоря, мне иногда кажется, что дашины — группа избалованных детишек. Как мы станем вести себя в трудных обстоятельствах? Да, появление сына — событие чрезвычайное. Он получает все. Затем, если он проявляет склонность к чему-либо, например, к искусству, писательству, преподаванию или торговле, он начинает этим заниматься. Если же, подобно мне, он лишен каких-то особенных талантов, то берет у кого-нибудь, кто состарился или очень устал, в управление ферму.

— Значит, численность населения здесь невелика, — сделал вывод Юлин.

Силбар кивнул:

— Очень мала. Примерно десять тысяч ферм и кучка небольших городков, в каждом из которых всего несколько тысяч жителей. Миллион с четвертью голов, не больше.

— То есть мужчин в Дашине около ста тысяч, — заметил Юлин.

— Даже меньше, — сказал Силбар. — Возможно, я несколько преувеличиваю численность населения. С тех пор, как эта ферма стала моей, я нигде не бываю. Помню, как кто-то сказал, что сейчас у нас только семьсот пятьдесят тысяч дашинок и семьдесят пять тысяч быков.

— А что происходит, если юный бык не испытывает тяги к какому-нибудь полезному занятию и нет свободной фермы? — поинтересовался Юлин.

— Думаете о себе, да? Ученый в нетехнологическом гексе! Ну что ж, я вас понимаю. Вы можете подыскивать род занятий, путешествовать, пока какая-нибудь ферма не освободится, как это сделал я, но можете сами подобрать себе стадо и вызвать его владельца на дуэль; победитель получает все.

Только сейчас Юлин понял, почему фермера так встревожило его появление: он подумал, что молодой бык хочет драться.

— Какое же тогда у вас правительство? — спросил он.

— Маленькое и простое, — ответил Силбар. — Фермеры района избирают кого-нибудь в Совет. В городах избирают одного из каждых десяти мужчин. Несколько чиновников занимаются канцелярской работой. Мы заседаем в экстренных случаях или дважды в год в течение нескольких дней в городке, называемом Тахлур; в нем находятся специальные училища и Ворота Зоны.

— Вот туда-то мне и следует отправиться, — решил экс-ученый. — Если только по дороге я не умру от голода и не попаду в руки фермера, который будет слушать меня менее охотно, чем вы.

Силбар от души рассмеялся.

— Послушайте, — сказал он. — На следующей неделе состоится заседание Совета. Туда пойдет наш представитель, Хокал. Вы у меня поедите, переночуете, а утром познакомитесь с ним. Идет?

Юлин поблагодарил и согласился. «Все это слишком легко и слишком хорошо, — невесело подумал он. — В бочке меда обязательно окажется ложка дегтя». И он оказался прав.

Хокал не был ожидаемой ложкой дегтя, хотя и способствовал ее появлению. Он крайне удивился, когда ему представили Юлина.

— Так вот о ком идет речь! — возбужденно воскликнул он. — Просто поразительно, до чего же эти люди умеют все испортить! Ну какого черта вас сюда занесло? Вы знаете, что некоторые народы претендуют на части космического корабля? Ходят слухи о войне! Война! Надеюсь, нам удастся ее избежать, но будем настороже. В географическом смысле мы в самом центре событий.

Юлина его слова заинтересовали.

— Какой корабль? Вы имеете в виду тот, что приземлился здесь, на Юге?

Хокал пробурчал нечто невразумительное и растелил на столе большую карту, отпечатанную таким образом, что ее могла читать раса, не различающая цветов, — все детали были контрастно выделены черным, серым и белым тонами. Юлин довольно быстро разобрался в ней, но не смог прочесть ни легенды,

ни названий. «Необходимо быстрее ликвидировать такие проблемы в образовании», — решил он.

Толстый короткий палец Хокала ткнулся в какой-то гекс.

— Вот это наш Дашин, — сказал он.

Юлин внимательно посмотрел на карту. От Экваториального барьера их отделял Котил, территория которого занимала две половины гекса. К северо-западу лежал гекс Воксмир — как объяснил Хокал, недружественный и нечеловеческий; к юго-востоку — Джак, вулканический и дьявольски жаркий, непригодный для жизни дашинов; к югу — Фрик, обитатели которого имели какие-то невероятные летающие диски с пароструйными двигателями; и к юго-западу — Касада, где существовала высокоразвитая цивилизация гигантских крыс.

— Проблема заключается вот в чем, — начал Хокал, тыкая пальцем в карту. — Южнее Касады и к северо-западу от Фрика расположен гекс Ксода, населенный огромными свирепыми насекомыми, там находится один модуль. Другой оказался в Палиме, южнее Ксоды, еще один — в Олборне, к юго-западу от Палима, а последний, и это самое важное, попал в расположенный всего в двух гексах к югу от нас гекс Гедемондас, о котором очень мало известно. Туда упали двигатели корабля, а это, как вы понимаете, — самый ценный приз. Полагаю, когда все закончится, мы будем знать о Гедемондасе значительно больше.

Юлин усмехнулся:

— Мне кажется, что наши соседи, например, крысы, получают эти сведения значительно раньше.

— Очень может быть, — сказал Хокал. — Но это — весьма странный район. Здешние расы либо настроены не слишком дружелюбно, либо, подобно

обитателям Палима, слишком долго жили в условиях мира, чтобы помышлять о конфликте. Нет, опасность исходит не отсюда.

Его палец уехал далеко на запад и остановился на гексе, расположенном за дальним берегом Моря Бурь.

— Это — Макием, к северу от него лежит Себу, к востоку — Аджитар. Макиемом управляют умные и безжалостные политики. Это — такой же нетехнологический гекс, как и наш. Себу — среднетехнологический гекс, но его обитатели умеют летать, что в данном случае особенно полезно. Аджитар — высокотехнологический гекс, и, хотя знаем мы о нем очень мало, там, кажется, имеются летающие животные — а это означает, что его обитатели не ограничиваются использованием машин; кроме того, они могут аккумулировать в своих телах электрические заряды, что нарушает установленные Колодцем ограничения. Так вот, Макием, Себу и Аджитар образовали альянс, цель которого — добыть части корабля.

— Даже если им удастся собрать все модули, без опытного пилота далеко они не улетят, — возразил Юлин. — Современный космический корабль — это вам не ракета.

— Уже в курсе, — буркнул Хокал. — Темой обсуждения на Совете будет война, и я полагаю, ваше присутствие несколько оживит дискуссию.

Путешествие, занявшее почти два дня, оказалось довольно приятным. Они ехали в удобном экипаже, запряженном шестью дашинками из стада Хокала, которые развили такую скорость, что Юлин не верил своим глазам.

В дополнение к этому уставшие от бега коровы готовили им вкуснейшую еду, вытирали их после

мытья — иными словами, делали для них все. Юлину нравилось, что его обслуживали; он понял, как легко здесь стать избалованным. Коровы большей частью болтали друг с другом, иногда играли в разные детские игры, но свою работу выполняли так, словно были для нее рождены. Из уважения к хозяину Юлин держался от них на расстоянии.

В Тахлур они прибыли в полдень. Большинство членов совета были уже в сборе. К своему делу они относились очень серьезно, и в городских пивных разгорелись жаркие споры. Точно так же, как и на ферме и в пути, женщины выполняли здесь всю работу: готовили, мыли, обслуживали. Юлин ничего не успевал сделать сам. Корова всегда была тут как тут, чтобы подать ему стул, принести еду, отвести его в комфортабельный номер в гостинице, приготовить и вычистить все что угодно. Они даже бежали сломя голову, чтобы открывать мужчинам двери.

Молодой человек задумался, является ли такое поведение следствием умственной неполноценности женщин, или оно просто заложено в жесткой социальной системе. Коровы не были автоматами: они разговаривали друг с другом, иногда смеялись, иногда сердились и всегда поступали как люди.

Все они носили кольца и ошейники — большие кольца, продетые в их огромные носы, и латунные ошейники с крючком и меткой, свидетельствовавшей о принадлежности к определенному стаду. У коров Хокала на крестце, справа, было даже выжжено тавро.

«Неужели им никогда не надоедала такая жизнь и они не убегали? — подумал он. — Может быть, именно поэтому существует так много способов их идентификации?»

Все это заинтересовало его еще больше, когда он узнал, что то огромное количество коровьего молока, которое потребляли мужчины, было не просто добавкой к пище. Организм быков, в том числе и его собственный, совсем не вырабатывал кальций. Чтобы сохранять здоровье, избежать артрита, остеомиелита, зубных и всяких других болезней, быкам ежедневно требовался почти целый галлон* богатого кальцием молока.

Без коров мужчины погибли бы. Медленно и в ужасной агонии.

Вот почему дашины и заведенные ими порядки были так хорошо известны в соседних гексах. Молодые быки, ожидавшие вакансий, чаще всего путешествовали, иногда довольно далеко. Они могли питаться любой базирующейся на углероде растительной пищей, а их организм сам очищал встречающуюся в природе воду, так что большие запасы провизии им не требовались. Но мужчины настолько привыкали к постоянному обслуживанию, а их здоровье так зависело от коровьего молока, что каждый из них вынужден был брать с собой в дорогу по меньшей мере четырех коров. Бен Юлин не мог подумать без смеха, какое впечатление это производило на однополые расы, на те, у которых отсутствовали даже признаки пола, или, что хуже всего, на матрилинейное** общество.

Однако для подобных размышлений у него практически не оставалось времени. Пришелец был нарасхват; его то и дело представляли политикам, и он

* 1 галлон равен примерно 4,5 литра.

** Матрилинейное общество — общество, существовавшее в эпоху матриархата; счет происхождения и наследования велся в нем по материнской линии.

принимал деятельное участие в дискуссиях, посвященных кризису.

Совет собрался на следующий день. При общинном строе — деньги здесь вообще не применялись, каждый получал свою долю урожая — такие малочисленные органы управления были нормальным явлением. Они быстро выбрали председателя и сразу перешли к делу.

Пользуясь картами, таблицами, диаграммами, глава исполнительной власти описал сложившуюся ситуацию. Общее мнение было таково: надо держаться в стороне; Дашина это дело не касается. К Юлину все отнеслись с предубеждением; даже стали спорить о том, что лучше: спрятать его, посадить на время войны в тюрьму или, может быть, убить! Ни один из этих вариантов Совет, к счастью, всерьез не рассматривал, но Юлин прекрасно понял, что опасность все же существует. Те, кто предлагал подобные решения, были дьявольски серьезны, и некоторые из этих горячих голов выражали готовность выполнить их собственноручно.

На третий день работы Совета никаких серьезных решений принято не было, и у Бен Юлина возникло ощущение, что дашинам просто нравится спорить. Если их не остановить и не ткнуть носом, они никогда не придут к согласию.

Но именно в этот день прибыла та, кто косвенным образом изменила ход событий. Ее появление едва не вызвало на улицах панику. В воздухе она смотрелась великолепно: яркая бабочка с гигантским размахом сверкающих оранжево-коричневых крыльев; тело в отличие от крыльев было угольно-черным. Когда, приземлившись на улице, она встала на задние шупальца, ее рост составил около полутора метров. Ее крупная голова напоминала черный че-

ловеческий череп, в глубоких глазницах которого слабо тлели два куска древесного угля.

Ее манеры и ледяной режущий голос вызвали неприятное чувство у всех, кто оказывался рядом. Это почувствовал даже Бен Юлин, которому пришлось довольствоваться приблизительным переводом. Она не была похожа ни на дашинов, ни на Ортегу, ни на амбрезианина, ни даже на мыслящее растение. Назвать ее нечеловеческой было мало, скорее античеловеческой, абсолютно чуждой, подобно существам, обитающим на Севере.

И имя ей было якса.

— Прежде всего, — заявила она, — позвольте мне ввести вас в курс дела. Во-первых, Макием эффективно сотрудничает и координирует свои действия с Себу и Аджитаром. Это — самое грозное сочетание ума, ловкости и дарований, которое Мир Колодца когда-либо видел. Гекс Боидол, чтобы избежать войны, передаст им находящуюся на его территории часть космического корабля. Джукасис хотел сражаться, но нам не удалось привлечь на его сторону Лату. Тогда он согласился получить от них плату за проход через его территорию, поскольку не мог даже надеяться в одиночку нанести поражение такому союзу. Клусидиане не хотят ни уступать, ни драться, и вам прекрасно известно, что это значит. Правительство Зонзорпа в глубине души всегда было на стороне Макиема. Если бы оттуда свистнули, оно не раздумывая присоединилось бы к альянсу. А с Клусидом у него давняя вражда, так что поддержки с этой стороны ждать не приходится.

Якса замолчала, поправляя огромные карты, которыми иллюстрировала свой доклад.

— Олборн — для нас загадка, — продолжила она наконец. — Вы знаете его репутацию: все экспеди-

ции, которые туда отправлялись, исчезали бесследно. У него даже нет своего посольства в Зоне. Не гекс, а сплошной вопросительный знак. Но я не верю, что какая-нибудь раса, как бы сильна она ни была, сможет остановить это наступление в одиночку. Замедлить — да, но не остановить. То же самое касается алестольцев. Но при мысли о том, что две летающие расы могут с ними сделать, мороз пробегает по коже. Таким образом, рано или поздно крупные силы, принадлежащие альянсу, проникнут в Гедемондас, в гекс, о котором ничего не известно, кроме того, что он не имеет посольства в Зоне и его среда обитания враждебна всем прочим видам. С тамошними обитателями не могли сговориться даже диллиане, чей гекс отделяют от Гедемондаса неприступные горы. Эти существа не сражаются — они просто исчезают. Отсюда следует вывод, что четыре модуля и двигатели в руках союза Макием — Себу — Аджитар.

— Но как им удастся притащить такие огромные механизмы в собственные гексы? — поинтересовался кто-то из членов Совета.

— Аджитарцы свое дело знают, — ответила якса. — Они пригласят нескольких отличных инженеров, которые разберут модули на части, пронесут их через Ворота Зоны, доставят, если это им удастся, в свой родной гекс, а затем соберут их заново.

— Но они все равно не смогут на них летать.

— И снова вы ошибаетесь, — ответила якса. — Макиему повезло настолько, что здесь вряд ли может идти речь о случайности. Один из Пришельцев, опытный пилот по имени Антор Трелиг, оказался в Макиеме. Он может и хочет управлять этим кораблем; более того, он может проникнуть в компьютерный комплекс на новом спутнике и использовать его.

Понимаете? Опасность грозит самому нашему существованию!

После этих слов поднялся невероятный шум, председателю с большим трудом удалось восстановить порядок. А у сидящего в сторонке Бен Юлина сложилось впечатление, что якса всеми силами добивалась такой реакции. Она прибыла в Дашин с дипломатической миссией, целью которой было до смерти напугать изнеженных быков.

— Но что мы можем сделать? — спросил один из членов Совета. — Послать наших сограждан, вооруженных мечами и копьями, против Касады? Да они же сожрут нас с потрохами!

— Именно так они скорее всего и сделают, — согласилась якса. — Но у вас в запасе будет некоторое время и некоторое преимущество. Якса и Ламотиен объединились. Ламотиены — лучшие друзья и опаснейшие враги в Мире Колодца. Планета, для которой они предназначались, — должно быть, сущий ад. Они — метаморфные существа, ибо могут принимать форму любого создания, которое увидят; единственное ограничение состоит в том, что они не в силах изменить свою массу. Но даже это — не недостаток. Соединяясь друг с другом, ламотиены создают более крупные организмы. Двадцать особей могут преобразиться в дашина, и это будет выглядеть настолько убедительно, что никто не заметит разницу. Ламотиенов не меньше десяти миллионов, и живут они в высокотехнологическом гексе. С их помощью мы быстро добудем модуль со штурманской рубкой, который упал в Телиагине. После этого ламотиены превратятся в летающую расу, мы полетим на остров Ноди в море Бурь и получим второй модуль. Затем пересечем Восточный пролив, ведущий в Касаду. Инфильтрация ламотиенов в Касаду и Ксоду, их вы-

сокая технология, отлично подготовленные летающие воины яксы, базы, созданные в Дашине, и сами дашины — все это позволит нам захватить эти два гекса, представляющие на сегодняшний день для нас главную проблему. Единственное, на что способны сомневающиеся, — это пропустить нас через свою территорию. И таким образом мы попадаем в Гедемондас, гекс, в котором нам, яксам, трудно будет оперировать. Но силы Ламотиена, поддержанные дашинами, смогут действовать там в высшей степени эффективно. Нужно ли объяснять, что таким образом мы получим не только штурманскую рубку, но и двигатели? — Обернувшись, она посмотрела в бычьи лица собравшихся. — И у вас есть Бен Юлин, еще один пилот, имеющий к тому же доступ к компьютеру спутника.

Начался еще больший шум.

— Как яксы смогли это узнать? — охали все вокруг. — Это же меняет все дело!

Якса не обладала способностью улыбаться. К тому же улыбка ослабила бы впечатление, которое производили ее внешний вид и личность. Однако от фигуры, застывшей рядом с развешанными плакатами, веяло внутренним удовлетворением.

Юлин и не подозревал о том, какие интриги плетутся в Мире Колодца. Этот мир изобиловал шпионами, заговорами, тайными ходами и контрходами. Невозможность развязывания войн заставляла тех, кто имел воинственные наклонности, искать окольные пути.

Шумные споры еще продолжались, хотя было ясно, что решение уже принято; проведенное поздней ночью голосование придало ему официальный характер. Выступил даже Бен Юлин. Он заверил высшее собрание в том, что действительно сумеет пи-

лотировать космический корабль, если между рубкой и моторным отсеком будет находиться хотя бы один модуль, и что действительно сможет управлять Оби. Его обуревали смешанные чувства. С одной стороны, у него появился шанс, хотя и весьма сомнительный, стать полновластным хозяином Новых Помпей и, может быть, даже получить ключ к Колодцу. С другой — он видел страшную угрозу, исходящую от Антора Трелига. Он никогда не относился легкомысленно к тому злу, которое олицетворял собою глава синдиката торговцев губкой; с тех пор, как они расстались, одно только упоминание о Трелиге вызывало у Юлина нервную дрожь.

Но если смотреть на вещи оптимистически, то всю личную вражду следовало отбросить. Внезапно молодой человек почувствовал себя дашином. С военной точки зрения это стоило наверняка окажется слабейшим членом союза, но остальные, чудовищные партнеры по коалиции целиком зависели от Дашина, если хотели попасть на спутник и завладеть компьютером.

Недавние враги, которые еще вчера предлагали заключить Пришельца в тюрьму и даже убить его, превратились в единокровных братьев.

— Он должен иметь свое собственное стадо! — заявила какая-то важная шишка, и все немедленно согласилось.

— Но пока — маленькое. Потом — сколько захочет! — выдвинул условие кто-то другой.

— Как насчет того, чтобы выделить ему по одной корове от всех пяти служебных гильдий города? — предложил третий. — Это намного практичнее, чем срывать с полей сельскохозяйственных рабочих.

Так Бен Юлин получил пять девушек — от Металлистов, Городской службы, Поваров и Официан-

тов, Строителей и Домоправителей, — прекрасно подобранный букет искусниц.

Металлисты преподнесли ему его собственное клеймо, опознавательные кольца и ошейники. Все коровы в его стаде оказались юными девственницами.

Наутро выяснилось, что у городских гильдий существуют определенные брачные церемонии. Прежде всего это было связано с тем, что, пока девушки не попадали в стадо, они носили не имена, а номера. Во время такой церемонии мужчина, по традиции именуемый Хозяином, давал девушке имя, которое утверждала гильдия. Затем ее клеймили, надевали кольцо и ошейник.

Вся процедура заняла пять дней. Бен Юлин наслаждался каждой минутой этого действия.

Тем временем яксы прилетали и улетали, их встречали и провожали помощники членов Совета. Часть коров из каждого стада призвали на военную службу. Это обеспокоило некоторых мужчин, которые задумались над тем, что может получиться, если столько коров научатся убивать. Но ставка была слишком высокой. Что же касается якс, то их эта ситуация, судя по всему, весьма забавляла.

Яксы, как наконец узнал Бен Юлин, были в основном женского пола, потому что после спаривания самки всегда пожирали своих партнеров. Это было почти полной противоположностью тому, что творилось в Дашине, и он не мог удержаться от мысли, не породит ли присутствие якс некие новые идеи среди покорных коров.

АДЖИТАР

Ренар понятия не имел, что Мир Колодца обладает чувством юмора. Однако потрясение, которое он испытал, очутившись в чужой стране и в неведомом облике, оказалось для него куда важнее этого знания. В сущности, он ничего не помнил с того момента, когда, сидя в лесу у края широкой равнины, они ожидали наступления темноты, а вокруг рыскали злобные циклопы.

Проснувшись, Ренар медленно сел и огляделся вокруг. Чудесное место, с восторгом подумал он. Тут и там росли зеленые сады, ровные аккуратные поля были засажены разнообразной растительностью, кое-где виднелись теплицы и прочие современные сельскохозяйственные сооружения. Рядом пролегла проселочная дорога, предназначенная для фермерских повозок. Он, без сомнения, попал в сельскую местность, хотя она явно не имела ничего общего с примитивной страной циклопов.

Вдалеке смутно вырисовывались очертания большого города. Спиральные и остроконечные здания выглядели весьма необычно, но чего-то подобного Ренар ожидал.

Он не сомневался, что по-прежнему находится в том странном мире, в котором они потеряли ава-

рию. Каким образом он сюда попал, оставалось для него загадкой. Почему он ничего не мог вспомнить? Губка?

И тут его осенило. Боль ушла. Он чувствовал себя хорошо. По-настоящему хорошо. Голова была абсолютно ясной. Он обнаружил, что помнит о вещах, о которых не вспоминал годами, не испытывает неодолимого желания принять очередную дозу наркотика и не ощущает последствий заболевания. Почти с благоговением Ренар подумал о Мавре Чанг. Она одна верила, что в этом мире кто-нибудь сможет его спасти, и она оказалась права. Он свободен!

Но что же это за место?

Ренар встал, но сразу же потерял равновесие и рухнул на землю, непроизвольно выставив вперед руки, что несколько ослабило удар.

Это ничуть не напоминало головокружение; это была именно потеря равновесия. Что-то произошло. Он взглянул на руку, смягчившую падение. Короткие толстые пальцы заканчивались острыми когтями. Темно-синяя кожа...

Ренар резко перевернулся и снова сел, но тут же почувствовал какое-то неудобство.

Пошарив рукой, он обнаружил, что сидит на своем собственном хвосте, коротком и толстом.

На чем?! Он ошарашенно опустил глаза. Его кожа была густо-синего цвета, толстая и пористая. Волосы на теле, очень тонкие и выющиеся, ниже талии плавно переходили в густую овечью шерсть с завитками. С чувством глубокого облегчения он обнаружил, что его детородный орган, если не считать того, что он стал иссиня-черным, оказался вполне нормальным. Но его ноги, очень толстые вверху, книзу, к тощим коленям, принимали довольно странную форму и заканчивались...

Острыми черными блестящими раздвоенными копытами.

Что же, черт возьми, происходит?

Копыта показались ему слишком маленькими, чтобы поддерживать такое массивное тело. Видимо, поэтому он и упал. Но как же тогда он сможет передвигаться? Ползать на брюхе, на четвереньках? Или сноровка появится, когда он попрактикуется?

В какой-то момент ему показалось, что он превратился в циклопа. Но нет, оба глаза оказались на месте. Однако волосы и ноги явно были чужими, то же самое относилось к чертам лица.

Ренар с недоумением ощупал свою голову. Прижатые к черепу остроконечные уши, расположенные там, где они и должны находиться. Нос немного великоват, но тоже в пределах нормы. Зубы вполне нормальные. В свое время он по разным причинам потерял шесть зубов и ни одного не вставил; теперь все они откуда-то появились, хотя резцы на обеих челюстях стали намного острее и, может быть, чуть длиннее.

На голове у него росли густые волосы. Ренар рискнул вытянуть одну прядь, она оказалась иссиня-черной. Волосы начинались в середине лба и затем расходились в виде буквы V по обеим сторонам рогов...

Рогов?!

Совершенно верно. Костяные, недлинные, но очень острые, они, бесспорно, являлись частью черепа.

Лицо странной треугольной формы заканчивалось внизу жидкой козлиной бородкой.

«Интересно, как это объясняется с логической точки зрения», — сказал Ренар сам себе. Но логики здесь не было и в помине. Присутствовали только голые факты.

Факт номер один: он очнулся в незнакомой стране, излеченный от губки, в анатомическом смысле полноценный мужчина, ясно мыслящий, но с телом, принадлежащим какому-то другому существу.

Факт номер два: он не знает, где, черт возьми, находится, кто он такой и что вообще происходит.

«Ладно, — подумал Ренар, — единственный выход — это найти кого-нибудь и как следует его расспросить». В крайнем случае можно сразу отправиться в город. Отсюда был виден даже дым, поднимающийся над какими-то промышленными предприятиями.

Он подполз к ближайшему дереву и, обхватив его руками, попытался встать. Верхняя часть тела явно перевешивала. Однако, несколько успокоившись и поразмыслив, он догадался, что обрел поразительное чувство равновесия. После небольшой тренировки бывший охранник научился двигать отдельными частями тела, каким-то непонятным образом чувствуя, что эта комбинация движений ошибочна, а эта верна.

Примерно через полчаса он уже мог встать, не держась за дерево, и, кроме того, сделал удивительное открытие — хвост прятался в ректальную полость и сидеть ему больше не мешал.

Однако ходить оказалось намного труднее. После нескольких падений Ренар снова подполз к дереву, встал и, сам не зная как, понял, что нужно делать. Он рванулся вперед так быстро, как только мог. И к его большому удивлению, тело сохранило вертикальное положение. Однако стоило остановиться, и он снова падал. Ему предстояло еще практиковаться и практиковаться.

К полудню Ренар уже полностью освоился.

Это — культура быстроходящих, догадался он. Чем быстрее он шел, тем легче было контролировать

движения. Под конец он попробовал почти бежать и, остановившись, уже не упал. Этого было достаточно. Тонкостями он займется позднее. Теперь пора отправляться в город.

Пойдя по проселочной дороге, он вскоре уперся в тупик и двинулся в обратном направлении. Шагая в очень быстром темпе, он добрался до главной дороги раньше, чем рассчитывал, и остановился как вкопанный. Перед ним лежала настоящая магистраль. Магистраль без экипажей, но с массой народа.

И главное — она двигалась.

В каждом направлении бежало по десять пешеходных дорожек. Пассажиры, если так можно выразиться, держались за движущиеся перила. Две средние дорожки были зарезервированы для коммерческих перевозок — на них стояли огромные контейнеры, помеченные странными символами, а иногда и рисунками.

Ренара поразили еще две вещи. Первая заключалась в том, что все были одеты, и это сразу создавало для него целую кучу проблем. Мужчины щеголяли в ярких цветных рубашках, иногда в легких светлых куртках; нижнюю часть их тела прикрывали шорты. Совсем иное дело — женщины. Годами он слышал термин «противоположный пол», но впервые различия казались ему столь очевидными.

Ниже талии синекоты женщины выглядели почти как люди. Правда, у них тоже имелись маленькие хвосты, а ступни были несколько шире и массивнее человеческих. Одевались они очень просто — большинство предпочитало брюки и спортивные туфли. Но выше талии...

Они были козами.

Нет, не совсем козами, решил Ренар. Лица у женщин напоминали равнобедренные треугольни-

ки — их здорово удлиняли нижние челюсти. Носы черного цвета несколько выдавались вперед. Их уши были такими же остроконечными, как у него самого, рога — более короткими и закругленными. Всю верхнюю часть тела покрывала такая же густая синяя шерсть, какой он зарос ниже талии. Руки женщин напоминали передние ноги коз за исключением того, что заканчивались длинными, хрупкими на вид кистями.

У всех женщин были огромные человеческие груди, которые поддерживали либо разноцветные лифчики, либо нечто вроде плетеных уздечек. Глядя на них, Ренар почувствовал эротическое возбуждение. Это его удивило. Только сейчас он начал сознавать, как глубоко сросся со своим новым обликом.

Больше всего Ренара беспокоило отсутствие одежды. Он понимал, что, если выйдет на главную дорогу, его появление неминуемо вызовет страшный переполох. Ничто не свидетельствовало о том, что нагота здесь считалась нормальным или хотя бы терпимым явлением.

Спрятавшись в рощице плодовых деревьев, бывший охранник присел, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию, но в первую очередь решил, что ему необходимо немного подкрепиться. На соседних кустах росли крупные круглые оранжевые плоды, покрытые нежным пушком. Они напоминали персики. Ренар видел персики на Новых Помпеях и предположил, что между этими двумя видами существует близкое родство. Кроме того, вряд ли кто-нибудь станет выращивать ядовитые плоды открыто и в таком количестве. Он протянул руку и сорвал один яркий солнечный шар.

Послышался громкий треск. Ренар почувствовал, как внутри него, от тощих коленей до кончиков рогов

пробежала легкая дрожь и загадочный теплый поток вместе с кровью хлынул ему в руку. Персик лопнул, изменил цвет и неожиданно стал очень горячим. Выругавшись, Ренар бросил его наземь. В ладони чувствовалось тупое жжение, но оно было вызвано не потоком непонятной энергии, которая в мгновение ока сварила фрукт, а скорее самим горячим фруктом.

«И что же дальше?» — подумал он одновременно с тревогой и любопытством.

Выждав пару минут, Ренар осторожно протянул руку, намереваясь сорвать еще один персик, но почувствовал, что внутри снова поднимается волна энергии, жаждущей выплеснуться наружу. Он стал бороться с этим чувством, и возбуждение постепенно спало. Облегченно вздохнув, он сорвал плод и вонзил в него острые зубы. Персик оказался очень вкусным.

Пытаясь разобраться в том, что произошло, Ренар потрогал сварившийся персик, который еще не остыл. «Таким образом, — подумал он, — мое тело способно аккумулировать электрический заряд напряжением в сотни, а может быть, и в тысячи вольт, разряжаться и вновь заряжаться». Он понял это инстинктивно, а то обстоятельство, что во второй раз он успешно поборол эту силу, ибо уже знал о ней, доказывало, что он может заряжаться и разряжаться по собственной воле.

Ренар сорвал еще один персик, положил перед собой и, коснувшись его указательным пальцем, позволил энергии освободиться. Она излилась в его руку, затем вниз; послышался слабый треск, и персик задымился.

«Откуда берется эта энергия?» — задумался бывший охранник и решил, что ее источником являются бедра, верхние части икр и покрывающие их чрезвычайно густые волосы. Они вполне могли накопи-

вать электрический заряд, особенно если учитывать то, что двигаться ему приходилось чуть ли не бегом.

«Я, наверное, могу убить человека, просто пожав ему руку!» — подумал он с неожиданным интересом.

Ренар обнаружил, что ощущает энергию, даже небольшую ее потерю в результате разрядки. Ее можно было направить в любую часть тела выше талии. Речь шла об убийственных объятиях!

Он еще продолжал экспериментировать, когда за его спиной раздался резкий раздраженный голос:

— Поскольку вы упорно стараетесь поджечь фруктовый сад, будьте добры, встаньте и объясните мне, по какому праву вы находитесь здесь в таком виде и жарите персики.

Ренар обернулся и увидел крупного широкоплечего мужчину. Его манера поведения, висающие на поясе дубинка и портативный приемопередатчик не оставляли места для сомнений.

Это был полицейский.

Он вызвал по радио тюремную перевозку, и та прибыла незамедлительно. Его затолкали внутрь, и машина плавно покатила по движущемуся шоссе, подсакивая на перекрестках.

В полицейском гараже его высадили. Операционистка с безразличным козым лицом, дежурившая в управлении, ввела информацию в компьютер и задала ему несколько вопросов.

— Имя?

— Ренар.

— Странное имя, — заметила она. — Место и дата рождения?

— Город Баренск, планета Москови, 12 августа 4412 года новой эры, — честно ответил он.

Оторвавшись от клавиатуры, женщина взглянула ему в глаза.

— Пытаетесь позабавиться? — тихо спросила она. Двух полицейских, стоявших у него по бокам, это ничуть не позабавило.

— Нет, — ответил Ренар, стараясь, чтобы его голос звучал как можно убедительнее. — Это правда. Я находился в космическом корабле, который потерпел аварию в каком-то удивительном месте, населенном гигантскими циклопами, а потом проснулся здесь. Об остальном я знаю не больше вашего.

Операционистка осталась безразличной, ее каменное лицо не выразило никаких эмоций, однако она загадочно произнесла: «Меньше». И ввела что-то в память компьютера. На экране высветилась какая-то схема, а затем, строка за строкой, новая распечатка. Взглянув на полицейских, женщина кивнула.

— Все в порядке, он — Пришелец. Один из наркоманов.

— Ты уверена? — ответил один из полицейских. — По мне, так он — классический псих.

Ренар почувствовал себя оскорбленным, но решил не вмешиваться.

— Если говорю, значит, уверена, — отрезала дежурная. — А теперь притащите ему из тюрьмы какую-нибудь одежду и доставьте к лейтенанту Ама. Я его предупрежу.

Полицейские неохотно согласились, ибо руководствовались принципом, старым, как мир: если в чем-то не уверен, свали ответственность на другого. Они дали Ренару неудобные, слишком тесные бело-снежно-белые шорты и белую тенниску, которая оказалась ему велика и которую до него наверняка носило несчетное количество народа. Белый цвет объяснялся очень просто: благодаря контрасту с темно-

синей кожей ее владельца можно было заметить на расстоянии километра. Это значительно облегчало жизнь тюремным охранникам.

Лейтенант Ама оказался типичным служакой, не желающим иметь на своем участке никаких проблем. Он не любил отвечать на вопросы, хотя сам задал их предостаточно: хотел убедиться, что Ренар — именно тот, за кого себя выдает. Все остальные, по мнению лейтенанта, права голоса не имели.

Ренар просидел в полицейском управлении много часов. Он понимал, что происходит, во всяком случае, надеялся, что понимает. Ама звонил своему начальнику, тот — своему, а тот... — и так далее, пока на самом верху кто-нибудь не соблаговолит решить, что надлежит делать с Пришельцем.

Но все же его кормили. Даже показали, как следует касаться различных точек на металлической пластинке, укрепленной на деревянном основании, чтобы сварить все, что он пожелает. Ренар узнал, что пищу здесь готовят мужчины. Женщины этого делать не могут: у них нет электрической мощности. Однако они, как и мужчины, обладают иммунитетом против любого электрического удара. От нечего делать Ренар задумался над тем, как местные жители умудряются заниматься любовью, не спалив дом дотла.

Спал он в незапертой камере и в середине следующего дня даже решил, что о нем забыли.

Но вскоре после полудня за ним пришли. Здоровенные парни, во всяком случае, намного крупнее его. Только сейчас Ренар подумал о том, что, поскольку здесь все имеет один и тот же масштаб, непонятно, какого роста он сам. Это может быть и десять сантиметров, и четыре метра.

Сопровождающие доставили его в огромное здание, построенное в виде пирамиды, которую окру-

жали башни, похожие на минареты. В новом кабинете, явно принадлежащем какой-то важной шишке, на Пришельца обрушилась уже целая лавина вопросов. Ни у кого больше не было сомнений в том, что он Ренар и прибыл с нового спутника; на этот раз вопросы носили совсем другой характер.

Большинство их касалось Антора Трелига.

Ренар, ничего не утаивая, выложил им все свое ненавистное прошлое. Он описал монстра, который превращал ни в чем не повинных людей в рабов ужасных наркотиков, развращенность Новых Помпей, безумные цели глава синдиката торговцев губкой. Весь его рассказ тщательно записывали.

И наконец, ему ответили на некоторые вопросы.

— Где я нахожусь? — спросил он.

— В Аджитаре, и вы — аджитар, — ответил следователь, худощавый мужчина в очках.

— Я все еще на планете, где мы потерпели аварию?

Ему неторопливо поведали историю Мира Колодца и рассказали о некоторых проблемах, вызванных его появлением.

— Вы ведь не умеете пилотировать космический корабль? — с надеждой спросил следователь.

— Нет, — подтвердил Ренар. — Я был преподавателем античной филологии и библиотекарем, а по совместительству — охранником, сторожившим пленников Трелига.

Следователь на минуту задумался, а затем продолжил объяснения:

— Вам следует четко усвоить себе нашу позицию. Аджитар — высокотехнологический гекс. Все свои знания в области электричества мы получили на основе изучения собственных тел. Наука здесь — царь и бог. В данный момент мы готовимся к войне за части космического корабля, на котором потерпела

аварию ваша группа. И вот появляетесь вы — абсолютно невежественный, не владеющий ни одной полезной для нас специальностью. Конечно, вы молоды, сильны, и это почти все. Вы должны как-то приспособиться к новой жизни, поскольку до конца своих дней останетесь аджитаром. Изучив материалы, касающиеся вас, мы обнаружили, что единственным вашим достоинством является хорошее владение оружием и умение метко стрелять.

— Где находятся мои спутники? — спросил он, недовольный тем, какое направление принял разговор. — Мне хотелось бы связаться с женщиной, Маврой Чанг...

— Это невозможно, — заявил его собеседник. — Она в руках лат, и, хотя те пока занимают нейтральную позицию, в душе, а может быть, и в своей политике они нам враждебны. — Он вздохнул. — Думайте лучше о том, что единственная возможность для вас адаптироваться к новым условиям — дисциплинированно трудиться в аджитарском обществе.

Ренара призвали в армию.

Две недели продолжалась напряженная базовая подготовка, и времени на размышления у него практически не было. Судя по всему, это и планировалось. Однако благодаря жизни в казарме он приобрел нескольких друзей и получил полное представление о том, что происходит в Аджитаре. Он узнал о союзе с Макиемом, в котором доминантной расой были гигантские лягушки, и гексом Себу, населенном какими-то летающими рептилиями.

Настоящим ударом для него стало известие о том, что Антор Трелиг превратился в макиема.

Вспышка бешенства, охватившая его в первые минуты, сменилась глубоким унынием. Ирония судьбы: бежать с Новых Помпей, скитаться по незнакомой и чуждой планете, победить губку и все это для того, чтобы снова служить Антору Трелигу. Неужели компьютер Колодца хотел посмеяться?

Военные учения оказались тяжелыми, но увлекательными. В рукопашном бою аджитар мог легко убить противника с помощью электричества. Хотя обычно напряжение электроэнергии, аккумулируемой средним аджитаром, составляло несколько тысяч вольт — вполне достаточно для нанесения смертельного удара, — потенциально его можно было довести до шестидесяти тысяч вольт! Перегрузка исключалась, но во избежание непредвиденных осложнений любую дополнительную энергию необходимо было немедленно высвобождать. Одно лишь статическое электричество не могло генерировать такое чудовищное напряжение, но каждый аджитар обладал способностью поглощать дополнительное количество электричества из различных искусственных источников. Даже из таких примитивных устройств, как громоотводы. Местные жители были абсолютно невосприимчивы к электрошоку; они не могли убивать друг друга электричеством, но могли обмениваться аккумулированной энергией. Ренара и других молодых солдат учили даже тому, как поглощать энергию умирающих или только что умерших товарищей.

При этом ни один аджитар не мог разрядиться случайно, даже во сне. Мысль об этом сильно тревожила Ренара — он хорошо помнил поджаренный персик; однако его уверили, что такое случается очень редко. И все же кровати на всякий случай были

изготовлены из непроводящих материалов, поглощающих энергию.

Стрельба давалась ему легко; хотя и ружья, и пистолеты аджитаров сильно отличались от тех, с которыми он был знаком, любое оружие такого рода действовало по единому принципу: целясь, нажимай спусковой крючок, и из ствола вылетал либо кусок свинца, либо сгусток энергии.

От своих товарищей по казарме Ренар кое-что узнал о противоположном поле. Женщины Аджитара традиционно считались немного умнее мужчин. Сексом здесь занимались сообща и часто. Однако рождаемость строго контролировалась; кроме того, контроль за численностью населения осуществлял Колодец. Однако никто не страдал ни от каких запрещений. Институт брака был неизвестен. Тот, кто хотел завести ребенка, просто находил женщину, которая хотела того же. Если рождался мальчик, ответственность за его воспитание и образование целиком ложилась на отца. Женщина была вольна остаться или уйти. Если рождалась девочка, все происходило наоборот.

Некоторые женщины служили в армии. Поскольку они не обладали способностью аккумулировать электрические заряды и разряжаться, их никогда не отправляли на передовую, поэтому многие аджитарки занимали командные посты в тыловых службах. Большинство высших офицеров, в том числе сотрудников генерального штаба и технических специалистов, были женщинами.

Затеянная правительством война ни у кого не вызвала энтузиазма. Только те, кто никогда не видел, что это такое, проявляли к ней детский интерес. Основная масса населения недовольно ворчала, но смирилась, считая войну печальной необходимостью.

Две враждебные Аджитару расы — яксы и ламотиены — уже двинулись в наступление, чтобы заполучить части космического корабля, и у них был Бен Юлин — отличный пилот. Так что лучше уж Аджитар выступит на стороне Антора Трелига и сам проникнет в Оби, чем это сделает кучка презренных чужаков, руководимых неуправляемым маньяком Беном Юлином.

Две недели спустя новобранцев перевели в военно-воздушные силы. Это не было повышением: ВВС шли всегда в авангарде наступающей армии, и на их долю приходились основные потери. Ренар чуть не задохнулся, когда увидел, что представляет собой местная авиация. Никаких самолетов или планеров у Аджитара не было в помине. Но зато у него были кони. Громадные кони с громадными сверкающими крыльями, очень похожими на лебединые, росшими по обеим сторонам их лоснящихся тел. Как знаток античности Ренар сразу распознал в них материальное воплощение мифологического Пегаса. Аджитарские кони были поистине великолепны — коричневые, белые, розовые, голубые, зеленые. Количество их расцветок не поддавалось исчислению.

И они грациозно парили в небе на своих крыльях, неся на спинах восседающих в седлах аджитаров, ноги которых стягивали специальные ремни. Ренар узнал, что кони — создания хрупкие, ибо их кости полые; он так никогда и не понял, как они могут летать, но они летали, и этого было достаточно. Они оказались намного умнее обычных лошадей, подчинялись словесным командам, слабым ударам и движениям поводьев. Обучать их было одно удовольствие — кони прекрасно понимали, что их всадников тоже кто-то шпыняет.

Ренар немедленно получил крылатую подругу — красивое умное животное зеленого цвета. Первое время он поднимался в воздух с инструктором, который для страховки всегда летел впереди. Но уже на третий день он лихо крутил на Доме — так звали коня — мертвые петли. Аджитар и пегас составляли идеальную пару, в воздухе они действовали как единый организм.

Помимо Домы, Ренару вручили таст — тонкий стальной стержень длиной около трех метров, окованный медью и заканчивающийся медной рукояткой. Этот стержень оказался электропроводником невероятной эффективности; мускулистая рука аджитара довольно легко могла с ним управиться.

В нетехнологических гексах, где ружья и пистолеты превращались в бесполезный металл, таст был совершеннейшим контактным оружием.

В конце третьей недели им объявили, что, несмотря на недостаточную подготовку — для прохождения полного курса требовалось еще шесть недель, — им придется прервать обучение и отправиться на войну.

Ренар принял это известие спокойно. Он давно уже кое-что для себя решил — решил, как только узнал о Трелиге.

Он не собирался умирать, защищая интересы главы синдиката торговцев губкой.

Еще одно головокружительное путешествие на кроммианине — и Мавра очутилась в Лате. Родина маленьких фей оказалась сказочной страной. Здесь не было городов; латы селились в лесистых горах и на лесных полянах. Небольшие профессиональные группы занимались торговлей и обслуживанием, в гексе насчитывались десятки университетов и исследовательское оборудование для тех, кто имел склонность к научной работе; специальные места отводились для ремесленников и художников — латы обладали врожденным артистизмом.

Латы были единственной бесполо-двуполой расой, которую Мавра когда-либо видела. Все они казались ей абсолютно одинаковыми, за исключением цвета волос; все походили на девяти-десятилетних девочек, и речь каждой из них напоминала звучание нежных колокольчиков. Мавра испытывала странное чувство: двадцать семь лет ощущать себя лилипуткой в мире гигантов и неожиданно стать самой высокой.

Рождались латы внеполовым путем; между пятнадцатью и двадцатью годами они становились зрелыми женщинами; каждая из них могла снести только одно яйцо, которое в течение нескольких дней

само себя высиживало. Через два года после «родов» они изменялись. Женские органы исчезали, и на их месте вырастали мужские. Всю оставшуюся жизнь латы оставались мужчинами.

Мавра поинтересовалась у Вистару, почему вокруг так много женщин, если все уже предreshено. Девочка — думать о латах иначе как о маленьких девочках просто не получалось — рассмеялась.

— Изменяясь, стареешь, — загадочно ответила она.

В конце концов Мавра выяснила, что женщины старели немного медленнее мужчин; разумеется, с течением времени они их нагоняли, но большинство, по возможности, оттягивало момент превращения. Сорок или пятьдесят лет они вели жизнь десятилетних летающих эльфов, затем сносили свое яйцо и еще тридцать лет были мужчинами, старея внутренне.

Вот почему лидерами здесь становились мужчины. Они считались и старше, и опытнее.

Если не считать нескольких счастливых лет брака, так легко Мавра еще никогда себя в жизни не чувствовала. На нее никто не давил; латы относились к ней исключительно доброжелательно. Поскольку это был высокотехнологический гекс, его обитатели не стремились к житейским удобствам, хотя Мавре казалось, что свои технические возможности латы используют менее рационально, чем другие расы, о которых ей рассказывали. Маленькие феи в этом не нуждались: они и так жили счастливо.

Смертоносные жала — процесс выделения яда, по словам лат, напоминал оргазм — были их единственным оружием, позволявшим противостоять соседям, если бы те решили, что хрупкие крошечные создания — легкая добыча. Яд вызывал полный паралич,

причем длительность такого состояния зависела от размеров и веса жертвы, но нередко мог и убить. Естественным иммунитетом против него обладало всего около дюжины рас.

Из черной эластичной ткани местные жители сшили Мавре Чанг новый костюм, точную копию старого, а для холодной погоды — тяжелое пальто. Они также вычистили ее дикий пояс, не уставая удивляться всевозможным хитрым приспособлениям, спрятанным в пряжке. Появились у нее и новые сапоги — старые уже совсем износились, но все ее охранные устройства остались в целости. Новая пара была ярче, мягче и удобнее — и даже прибавила еще несколько сантиметров к ее росту.

Латы расчесали ей волосы, подстригли их и уложили по здешней моде: наверху и с боков длинно, сзади коротко. Их восхитили ее острые ногти, способные впрыскивать яд. Оби создал из органического материала механические шприцы. От этой сложной системы местные медики пришли в восторг. Мавре разрешили продемонстрировать ее гипнотические возможности на отчаянном добровольце, и, к ее огромному удивлению, снадобье, не сработавшее в стране циклопов, прекрасно воздействовало на лату.

Она спокойно жила среди них уже несколько недель, когда медики вживили в ее тело крошечный кристалл, служащий переводчиком; операция оказалась легкой и безболезненной. По словам лат, отныне она могла понимать язык любой расы Мира Колодца и кто угодно в Мира Колодца мог понимать ее. Эти устройства поставлялись из северного полушария и относились к разряду весьма дорогих удовольствий. Возможностью свободно общаться с ок-

ружающими Мавра была обязана любезности и щедрости Сержа Ортеги.

Она была одновременно и довольна, и разочарована: довольна тем, что перестала наконец полностью зависеть от Вистару; разочарована тем, что речь этих чудесных созданий при переводе потеряла свою удивительную музыкальность. Она звучала как обычный разговор представителей Конфедерации, хотя и со звонкими полутонами. И самое главное, наличие переводчика позволило ей понять, что она — пленница. Эти прелестные существа действовали в своих собственных политических интересах.

Вистару быстро объяснила ей, в чем состоит проблема. Это оказалось очень просто — теперь лата могла говорить на своем родном языке, зная, что ее поймут.

— Ты — пилот, — сказала она удивленной Мавре. — Союз Якса — Ламотиен — Дашин уже действует. Действует и альянс Макием — Себу — Аджитар. Мы не хотим войны. Мы хотим, чтобы ваш корабль был уничтожен. Поэтому нам необходим кто-то, кто понимает это, на всякий случай — пока сохраняется угроза.

«До тех пор, пока сохраняется угроза! Интересно, как долго она будет сохраняться?» — с досадой подумала Мавра, но промолчала.

Ежедневные военные сводки иллюстрировала карта. Огромные сфинксы из Боидола добровольно отдали находившийся на их территории модуль в обмен на мир; они даже доставили его к границе с Аджитаром. Понимая, что война не принесет никакой выгоды ни одной из участвующих сторон, они предпочли избежать неприятностей.

На севере огромные злобные бабочки-яксы залили кипящим маслом деревни и леса Телиагина, а ла-

мотиены вызвали панику среди местного населения, появившись в образе телиагинских циклопов, которые внезапно разделялись на десятки маленьких злобных созданий, оставлявших после себя одни только разрушения. Перепуганные телиагины быстро сдались. Они позволили яксам и ламотиенам забрать модуль со штурманской рубкой и в конце концов собственноручно швырнули его через границу с Ламотиеном. А яксы уже летели на своих огромных крыльях через Море Бурь. Сначала они приземлились на острове Ноди — в мирном гексе, населенном существами, по описанию похожими на гигантские движущиеся грибы, — чтобы заполучить модуль, поднятый для них с морского дна дельфиноподобными обитателями соседнего гекса, Поригола. Там же, на побережье Ноди, ламотиенские технические специалисты осторожно разобрали модуль на части, и беззащитные ноди разрешили переправить их через свои Ворота в Зону, откуда те попали уже в сам Ламотиен. Следующей целью союза, возглавляемого яксами, была Касада.

На юге отчаянное сопротивление оказывал Джукасис, но, судя по сводкам, до его капитуляции оставалось всего несколько дней. Ульи гигантских пчел, населяющих этот гекс, подверглись нападению птеродактилей из Себу; одновременно воины Аджитара, вооруженные тастами, на громадных пегасах атаковали Джукасис с воздуха.

Мавра, расстроенная такими известиями, не раз спрашивала, почему латы не помогают обитателям Джукасиса, с которыми они в течение нескольких столетий жили в мире и дружбе. И каждый раз латы, качая головами, давали ей один и тот же ответ:

— Если мы нанесем поражение одной армии и не причиним ущерба другой, последняя получит много больше шансов добиться своих целей. Мы должны оставаться нейтральными до тех пор, пока не получим возможность предпринять такие действия, которые положат конец не только этой войне, но и вообще всем войнам в Мире Колодца.

Между тем Мавра Чанг все больше и больше чувствовала себя в этом волшебном раю как в тюрьме.

ДЖУКАСИС

Надвигалась буря. Они безошибочно определили это по клубящимся черным тучам, отдаленному грому и чуть ли не осязаемому сверканию еще не видимых молний.

Командующая военными силами Аджитара взглянула на быстро темнеющее небо и одобрительно кивнула.

— Прекрасный день, чтобы покончить со всей этой кутерьмой, — заявила она штаб-офицерам, которые должны были вести за собой солдат. — У нас будет дополнительный зарядный потенциал.

— Достаточный, чтобы вышибить из-под нас лошадей, — мрачно пробормотал кто-то из офицеров, в который раз удивляясь, почему генералы, никогда не участвующие в боях непосредственно, всегда излучают столько оптимизма.

Аджитарка презрительно фыркнула.

— Давайте-ка обойдемся без пораженческих мыслей, капитан! Вам прекрасно известно, что и таст, и ваше собственное тело впитают эту энергию. Седла сделаны из изолирующего материала. Животные приучены к слабым электрическим ударам. Так что обстоятельства нам благоприятствуют. Осада комплекса зонных Ворот Джукасиса продолжается

вполне успешно; если сегодня мы подавим остатки их противовоздушной обороны, лягушки легко захватят его во время дождя.

Офицеры вернулись к своим людям, чтобы рассказать им о сложившейся ситуации.

Ренар тоже следил за приближением грозы. Но мысли у него были совсем иные. Всю прошлую неделю он честно сражался на стороне Аджитара, однако необходимость убивать электричеством несчастных пчел вызывала у него глубокое отвращение. Он убивал только потому, что иначе они убили бы его своим метательным оружием или жалами. Ради этого они готовы были даже умереть. Но в отличие от нападающих пчелы защищали свой гекс и свои дома.

Получив в первый же день войны боевое крещение, Ренар понял, что джукасы не дураки: они обнаружили, что могут двигаться быстрее пегасов и, находясь вне зоны досягаемости аджитара, жалили лошадей в зад, после чего та немедленно бросалась вперед, неся гибель и себе, и всаднику. Такое чуть не случилось с ним дважды и уже произошло с большинством его друзей.

Капитан Бир был ироничен, но профессионален.

— На этот раз — наверняка последняя атака, ребята, — сказал он без всякой уверенности. — В общем, все то же самое. Мы рассчитываем ворваться туда перед началом бури. Когда она разразится, вы получите дополнительный заряд. Постарайтесь проникнуть в улей и выдайте им весь свой запас. Поджарьте их. А когда гроза разыграется не на шутку, сматывайтесь. Лягушки войдут туда вместе с дождем.

— Но это значит, что они останутся без поддержки с воздуха, — заметил один из солдат.

Капитан покачал головой.

— Это — обязанность роты Д. А наше дело — увеселительная прогулка. Просто идти вперед, убивать направо и налево, а потом вовремя отступить.

Все невесело посмеялись, так как прекрасно знали, что из улья вернутся очень немногие.

— Помните, — закончил капитан, — отходить будет нетрудно. В отличие от нас во время дождя джукасы летать не могут. Если все пройдет хорошо, просто позвольте вашему коню отвезти вас домой.

Ренар кивнул вместе со всеми, но голова его была занята совсем другим. Сегодня утром он случайно увидел разложенную на столе в капитанской палатке карту с прочерченным маршрутом похода. Он вспомнил, что в официальном заявлении, которое он случайно услышал, говорилось, что Мавра Чанг находится в гексе, называемом Лата. Капитан, споривший в это время с другим офицером, указал на карту и заявил: «Мы не можем заходить так далеко на север, Суо! Эта проклятая Лата — нейтральная территория!»

Лата находилась к северо-востоку от их нынешнего местоположения, примерно в дне лета. Пегас любит дождь и грозу, когда у него на спине сидит аджитар, поглощающий молнии. Вода сразу стекает с животного, ничуть не обременяя его лишним весом. Если эта гроза будет достаточно яростной, если у него окажется достаточно мужества, сказал себе бывший охранник, он дезертирует.

— Эй, ребята! По коням! — приказал капитан. — Последний бой, еще один бой.

«Ладно, пойдём», — мрачно подумал Ренар.

Для макиемов, находившихся на земле, и для паривших в воздухе огромных красноглазых треугольников, именуемых себу, это было впечатляющее зрелище.

лище, даже если учесть, что они по-разному толковали понятие «величественный». Гроза уже началась; в небе клубились черно-оранжевые тучи, раздавались грозные громовые раскаты, то и дело вспыхивали молнии, на какое-то мгновение освещавшие место действия.

И вот в грозовом небе появились аджитары; вначале это были крошечные черные точки, которые стали расти, пока не превратились в хорошо различимые фигуры. Огромные разноцветные кони, без усталости махавшие широкими лебедиными крыльями, летели в V-образном боевом строю — десятки в лидирующей волне, десятки позади, защищая фланги.

Всадники опустили довольно низко. Максимальная высота полета пегаса составляла от тысячи пятисот до тысячи восьмисот метров, но сейчас из соображений безопасности они летели намного ниже, вероятно, не более чем в трехстах метрах над сухопутными войсками.

Похожие на птеродактилей, себу со сверкающими красными глазами двигались за макиемской пехотой, чтобы обеспечить дополнительное прикрытие наступающим аджитарам. Гигантские летающие рептилии были вооружены сдвоенными гарпунными трубками; прицеливание и выстрел производились движением головы.

Макиемы буквально слышали биение огромных крыльев, когда себу пролетали над их головами; раздавались даже приветствия и крики одобрения — уже один вид этих красноглазых тварей вселял оптимизм и снимал нервное напряжение, вызванное ожиданием предстоящего броска.

Противник, силы которого были истощены непрекращающимися боями, подтягивал резервы с севера и юга и пока выжидал. Джукасы надеялись про-

рвать оборонительную систему себе и сразить огромных пегасов пулями или жалами, несмотря на то что в последнем случае они обрекали себя на смерть.

Аджитары уже видели цель: наполовину вросший в землю чудовищный улей, поднимающийся на высоту более тридцати метров. Он был сильно поврежден орудийным огнем и атаками с воздуха, зиял пробоинами и проломами, но еще держался.

Казалось, в тысячах крошечных отверстий отражаются грозные вспышки, — так оно и было: они отражались в огромных многофасеточных глазах защитников улья, образовавших высокоорганизованные, тесно спаянные рои, готовые встретить приближающегося врага. Меньше чем через минуту начался бой.

Джукасы были громадными созданиями с грозными жалами примерно метровой длины. Однако жало являлось неотъемлемой частью позвоночника и в случае использования отламывалось, а значит, ломался весь спинной хребет, что вызывало немедленную смерть. Эти покрытые черной с золотом шерстью существа в первую очередь рассчитывали на свое оружие — огнестрельное, пружинного типа (Джука-сис был среднетехнологический гекс). Оно помещалось в огромных футлярах, укрепленных немного ниже груди, управлялось одной из восьми гибких, похожих на когти, пчелиных ног и могло производить десять выстрелов в секунду; магазин вмещал двести пуль.

Однако такое полуавтоматическое оружие создавало серьезнейшую проблему: во время воздушного боя джукасам приходилось внимательно смотреть по сторонам, чтобы в сгущающейся темноте не перестрелять друг друга.

Их тактика была проста: они создали непрерывную линию обороны; передняя цепь дождалась, пока в пределах досягаемости ее пулеметов не оказывались боевое прикрытие себе и передняя линия аджитаров, после чего открывала огонь. Израсходовав все боеприпасы, пчелы первой линии снижались, давая дорогу следующему рюю, который, пролетев над их головами, открывал огонь. Если все проходило как надо, они спускались в улей, чтобы получить дополнительные магазины, и присоединялись к своим собратьям, находящимся в последней линии обороны. Но силы джукасов уже были основательно потрепаны; отстреляв, цепь распадалась на отдельные группы крылатых бойцов.

Гарпуны себе по эффективности не шли ни в какое сравнение с пулеметами джукасов; но, оказавшись лицом к лицу с пчелиным роем, себе редко промахивались. Тактика птеродактилей заключалась в том, чтобы пробить брешь в боевом порядке пчел, ворваться в середину роя, где пулеметы применять бессмысленно, и огромными острыми, зубастыми клювами рвать врагов на части.

Раскаты грома и воздушные вихри, свидетельствовавшие о том, что буря вот-вот разразится, послужили как бы сигналом к началу битвы.

Передняя линия пчел открыла пулеметный огонь. Многие атакующие были убиты, аджитары и кони падали на землю, но на их месте сразу появлялись новые всадники, так что боевой строй не нарушался. Пчелам приходилось туго — сохранять стабильность роя в бешено крутящемся воздухе оказалось очень непросто; некоторые защитники начинали кружиться и, продолжая стрелять, проделывали бреши в своих собственных рядах.

Воспользовавшись полученным преимуществом, себу врывались в эти бреши; уворачиваясь от смертельно опасных жал, они вонзали свои гарпуны в мягкие тела джукасов и разрывали их на куски. Из восьмидесяти четырех аджитаров, находившихся в передней линии атакующих, полет продолжали всего семнадцать, но боевой порядок не пострадал — место павших занимали те, кто летел сзади. Несмотря на стремительные действия себу, некоторым джукасам удавалось уворачиваться.

Ренар только что двинулся во второй волне атакующих за лидерами, и времени на раздумья у него просто не оказалось. Внезапно слева от Дома мелькнуло огромное черно-золотое тело, он поднял свой собственный гарпуномет и выстрелил. Гигантская пчела рухнула на землю, не издав ни звука.

Неожиданно всадников стало больше; они ворвались в рой и сошлись с джукасами слишком тесно, чтобы те могли пустить в ход пулеметы, но достаточно близко, чтобы начать рукопашный бой.

Аджитары выхватили свои тасты и зарядили их. Им достаточно было слегка прикоснуться к врагу; это оказалось нетрудно: стоило взмахнуть шестом, как поблизости оказывался джукас.

В предыдущих боях в последнюю минуту из улья вылетал новый рой, и атакующим не удавалось закрепиться на захваченных позициях. Ныне положение изменилось. По обе стороны седел аджитаров висели канистры с мгновенно воспламеняющейся жидкостью; впервые они сумели вылить ее на улей.

Всадники нападали и отступали, возвращались в не утихающую воздушную битву и снова описывали мертвые петли, уклоняясь от пуль и смертоносных жал. Все больше и больше коней, людей и птеродактилей падало с неба, но на каждого погибшего при-

ходило десять обороняющихся самоубийц, причем в отличие от атакующих у них совсем не осталось резервов. Передняя линия аджитаров снова двинулась вперед; на этот раз они летели так низко, что им были видны безмятежные лица нелетающих рабочих пчел, наблюдающих за жестоким сражением из ячеек и дверных проемов улья.

Аджитары, защищающие фланги, прикрепили к рукояткам своих тастов катушки с тонкой медной проволокой и подготовились к броску, позаботившись о том, чтобы не запутаться в ней, когда станут отходить.

Из улья еще велся огонь, но после того как всадники вылили на его стены горючее, стрельба начала затихать; запах гарн и ощущение холода загнали пчел внутрь.

Медная проволока стала постепенно разматываться; десять метров, двадцать, покуда не вытянулась на всю ширину линии атакующих. Затем аджитары наэлектризовали ее своими ладонями.

Энергия хлынула по всей длине проволоки. В этом среднетехнологическом гексе электричество нашло естественный путь.

Когда тасты коснулись участков улья, смоченных горючей жидкостью, заряды сработали.

Столб огня с ревом рванулся в небо, и даже надвигающаяся гроза не могла бы его погасить.

Увидев бело-голубое пламя и клубы дыма, макиемы восторженно заорали. Они зарядили свое оружие и приготовились к атаке, не думая о дожде.

Буря разразилась с невиданной яростью. В одно мгновение все пространство перед ульем превратилось в топкое болото, почти невидимое за косыми струями ливня. Макиемы, любящие сырую погоду, запрыгали вперед что есть духу.

Отлетев подальше от улья, Ренар почувствовал удары бури. Ни он, ни Дома абсолютно не пострадали в бою. В первый раз за все это время он разрешил себе хоть немного задуматься и перестал слепо доверять инстинкту. Ренар вспомнил, что Дома может доставить его в базовый лагерь, так как обладает врожденным даром находить дорогу туда, откуда вылетела.

Сквозь проливной дождь можно было разглядеть жукасов, пытавшихся вернуться в улей, но падавших на землю под натиском ливня. Себу тоже метались в воздухе, но все кончилось благополучно. Гигантские летающие рептилии чувствовали себя во время дождя немногим лучше пчел и быстро спустились на землю.

Вода, поливавшая спину Домы, легко скатывалась вниз. Однако огромный пегас не мог уклониться от сильных воздушных потоков, возникших в результате бури. Полет скорее напоминал езду по ухабистой дороге и был бы бесконечно мучительным, если бы не способность лошади видеть — именно видеть! — перемены в атмосферном давлении. Когда Ренар понял, какое направление избрала Дома, на него обрушился миллион сомнений. Если он дезертирует, ему придется ринуться прямо в пасть непогоды и, может быть, пересечь не затронутую войной часть Джукасиса. А оказавшись в Лате, он превратится в апатрида — человека, который никогда не сумеет вернуться домой.

Однако он не собирался сохранять верность Аджитару, хотя и испытывал симпатию к его обитателям. Он знал, что за ужасной резней, свидетелем и участником которой его сделали обстоятельства, скрывается ухмыляющийся, бесконечно довольный собой маньяк и убийца Антор Трелиг.

А Мавра Чанг? Она же спасла его. Ренар прекрасно помнил ее нежелание признать себя побежденной, именно оно сохранило ему жизнь. И зачем? Чтобы он погиб в следующем бою, в другом гексе ради безумств Антора Трелига?

«Нет! — кричал его разум. — Никогда!» Он должник этой маленькой отважной женщины и ни за что не будет больше служить Антору Трелигу.

Ренар мягко потянул поводья и, повернув огромного зеленого пегаса резко вправо, двинулся в бешущий впереди ад.

ЮЖНАЯ ЗОНА

Вардия вошла в кабинет Ортеги, держа в щупальцах кипу компьютерных распечаток. Улик сразу же отключил интерком и взглянул на мыслящее растение.

— Новые сведения? — вежливо поинтересовался он, скорее повинувшись обстоятельствам, чем радуясь приходу гостыи.

Вардия кивнула.

— Мы пропустили все материалы через компьютеры в Центре. Дела выглядят далеко не блестяще.

Ортегу это не удивило. Теперь все выглядело не блестяще.

— Что получилось? — спросил он хмуро.

Вардия разложила на столе карты и диаграммы. Ортега не умел читать чиллианские тексты, но огромный университет и исследовательский центр в Чилле готовили для него переводы на языке уликов. Пока он изучал их, его лицо все больше и больше мрачнело.

— За последние триста лет конструкции космических кораблей наверняка сильно изменились, — пробормотал он сквозь зубы.

— А вы чего ожидали? — резко спросило мыслящее растение. — В истории есть примеры, когда за

такое время некоторые расы переходили от примитивного варварства к освоению космоса.

Ортега примирительно улыбнулся.

— Я всего лишь хотел сказать, что было бы неплохо как следует разобраться в современном проектировании.

На самом деле это никому не требовалось: подобной работой могли заняться компьютеры. И если ей могли заняться компьютеры в Чилле, значит, это было под силу компьютерам, скажем, в Аджитаре или Ламотиене, а также в других высокотехнологических гексах.

— Они разобрали модули абсолютно точно, — заметила Вардия. — Секции впритык проходят через Ворота Зоны, но они проходят, и нам нелегко будет остановить их на законном основании.

— И даже действуя с помощью силы, — задумчиво добавил Ортега. — В Зоне запрещены военные конфликты. — Он снова взглянул на коллекцию распечаток. — Значит, единственная вещь, которая нам не по зубам, — это силовая установка. Ваши специалисты в этом уверены? Они объяснили почему?

— Ответ вы знаете сами, — сказала Вардия. — Установка запломбирована и действует на основе никому не известных принципов. Разумеется, мы можем соорудить подобную силовую конструкцию, но у нее почти наверняка не хватит реактивной тяги, чтобы протащить летательный аппарат через окрестные нетехнологические гексы, когда отключатся двигатели. Вспомните, каким позором закончились наши жалкие попытки сконструировать камеры внутреннего сгорания. Данная же силовая установка способна аккумулировать энергию. С ее помощью можно покинуть Мир Колодца, если траектория полета будет более или менее вертикальной.

Ортега согласился. Да и как он мог не согласиться, когда перед ним лежали точные математические расчеты.

— Но чтобы она заработала, ее нужно запрограммировать, — возразил он наконец. — А это означает, что без якс у них ничего не выйдет.

— Как бы не так! — огрызнулось мыслящее растение, открыто выказывая свои чувства, что на памяти Ортеги происходило впервые. — На решение этой задачки Аджитару потребуется года два. Но скорее всего они просто купят или украдут то, что им нужно. Вам лучше, чем кому-либо другому, известно, что в Мире Колодца уже долгие годы процветает промышленный шпионаж! У вас самого имеются агенты в Яксе, Дашине, Макиеме, Аджитаре и, наверно, еще в доброй половине всех гексов планеты!

Вардия говорила правду, и Ортеге оставалось улыбнуться. Все его старые друзья или те, кому он платил, поставляли ему огромное количество всевозможной информации. Но толку от этого было мало. Кроме того, он отлично понимал, что яксы с радостью продали бы своих собственных родителей, если бы взамен им удалось заключить выгодную сделку, и что ламотиены заслуживают доверия не больше, чем крысы в сырной лавке. Ортега твердо знал, что тот, кто получит энергетическую установку, сумеет — в политическом смысле — собрать все куски воедино. В Мире Колодца он был не единственным ловким и умелым политиком, но самым старым и наиболее опытным.

Однако чиллианские распечатки свидетельствовали о крайне трудном положении дел с технической точки зрения: секции были отделены неповрежденными. Модули приземлились большей частью в при-

личном состоянии. Демонтаж был произведен профессионально.

— Есть что-нибудь новое о войне? — с тревогой спросила Вардия.

Ортега вздохнул.

— Джукасис держался стойко, но был разбит. В Клусиде модуля нет, но зато тамошняя атмосфера содержит очень много ультрафиолета. Однако я полагаю, что Макием заключит с ними сделку, опираясь на союз с Зонзорпом. Создание защиты от радиации замедлит продвижение армий, но клусиды не смогут противостоять на западе объединенным силам альянса, а на востоке — двуногим крокодилам из Зонзорпа. Они уступят, тем более что те добиваются лишь свободного прохода через их территорию. Зонзорп, владеющий модулем и занимающий ключевое положение, станет естественным союзником альянса. Аджитары их недолюбливают, но Макием и Себу — напротив. Крокодилы, обитающие в высокотехнологическом гексе, помогут следить за тем, чтобы эти синопные козлы никого не надули. Мне кажется, что все их вооруженные силы через десять дней окажутся у границ Олборна, причем снабжение возьмет на себя Зонзорп.

Вардия посмотрела на карту.

— Это всего в двух гексах от Гедемондаса. А что с Яксой?

Ортега негодуяше фыркнул, и сразу стало понятно, что новости в основном плохие.

— Пока яксы возмещали Пориголу убытки от потери модуля, ламотиены проникли в Касаду. Потребовалось всего шесть ламотиенов, чтобы получить точную копию тамошнего обитателя — маленького грызуна. Саботаж и ложная информация действовали очень эффективно, поскольку ламотиены обитают в

гексе с высокой технологией и прекрасно умеют разлаживать все системы связи. Дашинская коровья армия большой помощи оказать не смогла, но усилила общую неразбериху, а советница-якса свое дело знает хорошо. Впрочем, там продолжаются тяжелые бои, и пройдет неделя, а может быть, и две, прежде чем им удастся пройти через Касаду. Тем временем яксы договорятся с Палимом — на это они мастаки. Пять-шесть дней на продвижение через Палим, еще день на то, чтобы переправить в Зону полученный модуль, — и они на границе с Гедемондасом.

— Значит, яксы будут там первыми, — резюмировало растение, глядя в карту.

— Может, да, а может, и нет, — сказал Ортега. — С одной стороны, это зависит от длительности сопротивления Касады, а с другой — от того, будут ли члены альянса Макием — Себу — Аджитар прислушиваться к Зонзорпу. Я бы перебросил их шайку через Алестол по воздуху, несмотря на то что воздух там сильно воняет. Обитатели этого гекса, бочкообразные движущиеся растения, испускают отвратительные вредоносные газы. Говорить с ними бесполезно, но зато они не умеют и не могут летать. Если альянс Макием — Аджитар — и кто там еще пробьется сквозь Олборн, тогда обе команды придут к финишу одновременно.

Вардия нашла на карте Олборн.

— Что вы знаете об этом гексе? — спросила она с любопытством.

Человек-змея покачал головой.

— Немного. Я никогда не видел его посла. Они тщательно отгородились от всего остального мира. Никто из тех, кто туда отправился, назад не вернулся. С атмосферой там все в порядке, но мои помощники утверждают, что Олборн — среднетехнологический гекс, обитатели которого обладают некими магически-

ми способностями. Вам уже приходилось видеть подобных типов. Это либо последние сучьи дети, либо фанатики, если между этими двумя категориями существует какая-то разница. Даже зонзорпы обходят их стороной. Однако я сильно сомневаюсь, чтобы даже самый могущественный гекс планеты выстоял против всех этих мерзавцев. Кроме того, защищаясь, магические гексы часто переоценивают свои возможности; они не учитывают, что хорошая пуля всегда развеет самые надежные чары, особенно если в вашем распоряжении закаленные войска, а соотношение сил составляет четыре к одному в вашу пользу.

— Значит, кто бы ни пришел первым к границам Гедемондаса, он будет сильно потрепан, — задумчиво произнесла Вардия. — А что вам известно об этом гексе? Хоть что-нибудь?

Ортега снова покачал головой:

— Ничего. Очень высокие горы, холод, большая часть гекса покрыта снегом. Население живет высоко в горах. Диллиане видели их мельком. Это трехметровые детины, одетые в белоснежные меха, благодаря которым их фигуры практически невидимы на фоне снежных просторов. У них большие ноги с четырьмя когтистыми пальцами. Они избегают любых контактов с чужаками, и, если вы проникнете чересчур далеко на территорию гекса, на вашу голову будет спущена снежная лавина.

Действительно, судя по физической карте, равнины Алестола и Палима у границ с Гедемондасом переходили в высоченные горы. Многие из них достигали четырех и даже пяти тысяч метров. Суровая, холодная страна.

— У вас есть соображения относительно того, в какой части Гедемондаса упал модуль с силовой установкой? — спросила Вардия.

— Никаких, — ответил улик, — об этом никто ничего не знает. Во всяком случае, не на равнине. — Он запнулся. — Пойдите! Может быть, я знаю!

Ортега начал суетливо рыться в куче бумаг, громко ругаясь вслух. Бумаги разлетались в разные стороны, но он не обращал на них никакого внимания и наконец выудил из разлинованного блокнота ровный желтый листок.

— Вот он! Изучив уже полученные секции, вычислив массу и форму модуля, аджитары определили вероятное место падения силовой установки. Оно находится в горах, примерно в шестидесяти километрах от северо-восточной границы гекса, точность в пределах десяти километров. Чушь какая-то. Это то же самое, что искать иголку в стоге сена.

— Какого черта вы держали эту информацию в... — начало растение, но тут же решило, что спрашивать Ортегу бессмысленно. Он все равно солжет. — В таком случае речь идет не только о возможности поисков. Существует равная вероятность того, что гедемондасы позволят чужакам увести силовую установку и что они их убьют. И нет никакой организации, которая могла бы предотвратить несчастье.

Ортега усмехнулся:

— Да, они — странные ребята, но с другой стороны, мы просто ничего о них не знаем. В этом-то и состоит проблема. Необходимо послать кого-нибудь в Гедемондас, опередив обе армии, чтобы, если это окажется возможным, постараться договориться. Не исключено, что все закончится довольно плачевно, но попытаться мы должны. Заранее предупредить их. Предложить...

Вардия взглянула на него в упор.

— Вероятно, предложить, чтобы они отдали двигатели нам?

Ортега пожал плечами.

— А если это не удастся, постараться их уничтожить.

Если бы Вардия могла, она бы непременно вздохнула.

— И кто же тот счастливчик, которого вы намерены послать с самоубийственной миссией в ледяные пустыни? На меня не рассчитывайте. Я засыпаю при температуре ниже двух-трех градусов по стоградусной шкале.

Ортега засмеялся:

— Вы свое уже отыграли. Можете быть спокойны. То, что я хочу предложить, мне не нравится, но другого выхода нет. Только один человек обладает достаточной квалификацией, чтобы должным образом обследовать установку, решить, может ли она работать, а в случае неудачи вывести ее из строя.

Вардия поняла.

— Мавра Чанг. Но вы говорили, что она представляет собой слишком большую ценность!

— Так оно и есть, — подтвердил Ортега. — И это страшный риск, я согласен. Но Чанг — единственная, кто может выполнить для нас техническое задание. Разумеется, мы примем все меры предосторожности и дадим ей людей для защиты.

— То, что вы говорите, вызывает сомнения в вашей искренности, — скептически заметило растение. — Но будь по-вашему. Все это время мы были пассивными наблюдателями, и если что-нибудь не предпримем, то так и останемся пассивными наблюдателями, позволившими группам Трелига и Юлина улететь на спутник. Я согласна с вашим предложением и даже настаиваю, чтобы это было сделано как можно быстрее.

— Быстрее... Никто не думал, что молитвы, которые возносили обе стороны, могут подействовать, — напомнил мыслящему растению Ортега. — Теперь мы знаем, что эта цель вполне достижима. Сейчас или никогда.

— Я извещу об этом решении мой народ и наших друзей, — сказала Вардия, направляясь к выходу. — Полагаю, группу сопровождения вы наберете сами.

Ортега улыбнулся:

— С одобрения чиллианского Кризисного центра, конечно.

— Конечно, — эхом откликнулась Вардия, в глубине души сомневаясь, что это будет иметь хоть какое-то значение.

Ортега вернулся к своим картам.

— Итак, Ксода вышла из игры, — пробормотал он. — Значит, остается Олборн. Проклятие!..

Ему потребовалось два дня, чтобы добраться до границы с Латой. Дома могла бы доставить его туда за один день, но после боя она совершенно выбилась из сил. Поэтому, как только гроза осталась позади и Ренар почувствовал себя в относительной безопасности, они опустились на землю.

У него не было никакой еды, Джукасис ничего не мог ему предложить. Но Дома обходилась древесными листьями и чахлой травой, найти воду оказалось нетрудно, и Ренар понял, что выживет. Он думал только о Лате и вполне мог потерпеть до того момента, когда встретится с Маврой Чанг. Аджитары были всеядными; если там могла существовать эта женщина, то сможет и он.

По дороге ему несколько раз грозила смертельная опасность. В некоторых ульях уцелел костяк воинов-джукасов, и время от времени Ренару приходилось драться. Но такие случаи были редки, и, как правило, все заканчивалось тем, что схватки удавалось избежать. Пчел осталось слишком мало, и они не решались далеко отлетать от ульев.

Морально и физически Ренар чувствовал себя крайне истощенным. Он израсходовал почти весь накопленный электрический заряд и никак не мог по-

нять, куда ушло такое огромное количество энергии. Впрочем, она наверняка удовлетворяла какие-то потребности, связанные с новыми для него биохимическими процессами; иначе объяснить это было нельзя. Несколько раз Ренар останавливался, чтобы отдохнуть, и энергия мало-помалу возвращалась в его измученное тело. Однако и скачка, и резкие повороты по-прежнему заставляли его задыхаться.

Наконец до границы с Латой осталось не более пятисот метров. Ничего подобного Ренар еще не видел. Из-за соседства двух атмосфер, несколько различающихся по составу, граница гексов слегка мерцала, напоминая прозрачный пластиковый занавес. Флора, фауна и даже климат Латы не имели ничего общего с Джукасисом. Неизменными оставались только рельеф и гидрография: реки все так же текли, моря все так же омывали берега, столь же монолитными казались предгорья.

Джукасис был засушливым гексом. Грозы в это время года случались редко, но именно внезапные яростные бури, вроде той, что способствовала победе объединенных сил альянса, приносили большую часть осадков, выпадающих в гексе. Трава здесь была желтоватая, деревья — выносливыми, тонкими и длинными.

В Лате, сразу же за линией границы, начинался темно-зеленый ковер пышных трав; там росли высокие мощные деревья, ветви которых, казалось, достигали неба; тут и там виднелись пруды, луга, холмистые долины. Не было заметно никаких дорог и никаких других признаков цивилизации.

Ренару страстно захотелось узнать, что за создания здесь обитают и где они прячутся.

Но едва он успел пересечь границу и почувствовать воздействие вчетверо большей влажности и

более высокой — по меньшей мере на десять градусов — температуры воздуха, как латы обнаружили себя сами.

Разноцветные энергетические вспышки окружили Дому; лошадь занервничала и попятилась назад.

«Они в меня стреляют!» — в панике подумал Ренар, но тут же сообразил, что это всего лишь предупреждение. Во всяком случае, пока.

Он понял намек и, развернув лошадь на сто семьдесят градусов, вернулся в Джукасис. Сухой воздух пчелиной родины освежил верхнюю часть его тела, покрывшуюся испариной под форменной курткой, увешанной знаками различия Военно-воздушных сил армии Аджитара.

Подведя Дому как можно ближе к линии границы, Ренар вылез из седла и, прыгивая на землю, незаметно взглянул в сторону Латы, желая узнать, кто или что за ним наблюдает. Затем он сбросил свою куртку и, ведя Дому на поводу, осторожно пересек границу.

На этот раз реакция лат оказалась совсем другой. Стоило ему пройти каких-нибудь десять или пятнадцать шагов, на опушке леса снова подняли тревогу. Это звучало как перекличка множества разъяренных колокольчиков.

Ренар не понял ни слова и остановился, прислушиваясь. Колокольчики затихли. Показав на себя, он крикнул:

— Ренар! Пришелец! — А затем, сообразив, что второе слово на разных языках звучит по-разному и что вряд ли его поймут, завопил что есть мочи: — Мавра Чанг! Мавра Чанг!

Эти вопли вызвали новую волну яростного перезвона. В конце концов сработало универсальное правило: если сомневаешься, переложи ответственность на другого.

Он поднял руки вверх в надежде, что у местных жителей тоже имеются руки и что его готовность сдаться будет правильно истолкована.

Латы поняли. Внезапно с деревьев посыпалась целая стая загадочных крылатых созданий, вооруженных отвратительными энергетическими ружьями. Как ветеран боев с Джукасисом Ренар тут же обратил внимание на их изящные тонкие жала.

«Феи! — подумал он с изумлением. — Маленькие летающие девочки!» Но гекс явно был высокотехнологическим: энергетические ружья производили довольно внушительное впечатление, и сомневаться, что они могут поразить любой летательный аппарат, независимо от того, как ведется огонь — очередями или одиночными выстрелами, — не приходилось.

Окружив чужака, феи с интересом рассмотрели Дому, а затем жестами дали понять, что аджитар должен взять свою лошадь под уздцы и идти вперед. Все они были в темных очках, и это очень не понравилось Ренару — он сразу понял, что обитатели этого гекса — ночные создания. Пройдя несколько километров, они очутились на поляне; одна из лат жестами объяснила ему, что он должен остаться здесь и не двигаться и что дело нешуточное.

Это его устраивало. Он привык ждать. Дома принялась с аппетитом поедать сочную зеленую траву, а сам Ренар растянулся на земле и немедленно заснул.

В устроенное на уровне земли жилище Мавры Чанг вбежала встревоженная Вистару.

— Мавра!

Женщина лежала на специально сконструированной кровати, разглядывая карты и географические описания Мира Колодца, но большей частью — дет-

ские книжки с картинками. За несколько недель как следует выучить чужой язык нельзя, особенно если он основан на фонетической системе, звукам которой подражать просто невозможно.

— Что случилось, Вистару? — Она изнывала от скуки и безделья.

— Мавра, у нас гости. Один из тех, кто участвовал в войне. Несколько минут назад он пересек нашу границу с Джукасом. Об этом только что сообщили по радио.

Новость была довольно интересной, но никак не меняла ситуацию, в которой очутилась Мавра Чанг.

— Ну и что?

— Он прибыл на летающем коне! Гигантском, бледно-зеленом! И все время зовет тебя! Снова и снова! По имени!

Мавра мгновенно вскочила на ноги.

— Что он из себя представляет?

Лата пожала плечами.

— Он — аджитар. Крупнее латы, меньше тебя. Иссиня-черный, внизу мохнатый.

Мавра покачала головой:

— Я такого не знаю. А ты что думаешь? Какая-нибудь хитрость?

— Если это хитрость, то она не сработала, — жестко сказала Вистару, — и он никогда не покинет Лату живым. В пограничной службе интересуются, хочешь ли ты с ним поговорить.

— Если смогу, — пожала плечами Мавра.

С поездкой проблем не возникло. Хотя латы умели летать и не нуждались ни в дорогах, ни в летательных аппаратах, им было необходимо перевозить грузы. Поэтому Мавру и Вистару, а в придачу к ним три тысячи корзин с яблоками погрузили на безбортовой вертолет с двумя несущими винтами,

который, задевая верхушки деревьев, медленно полетел на юг. Полет продолжался около трех часов, и, когда они приземлились, уже наступил вечер. Поскольку ось вращения планеты была строго вертикальна, во всех гексах продолжительность дня составляла примерно четырнадцать часов.

Пегас в самом деле оказался таким величавым и красивым, каким его описывали, а всадник — малорослым, приземистым и уродливым.

— Умный дьяволенок, — пробормотала Мавра сквозь зубы, и именно так его лицо и выглядело. Традиционалисты до сих пор считали, что дьявол имеет темно-синюю или черную кожу. Когда вертолет спускался, аджитар проснулся и теперь ходил взад и вперед по поляне. Сочетание плотного тела и ужасающе тонких ног казалось до боли неестественным. Двигался он словно на цыпочках, что, по мнению Мавры, делало это существо похожим на балетного танцора в театральном костюме.

Стражники, вооруженные энергетическими пистолетами, вывели аджитара на открытое место и встали у него по бокам. Он лениво полюбопытствовал, что это за важная шишка прибыла полюбоваться на перебежчика, но, присмотревшись, заметил среди лат высокую черную фигуру.

— Мавра! — крикнул он и хотел броситься вперед. Стражники действовали мгновенно, в этом можно было не сомневаться. Аджитар остановился и ткнул себя пальцем в грудь:

— Ренар, Мавра! Ренар!

Мавра не верила ни своим глазам, ни своим ушам. Хотя она слышала о практикуемой Колодцем системе, ей первый раз пришлось столкнуться с этим лицом к лицу. Женщина хихикнула и повернулась к Вистару:

— Я могу говорить с помощью моего переводчика?
Лата кивнула.

— Ренар! — воскликнула Мавра. — Это и в самом деле вы?

Синее лицо аджитара просияло.

— Конечно! Внешне я немного изменился, но внутри такой же, как прежде! Я продавал козлам губку!

Мавра расхохоталась. Разговаривать оказалось очень легко. Он понимал язык Конфедерации, а вживленное в ее тело устройство обеспечивало автоматический перевод с аджитарского.

— Пусть докажет, что он подлинный Ренар, — приказал один из пограничников. — В последнее время чертовски много народу выдает себя за других.

Женщина на секунду задумалась, а затем крикнула:

— Ренар! Латы требуют доказательств, что вы — это вы. И, честно говоря, мне бы тоже хотелось это проверить. Есть только один вопрос, на который, как мне кажется, может ответить настоящий Ренар, так что заранее прошу извинить меня за бестактность.

Аджитар кивнул, и она продолжала:

— Ренар, с кем из людей вы в последний раз занимались любовью?

Он нахмурился, смущенный таким вопросом, хотя и понимал его логическую целесообразность. Ответ знали лишь Мавра, он сам и еще один человек, принимавший в этом участие, оснований для отказа у него не было.

— С Никки Зиндер.

Мавра облегченно вздохнула.

— Он — настоящий Ренар. Меня убедил в этом не столько ответ, сколько его тон. Позвольте ему подойти ко мне или мне к нему.

Однако стражники все еще сомневались.

— Но ведь это аджитар! — проворчал один из них. — Один из тех психов!

— Он — Ренар, а остальное не имеет значения, — отрезала Мавра и проворно направилась к диковинному существу. Стражники уступили, но держались наготове.

Он был уродлив как смертный грех и вонял, естественно, козлом, но она обняла его и, смеясь, легонько поцеловала в лоб.

— Ренар! Дайте взглянуть на вас! Мне рассказывали о метаморфозах, происходящих с людьми в Мире Колодца, но я не очень-то верила!

Ренар опять немного смутился — и не только из-за своей новой внешности, но и потому, что, как это ни странно, аджитарская часть его мозга отреагировала на Мавру не как на женщину, а как на абсолютно чуждое ему существо. Только сейчас он начал понимать, насколько велики происшедшие в нем перемены.

Мавра направилась к Доме и подняла глаза.

— Как он прекрасен! — выдохнула женщина. — Можно дотронуться до него? Он не будет возражать?

— Это она, — поправил Ренар. — Ее зовут Дома. Дайте ей осмотреть вас, а когда она опустит голову, почесите ей пятнышко между ушами; она это очень любит.

Мавра подчинилась и обнаружила, что огромный пегас настроен весьма дружелюбно.

Она обошла его кругом и потрогала седло, помещавшееся между огромными, в данный момент сложенными, крыльями и шеей. На луке было укреплено сложное устройство, объединяющее вольтметр и два спидометра — для бега и для полета.

Мавра повернулась к Ренару.

— Вы обязательно должны прокатить меня на Доме, — воскликнула она с горячностью. — И я

очень хотела бы увидеть ее полет. Но вначале вы расскажете мне о всех своих приключениях.

— При условии, что мне дадут поесть — любые фрукты или мясо, которые вы едите сами, — беспечно ответил тот. — Я умираю с голоду.

Они просидели в ложине до тех пор, пока не зашло солнце и из своих домиков на деревьях не вылетели остальные феи. Ренар поведал ей о том, как проснулся в Аджитаре, о Трелиге, о призыве в армию, о войне и о своем участии в штурме улья джукасов. Мавра сочувствовала ему, но в глубине души мечтала оказаться в самой гуще описываемых им событий. В свою очередь она рассказала ему о том, как загипнотизировала его и Никки, чтобы свести до минимума воздействие губки, о том, как все они попались в Телиагине и были спасены латами, и, наконец, о том, как он и Никки оказались в Зоне.

— А что произошло с Никки? — спросил Ренар. — Вам известно, куда ее отправили? Я не могу заставить себя о ней забыть. Она слишком молода и наивна, а в этом мире надо быть жестким, иначе не выживешь.

Мавра посмотрела на свою тень — Вистару. Лата покачала головой.

— О Зиндерах ничего не известно. Это невероятно. Остаться незамеченным в Мире Колодца довольно трудно. Для подстраховки старые политики имеют своих людей в половине гексов южного полушария. — Она говорила на языке лат, и Мавра переводила. — Мы можем случайно потерять следы одного из них, но обоих? Сейчас наши агенты прочесывают гекс за гексом и рано или поздно Зиндеров найдут. Если только Колодец не открылся и не поглотил их.

Прошло несколько дней.

Ренар был счастлив, Мавре же его появление позволило несколько развеять скуку. Он научил ее летать на Доме. Это оказалось нетрудно, хотя некоторые маневры требовали намного больше мускульной силы, чем она обладала. В конце концов женщина поняла, что никогда не станет полновластной хозяйкой такой огромной лошади, но ощущение полета было прекрасно.

Между тем объединенные силы альянса Аджитар — Себу — Макием достигли Олборна, на несколько дней опережая график. Неоценимую помощь альянсу оказал Зонзорп, чьих обитателей книги описывали как прямоходящих крокодилов, носивших тюрбаны, мантии и другие весьма экзотические одежды. Высокотехнологический гекс сэкономил наступающим массу времени и позволил отдохнуть, обеспечив транспортировку по железной дороге.

Однажды к Мавре зашла Вистару. Она привела с собой пожилого мужчину-лату.

— Это посол Сидутур, — представила она гостя.

По требованию Мавры латы снабдили Ренара искусственным переводчиком, что значительно облегчило его существование. Бывший охранник прекрасно чувствовал себя среди фей и жил в ладу с окружающими.

Мавра и Ренар учтиво кивнули.

— Как вам известно, обе войны протекают довольно успешно, — начал Сидутур. — Это означает, что для нас дела оборачиваются очень скверно. Наши друзья из других гексов сообщают, что один из альянсов обязательно победит. Победитель восстановит космический корабль, и тогда, если ничего не пред-

принимать, мы будем иметь дело с союзом государств, способных совершать путешествия в космическом пространстве и получивших контроль над спутником и его компьютером.

«Наконец-то!» — подумала Мавра, но промолчала.

Между тем посол Латы продолжил:

— Единственная наша надежда состоит в том, что гедемондасов удастся уговорить либо передать двигатели нам, либо уничтожить их.

Он описал своим слушателям нравы обитателей этого гекса.

— Так что, как видите, нам необходимо туда кого-нибудь отправить, чтобы рассказать им о бедственном положении дел и договориться о сотрудничестве. Если это не удастся, мы должны быть уверены, что силовая установка уничтожена и восстановить ее невозможно!

Мавра с радостью согласилась попытать счастья.

— Я одна смогу это сделать, — заметила она. — Никто из вас не сумеет отличить силовую установку от грузового трюма и выяснить, повреждены двигатели или сломаны.

— Мы очень надеемся на вас, — ответил посол, — и хотели бы подобрать вам наилучших спутников. Но беда в том, что самые квалифицированные помощники находятся очень далеко, а те, что поближе, либо отражают натиск завоевателей, либо боятся ввязываться в подобное дело. Единственное, что мы смогли сделать, — это договориться со специалистом из Диллии о том, что он встретит вас у границы с Гедемондасом. Диллиане — их соседи; они прекрасно переносят холод и знают о гедемондасах больше, чем кто-либо другой. Во всяком случае, вам не придется опасаться засады: гедемондасы

отлично знают, что диллиане не представляют для них никакой угрозы.

— Я тоже пойду, — заявил Ренар. — Дома может нести и Мавру, и меня, это значительно ускорит дело.

Посол согласился.

— Нельзя сказать, что мы доверяем вам на все сто процентов, аджитар, но мы верим в вашу искреннюю привязанность к Мавре Чанг. Этого достаточно. Вместе с вами отправятся Вистару и Хосуру — еще один Пришелец, бывший пилот.

— Еще один? — переспросила Мавра. — Я считала, что Пришельцы появляются здесь крайне редко и что Вистару — единственный представитель моей расы...

— Хосуру никогда не была представителем вашей расы, — прервал ее посол.

Может быть, причиной послужила расовая гордость, или эгоизм, или просто шовинизм, но до этого ни Ренар, ни Мавра даже не могли себе представить, что где-то существует еще одна раса, завоевавшая космос.

— А кем же она была? — спросила Мавра. — И сколько других космических рас в коллекции Мира Колодца?

— По последним данным, на Юге — шестьдесят одна. О Севере у нас информации нет. Что же касается Хосуру, то она — из тех, кого мы именуем глмонийцами, которых один из людей давным-давно описал как маленьких зеленых огнедышащих динозавров.

Хосуру уже не была огнедышащим динозавром и оказалась точной копией Вистару. Единственное, что отличало ее от других лат, — это темно-коричневая кожа.

Посол развернул карту.

— Мы находимся здесь. — Он показал на Лату. — На востоке лежит Море Бурь. Как видите, наилучший маршрут проходит через Тулигу и Галидон в Палим, который так или иначе надо пересечь. Но поскольку Галидон населяют свирепые плотоядные и его атмосфера не годится для дыхания, этот путь исключается. Вам придется пролететь над Тулигой и приземлиться в Олборне. В Тулиге обитают отвратительные морские слизи, но они никого не трогают, если не трогать их.

— Дома может пролететь за один раз около четырехсот километров, — заметил Ренар, — а расстояние, которое нам придется покрыть в Тулиге, значительно больше.

— Верно, — сказал посол. — Однако по дороге вы увидите несколько островков; там можно отдохнуть. Кстати, ни в коем случае не входите в воду! Она солоноватая и не годится для питья, но островки имеют вулканическое происхождение, и в кратерах должны образоваться маленькие озера. Возле такого озера и разбейте свой лагерь.

— На этих островках обитают какие-нибудь существа, о которых нам следовало бы знать? — осторожно спросила Мавра.

Посол покачал головой:

— Там нет никого, кроме птиц и мелких ракообразных. Нет, проблемы возникнут тогда, когда вы снова окажетесь на суше: поскольку Поригол поддерживает Яксу, обойти Олборн просто невозможно.

— Но разве Олборн не является следующей целью Макиема, Себу и Аджитара? — с беспокойством спросил Ренар. — Ведь олборниане могут спутать нас со своими врагами.

— Честно говоря, — признался посол, — во многих отношениях олборниане столь же загадочны, как

и обитатели Гедемондаса. Насколько я знаю, живущие в этом среднетехнологическом гексе существа похожи на кошек и, как следует из справочной литературы, в какой-то степени владеют магией. Однако вам нужно всего лишь проскочить этот гекс на севере по самому краю. Поэтому нападение Зонзорпа на крайнем юге будет очень кстати — оно отвлечет туда основные силы Олборна.

— Хотелось бы верить, — вздохнул Ренар. — И что потом?

— Вам надлежит пролететь над Палимом как можно ближе к границе, чтобы не напороться на войска альянса, возглавляемого Яксой. Ни в коем случае не забирайтесь в Алестол! Там обитают передвигающиеся с большой скоростью растения, которые умеют испускать ядовитые газы. Они — плотоядные твари и могут переварить любого из вас. Пусть с ними разбираются Макием и его когорты. Ваша задача — любой ценой добраться до Гедемондаса, опередив всех остальных! С вами связаны наши последние надежды. Справитесь?

Мавра Чанг, уставшая от безделья, наконец получила возможность испытать себя.

— Вероятно, мне всегда сопутствовала удача и я неожиданно получала от кого-то помощь, но такого случая, чтобы я не выполнила задание, еще не было, — твердо ответила она. — Подобного поручения я ждала!

— Но это — не комм-мир! — напомнил ей посол. — Здесь правила игры меняются быстро.

ТРЕУГОЛЬНИК ТУЛИГА — ГАЛИДОН — ОЛБОРН, СУМЕРКИ

Полет над беспокойным морем окончился без всяких осложнений, но занял три драгоценных дня — большую часть пути ветер дул им навстречу. Днем в редкие часы относительного затишья они видели внизу коралловые рифы, окруженные бесчисленным множеством разноцветных рыб, и огромные черные тени, мелькавшие тут и там.

Они держались достаточно высоко, не желая рисковать, так как боялись, что эти темные тени могут выпрыгнуть из воды и утащить их на дно. Достигнув границы с Галидоном, все несколько успокоилось, но тамошняя атмосфера никому не понравилась, и они полетели к побережью Олборна.

Олборн встретил их приветливо — ничто не предвещало опасности, не выглядело мрачно, не таило угрозы. Над прибрежной равниной стало немного прохладно, но они захватили с собой теплую одежду.

Дождавшись наступления темноты, все опустились на берег и решили устроить привал — отсюда можно было легко удрать, и, самое главное, в кустах кое-как удалось спрятать огромную Дому.

К побережью не вела ни одна дорога, это они заметили еще с воздуха. Но поскольку поблизости находился Галидон с его морскими обитателями, никто не нашел здесь в этом ничего удивительного.

Ночь была ясная. Над ними во всей своей красе раскинулось сверкающее небо Мира Колодца. Северную часть горизонта закрывал серебристый диск.

Впервые они оказались в нужном месте, в нужное время и в условиях хорошей погоды, чтобы как следует разглядеть Новые Помпеи. Они смотрели на них молча, и каждый думал о своем.

— Так близко, так чертовски близко; — прошептала наконец Мавра. У нее было такое ощущение, будто стоит протянуть руку, и она коснется планетоида. Женщина вспомнила о несчастных людях, которые сейчас уже наверняка умерли, и о добром, гуманном Оби, который помог ей бежать. Ей захотелось туда вернуться, и она поклялась самой себе, что когда-нибудь это обязательно произойдет.

Все улеглись спать. Хотя латы вели ночной образ жизни, долгое и утомительное путешествие, а еще больше — дневные полеты вконец измотали их, поэтому они тоже заснули. Разумеется, был выставлен караул.

Мавра сторожила во вторую очередь. Она сидела, слушая рокот прибоя, разглядывала ночное небо и дожидалась, когда ее сменят отдохнувшие латы.

«Какое изумительное небо!» — подумала она с нежностью. Небо было ее стихией, миром, для которого она родилась, для достижения которого она шла на все, даже продавала себя.

Женщина взглянула на спящих. Латы чувствовали себя здесь прекрасно. Они наслаждались, порхая на своих крылышках, и не испытывали ни политического, ни сексуального давления, вынуждавшего их

менять форму. И пусть даже латы маленькие: ведь все они выглядят одинаково. Но их страна, каждая сторона которой имела в длину 355 километров, была такой маленькой, такой тесной по сравнению с этими небесами.

И Ренару здесь стало лучше. Мир Колодца несравненно больше Новых Помпей и дает больше простора для активной деятельности, чем Москве. В человеческом облике Ренар напоминал живого мертвеца; здесь же он обрел силу и будущее. Если Аджитар проиграет войну, он, возможно, сумеет занять высокое положение в правительстве. Из того, что она узнала о настроениях обитателей этого гекса, следовало, что в случае поражения того, кто помог приблизить конец войны, признают скорее героем, чем предателем.

Но Мавра Чанг не хотела здесь оставаться. Мир Колодца был для нее приключением, вызовом со стороны судьбы, но никак не ее стихией. В один прекрасный день войти в Колодец и выйти из него кем-то другим — это не имело значения. Колодец изменял вас всего лишь физиологически. Она по-прежнему мечтала о звездах.

Ее размышления были прерваны какими-то странными звуками. Некоторое время Мавра прислушивалась, думая, что ей почудилось. Но звуки слышались снова, доносясь с северо-запада, и на этот раз гораздо ближе.

Мавра хотела разбудить своих спутников, но тут же передумала. Звуки прекратились. Тогда она решила произвести разведку. В случае опасности ее крик так или иначе поднимет на ноги спящих, и незачем тревожить их понапрасну.

Бесшумно, крадучись, она двинулась в ту сторону, откуда в последний раз донесся шум. Возле болотис-

того устья реки росло несколько деревьев; женщина подумала, что источник звуков находится где-то там. Медленно, осторожно она направилась к деревьям.

Услышав шум справа от себя, она нагнулась и, прильнув к земле, выглянула из-за кустов.

По болоту разгуливала какая-то чудная птица, похожая на павлина. Голова у нее была совершенно круглая, клюв напоминал маленький рог. В круглых желтых глазах отражался свет звезд. Она явно вела ночной образ жизни. Мавра облегченно вздохнула, и птица ее услышала. Повернувшись, она громко произнесла: «Бвок вок!».

— Сама ты бвок вок, — прошептала Мавра и встала, намереваясь отправиться обратно в лагерь.

Деревья словно взорвались. На землю посыпались непонятные фигуры, и одна из них прыгнула ей на спину.

— Ренар! — вскрикнула Мавра. — Вистару!

И неожиданно потеряла сознание.

Дома вздрогнула, а трое спящих мгновенно пришли в себя, разбуженные двумя оборвавшимися криками.

Ренар увидел, как латы взлетели в воздух и как на них с ближайших деревьев обрушились огромные черные призраки. Только он собрался вскочить на Дому, как один из них, высокий и удивительно злобный, с пылающими желтыми глазами, схватил его за руку.

Это была ошибка.

Раздался треск, олборнианин вскрикнул, и в воздухе запахло горелым мясом. Другой попытался схватить поводья Домы, но лошадь попятилась, и Ренар вскочил в седло.

В следующую минуту перед аджитаром мелькнуло черное кошачье лицо со светящимися глазами-щелками, но он успел коснуться мохнатой когтистой руки с четырьмя пальцами.

И олборнианин отправился на свои кошачьи небеса.

Дома в подсказках не нуждалась. Огромная крылатая лошадь с топотом промчалась по берегу, калеча черных призраков, к несчастью для себя оказавшихся на ее пути. Через минуту она уже была в воздухе.

Расчистив себе дорогу жалами, к Ренару подлетели латы.

— Мы должны найти Мавру! — воскликнул аджитар. — Они схватили ее!

— Оставайтесь здесь! — приказала Хосуру. — И помните, вы не имеете права потерять Дому! Мы сами отправимся за Маврой, и, если нам не удастся освободить ее, одна из нас вернется за вами!

Ренару это вовсе не улыбалось, но выбора у него не было. Ни он, ни Дома не обладали ночным зрением и, лишившись поддержки Вистару и Хосуру, представляли собой идеальную мишень.

Между тем обе латы видели в темноте гораздо лучше, чем днем. Сразу же за рекой они обнаружили странный экипаж — нечто вроде деревянного вагончика на огромных деревянных колесах, который тащили восемь мулов. На подножках с обеих сторон стояли четверо олборниан, вооруженных обычными пистолетами; еще двое управляли экипажем, причем один из них подгонял животных, а второй держал в руках винтовку весьма впечатляющего вида. Двери и окна вагончика были закрыты деревянными панелями, вращающимися на петлях. Судя по яростному щелканью кнута, латы поняли, что за груз там везли.

— Нам остается только следовать за этой проклятой штукой, — с ненавистью сказала Вистару. — Ренар может сам о себе позаботиться.

Последние слова выражали их искреннее убеждение. Все то время, что Ренар провел в Лате, он ни разу не разряжался. Им было известно, что он несет в себе огромный заряд статического электричества, но до этой недолгой схватки даже не подозревали, насколько он опасен.

Вагончик подпрыгивал на кочках, пока не выехал на гладкую, залитую гудроном дорогу, где мулы быстро поскакали вперед. Однако латы без труда держались сзади и сбоку от него, вне поля зрения охраны.

— Мы можем ужалить их насмерть, — задумчиво произнесла Вистару.

— Сколько у тебя еще осталось? — оборвала ее Хосуру. — Я использовала жало три раза и почти израсходовала весь свой яд.

Латы внимательно изучили олборниан и их экипаж. Рост этих существ составлял около ста восьмидесяти сантиметров; они до глаз заросли черным мехом, но носили темные мешковатые штаны и безрукавки, украшенные светлой каймой и какой-то вышитой на груди эмблемой. У них были длинные черные, наверняка потерявшие свое первоначальное назначение хвосты, лоснящееся кошачье тело и мускулистые руки. Ходили олборниане на двух ногах.

Маленькие мулы казались печальными, жалкими и какими-то неправильными. Их задние ноги были чуть ли не на двадцать сантиметров длиннее передних; в холке они не превышали метра; их длинные шеи очень странно тянулись вверх, а уши по сравнению с головой были непропорционально длинными. Хвосты у мулов отсутствовали напрочь, а тело покрывала мягкая серая шерсть.

Кучер погонял их, безжалостно хлеща кнутом. Животные явно были слишком малы и малочисленны, чтобы тащить такой груз, но они старались бежать рысью, и им помогала гладкая поверхность дороги.

Наконец экипаж въехал в великолепное поместье. Глазам лат открылся величественный дворец. Въездная дорога в форме подковы освещалась факелами; еще больше факелов горело у дверей, которые охранялись вооруженными стражами, одетыми точно так же, как те, что сопровождали экипаж. Вагончик остановился, и олборниане ловко спрыгнули на землю. Дворцовые двери растворились, и из них вышли двое служителей; они забрались в вагончик и вынесли оттуда большой черный предмет.

Это была Мавра Чанг, оконечная, как доска.

— Она умерла? — с тревогой спросила Хосуру.

Вистару покачала головой.

— Слишком уж бережно с ней обращаются. Наверно, ее одурманили.

— Что же нам теперь делать?

Вистару на секунду задумалась.

— Прежде всего отправляйся назад и расскажи Ренару обо всем, что мы видели. Затем помоги ему найти местечко, где можно какое-то время пересидеть. Я продолжу наблюдение и попытаюсь узнать, куда ее запрятали. Завтра, когда Ренар поднакопит заряд, мы ее как-нибудь отсюда вытащим.

Сознание возвращалось к Мавре Чанг очень медленно, и прошло немало времени, прежде чем она окончательно пришла в себя. Женщина попыталась оглядеться вокруг, но обнаружила, что не может даже пошевелиться.

Она находилась в конюшне. Воняло навозом и гниющей соломой, на стенах висела какая-то сбруя.

Мавра напряглась в попытке осмотреться, но наркотик, которым ее одурманили, действовал надежно. Ей удалось только мельком увидеть стоящее рядом животное. Весьма странное на вид. «Впрочем, в этом дурацком мире все кажется странным, — сказала она себе. — И поскольку это создание так похоже на рабочий скот, который держат люди, «странное на вид» — единственное определение, позволяющее его описать».

Это был миниатюрный мул. Владелец черного носа, крупной прямоугольной морды. Его уши, длинные, как у осла, казались несоразмерно большими по сравнению с головой. Вытянутая шея, возможно, даже чересчур вытянутая, располагалась под углом к небольшому телу, тонкие передние ноги были короче задних, верхняя массивная часть которых составляла удивительный контраст с нижней — неправдоподобно тонкой.

Мул уставился на Мавру большими печальными карими глазами.

Все его тело было иссечено шрамами, некоторые явно оставил кнут, остальные — неизвестно что.

В конюшню вошли три олборнианина. Двое, в черно-золотых нарядах, сразу встали по бокам двери. На третьем было ало-золотое одеяние, голову венчало нечто вроде короны, а шею обвивала длинная золотая цепь с подвеской гексагональной формы. Он казался очень старым — в его угольно-черной шкуре уже появились пятнышки седины.

Этот старец волок за собой маленького мула, которого на ходу жестоко избивал хлыстом. Животное не издавало ни звука, но явно страдало от боли. Мавра разглядела на его теле кровоточившие цара-

пины. Кончилось тем, что мул вырвался и забился в угол конюшни.

Олборниане были жестокими, безжалостными существами.

Старик внимательно посмотрел на Мавру.

— Ну что, шпионка? Проснулась? Славно! — Он повернулся к застывшим у двери черным фигурам: — Следите за ней как следует и будьте наготове. Улизнувшая троица может попытаться ее спасти, поэтому мы должны действовать быстро.

Услышав эти слова, Мавра почувствовала огромное облегчение: Ренар и латы сбежали! Она не сомневалась, что они ее вытащат.

Но сейчас Мавра казалась себе куклой, которой управляют, дергая за веревочки. Ее посадили на спину маленького мула, в простое седло. Предводитель вывел его на тропинку, которая вела в темный лес. Охранники крепко держали пленницу за руки, хотя она по-прежнему оставалась абсолютно беспомощной.

Вистару едва не проморгала их уход. Перед ее глазами быстро промелькнули Мавра и трое ее конвоиров, направляющиеся в лес. Лата последовала за ними, пытаясь угадать, куда они идут.

Примерно через два километра маленькая процессия вышла на поляну и очутились перед массивным каменным строением, высеченным прямо в скале. По обе стороны дверного проема гексагональной формы стояли еще два стражника с горящими факелами. «Это не Ворота Зоны, — решила Вистару. — Такая постройка наверняка сооружена кем-нибудь из местных».

Она попыталась вспомнить, что напоминает это сооружение, и тут же сообразила, что оно похоже на древний храм. Жертвоприношение?

Лата поспешила навстречу Ренару и Хосуру. Нельзя было терять ни минуты.

Подойдя к гексагональному входу, олборниане сняли пленницу с мула и осторожно внесли ее внутрь. Комната, в которой они оказались, примыкала к естественной пещере, вымытой в скале подземными водами. Факелы освещали довольно широкий проход, ведущий в куда более обширное помещение.

Это действительно оказался храм со специальным местом, отведенным для молящихся. В самой дальней его части из скалы выступал большой желтый камень, по обеим сторонам которого стояли столы, эту небольшую площадку окружала деревянная загородка. Камень был великолепно обработан; в миллионах его граней отражался свет факелов, и он, казалось, жил своей собственной особой, жутковатой жизнью. Рядом, на стенах пещеры, красовались шестиугольники, отлитые из чистого золота.

Священник в ало-золотом одеянии зажег в ритуальных канделябрах по шесть маленьких свечей и прошел внутрь загородки. Подготовившись к предстоящей церемонии, он кивнул своим спутникам, и те поднесли Мавру поближе, усадив лицом к таинственному желтому камню.

— Разденьте ее, — приказал священник, и стражники содрали с женщины всю одежду, включая сапоги. Ей сразу стало холодно.

Мавре страстно хотелось воспользоваться хотя бы одним хитроумным приспособлением, спрятанным в ее поясе, или хотя бы испробовать на этих тварях яд, который еще остался в ногтях. Но по непонятной причине — ей так и не удалось уяснить какой — она по-прежнему была полностью парализована.

Священник обернулся к пленнице и жестом велел охранникам подвинуть ее еще ближе к камню. В его

желтых кошачьих глазах зловеще пылали отражения факелов.

— Шпионка, — сказал он сухо, в его голосе не чувствовалось ни капли милосердия или сострадания, — ты признана виновной Высшим священническим советом Благословенного Колодца. — Произнося последние слова, старец слегка поклонился. Правой рукой он провел в воздухе горизонтальную линию, и у Мавры неожиданно прояснилось в голове. Она облизала губы и поняла, что снова обрела способность разговаривать.

— Надо мной не было никакого суда, и вы это прекрасно знаете! — запротестовала она хриплым голосом. — Мне даже не дали что-либо сказать!

— Я не говорил, что тебя судили; я сказал, что ты признана виновной, — заметил священник. — И у тебя нет никаких смягчающих обстоятельств. Сумасшедшие язычники ворвались к нам с севера, еще более мерзкие язычники бессмысленно и ужасно убили десятки тысяч Избранных Колодцем на юге. Теперь появилась ты. Без приглашения и без разрешения Высшего священнического совета Благословенного Колодца. — Еще один легкий поклон. — Ты — шпионка, и я спрашиваю тебя, можешь ли ты убедительно доказать свою невиновность?

«Бред какой-то! — подумала Мавра. — Доказать, что ты не улыбалась. Доказать, что ты не убивала собственную мать, о которой суд ничего не знал и ничего не слышал».

— Никто не может доказать, что он чего-то не сделал, — возразила она.

— Конечно. Но есть высший судия.

— И под этим предлогом вы собираетесь меня убить.

Эти слова, казалось, потрясли священника. «Почему мне всегда нравились кошки?» — с неприязнью подумала Мавра.

— Олборниане убивают только в случае самообороны. Ведь всякую жизнь дарует Благословенный Колодец, подобный подарок нельзя просто так отнимать. И поскольку в отличие от своих спутников ты никого не лишила жизни, мы не можем умертвить тебя.

Обе части этого заявления немного ободрили Мавру. Жизнь означала надежду, а тот факт, что Ренар и латы отправили в могилу нескольких фанатиков, радовал не меньше.

— Колодец в бесконечной мудрости и милосердии, — объяснял священник, словно распевая литургию, — даровал олборнианам справедливейшее представление о страшном суде — последнем, абсолютном, неопровержимом. Находящийся перед тобой камень — один из шести, расположенных во всех углах нашего гекса. Камни — доказательство привилегированного статуса, которым наградил олборниан Благословенный Колодец. Их сила проистекает из силы самого Колодца. То, что они делают, никогда не может быть исправлено.

Речь старца снова ввергла Мавру в паническое состояние. Она подумала о Ренаре, превращенном в синего полосатого козла. Что, черт подери, эта тварь имеет в виду?

— Колодец в Своей безграничной мудрости, — продолжал священник, — увидел, что Его Избранный Народ живет в суровой стране, живет богато, но лишен рабочего скота, который должен пахать добрую землю, таскать на себе грузы, вертеть водяные колеса. И тогда мы получили Священные Камни. Когда против преступившего закон, не важно, чужак он или олборнианин, выдвигается обвинение, он

предстает перед одним из Высших Священников Благословенного Колодца, а затем вместе с ним — перед Священным Камнем. С невиновным ничего не происходит, и он может идти куда пожелает, так как находится под защитой Печати Благословенного Колодца. Но виновному Камень выносит самый удивительный приговор. — Старец сделал паузу. — Ты видела детика, на котором тебя сюда привезли?

Мавра на секунду задумалась. Ну конечно, эти маленькие мулы с большими ушами и печальными глазами.

— Да, — удивленно и немного испуганно ответила она. «Куда, черт возьми, запропалились латы и Ренар?»

— Они бесполое и безрадостные. Абсолютно мирные, неспособные причинять вред, приученные выполнять все наши приказания. Так вот, виновного превращают в детика, в рабочую скотину, приговоренную остаток жизни безмолвно трудиться на благо олборниан.

Мавра не поверила своим ушам.

— Вы имеете в виду, что все ваши мулы прежде были людьми? — недоверчиво спросила она.

— Именно так, — ответил священник. — Держите ее за руки, — велел он конвоирам.

Сильные руки охватили запястья Мавры. Священник снова махнул рукой, и женщина почувствовала, что к ней вернулась способность двигаться.

— Приложите руки преступницы к Священному Камню! — приказал священник, и его голос отдался эхом в сырой пещере. Охранники повиновались.

Жгучий электрический удар пронизал руки Мавры от кистей до плеч. Он был так силен и болезнен, что она заорала и едва не отпрянула от мерзкого камня, хотя олборниане держали ее очень крепко.

— Это Мавра! Давайте быстрее! — крикнула Вистару Ренару и Хосуру, и те бросились вперед, не думая об опасности.

Между тем в пещере священник, улыбнувшись, приказал:

— Снова!

На этот раз ужасный удар и боль распространились у Мавры от бедер до пят и странным образом затронули уши. Она снова закричала и попыталась вырваться.

— Еще раз! — скомандовал священник, но в следующий момент в пещеру ворвались разъяренные латы и аджитар. Боевые вопли Ренара, отражаясь от стен пещеры, производили устрашающее впечатление.

Священник, который, подобно большинству фанатиков, даже вообразить не мог, чтобы какие-то язычники посмели вторгнуться в его святая святых, остолбенел. Однако стражники повели себя совершенно по-иному. Отшвырнув Мавру, словно тряпичную куклу, они в мгновение ока повернулись лицом к нападающим. Пистолетов у них, к счастью, не оказалось, но они оба выхватили церемониальные стальные мечи.

Стараясь держать олборниан в поле зрения, Ренар и Вистару закричали:

— Мавра, бегите! Уходите отсюда! Мы справимся!

Воспользовавшись тем, что Ренар отвлекся, один из стражников кинулся вперед.

Ренар мрачно усмехнулся и поудобнее перехватил таст. Увидев тонкий, искривившийся, окованный медью прут, стражник засмеялся и сделал выпад. Ренар коснулся его меча.

Раздался оглушительный вопль, полетели искры, и черная высокая фигура рухнула на пол пещеры; рукоятка меча дымилась.

На второго стражника, включив свое внутреннее освещение, обрушилась Вистару, у которой еще осталось немного яда. Олборнианин взмахнул мечом.

И промахнулся.

Перевернувшись в воздухе, лата вонзила ему в живот смертоносное жало. Стражник зашипел, затем окаменел и тоже свалился на пол; его невидящие глаза остались широко открытыми.

Очнувшись около выхода из пещеры, Мавра Чанг медленно приходила в себя. Все ее тело покалывали невидимые иглы, перед глазами плыло, но, услышав слова Ренара, она сразу же последовала его совету. Обнаженная и оглушенная, она только путалась под ногами сражавшихся.

У Мавры кружилась голова, и она не смогла подняться на ноги. После нескольких неудачных попыток женщина встала на четвереньки и поползла вперед по дороге, наткнувшись на стражника, встретившего смерть от таста Ренара. Голова показалась ей необычно тяжелой, и поднять ее не было никакой возможности. Нервные окончания на затылке адски болели, и, кроме того, волосы свисали у нее перед самым носом, мешая как следует разглядеть, что происходит в коридоре. Однако она так или иначе двигалась к выходу, обползая тела стражников, освещенные все еще горевшими факелами. Снаружи было темно, и именно там ей больше всего хотелось сейчас очутиться.

Тяжело дыша, Мавра заползла в кусты и замерла, пытаясь расслабиться и изгнать из головы туман. Она оглянулась назад, на пещеру, но долго держать голову высокоподнятой не смогла; без мучительной боли в ущемленном нерве она не могла даже долго смотреть туда краешком глаза.

Наконец способность вертеть головой и ясность мысли хотя бы отчасти вернулись. Однако Мавра по-

прежнему стояла на четвереньках. «Почему?» — с удивлением подумала она. Было темно, но Оби снабдил ее ночным зрением. И вот, прижав подбородок к груди и глядя как бы снизу вверх, женщина стала себя изучать.

Ее стройное гибкое тело не изменилось, две маленькие груди свешивались вниз и немного подрагивали.

«Мои руки! — неожиданно поняла Мавра. — Что же натворили эти скоты?»

Рук у нее больше не было. Вместо них появились тонкие передние ноги с коленями, сгибающимися только в одном направлении. Заканчивались ноги довольно массивными копытами идеальной формы, сотворенными из того же беловато-серого материала, что и ногти. Шерсти на ногах не было. По цвету они не отличались от ее тела — кожа выглядела совсем как человеческая. Но это были ноги маленького мула.

Посмотрев немного дальше, Мавра увидела то, что ожидала увидеть, и вздохнула. Теперь она поняла, почему не могла как следует передвигаться на четвереньках и должным образом поднять голову. Ее передние ноги оказались на добрых двадцать сантиметров короче задних. У мула это компенсировалось длинной шеей; человеческие голова и шея на такое рассчитаны не были.

Из пещеры вышли обе латы и Ренар. После некоторого колебания женщина их окликнула. В одно мгновение все трое очутились возле нее.

— Мавра, как жаль, что вы не видели рожу этого старика, когда... — весело начал Ренар, но сразу осекся. Латы застыли, разинув рот. Они впервые увидели то, что олборниане сотворили с Маврой Чанг.

Помимо всего прочего, ее бедра находились в метре от земли, а плечи — в восьмидесяти сантимет-

рах. Нижняя половина ее тела как бы провисла между ногами. Ее маленькие ушки заменили огромными, чуть ли не в метр длиной, ослиными ушами из обычной человеческой кожи. Волосы удлинились, превратились на концах в густую черную гриву, тянущуюся вдоль спины и спускающуюся с боков до свободно свисавших грудей. И поскольку сам торс изменен не был, ее лошадиный хвост, начинавшийся от талии, теперь тянулся по спине, над бедрами, и круто загибался вниз, закрывая задний проход.

У лат на глазах выступили слезы жалости. «О Боже!» — вот все, что смог выдавить из себя Ренар.

Мавра сделала шажок, затем другой и едва не наступила себе на волосы, волочившиеся по земле. Голос у нее остался прежний — ровный, спокойный, глубокий, но глаза не могли скрыть чувств, которые она испытывала.

— Я все знаю, — сказала Мавра. — Я это предполагала. Своих маленьких мулов олборниане делают из людей с помощью того ограненного камня. Я коснулась его дважды, а когда появились вы, убежала. Скажите, изменилось что-нибудь еще?

С трудом сдерживая слезы, Ренар уселся рядом и осторожно описал ее новую внешность, не забыв об ушах и хвосте.

Странное дело, но это вызывавшее жалость маленькое создание выглядело весьма экзотично и даже привлекательно, а у аджитара почти что вызвало эротическое чувство. Но оно было нежизнеспособным, созданным без всякого смысла, единственным в своем роде в мире, насчитывающем 1560 рас.

— Может, мне стоит возвратиться в пещеру и завершить процесс? — предложила Мавра, надеясь, что хрипота и невнятность речи не выдадут то, что она чувствовала в действительности.

— Я бы этого не делала, — мягко, сочувственно сказала Вистару. Такой тон Мавра уже начала ненавидеть. — Вы же знаете, как олборниане обращаются со своими мулами. Это ведь что-то значит. Помоему, лучше умереть, чем превратиться в животное.

У Ренара внезапно возникла идея.

— Послушайте! — воскликнул он. — Это же не навсегда!

— Священник сказал, что это необратимо, — возразила Мавра. — Он сказал это с такой радостью, что я поверила.

— Нет, нет! — запротестовал аджитар. — Вы еще не прошли через Ворота Колодца!

— Священник сказал, что сила камня проистекает от силы Колодца.

— Он прав, — вмешалась в разговор Вистару, — но так бывает и в других гексах. Почему этот камень находится здесь и почему он действует именно так, как он действует, мы, вероятно, никогда не узнаем, — но это всего лишь какой-то заменитель, предназначенный для того, чтобы регулировать жизнедеятельность на планете олборниан. Подобное происходит во всех гексах, где существует магия, и означает только то, что данная раса может перенять ограниченную часть функций Колодца для компенсации ошибок, допущенных при проектировании. Вы еще не подверглись классификации и изменению, осуществляемых Колодцем, поэтому то, что с вами произошло, не будет иметь никакого значения.

Мавра почувствовала, как к ней возвращается надежда.

— Не навсегда, — прошептала она дрогнувшим голосом и сразу же расстроилась при мысли о том, что позволила и Ренару, и латам увидеть кое-что сквозь броню, которую всегда на себе носила.

— Не навсегда, — подтвердил Ренар. — Послушайте, хотите прямо сейчас отправиться к Воротам Зоны? Естественно, не в Олборне. Мы сможем найти их в любом другом гексе, я в этом уверен. Мы спасем вас, так же как в свое время вы спасли меня.

Мавра яростно затрясла головой:

— Нет-нет, не теперь. В обычное время мы так бы и поступили. Но сейчас нам в первую очередь надо добраться до Гедемондаса.

— Но я могу это сделать одна! — запротестовала Вистару.

Мавра снова покачала головой:

— Нет, не можешь. Ты не знаешь, как выглядит машинный отсек. Кроме того, я никогда не отказываюсь от поручения, которое на себя взяла. Что же касается Ворота Зоны, мы их найдем позднее, может быть, в Гедемондасе, если тамошние жители согласятся с нами разговаривать, или в соседней Диллии.

— Будьте благоразумны, Мавра! — воскликнул Ренар. — Посмотрите на себя! Вы видите не дальше трех метров. Вы не можете самостоятельно питаться. Вы совершенно голая и находитесь в центре территории, обитатели которой с радостью притащат вас обратно к камню и в одно мгновение закончат незавершенную работу. — Вскочив на ноги, аджитар взглядел на нее сверху и мягко отвел в сторону конский хвост. — Извините за бестактность, но вам будет трудно даже испражняться. Человек анатомически устроен так, что может делать это только сидя или на корточках. Ваши ноги абсолютно не соответствуют телу. Вы не можете продолжать путь!

Мавра попыталась смотреть ему прямо в лицо, но у нее ничего не вышло. Было слишком больно.

— Я все равно пойду, — упрямо процедила она сквозь зубы. — С вами или без вас. Если хотите, будь-

те моим проводником. Помогайте, когда мне понадобится увидеть что-нибудь вдалеке или поесть, мойте меня, после того как я справлю нужду. Если не хотите, я одна пойду дальше и сделаю все, что нужно. Когда, умирая от губки, вы с Никки сосали пальцы, как неразумные младенцы, и я не знала, где мы находимся, я не бросила вас, а тащила вперед. И сейчас меня ничто не остановит.

— Она права, — спокойно заявила Хосуру. — Во всяком случае, в том, что касается завершения ее миссии. В Гедемондасе на карту поставлен целый мир. И если существует хоть какая-то возможность доставить туда Мавру, наш долг — попытаться это сделать.

— Ладно, — с сомнением сказала Вистару, пытаюсь найти слабое место в подобных рассуждениях. — Если ты настаиваешь, отправимся все вместе. Но, думаю, день или два, проведенные в новом обличье, излечат тебя от ненужной бравады. И если это случится, не стыдись своей слабости и не считай себя неудачницей, когда будешь просить, чтобы тебя доставили к Воротам Зоны. Я бы не стыдилась.

Мавра невесело засмеялась.

— Стыд и слабость меня не пугают, но я умру, если почувствую себя неудачницей. — Она потопталась на месте и трянула волосами. — Вы захватили мою одежду? Я хочу попробовать что-нибудь надеть. И нам следует поскорее отсюда убраться. Рано или поздно кто-нибудь заметит, что священник не вернулся, и за нами кинутся в погоню. Надо уходить.

Ренар поднял вверх синие ладони.

— Ваша одежда у меня. А теперь пошли! Сюда! — В его голосе слышались покорность судьбе и абсолютное непонимание.

«Они никогда не поймут, — подумала Мавра. — Никто не поймет».

Убийства в храме так потрясли олборниан, что они даже не послали погоню за беглецами.

А Мавра обнаружила, что может передвигаться рысью. Левые ноги, толчок, правые ноги, толчок, и снова, быстрее и быстрее. Копыт своих она вообще не чувствовала, но ее обнаженное тело испытывало то, что полагается испытывать нормальному обнаженному телу. Латы летели рядом и предупреждали о возникающих впереди препятствиях; поэтому она ни разу не налетела на дерево и даже не споткнулась.

К утру они уже были довольно далеко. Ренар взобрался на Дому, которую до этого вел в поводу, разведая окрестности и убедился, что обстоятельства сложились более благоприятно, чем они думали.

«Избранный народ» наверняка считал, что коварные убийцы погибли и отправились прямо в ад. Поэтому они старались не показываться на глаза береговой страже, охраняющей храмы Священных камней. Вся остальная страна не защищалась. Война наложила на нее неизгладимую печать: упряжки надрывающихся мулов тащили на юг армейские повозки с военным снаряжением, волокли пушки и минометы; нескончаемый поток беспомощных беженцев тек на север.

Они решили остаться на севере страны — войска либо сражались, либо охраняли Священные камни и Ворота Зоны. Здесь они получили возможность передохнуть и обдумать свои дальнейшие действия.

Из-за невозможности разбить лагерь седельные сумки Домы еще ни разу не распаковывались, так что поели они впервые. Для Мавры это оказалось сплошным унижением. Вначале Ренар попытался кормить ее с ложечки, но она взбунтовалась. Тогда

латы открыли банку с консервированным мясом, подогрели его, затем мелко нарезали некрупные фрукты и положили в деревянную чашку. Стоя на выпрямленных задних ногах и согнув в коленях передние, Мавра сумела поесть, как это сделала бы кошка или собака. Трудностей у нее возникла целая куча: тонкие ноги мула у лодыжек утончались еще сильнее, они дрожали, подгибались, ползли вперед, и вместе с ними уползала проклятая чашка. Но Мавра справилась, да и еда оказалась вкусной. Воду она пила двумя способами: лакала, как животные, или погружала лицо в миску с водой.

Вистару эластичной лентой связала ей волосы, что значительно облегчило процесс поглощения пищи. Стоя на прямых передних ногах и согнув в коленях задние, Мавра даже могла поднять голову. Находиться в таком положении было очень неудобно, но зато у нее переставала болеть шея и она получала возможность смотреть вперед.

Еще труднее оказалось решить проблему одежды, в которой Мавра очень нуждалась. В Олборне оказалось довольно прохладно, а в Гедемондасе, расположенном в горах, их ждал настоящий холод.

Надрезав рукава у рубахи, латы умудрились натянуть ее на Мавру. Со штанами дело обстояло гораздо сложнее, ибо они наотрез отказывались застегиваться; в результате Вистару просто обвязала ее голый зад широким поясом. Все это выглядело глупо и смешно, штаны то и дело сползали, но так или иначе Мавре стало теплее. Для защиты от холодов Гедемондаса у нее было длинное пальто, которое к тому же скрывало ее немислимый хвост. Обрезанные перчатки латы собирались натянуть на ее обнаженные передние ноги.

Как ни странно, Мавра почувствовала себя лучше. Предстояло преодолевать препятствия, и это веселило ей душу. Все заметили, что у нее поднялось настроение, но причину так и не поняли.

Хуже всего дело обстояло со сном: мулы и лошади спали стоя, но человеческий торс сделал это невозможным; спать на животе Мавра тоже не могла. В конце концов она приноровилась ложиться на бок.

Тем временем положение Олборна становилось все хуже и хуже. Время от времени они встречали напуганных беженцев, которые не имели ничего общего со свирепыми и уверенными в себе охранниками, захватывавшими и мучившими людей в логове священника. Мир олборниан рушился. То же самое происходило с их мировоззрением и представлением о месте «Избранного народа» в Мире Колодца. Не уверенные отныне ни в чем, они выглядели довольно жалко и несколько раз пытались сдать Мавре и ее спутникам.

Куда сложнее дело обстояло с военными патрулями, которые в основном состояли из дезертиров, закомплексованных в результате всевозможных социальных ограничений, налагаемых на них жизненными условиями и верой в привилегированное положение, дарованное Колодцем. Они жестоко обращались с беженцами и даже пытались напасть на группу чужестранцев, но яд, накопленный латами, и мощный электрический заряд Ренара заставляли их отступать.

Мавра нашла весьма любопытным, что никто не таращил на нее глаза. Для ограниченных олборниан она была всего лишь еще одной непонятной чужестранкой.

Однако двигались они очень медленно, и женщина начала задумываться, как бы сделать так, чтобы

Дома могла везти и ее, и Ренара. Трудность заключалась в том, что в полете огромным крыльям пегаса ничто не должно было мешать.

В конце концов экспериментальным путем удалось достичь компромисса, равно устраивавшего и Дому, и будущих седоков. Вещи не первой необходимости решили выбросить, но кое-что латы переложили в свои сумки. Этот груз замедлял их полет, однако с Домой происходило то же самое. После того как Ренар избавился от своих инструментов — он уверил всех, что никогда ими не пользовался, — Мавра, растопырив ноги в стороны, смогла сесть на основание шеи пегаса. Аджитар уселся сзади вплотную к ней, и Дома, несмотря на дополнительный вес, сумела как-то приспособиться. Единственная проблема состояла в том, что подсаживать Мавру приходилось всем троим, а лошадь опускали на колени.

Наконец все сумели подняться в воздух, и дело сразу пошло быстрее. Они взяли немного на юг, чтобы избежать встречи с религиозными фанатиками, и вскоре пересекли границу.

В Палиме чужаков встретили настороженно, но не сделали даже попытки остановить их. Местное население напоминало диких гигантских длинноволосых слонов. Но их внешность оказалась обманчива: Палим был высокотехнологическим гексом. Об этом свидетельствовали ухоженные сады и поля, сеть электрифицированных железных дорог и необычные, каплевидной формы, городские здания, собранные в группы и соединенные аппарелями. Путешественники чувствовали себя свободно. Палимы, судя по всему, с полным безразличием относились к творящемуся поблизости насилию. Это говорило о том, что они решили переждать войну, и это означало, что союз Якса — Ламотиен — Дашин нашел достойное

применение железным дорогам в восточной части страны.

Группа достигла границы с Гедемондасом меньше чем за два дня. Ни у кого не было сомнений, что они оказались там, где нужно: высокие горы холодного гекса задолго появились на горизонте. Обследовав с воздуха обширную территорию, они обнаружили относительно небольшой равнинный район — цель, к которой стремились обе армии, однако пока поблизости все было тихо.

Они прибыли первыми.

Однако макиемы пересекут Алестол по воздуху и скоро окажутся недалеко от той точки, где они сейчас находятся. Яксы отправятся из Палима по железной дороге и, преодолев расстояние около тридцати километров, вторгнутся в эту долину с севера. Ренар даже подумал, хватит ли тут места для двух армий.

— Вот здесь-то и состоится сражение, — мрачно предсказала Мавра. — И если кто-то займет эту позицию первым, другая сторона постарается его вытеснить. Если же они подойдут сюда одновременно, столкновение произойдет немедленно. В любом случае наша прелестная маленькая долина очень скоро будет усеяна трупами и умирающими.

— Судя по картам, немного выше того места, где мы сейчас находимся, в расщелине между скалами, расположено какое-то убежище, — заметила Вистару. — Там мы найдем нашего проводника.

Мавра попыталась посмотреть туда, куда показывала лата, но не смогла достаточно высоко поднять голову. Она выругалась, но ее лицо по-прежнему выражало твердую решимость.

Температура воздуха в долине составляла около пятнадцати градусов по стоградусной шкале; это было приятно, но, пока они поднимались, воздух

становился все холоднее и холоднее. Ренар отметил, что некоторые перевалы находились на высоте, превышавшей три тысячи метров.

Они чуть не прозевали убежище. Оно оказалось низенькой хижинкой, построенной из камня и дерева, которая была так стара и так побита непогодой, что выглядела как естественная часть горного пейзажа. Она выглядела давным-давно заброшенной, и никто из путешественников не решался туда войти, опасаясь, что внутри их ожидает неприятный сюрприз.

Внезапно дверь хижины отворилась, и они увидели странное, незнакомое существо.

Верхняя часть его туловища принадлежала обычной женщине: длинные волосы, стянутые на затылке в конский хвост, маленькие, правда, слегка заостренные уши, миловидное овальное лицо, тонкие руки. Но ниже талии, сразу под легкой курточкой, началось мощное тело лошади с белыми и черными пятнами.

«Кентавр», — спокойно подумал знаток античности Ренар. Встреча с таким созданием уже не казалась ему чем-то необычным; в сущности, он ожидал увидеть нечто подобное.

Женщина приветливо улыбнулась и, помахав рукой, произнесла приятным сопрано:

— Привет! Наконец-то! Я вас ждалась!

— Ты и есть проводник? — подходя к ней вплотную, недоверчиво спросила Вистару. Диллианка была девочкой лет пятнадцати.

Кентавр усмехнулся.

— Меня зовут Таэль. Входите, я разожгу огонь.

Они вошли в хижину. Таэль с любопытством взглянула на Мавру, но ничего не сказала. Дома осталась снаружи мирно пощипывать траву.

Хижину, несомненно, строили для диллиан: там были четыре отделения, напоминающих стойла, на полу лежала куча соломы, в углу высилась сложенная из кирпичей печка, а рядом с ней стояло ведро с дровами. Таэль бросила в печку пару поленьев, очень длинной спичкой подожгла кусок бумаги и сунула его в чугунный зев.

Диллиане никогда не садились: их тела не были для этого приспособлены. Поэтому Ренар и обе латы уселись прямо на солому, а Мавра прислонилась боком к стене. Места хватило на всех.

После короткого вступительного разговора Ренар высказал то, о чем думали все.

— Прости, Таэль, но не слишком ли ты молода для такой экспедиции?

Девушка восприняла его слова совершенно спокойно.

— Я понимаю ваши сомнения, мне всего лишь пятнадцать. Но я родилась в горной части Диллии, над озером. Моя семья долгое время охотилась и ставила капканы по обеим сторонам границы. Мне известны все тропы между долиной и Диллией, это очень надежные пути.

— А что ты знаешь о гедемондасах? — спросила Мавра.

Диллианка пожала плечами.

— Они никогда мне не докучали. Их вообще можно увидеть лишь на мгновение — большие белые фигуры на снегу. Гедемондасы никогда никого не подпускают близко: стоит вам появиться, и они уходят. Иногда можно услышать их рычание, рев и другие непонятные звуки, эхом отдающиеся в горах.

— Это их речь? — поинтересовалась Вистару.

— Не думаю, — ответила Таэль. — Когда меня попросили стать проводником и вживили переводное

устройство, я не обнаружила никакой разницы. Иногда я спрашиваю себя, а есть ли у них вообще язык, в том смысле, как мы это понимаем.

— Очень плохо! — вмешался Ренар. — Как разговаривать с тем, кто не может ответить?

Таэль вздохнула:

— Меня это тоже волнует. Диллиане давно уже пытаются вступить с ними в контакт; я бы хотела присутствовать, когда это произойдет.

— Если это произойдет, — поправила ее Хосуру.

— Меня беспокоит дым, — сказала Мавра, мотнув головой в сторону печки. — Я имею в виду не гедемондасов, а воюющие армии. Они скоро будут здесь.

Девушка поежилась.

— Я их уже видела, но они только внимательно поглядели на меня и полетели дальше. Несколько летающих лошадей, похожих на вашу, и незнакомые, необыкновенно красивые создания с оранжевыми крыльями размахом по меньшей мере метра в три. Никто из них не приземлился.

Вистару встревожилась.

— Яксы и аджитары. Разведчики. Мы не можем здесь долго оставаться.

— Мы и не будем, — ответила Таэль. — Как только рассветет, мы двинемся вверх по Межгорной тропе, которая начинается сразу за нашей базой. После полудня мы без проблем достигнем Лагеря 43, а уж оттуда отправимся в снежную страну с разреженным воздухом.

— На какой высоте расположен Лагерь 43? — спросил Ренар.

— Тысяча пятьсот шестьдесят два метра, — ответила Таэль. — Но вы уже находитесь на высоте четырехста метров.

— На такой высоте мы можем летать, — заметила Вистару. — Мы хорошо себя чувствуем до тысячи восьмисот метров, и, по-моему, вы, Ренар, говорили, что возможности Дома примерно такие же.

— Но это не поможет нашему проводнику, — заметил аджитар. — У Таэль нет крыльев.

Диллианка засмеялась:

— Все в порядке. Я же говорила, что родилась в горах. Будет лучше, если мы тронемся в путь по отдельности. Кстати, выше Лагеря 43 лететь будет очень трудно. Итак, я могу выйти сегодня вечером, с тем чтобы утром вас встретить. Это позволит нам двигаться быстрее. — Взглянув на Мавру, она помрачнела. — Но вы все должны одеться как можно теплее. Обморожение — ужасная штука.

— У нас есть зимние вещи, — заметила Вистару. — И, как я понимаю, тебе посоветовали захватить кое-что с собой.

Таэль зашла в ближайшее стойло и вынесла оттуда несколько туго набитых матерчатых рюкзаков. Они оказались очень тяжелыми, но диллианка справилась с ними без напряжения. Может быть, она и не умела летать, но обладала крепкими мышцами, чего явно не доставало остальным.

Она начала раздавать вещи. Латам идеально подошли теплые платья с прозрачными, но прочными клапанами для крыльев, Ренару — тяжелое пальто и сшитые из какого-то эластичного материала перчатки.

— Вот это вам тоже пригодится, — сказала она, вручая аджитару странные маленькие предметы, которые оказались чехлами для копыт; помимо всего прочего, они должны были облегчить ему ходьбу — их плоские основания были подбиты шипами.

Затем Таэль вытащила одежду, сшитую по размерам лат, но без клапанов для крыльев. Казалось, она

немного смущена. Вещи явно предназначались для двуногого существа.

Мавра вкратце объяснила, что с ней произошло. Девушка сочувственно кивнула, но вид у нее был крайне озабоченный.

— Не знаю, как их можно обрезать. Ваши ноги, как и мои, годятся для передвижения по снегу, но вам следовало бы иметь какие-нибудь чехлы. У вас нет такой толстой кожи и таких густых волос, — заметила Таэль.

— Сделаем все, что сможем, — ответила Мавра. — Ренар поведет Дому под уздцы, а я поеду верхом, пока это окажется возможным.

Таэль испытывала сомнения, но промолчала. Она была проводником, а не руководителем экспедиции.

Ренар открыл дверь и поглядел на небо. Никаких признаков появления крылатых армий не наблюдалось. Несколько ленивых птиц, вот и все. Но кто знает, что случится через минуту?

Аджитара интересовало только одно — как далеко отсюда находятся враждебные силы.

У ГРАНИЦЫ МЕЖДУ ПАЛИМОМ И ГЕДЕМОНДАСОМ

Часто взмахивая своими огромными крыльями, яка устремилась к земле. Спустившись пониже, она увидела группу войск и кучу военного снаряжения, сваленного около границы. Выглядело все это весьма убедительно.

Гигантская бабочка только что совершила длительный полет, чуть ли не ставший для нее роковым. Мягко приземлившись, она на всех восьми щупальцах направилась к передвижному командному пункту, большой круглой палатке, стоявшей пока на территории Палима. Яксы были рождены для полета. На земле они становились неуклюжими и неповоротливыми из-за длинных крыльев, которые в сложенном виде тянулись вдоль всей спины и, колеблясь из стороны в сторону, нарушали равновесие. Но в воздухе они смотрелись прекрасно.

Когда яка вошла в палатку, ее крупное лицо, напоминающее маску смерти, было, как всегда, бесстрастно. Поводив глазами, она остановила взгляд на фигуре, склонившейся над большой картой.

Общение между яксами осуществлялось с помощью сложной комбинации звуков, рождавшихся в

районе грудной клетки, и странных шумов, производившихся антенной и крыльями. Ни один чужеземец не мог выговорить их имена, поэтому, имея дело с представителями других гексов, они давали себе прозвища, часто нелепые, иронические, а то и вовсе идиотские; эти прозвища закреплялись за ними на все время многорасовых операций.

— Марка прибыла с докладом, командующая, — доложила яка.

Командующая повернула голову.

— Рада, что ты вернулась, Марка. Мы уже начали думать, что тебя схватили.

— Меня чуть-чуть не схватили, — ответила разведчица. — Эти синюшные козлы со своим электричеством и летающими лошадьми. Себу слишком ленивы, чтобы объявить тревогу, но аджитарам достаточно вас коснуться.

Командующая была в курсе. О физическом, умственном и технологическом потенциале макиемского альянса она, в сущности, знала больше, чем кто бы то ни было. Его силы совершили гораздо более тяжелый переход, чем яксы; а с войском, пробившим себе дорогу, несмотря на такое мощное сопротивление, нельзя было не считаться.

— Где они сейчас находятся? — спросила командующая.

— Внизу, на той стороне, — ответила Марка. Это означало, что между двумя армиями оставалось не меньше трехсот километров, приличная дистанция, — долина, являвшаяся целью всей кампании, лежала всего в ста километрах к югу от нынешней позиции яка. Войска союза Якса — Ламотиен — Дашин будут там первыми.

— Переброска военных сил альянса Макием — Себу — Аджитар через Алестол на транспортных само-

летах несколько затянулась, — продолжала разведчица. — Все необходимое им приходится перевозить без остановки на весьма солидное расстояние — большее, чем в нормальных условиях могут покрыть летающие лошади или себу. Многие их воины сильно изнурены; тех, кто не выдерживает и приземляется, усыпляют, а затем сжирают большие, плотоядные растения. Алестолов не следует недооценивать; к тому же некоторые из них имеют переводные устройства, не говоря уж о гипнотическом газе. Если один из тех, кто имеет переводчик, захватит аджитара или себу, он сможет послать их сражаться против собственного народа!

Командующая довольно засмеялась.

— О да, алестолы — хитрый народ. Я слышала, они друг за другом отправляются в Зону, чтобы получить переводчики, причем платят из собственного кармана. — Тон ее изменился и стал более деловым. — Когда Макием соберет достаточно сил, чтобы двинуться дальше?

— Им потребуется два-три дня, не меньше, — неуверенно ответила Марка. — И, наверно, еще два дня уйдет на то, чтобы подойти к долине. Скажем, всего — дней пять.

Командующая задумалась.

— Пять дней? — переспросила она наконец. — Как тебе известно, мы выступаем сегодня; завтра до наступления темноты мы должны оказаться в долине и хорошенько там закрепиться. Передовой отряд вылетает на рассвете. Если повезет, мы удержим эту позицию до тех пор, пока наши друзья на вернутся с двигателями.

— А кто за ними отправится, кроме ламотиенов? — с любопытством спросила Марка. Она знала, что одних ламотиенов за двигателями никто не пустит. Яксы никогда им не доверяли.

— Только Бен Юлин может определить местонахождение установки, — отметила командующая. — Так что пошлем дашинов. Они лучше обмундированы для нетехнологического гекса и его узких троп, кроме того, коровы почти такого же роста, как обитатели Гедемондаса.

— А яксы? — испуганно спросила Марка.

— Мы извлекли из рубки системы управления, — напомнила командующая. — И будем осуществлять контроль издалека. Высоко в горах наши крылья могут потрескаться от холода, а снег не обеспечивает должного сцепления. Не беспокойся, дашины и ламотиены будут честно следить друг за другом.

— Но стоит ли так рисковать Юлином? — спросила Марка. — Ведь он наш главный козырь в этой игре. Разве не так?

— Нет, главное — двигатели, единственная часть корабля, которую невозможно продублировать. Если он доставит нам двигатели — прекрасно. Нет, то зачем он вообще тогда нужен? Честно говоря, я бы не возражала, если бы кое-кто из этих дашинских быков сломал себе шею в горах.

Марка сочувственно кивнула.

— Их государственная система нелогична. Противно смотреть, как коровы с ними носятся.

— К несчастью, Дашин для мужчин суший рай, — вздохнула командующая. — Тебе ведь знакомы научные труды, которые они извергают на первого встречного, стремясь доказать превосходство быков? Мы тоже проводим научные исследования, которые, естественно, дают верные ответы. Рассматривая этот вопрос с эволюционной точки зрения, мы можем смело утверждать, что коровам с их умственным и физическим развитием предназначено быть тупыми, покорными рабами.

— Во всяком случае, в нашем распоряжении имеется гораздо лучший материал для отправки в холодные горы, чем тот, которым располагает Макием, — заявила Марка, меняя тему разговора на более приятную. — Себу туда поднимутся, но летать не смогут, хотя на земле они тоже ужасны. Макиемы в большие холода становятся несколько заторможенными, а летающие лошади аджитаров на такой высоте не представляют никакой ценности.

— Но сами аджитары могут действовать наилучшим образом, — заметила командующая. — И они прикрывают макиемов. Не следует сбрасывать их со счетов. Через несколько дней здесь состоится жесточайшая битва.

В ДРУГОЙ СТОРОНЕ

Антор Трелиг чувствовал себя великолепно. Война шла удачно: они пробились в Гедемондас, и ни один солдат, командир или политик не верил, что их можно остановить.

В палатку, где разместился командный пункт, вошел аджитарский генерал и с легким поклоном вручил Трелигу какой-то документ. Тот с интересом стал разглядывать бумагу, и на его лице мелькнул макиемский эквивалент ухмылки.

— Видел это кто-нибудь еще?

Генерал покачал своей козьей головой.

— Нет, сударь. Разведчики сразу передали это в Генеральный штаб специально для вас.

Это была фотография, напечатанная на глянцевой бумаге: крупная, черно-белая; нечеткая, снятая с большого расстояния длиннофокусным объективом. Однако самые важные детали сразу бросались в глаза.

Большая часть фотографии осталась белой; еще больше отрезали при увеличении. Но на ней был ясно виден выступ скалы, на котором, отражая солнечные лучи, лежал блестящий предмет с плохо различимыми отметками на боку.

Трелиг даже не стал приглядываться. Он знал, что там изображено восходящее солнце с человеческим

лицом, окруженное четырнадцатью звездами, рядом крупная надпись NH-CF-1000-1, а ниже, более мелкими буквами — «Народная победа».

Силовая установка.

— Как вам удалось получить это изображение? — удивленно спросил генерал. — Я думал, что никто не в состоянии летать на такой высоте.

— Один из разведчиков себу превзошел себя, — ответил генерал. — Во время третьей попытки он сумел подняться над второй горной грядой и обнаружил там глубокую U-образную долину, забитую льдом. На склоне он заметил какой-то отблеск, но понял, что это место для него недостижимо; тогда он взял самый мощный объектив и, использовав светофильтры, сделал несколько снимков. Наилучший у вас в руках.

— А что слышно о ясах? — с тревогой спросил Трелиг. — Могут ли они или маленькие ублюдки-имитаторы обнаружить это место?

— Ни в коем случае, — заверил его генерал. — Яксы просто не в состоянии взлететь настолько высоко, чтобы достичь второй горной цепи. Себу, кстати, это тоже недоступно, разведчик, добывший снимки, при смерти. Если он выживет, станет героем. Что же касается ламотиенов, то позволю себе напомнить, что они могут лишь воспроизводить другие формы жизни, но не превращаться в них. Да, они летают, используя методику полета, применяемую яксами, но существенно модифицированную применительно к их форме и требованиям. Крылья у них такие же массивные, как у наших лошадей, и слишком тяжелые, чтобы забраться на такую высоту. Нет, я считаю, что тут мы имеем преимущество.

Трелиг скептически хмыкнул.

— Но они первыми доберутся до равнины, — заметил он. — И в полученных нами сообщениях от-

мечается, что ламотиены могут нейтрализовывать электрические удары, наносимые аджитарами, а яксы дадут сто очков вперед любому из нас.

— Вы правы, — согласился генерал. — За то время, пока мы будем туда добираться, они закопаются в землю и как следет укрепятся в надежде задержать нас на несколько дней. Поэтому я предлагаю действовать несколько по-другому.

Круглые глаза Трелига едва не вылезли из орбит.

— Придумали что-то новенькое?

Генерал расстелил на столе физическую карту Гедемондаса и лежавшей к востоку от него Диллии; она давала полное представление о горном рельефе обоих гексов, но самое главное — на ней было нанесено множество пунктирных линий. Впрочем, Трелиг не мог прочесть ни слова.

— Это — диллианская карта, предназначенная для проводников и трапперов, — объяснил аджитарский генерал. — Ее продают всем, кого интересует охота. В этих диких местах полно грызунов и других животных, и диллиане ставят на них капканы. Гедемондасы не обращают на них внимания, и тем не менее наши диллианские источники сообщают, что об этих созданиях им тоже ничего не известно. Диллиане не перебарщивают с охотой, и это сохраняет равновесие.

— Значит, эти пунктирные линии — охотничьи тропы? — предположил Трелиг.

— Совершенно верно. А эти маленькие прямоугольники — построенные вдоль троп охотничьи хижины диллиан. Эти тропы большей частью проходят по территории Гедемондаса. Неудивительно, что местных жителей такая наглость порой раздражает, и они время от времени сбрасывают диллианам на голову пару тонн снега.

На последние слова Трелиг не обратил никакого внимания.

— Мы сейчас находимся здесь, — продолжил генерал, показывая на район, расположенный на юго-западе. — А яксы завтра будут здесь. — Синий палец уткнулся в маленькую долину примерно в двухстах километрах к северо-востоку. — И если вы внимательно изучите карту, то увидите кое-что интересное.

Трелиг подошел поближе. По меньшей мере три тропы проходили в двух километрах от того места, где они сейчас находились, чуть восточнее. Одна из них лежала довольно низко.

— Двести шестьдесят три метра, — сообщил генерал. — Вполне подходящее место для незаметной высадки с воздуха.

— Тогда мы могли бы не вступать в сражение! — возбужденно воскликнул Трелиг. — Пока они будут обшаривать пол-гекса и охотиться на нас, мы сумеем их опередить, отправившись с небольшими силами прямо за двигателями!

Генерал медленно покачал головой:

— Нет, битва должна состояться. Это послужит для вас прикрытием. Яксы не дураки. Если мы в последний момент изменим тактику, они почуют недоброе и схватят вас. Нет, сделаем так, как и планировали. Единственная разница будет состоять в том, что мы не станем яростно атаковать их или идти на ненужный риск. Когда вы добудете двигатели, мы пошлем специалистов, чтобы разобрать их, а если это окажется невозможным, совместно обдумаем, каким образом их вывезти. К тому времени, когда яксы соберут в долине все свои силы, мы уже добьемся цели независимо от того, чем закончится битва.

Трелигу этот план понравился.

— Ладно, отправлюсь я и несколько аджитаров-мужчин. Но как мне защититься от холода? При низких температурах в организмах макиемов останавливаются жизненные процессы. Я не исключение.

Генерал вышел из палатки и вернулся, держа в руках большую картонку. Открыв картонку, он торжественно вынул из нее странный серебристый костюм с большим темным шлемом. Скафандр!

— Разве вы не знали, что в прошлом столетии в Макием прибыли пять Пришельцев? — осведомился он, весьма довольный произведенным эффектом. — И не нужно никаких механических приспособлений. Воздуха здесь хватает.

Трелиг снова ухмыльнулся. В очередной раз ему крупно повезло. Компьютер Оби, Новые Помпеи, Мир Колодца были в его власти.

Генерал вышел, и несколько минут Трелиг сидел один, рассматривая карту. Затем он встал и медленно запрыгал в сторону отделенного занавесом прохода между командным пунктом и его походной спальней. Отодвигая драпировку, он заметил, как кто-то с быстротой молнии отпрыгнул на кровать, стоявшую в дальнем углу.

«Оказывается, моя крошка, помимо всего прочего, еще и здорово прыгает!» — с восхищением подумал он.

Это был, разумеется, брак по расчету. Раса, у представителей которой половая жизнь протекала под водой и длилась всего одну неделю в году, другие не заключала. К выгоде мерзавцев, управляющих Макиемом, и, естественно, к невыгоде Антора Трелига. Любимая дочь министра, она, пожалуй, была хитрее и противнее своего отца.

«Какая бы пара из нас получилась, — подумал он уже не в первый раз, — если бы она захотела перейти на мою сторону!»

— Не надо притворяться, дорогая. Я знаю, что ты подслушивала. Правда, какая разница? Ты все равно не сможешь пойти.

— Я отправляюсь с тобой, — ответила она. — Как жена я имею на это право. И ты не сможешь меня остановить!

Трелиг засмеялся:

— Но там холодно, детка! Что хорошего, если ты станешь спящей красавицей?

Протянув руку, макиемка открыла плетеную корзину и вытащила оттуда космический скафандр, тоже из серебристой ткани, но немного иного покроя.

Трелиг разинул рот от удивления.

— И давно у тебя эта штука?

— Со дня основания Макиема, — самодовольно ответила она.

ЛАГЕРЬ 43, ГЕДЕМОНДАС

Тропы оказались не такими уж и плохими. Гедемондасы, как известно, были существами крупными и наверняка любили путешествовать с комфортом, а ограниченное, но регулярное использование троп конеподобными диллианами привело к тому, что снег постоянно утрамбовывался.

Утром из холодной хижины вышла необычная группа: возглавляла ее Таэль, за ней следовали обе латы — иногда пешком, но чаще верхом на диллианке; за ними шел Ренар, ведя в поводу крылатую Дому, между крыльями и спиной которой была крепко привязана Мавра. Постепенно воздух становился все холоднее и холоднее. Разговаривали они мало — для этого приходилось перекрикивать шум ветра, который завывал в скалистых расселинах так, словно был еще одним живым существом в самом странном гексе Мира Колодца.

Путешественникам удавалось обмениваться несколькими фразами только во время коротких остановок, делавшихся большей частью из-за Ренара. Равнина осталась далеко позади. И если бы не Таэль, они бы давно потеряли тропу с ее бесконечными изгибами и поворотами, а ослепительно сверкающий на солнце снег, несмотря на темные очки, не позво-

лял точно определять расстояние. Они были крошечными букашками в мире света и холода.

Тропа часто пропадала под снегом, но Таэль уверенно двигалась вперед, будто шла по мощеному, размеченному шоссе; она ни разу не выказала ни малейшего сомнения, и под ногами у них всегда была твердая почва.

И Ренару, и латам казалось, что они поднимаются уже целый день, когда после очередного поворота далеко внизу еще раз открылась широкая равнина.

— Стойте! — крикнула Мавра. — Смотрите! Они прибыли!

Все остановились и сразу поняли, что она имеет в виду. Повсюду в воздухе мелькали крошечные оранжевые дымки, в долине множество фигурок ставили палатки и закапывались под скалу, служившую подножием горы. Свою хижину они разглядеть не могли, но знали, что, если она все еще стоит на месте, в эти минуты ее превращают в крепость.

— Посмотрите на них! — в ужасе прошептала Таэль. Она впервые видела чью-то армию и понятия не имела, что такое война. — Их там тысячи!

— Это яксы, — спокойно сказала Вистару. — Они поднимутся сюда на день позже нас. Это неплохо.

Таэль самоуверенно рассмеялась.

— Пусть попытаются обнаружить тропу! Без проводника им и молитва не поможет!

Мавра внимательно поглядела на небо, по которому плыли редкие кудрявые облачка и несколько пышных кучевых облаков. Признаков перемены погоды не наблюдалось.

— Яксы пойдут по нашим следам, — сообщила она диллианке. — Снега в ближайшее время не будет, так что особого труда это не составит.

Кентавр нахмурился. «Отличный проводник, — подумала Мавра, — но чертовски наивна. Наверно, Диллия — очень мирное место».

— Мы можем проложить ложную тропу, — предложила Таэль. — Это не так уж трудно. Пыль здесь можно смести на расстоянии нескольких сотен метров.

— Хорошо, так и сделайте, — немного подумав, ответила Мавра. — Но не усердствуйте. Нам надо всего лишь немного задержать эту свору.

Они воплотили эту идею в жизнь довольно просто. Девушка-диллианка направилась туда, где начался сплошной снежный покров, и, дойдя до этого места, остановилась. Ренар снял свои маленькие снегоступы и осторожно двинулся к ней, а затем они вернулись назад по собственным следам.

— Слишком глубоко, — критически оценила результаты Мавра. — Опытный следопыт сразу же обнаружит подвох, но мне в данном случае кажется, ваша уловка сработает. Интересно, начнет этот чертов снег когда-нибудь падать или нет?

Таэль расхохоталась.

— Здесь начинается ледник, который мы именуем Макорн. Медленно текущая река льда, покрытая снегом. Рядом находится трещина глубиной по меньшей мере в триста метров и шириной в десять. Я почти ощущаю ее край.

Они проложили еще один ложный изгиб дороги, после чего латы вернулись назад и с помощью меховой шапки Таэли засыпали ненужные следы. Работа эта была проделана довольно грубо, но они не собирались дурачить профессионалов.

Маленькая группа двинулась дальше в глубь Гедемондаса, поднимаясь все выше и выше. Остановки для отдыха участились. Воздух становился все более разреженным.

— Я по-прежнему не вижу никаких признаков гедемондасов, — во время одной из таких остановок заявила Мавра. — Черт возьми, если эти ублюдки такие здоровенные, то их здесь должно быть очень немного, раз уж они остаются невидимыми.

Таэль пожала плечами.

— Ничего не могу вам сказать. Иногда удается случайно увидеть, как целая сотня гедемондасов крадется по горным склонам; иногда вы проходите буквально через весь гекс, не увидев ни одного. Но не в этом проблема.

— А в чем? — хором спросили все.

— За нами следят. Я это чувствую. Я не знаю, где они находятся, но наверняка их не меньше двух. Иногда я отчетливо слышу их глубокое прерывистое дыхание.

Они нервно огляделись кругом, но никто ничего не заметил.

— И все-таки где они? — настаивал Ренар.

Таэль покачала головой:

— Не знаю. Звуки в горах обманчивы. Впрочем, близко. Эта сеть троп принадлежит гедемондасам, и они отбивают у нас охоту пользоваться ими.

— Они этого добились, — сухо заметила Мавра.

Она напряженно прислушивалась, но не слышала ничего, кроме воя ветра. Слух у нее остался прежним: хорошим, но не фантастическим. Длинные уши позволяли ей чуть точнее определять местоположение источника звука.

Женщина замерзла до полусмерти, несмотря на свое великолепное одеяние, с удивительным искусством сшитое из кусков нескольких одежд. Особенно страдали лицо и уши. И все же ей было не хуже, чем остальным, однако никто не жаловался.

— Надо идти, — сказала Хосуру, тоже ничего не услышавшая. — Если гедемондасы за нами следят, то они либо пойдут за нами, либо не пойдут. Будем смотреть и слушать.

— Только не напрягайтесь, — предупредила Таэль. — Если они не захотят, чтобы их увидели, вы их никогда не увидите. Гедемондасы белые и блестящие, как снег, они могут стоять на открытом месте в десяти метрах от вас, а вы ничего не заметите.

Все невольно ускорили шаг и достигли Лагеря 43 еще до захода солнца. Однако Таэль настояла на том, чтобы остаться здесь на ночь.

— Добраться до следующего лагеря засветло мы не успеем, а после наступления темноты гулять по горам опасно, — заметила она.

— Надеюсь, что яксы или кто там еще поступят так же, — с тревогой в голосе заявил Ренар.

— А я надеюсь, что не поступят, — ответила Мавра. — И переломают себе шеи в расселине рядом с Макорном. Вистару! Хосуру! Вы ведете ночной образ жизни. Согласились бы вы идти по этой тропе в темноте?

Вистару рассмеялась.

— Без опытного проводника ни в темноте, ни при дневном свете!

Примитивная хижина была рассчитана только на двух диллиан. Стойла прекрасно подошли Таэли и Доме, остальные примостились кто как мог. Из-за тесноты они с трудом закрыли обледеневшую дверь, а старый железный очаг оказался в такой непосредственной близости, что перед ними встал выбор — замерзнуть или сгореть. Однако все кончилось благополучно.

Все смертельно устали, чуть не ослепли от сверкания снега и отчаянно нуждались в отдыхе. Выставлять караульных не имело смысла: если бы гедемон-

дасы хотели убить непрошенных гостей, они бы это уже сделали; если же они хотят вступить в контакт, то и слава Богу. А если хижину окружают солдаты из состава войск коалиции, возглавляемой Яксой, то ни о каком мало-мальски серьезном сопротивлении речи быть не может. Когда огонь в очаге погас, они заснули.

Что-то было не так. Во сне прозвучал сигнал тревоги. Это было нечто неувимое, но оно не только существовало, но и приближалось, тая в себе все большую угрозу.

Проснувшись, Мавра Чанг быстро оглядела хижину. Все были на месте; храпели не только Таэль и Ренар, но даже Дома.

Она попыталась понять, что ее разбудило. Ощущение тревоги, нечто такое, что всегда срабатывало в минуту опасности. Женщина напрягала все свои чувства, стараясь определить источник беспокойства. Да, стало холодно; ночью это неплохо. Но причина в другом.

Неожиданно проснулась Дома. Она затрясла своей огромной головой и нервно зафыркала. Мавра приподняла голову, теперь уже в полной уверенности, что не сходит с ума. Пегас тоже что-то почувствовал.

И вот оно появилось. Звук. «Хруп-хруп» — «хруп-хруп», снова и снова, с каждым разом все громче.

Кто-то — или что-то — двигалось по тропе спокойным, размеренным шагом. «Хруп-хруп» — скрипел снег под чьими-то ногами. Похоже, это было крупное существо.

И вдруг все стихло. Мавра знала, что их ночной гость стоит у самой двери. Она хотела закричать, разбудить остальных, но была не в состоянии даже пошевелиться; она могла лишь молча глядеть на закры-

тую дверь. Даже Дома, кажется, успокоилась. Все это напомнило Мавре о воздействии, которое оказала на нее ментальная сила олборнианского священника. Но тут было что-то другое. Что-то необычное, совершенно новое.

Дверь открылась на удивление бесшумно, учитывая ржавые петли и скверную пригонку. Потянуло холодным воздухом, и женщина услышала, как заворочались ее спутники.

На пороге возникла крупная фигура, одетая в белый мех. Она была такой высокой, что ей пришлось немного нагнуться, чтобы просунуть в дверь одну лишь голову. На Мавру взглянуло улыбающееся лицо. Незнакомец поднял огромную волосатую лапу и приложил к губам огромный когтистый палец.

ГЕДЕМОНДАС — БОКОВАЯ ТРОПА

Антор Трелиг в тысячный раз выругался. «В этом проклятом путешествии одна неудача следует за другой», — мрачно подумал он. Лавины, ложные тропы — словно кто-то специально пытался замедлить их продвижение. Однако вокруг не было ни души.

На карте все выглядело куда лучше, чем в реальности: некоторые горные приюты обветшали и явно пребывали в таком состоянии многие годы, тропа часто исчезала, ориентиры куда-то пропадали. Аджитарам, вооруженным тастами, приходилось осторожно двигаться впереди головным дозором. Их группа первоначально состояла из четырнадцати участников — двенадцати аджитаров, его самого и его непослушной жены, Бародир; теперь их осталось лишь девять, по-прежнему включая эту дуру.

И все же уцелевшие ориентиры в большинстве своем были хорошо заметны, почва оказалась не такой уж и плохой, постоянно подниматься им пришлось только в самом начале пути, а когда тропа исчезала, ее было нетрудно найти, ведь ее протоптали сотни ног.

В первое время это очень его беспокоило, но аджитары напомнили ему, что в конце концов это чей-то гекс и местное население вольно гулять где угодно.

Однако Трелиг встревожился еще больше. Они еще не видели и не слышали ни одного туземца. Это было довольно странно: на протяжении нескольких дней не встретить никого, кроме напуганных полярных зайцев и нескольких мелких зверьков, похожих на ласку.

Но ведь кто-то проложил эту тропу. Кто-то поддерживал ее в более или менее приличном состоянии. Кто-то ходил по ней.

Трелиг старательно изучал карты и фотографии, снятые сверху разведчиками себу. Он прекрасно знал, где находится, но отдавал себе полный отчет в том, что, если бы не птеродактили, он бы давно заблудился. Внутреннее горное кольцо, несколько более высокое, чем внешняя цепь, находилось прямо перед ним. А сразу же за тем обледелым пиком, чуть выше, была расположена U-образная долина, где на краю обрыва косо лежала силовая установка.

На всякий случай они не станут заниматься этим сегодня, подумал Трелиг. Завтра днем, если ничего не случится.

НА МЕЖГОРНОЙ ТРОПЕ

— И фрнт! Мой полевой бинокль! — приказал Бен Юлин.
Корова открыла сумку и вынула оттуда то, что он просил.

— Пожалуйста, Хозяин.

Не произнеся ни слова, Бен взял бинокль и неторопливо приложил его к глазам.

Это был не простой бинокль: специальные линзы, компенсирующие бычью близорукость. В паре с темными противоснежными очками он обеспечивал необычайно четкую фокусировку.

— Какие-то проблемы? — прогудел за его спиной низкий голос.

Обернувшись, Бен увидел волосатый куст ростом со среднего дашина; у него не было ни глаз, ни ушей, ни каких-либо иных органов. На самом деле это удивительное существо являлось колонией, состоявшей из тридцати шести ламотиенов, приспособившейся к холоду и снегу.

— Эта хижина, — он показал вперед, — кажется мне подозрительной. Не желаю больше никаких фокусов вроде ложной тропы. Мы потеряли там двух коров. — Поскольку ни одна из них ему не принадлежала, он ничего не добавил.

— Не забывайте, что мы тоже потеряли трех братьев! — прервал его ламотиен. — Мы согласны, хижина выглядит странно. Но что в связи с этим следует предпринять?

Юлин с минуту подумал, пытаясь найти решение, которое исключало бы для него риск потерять свою благородную голову или собственность.

— Почему бы кому-нибудь из вас не сбегать туда? Стать белоснежными или какими-то иными и посмотреть, что там делается?

Ламотиену эта идея понравилась:

— Мы считаем, что надо отправить полярных зайцев.

Неожиданно куст частично распался на маленькие пушистые комки равной величины. Два из них спрыгнули на снег с правой стороны, два — с левой. Юлин с восхищением наблюдал за тем, как колония возвращает себе прежнюю форму и восстанавливается. Лохматое существо казалось теперь немного тоньше, но в остальном ничуть не изменилось.

Двое ламотиенов побежали рядом, на ходу сливаясь во что-то более крупное. То же самое сделала вторая пара. Медленно, словно ими управляли руки невидимого кукольника, они раздувались, изгибались и росли.

Через пару минут ламотиены превратились в двух полярных зайцев, которые немедленно помчались в сторону хижины. Куст застыл в ожидании: переводчиком владел лишь глава колонии, поэтому Юлин мог выслушать донесение не раньше, чем колония обретет прежнюю форму. У этих созданий не было голосовой связи, и его часто занимал вопрос — разговаривают ли ламотиены в момент воссоединения, становясь единым существом с общим мозгом, или нет. Он как-то раз уже спросил об этом, но ламотиен

кратко посоветовал ему расслабиться. Вопрос так и остался невыясненным.

Меньше чем через десять минут зайцы вернулись. Они разделились и прыгнули обратно в лохматый куст. Минуту царило молчание. Глава колонии либо беседовал с разведчиками, либо впитывал их память.

Наконец раздался его низкий голос:

— Хижина пуста. Но вы были правы относительно неких странностей. Внутри лежит множество сумок со всякими припасами. Кто-то ночевал там сегодня, и мы полагаем, что хижину они покинули не по своей воле. Слишком уж много вещей осталось.

Юлин встревожился.

— Вы считаете, это те самые кентавры, за которыми мы идем?

— Возможно, — прогудел ламотиен. — Но теперь там никого нет.

— А следы?

Ламотиен помолчал.

— Вот тут-то и начинается самое странное, — сказал он наконец. — Мы видели тропу, ведущую к хижине, видели истоптанный снег в том месте, где они распаковывались, и так далее. Но больше никаких следов в радиусе нескольких сотен метров нет. Никаких.

— Ну что ж, назад они этим путем не возвращались, это точно, — сказал Юлин, еще более встревоженный. — Куда же они ушли?

Все невольно взглянули на молчаливые горы.

— И с кем? — добавил ламотиен.

В ДРУГОЙ СТОРОНЕ

Мавре казалось, что прошла уже целая вечность. Они часто останавливались на отдых: гедемондасы, видимо, понимали, что чужакам не хватает кислорода. Во время коротких привалов эти удивительные существа объяснялись жестами и рычанием, с которым автоматические переводчики так и не справились. Пленникам оставалось только молча повиноваться.

Их вели по тропам, о которых диллиане ничего не знали. По тропам, временами настолько условным, что шедшие впереди гедемондасы, казалось, теряются сами.

Дома с восседавшими на ней Ренаром и Маврой следовала за Таэлью, на спине которой устроились обе латы. Впереди шагали четыре гигантских снеговика; еще четверо замыкали шествие. Теперь гедемондасы не считали нужным скрываться. Их можно было видеть повсюду, нередко в большом количестве; время от времени белые фигуры пересекали тропу.

Всю дорогу Мавра ломала голову над тем, что же они собой представляют. В сущности, гедемондасы ей никого не напомнили. Белоснежные, без единой капельки грязи, которая всегда столь заметна в гус-

тых волосах. Высокие — рост Таэли превышал два метра, но они оказались почти на голову выше. Гуманоиды, хотя их белые, как снег, длинные морды с маленьким, словно черная пуговица, носом напоминали собачьи. Большие бледно-голубые глаза смотрели совсем как человеческие. Руки и ноги у них заканчивались большими круглыми подушками; ладони и подошвы обтягивала жесткая белая кожа. Но когда они распрямляли свои длинные тонкие пальцы, которых было четыре, включая большой, создавалось впечатление, что руки этих созданий лишены костей. Пальцы сгибались в любом направлении, будто резиновые, и заканчивались острыми розовыми когтями; не считая носа, это была единственная не белая часть их тела.

Гедемондасы заматали за собой следы самым элементарным способом, какой только можно себе представить, — их ниспадающие крупными складками белые меховые накидки во время ходьбы волочились сзади по снегу. Ноги гедемондасов глубоко не проваливались, похожие на подушки подошвы действовали почти как снегоступы.

Однако пленников волновало совсем другое; они знали, что им очень скоро придется окунуться в гущу таинственной жизни Гедемондаса, какой бы она ни была. Увидеть то, что всегда тщательно оберегалось от любопытных глаз чужеземцев.

Никто не мог понять, что же происходит на самом деле. Почему им оказывается такое доверие и такая честь? Может быть, гедемондасам стало известно об их намерениях и они решили помочь? Или незваных гостей считали пленниками и вели, чтобы допросить, а затем сбросить с обрыва? Ответов не было, впереди лежал бесконечный путь.

Через некоторое время они заметили странную вещь: некоторые белые гиганты словно проваливались под снег. Пленники ничего не понимали, пока не догадались о существовании потайных дверей, ведущих то ли в пещеры, высеченные во льду либо в скале, то ли в подземные дома, о которых даже диллиане ничего не знали. Во всяком случае, им стало ясно, каким образом местному населению удавалось оставаться невидимым: оно жило под снежным покровом, который им предоставила для защиты сама природа.

Наступила ночь, и Гедемондас погрузился в жутковатый сверкающий мрак. Голубоватый свет звезд, усеявших небо Мира Колодца, отражался в каждой снежинке и заставлял ее таинственно мерцать. Новые Помпеи видно не было, но это объяснялось разными причинами: они еще не взошли, уже сели, или их просто закрывали соседние горы.

Пленникам не дали взять с собой никаких припасов. Гедемондасы вели себя вежливо, но действовали настойчиво; когда латы и Мавра запротестовали, их подняли так же легко, как Ренар поднимал мешок яблок, и посадили на Таэль и Дому. Таэль была слишком ошеломлена, чтобы выразить протест; Дома же странным образом чувствовала себя в родной стихии и легко подчинялась этим странным созданиям.

Однако голодным никто не остался. Сразу после наступления темноты их привели в большую пещеру, о существовании которой они сами никогда бы не догадались, и другие гедемондасы подали им на широких деревянных блюдах знакомые фрукты, овощи и вкусный фруктовый пунш.

Особую заботу хозяева проявили по отношению к Мавре. Ее блюдо оказалось выше и толще, а пунш

был налит в глубокую чашу, чтобы она могла пить и есть так, как ей будет удобно.

По просьбе Мавры Ренар вел себя подчеркнуто дружелюбно: им предписывалось вступить с гедемондасами в контакт, и они свое задание выполнили, при условии, что все происходящее можно назвать контактом. Но в конце концов аджитар не выдержал, взял с блюда какой-то фрукт — близкий родственник яблока и, используя слабый заряд, испек его.

На гедемондасов это не произвело никакого впечатления. И все же через несколько минут один из них встал, подошел к Ренару и наклонился так, что блюдо аджитара оказалось ровно между ними. Когтистая рука вытянулась вперед, последовала ослепительная вспышка, и блюдо с фруктами исчезло, будто его никогда не существовало. Ренар удивленно вытаращил глаза. Пошупав место, где только что находилось блюдо, он обнаружил, что оно даже не нагрелось; ничто не обуглилось, не было никаких обломков; остался лишь легкий запах, напоминающий запах озона. Снеговик удовлетворенно хрюкнул, покровительственно похлопал аджитара по голове и отошел.

Так завершилась демонстрация силы.

Пленники замерзли и смертельно устали, но провести ночь в пещере им было не суждено.

Прошло еще несколько часов, прежде чем они достигли цели путешествия. Как раз в тот момент, когда Тазль громко заявила, что еще шаг, и она умрет.

Это была сплошная скальная стена, неясные очертания которой в полутьме выглядели довольно угрожающе. Однако как только процессия приблизилась к ней вплотную, огромный каменный блок, явно под действием мускульной силы, медленно

отошел назад, и перед глазами путников засияли яркие огни.

Свет испускал какой-то раскаленный добела минерал, который улавливал свет факелов, стократно его усиливая. В туннеле, по которому их повели, было светло, как днем.

Внутри гора напоминала пчелиные соты. Коридоры, словно в лабиринте, тянулись во всех направлениях, и пленники быстро потеряли всякую ориентацию. Откуда-то доносились странные шумы, лязганье и поскрипывание, где-то явно кипела напряженная работа, но где это и что это такое, разглядеть было невозможно.

Наконец они прибыли к месту назначения, которое оказалось большой удобной комнатой. В ней стояло несколько кроватей с мягкими подушками, а на полу лежал большой меховой ковер, прекрасно подошедший Мавре. В комнату вела только одна дверь, охранявшаяся двумя гедемондасами. Стражники прятали глаза и старались держаться как можно скромнее.

Все слишком устали, чтобы разговаривать, двигаться и волноваться по поводу того, что их ожидает. Не прошло и нескольких минут, как они крепко спали.

Проснувшись утром, путешественники почувствовали себя лучше, хотя у них нестерпимо болели мышцы. Гедемондасы принесли еще больше фруктов, пунш и даже огромную охапку сена для Таэли и Домы. В том, откуда взялось сено, тайны не было: в одной из охотничьих хижин диллиане всегда держали приличный запас.

Мавра вытянула все четыре конечности и застонала:

— О Господи! Должно быть, я спала, не меняя положения, одеревенела, как доска.

Ренар сочувственно вздохнул:

— Я и сам не очень-то хорош. Наверное, переспал. Но все равно нам гораздо лучше.

Обе латы, привыкшие спать на животе, тихонько изливали друг другу свои жалобы, а Таэль заявила, что у нее окостенела шея. Даже Дома фыркнула и несколько раз развернула свои крылья, едва не ударив диллианку по лицу.

Гедемондасы ушли, забрав пустые блюда; в комнате остался только один, с безразличным видом смотревший на пленников.

Вистару покосилась в его сторону. А может быть, в ее? С этими снеговиками никак не удавалось поговорить.

— Хоть бы сказал что-нибудь или порычал, — пробормотала она, обращаясь не столько к самой себе, сколько к остальным. — Их упорное молчание сводит меня с ума.

— Большинство людей в наше время говорит слишком много о слишком малом, — произнес гедемондас приятным бархатным голосом. — Мы же предпочитаем молчать, если нам нечего сказать по существу.

Все они чуть не подпрыгнули.

— Вы умеете говорить! — выпалила Хосуру, но тут же осеклась. — Мы, так сказать, хотели...

Гедемондас улыбнулся и взглянул на Мавру, по-прежнему лежащую на ковре.

— Значит, вы и есть Мавра Чанг. Меня давно интересовало, как вы выглядите.

Женщина удивилась.

— Вы меня знаете? Ну что ж, рада познакомиться. Простите, что не могу подать вам руку.

Он пожал плечами.

— Мы знаем не вас, а о вас. Это большая разница. Мавра поняла. В Мире Колодца существовало множество способов передавать информацию.

Таэль больше не могла сдерживаться.

— Почему вы никогда с нами не разговаривали? — спросила она. — Ведь диллиане даже думали, что вы — какие-то животные.

Ее бестактность не возмутила гедемондаса.

— Причина проста. Мы много работали над нашим образом. Это было необходимо.

Он уселся на пол лицом к слушателям.

— Лучший способ объяснить это — рассказать вам немного о нашей истории. Знаете ли вы, все вы, о марковианах? — Он употребил совсем другое слово, но благодаря переводному устройству все его поняли.

Самым невежественным оказался Ренар; он знал только о найденных в космосе руинах, имеющих отношение к этой таинственной цивилизации.

— Подобно всем растениям и животным, марковиане эволюционировали от самых примитивных биологических форм к сложному организму. В отличие от большинства рас они с достоинством прошли этот путь и достигли вершин материального благополучия. Они имели все, что хотели. Словно мифические боги, они владели Вселенной. Но им этого оказалось мало. Сидя на своих материальных ценностях, они осознали, что в конце концов их неизбежно ожидает стагнация — неизбежный конечный результат любой материальной утопии.

Ренар подумал, что у него есть некие аргументы против такого утверждения и что он предпочел бы сначала проверить материальную утопию на себе, но промолчал.

— Тогда они создали Мир Колодца, трансформировали себя в новые расы и поселили своих детей в новых мирах, созданных по проектам их лучших специалистов. Колодец — нечто большее, чем компьютер, управляющий этой планетой; он является единственной стабилизирующей силой для всей конечной Вселенной, — продолжал гедемондас. — Почему же марковиане решили, что всей их расе следует совершить самоубийство, снова опустившись к примитивному существованию? Они почувствовали, что обманулись, что где-то что-то упустили. У них на глазах происходила трагедия, но они не знали, в чем дело. Они надеялись, что это обнаружит одна из рас Мира Колодца. Такова была конечная цель проекта, которая все еще не достигнута.

— Мне кажется, ваши марковиане были простаками, — сказала Мавра. — Что, если они ничего не упустили? Что, если так и должно было быть?

Гедемондас пожал плечами.

— В таком случае государства, воюющие внизу, в долине, являют собой вершину достижений любой цивилизации; и когда сильнейшее захватит власть над всей Вселенной, — разумеется, я говорю метафорически, ибо в них, как в зеркале, отражается поведение чуть ли не всех рас Вселенной, — с марковианами будет покончено.

— И с гедемондасами? — спросила Вистару.

— Наш народ избрал иной путь. Пока все остальные рвали жилы, добиваясь материального благополучия, мы решили приспособиться к нетехнологическому гексу и не пытаться, используя свою изобретательность, превратить его, насколько это возможно, в технологический. Мы взяли то, что дала нам природа. Жаркое лето позволяет кое-что выращивать в наших уникальных освещенных пещерах,

которые пронизывают весь гекс. У гедемондасов есть пища, тепло, убежище и уединение. Мы направляли свои изыскания не вовне, а внутрь себя, вглубь наших «я», наших душ, если угодно, и использовали то, что находили. Там оказались вещи, о которых другие расы не смеют даже мечтать. Аналогичным образом развиваются несколько северных гексов. Мы чувствуем, что это — как раз то, ради чего нас создали марковиане. Мы ищем то, что они упустили.

— И как, уже нашли? — с иронией спросила Мавра. Мистика была не в ее характере.

— Спустя миллион лет мы достигли такого уровня знаний, который позволяет утверждать: что-то в самом деле упущено, — ответил гедемондас. — Что это такое, покажут дальнейшие исследования. В отличие от ваших миров мы не торопимся.

— Но вы обрели могущество, — заметил Ренар. — То блюдо с фруктами словно испарилось. Гедемондас печально усмехнулся.

— Истинную проверку обладатель устрашающего могущества проходит тогда, когда обретает способность не использовать его, — сказал он загадочно и, взглянув на Мавру, ткнул в ее сторону когтистым волосатым пальцем.

— Запомните это, Мавра Чанг!

Женщина была озадачена.

— Вы полагаете, что мне суждено обрести устрашающее могущество? — спросила она скептически.

— Вначале вам придется спуститься в ад, — предупредил гедемондас. — И лишь тогда, когда вы потеряете всякую надежду, вас вознесут на вершину власти. Однако хватит ли у вас мудрости понять, что с ней надо делать, мы не ведаем.

— Откуда вы это знаете? — напирала Вистару. — Вам и в самом деле открыто будущее?

Гедемондас снова усмехнулся:

— Нет, мы просто просчитываем вероятность. Вы познаете, мы познаем — лучше сказать, «воспринимаем» — математику Мира Колодца. Мы ощущаем все связи и скрепы в малейшей частице материи и энергии. Всю реальность можно описать математически; вся жизнь, прошлое, настоящее и будущее выражаются в уравнениях.

— Если вы так хорошо разбираетесь в математике, — вмешался в разговор Ренар, — значит, можете решить эти уравнения.

Гедемондас вздохнул.

— Чему равен корень квадратный из минус двух? Вы ведь знаете. Решите эту задачу.

— Но это не объясняет, почему вы прикидываетесь примитивными снежными обезьянами, — упорствовала Таэль.

Гедемондас взглянул на нее.

— Вплести себя в материальные уравнения — значит лишиться того, что, по нашему мнению, является величайшей ценностью. Любой вашей культуре, в сущности, уже слишком поздно пытаться осознать это: вы слишком далеко ушли по марковIANскому пути.

— Но вы прекратили из-за нас свою работу, — заметила Хосуру. — Почему?

— Война и моторный модуль, — решительно заявила Вистару. Судя по тону, она считала свою подругу законченной идиоткой.

Однако гедемондас отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Мы должны были встретиться и поговорить с одной из вас, попытаться понять всю сложность ее уравнения, постичь его значение и найти возможное решение.

— Вы имеете в виду Мавру? — насмешливо спросил Ренар.

Гедемондас кивнул.

— Мы выполнили свою задачу, хотя что из этого следует, в данный момент я сказать не могу. А сейчас, если вы не против совершить небольшую прогулку, мы могли бы сразу покончить с вашей глупой, нелепой, жалкой войной из-за груды ненужного металлолома.

Он встал и вышел из комнаты. Остальные потянулись следом. Замыкал шествие еще один гедемондас, тащивший их одежду; в теплой пещере она никому бы не пригодилась, но было очевидно, что сюда они не вернуться.

На скрещении коридоров их словоохотливого проводника сменил другой, более молчаливый, — или это был тот же самый? — и все отправились дальше.

В полном молчании они шли несколько часов, пока впереди снова не выросла каменная стена. Здесь им раздали и помогли надеть теплую одежду. Выяснилось, что гедемондасы сшили для Мавры меховое пальто с крагами. Она так и не поняла, каким образом они управились за одну ночь, но пальто было очень кстати.

Огромная дверь с шумом отворилась, и их глазам предстала удивительная картина.

Они стояли на сцене гигантского природного амфитеатра, образованного заснеженными склонами U-образной долины.

И наверху, над обрывом, отражая солнечные лучи, косо лежал машинный модуль.

Неожиданно проводник заговорил. Голос был другой, но в нем тоже звучали теплые бархатные нотки.

— Вы недавно говорили о могуществе. Недалеко отсюда, на краю долины, сейчас находится Бен Юлин со своими спутниками. Мы разметили тропу

как можно хуже, и они несколько раз плутали, но все же добрались.

Все напряженно всматривались, но для них это было слишком далеко.

Тем временем гедемондас повернулся в другую сторону.

— Там, — сказал он, — находится Антор Трелиг со своими соплеменниками. Их путешествие было распланировано так, что они прибыли сюда в одно и то же время с Юлином. Естественно, ни одна группа не подозревает о присутствии другой.

Снеговик взглянул на машинный модуль, который чудесным образом оказался в целости и сохранности; его все еще опутывали остатки огромных тормозных парашютов.

— Вот что такое могущество, — произнес гедемондас и поднял руку.

В ту же секунду послышался грохот, потрясший всю долину. С горных склонов начал обрушиваться снег. Машинный отсек задрожал, сдвинулся с места, пополз, сначала медленно, потом быстрее и быстрее.

Несколько мгновений он балансировал на самом краю обрыва, затем перевернулся и камнем полетел вниз. Однако он не просто упал — еще в воздухе он начал разваливаться на части. И тут раздался чудовищный взрыв. К небу взметнулись языки пламени и облака черного дыма. Пока части модуля скользили вниз, взрывы продолжались, на несколько минут долина превратилась в подобие маленького вулкана. Когда все стихло, на снегу лежали лишь дымящиеся остатки того, что когда-то было машинным отсеком.

Гедемондас удовлетворенно хмыкнул.

— Вот и конец войне, — произнес он с редким самодовольством, которое даже не пытался скрыть.

— Но если все было так просто, чего вы ждали? — с благоговейным страхом спросила Вистару.

— Свидетелей. От обеих воюющих сторон, — объяснил снеговик. — Иначе они никогда бы не поверили.

— Но все эти убитые... — прошептал Ренар, вспомнив свой военный опыт.

Гедемондас вздохнул:

— Возможно, в будущем это спасет многие тысячи других. Война — лучший учитель, ее уроки зря не пропадают. Правда, цена их ужасно высока.

Мавра думала о другом.

— А если бы моторный модуль приземлился в соседнем гексе? — спросила она. — Что тогда?

— Вы не поняли, — ответил гедемондас. — Он должен был приземлиться именно здесь. Он не мог приземлиться ни в каком другом месте. — Его тонкие губы тронула еле заметная усмешка. — Очень простое уравнение, — пробормотал он как бы про себя.

Некоторое время все стояли молча. Наконец Мавра спросила:

— И что же дальше? Что теперь будет с нами? С воюющими сторонами?

— Воюющие стороны соберут свои вещи и отправятся по домам, — сухо ответил гедемондас.

— А с Трелигом? С Юлином? — настаивал Ренар.

— Эти двое слишком хитры, и поймать их довольно проблематично. Они станут делать то, что делали всегда, и поступать так, как поступали всегда, пока не наступит время решить их уравнения. Трелиг и Юлин сильно замешаны в этой истории, да и вы, Ренар, и вы, Вистару, и больше всех вы, Мавра Чанг.

Женщина пропустила его слова мимо ушей. Разговоры о высоком предназначении казались ей просто смешными.

— Что же все-таки будет с нами? — продолжала добиваться она. — Я имею в виду, что вы сорвали с себя покров тайны.

— Могущество лучше всего использовать разумно, — ответил гедемондас. — Достаточно будет простейшей регулировки. Мы никуда вас не уводили. Вы спокойно шли по старой тропе, которой, как вам показалось, кто-то недавно пользовался, и случайно набрали на эту долину. Вы наблюдали, как машинный модуль неожиданно взорвался; возможно, он сдетонировал под воздействием обвала, грохот которого отозвался в горах тысячекратным эхом, или из-за того, что при падении он неудачно ударился о землю. Затем вы отправились на восток, в Диллию, чтобы рассказать об увиденном. И вы никогда не встречали никаких таинственных гедемондасов.

— Придерживаться этой версии будет нелегко, — заметила Мавра.

— Но это правда, — возразил снеговик. — Или, поскольку ваши спутники встревожены, станет правдой, когда вы окажетесь в Диллии. Оставленные в охотничьей хижине вещи и припасы мы соберем и передадим вам на границе.

— Вы хотите сказать, — встревожилась Вистару, — что собираетесь заставить нас забыть, как все происходило на самом деле?

— Всех, кроме нее, — ответил гедемондас, показывая на Мавру. — Но она слишком ослабеет и устанет, чтобы доказывать вам что бы то ни было.

— Почему кроме меня? — удивленно спросила Мавра.

— Мы хотим, чтобы вы запомнили, — ответил он с величайшей серьезностью. — Понимаете, пока мы развивались по избранному пути, наши дети там, на звездах, этого не делали. Теперь все они мертвы. Все исчезли. Гедемондасы уже в состоянии решить марковианскую проблему, но они никогда не сумеют выполнить это решение.

— А я сумею? — спросила она.

— Корень квадратный из минус двух, — улыбнулся гедемондас.

ЮЖНАЯ ЗОНА

После всего, что она сделала, это чертовски несправедливо! — возразила Вардия и показала усиком на фотографию. — Взгляните. Не человек, а уродец. Чудесное девичье тело, вечно опущенное вниз лицо и ноги мула. Она даже не может смотреть прямо перед собой. Ест как животное; употребляет пищу, которую не в состоянии сама приготовить. Имеет нормальные сексуальные потребности, но кому она нужна с таким задом? Чтобы хоть как-то успокоиться, она будет готова валяться в своих собственных экскрементах. И ее так легко вылечить! Всего-навсего доставить сюда и провести через Ворота Колодца.

Серж Ортега сидел за столом, подпирая большую голову верхней парой рук.

— Это печально, — произнес он. — И ничто из того, что я сотворил за мою грязную жизнь, не доставляло мне столько боли. Но вы знаете причину. Кризисный центр вашего же собственного гекса сообщил весьма неутешительные факты. Антор Трелинг никогда не забудет, что в Мире Колодца есть еще один космический корабль; не забудет об этом и Бен Юлин. В ясные ночи они оба могут видеть Новые Помпеи. И если Юлин успокоится, на него нажмут

яксы. А мы не можем контролировать ни якс, ни макиемов. Они могут проходить через Зону совершенно спокойно, и никто не имеет права их останавливать. Страны, даже пальцем не пошевелившие во время войны, выступают против нас, если мы милитаризируем Зону. Я по-прежнему считаю, что корабль, упавший на Севере, недостижим, и, Бог тому свидетель, чиллианские компьютеры прошупали там каждый уголок! Некоторые северные расы проявили к нему интерес, однако учджины категорически против любого вмешательства. Кроме того, переправить туда пилота физически невозможно.

Он помолчал, затем с грустью взглянул на чиллианина.

— Но имеем ли мы право быть абсолютно уверенными, что это невозможно? Ваши компьютеры отвечают «нет», то же самое подсказывает мне инстинкт. Вспомните, однажды некий северянин проник на Юг. Если бы мы смогли узнать, каким образом... Трелиг не остановится. Юлин не остановится. Яксы не остановятся. Если решение в принципе существует, кто-нибудь обязательно до него докопается, и не будет иметь никакого значения, насколько оно сложно и как велики преграды на пути к его выполнению, даже если для этого потребуются перебросить пилота через Экваториальный барьер с помощью гигантской пращи. У меня весьма надежные каналы связи, но они обладают такими же. Если кто-нибудь найдет ответ, об этом узнают все, и минивойна разгорится снова. И если мы не хотим, чтобы у Трелига или Юлина в один прекрасный момент оказались полностью развязаны руки, нам понадобится кто-то, кто знает, как приказать космическому кораблю взлететь, приземлиться и так далее, кто сможет перепрограммировать его для использования в

почти немыслимой ситуации, которая неожиданно может возникнуть. Зиндеры этого сделать не сумеют, даже если мы узнаем, где они находятся и в кого превратились, а мы скорее всего этого не узнаем. Не годится и такой классицист-библиотекарь, как Ренар. Ни один из них никогда не управлял кораблем. Не могу и я: слишком отстал от жизни. А между тем корабль находится в северном полушарии, и так будет продолжаться очень долго, потому что учджины, ничего не мыслящие в космической технике, находят его красивым, а в тамошней атмосфере он сохраняется в идеальном состоянии.

— Вот бы забросить кого-нибудь на Север, чтобы его взорвать, — задумчиво произнесла Вардия.

— Я уже пытался, — усмехнулся Ортега. — Но там все по-другому, и хватит об этом. Таким образом, корабль представляет собой бомбу, которая, будем надеяться, никогда не взорвется, но может и взорваться. И если провести Мавру Чанг через Колодец Душ, мы можем потерять контроль над единственным пилотом, имеющимся в нашем распоряжении.

Покопавшись в бумагах, он вытащил фотографию Новых Помпей.

— Взгляните. Там находится компьютер, которому известны коды и математические уравнения Колодца. Объем его памяти ограничен, но он обладает самосознанием; вот вам еще один участник игры. Что значит судьба одного индивидуума по сравнению с миллиардами или триллионами жизней во Вселенной? Ответ вы знаете. — Улик в ярости ударил по компьютерным распечаткам. — Вот он, будь он проклят! Ну скажите же что-нибудь!

— Может быть, она сама решит, что ей следует делать, — пробормотала Вардия. — Доберется до

Ворот Зоны и явится сюда. Тогда Колодец останется на крайний случай.

Ортега покачал головой:

— Даже не надейтесь. Во-первых, Ворота Зоны в гексах будут охраняться день и ночь. Во-вторых, если она так сделает, ее запрут в чудесной комфортабельной комнате, расположенной в этом комплексе. Без окон, без выхода. Словно животное в зоопарке, она будет лишена запаха цветов и вида звезд. Для нее это хуже смерти, а она вовсе не склонна к самоубийству.

— Как вы можете быть так дьявольски во всем уверены? — спросило растение. — На ее месте я бы покончила с собой.

Ортега сунул щупальце в свой массивный U-образный стол и достал оттуда толстую папку.

— Это — биография Мавры Чанг. Сведения частично получены от Ренара, частично от нее самой во время нескольких бесед, проведенных в Лате, когда она, ни о чем не позревая, находилась под гипнозом, частично из э... других источников, которые я пока не могу раскрыть. Вся ее жизнь — непрерывная борьба с неудачным стечением обстоятельств. Она психологически не способна сдаться! Вспомните, что случилось в Телиагине. Не имея ни малейшего представления о том, где она находится и что происходит вокруг, она отказалась бросить своих спутников даже тогда, когда они превратились в идиотов. Даже превратившись в уродца, она настаивала на том, чтобы отправляться в Гедемондас. Нет, она справится. И мы, насколько это в наших силах, должны ей помочь.

Последние слова он произнес мягко, с нежностью, которую Вардия не ожидала встретить у достойного последователя Макиавелли и бывшего пирата.

— Послушайте, — сказал Ортега, пытаясь хоть как-то смягчить удар. — Не исключено, что здесь

появится еще один Пришелец, принадлежащий к типу 41. Тогда мы сможем что-нибудь сделать. Надо надеяться.

Растение все еще глядело на фотографию.

— Вы знаете цифры, — сказала оно со вздохом. — Одно время здесь было много Пришельцев-людей. А сколько их в этом столетии? Двое? И следы обоих затерялись.

— Один умер, другой живет в гексе, покрытом соленой водой, и кроме того, он — плохой пилот, — проворчал Ортега.

Вардия его не слушала. Некогда она тоже была женщиной. Именно по этой причине она до сих пор поддерживала связь с Ортегой.

— И все же я бы покончила жизнь самоубийством, — тихо прошептала она.

НА КОРАБЛЕ, ПЛЫВУЩЕМ В ГАТРИЗА

В начале ее увезли в Шамозан, страну огромных волосатых тарантулов. Она их не боялась, так как нашла очаровательными и очень человечными.

Посол был сама любезность, но точнейшим образом объяснил ей ситуацию, сделав следующий вывод:

— Единственное, на что мы сейчас способны, это максимально облегчить вашу жизнь. К несчастью, у нас нет выбора.

Мавра хотела ответить, но кто-то, сидевший сзади, небольно уколол ее в шею, и весь мир погрузился во тьму.

Ее доставили в медицинский центр, где имелся особый прибор. Посол объяснил это Ренару и Вистару, которые по-прежнему сопровождали Мавру. Хосуру давно уже вернулась в Лату.

— Это устройство усиливает эффект гипноза, — сказал посол. — На многие расы он не действует, но Мавра Чанг, хоть и подверглась изменению, все еще принадлежит к типу 41, для которой он подходит. В результате его применения более или менее постоянно повторяется воздействие первоначального гип-

нотического сеанса, и гипноз не стирается. Мы уверены, что это сработает, так как использовали в Лате аналогичное устройство. Потом ее память блокировали, и все получилось.

— А что вы хотите ей внушить? — волнуясь, спросила Вистару. — Надеюсь, вы не измените ее?

— Очень немного, — ответил посол. — Ровно настолько, чтобы ей стало удобнее в новом теле, чтобы она лучше приспособилась к новой ситуации. Мы не можем ничего изменить серьезно, так как ее опыт и мастерство должны находиться в нашем распоряжении. Думаю, она это понимает.

Процесс начался.

— Мавра Чанг! — произнес гипноприбор, в который была введена специальная программа. — Проснувшись, вы обнаружите, что ваши память и индивидуальность не изменились. Однако вы окажетесь не в состоянии представить себя в образе человека. Ваш нынешний облик будет казаться вам естественным и нормальным. Эта форма для вас удобна, и вам не захочется ее изменить.

Затем прибор снабдил женщину разнообразной информацией, которая могла ей понадобиться в борьбе за выживание. На этом обработка закончилась.

Через несколько часов Мавра проснулась, чувствуя себя значительно лучше и куда более уверенно. Она попыталась вспомнить, что ей мешало раньше, но это оказалось очень трудно. Что-то, связанное с формой ее тела.

Она вспомнила о своей жизни в человеческом образе. Вспомнила, но в смешном, искаженном виде. Ей казалось, что у нее всегда были четыре ноги. Мавра попыталась вообразить, что ходит на двух ногах или поднимает предметы руками; но не смогла.

Смутно, краем сознания, она поняла, что с ней что-то сделали, но сейчас же об этом забыла. Мавру Чанг перестали интересовать подобные вещи.

Но она помнила звезды. Она знала, что ее место там, а не здесь, что она вообще не может быть привязана к одной-единственной планете.

Она сидела на палубе судна, пересекавшего Море Турагин. Голова ее опиралась на какие-то ящики, передние ноги — на крышку люка, а глаза не отрывались от звездного неба.

Женщина мысленно усмехалась. Какая наивность думать, что ей хочется пройти через Колодец! А может быть, они думали, что она успокоится в своем новом естестве и все забудет. Но звезды появлялись каждую ночь, и их она никогда не забывала. Это находилось за пределами здравого смысла и логики; это была любовь. Любовь, разбитая обстоятельствами, но не погибшая до тех пор, пока оба любовника живы.

Но вот взошло солнце, и впереди показался зеленый гостеприимный берег. Над водой кружили морские птицы; они то и дело ныряли за рыбой, а затем относили свою добычу на птичий базар, находившийся в скалах, окаймлявших пляж.

Потягиваясь и зевая, на палубу выбрался Ренар.

— Недурное место для ссылки, — холодно сказала Мавра.

Аджитар наклонился к ней так, что их головы оказались на одном уровне.

— Очень примитивное, — заметил он. — Племенная культура, не выше. Однако в нашем понимании они — люди. В свое время амбрезиане отравили

их газом и загнали обратно в каменный век. С тех пор этот гекс — нетехнологический.

— Для меня в самый раз, — ответила Мавра. — Прimitивное означает малонаселенное. — Склонив голову набок, она посмотрела ему прямо в лицо. — Скоро ваша работа закончится. Это касается и Вистару. Здесь построили жилище, соответствующее моим потребностям, с проточной водой и всем прочим. Раз в месяц мне будут доставлять припасы, упакованные в пластиковые мешочки, которые я смогу открывать зубами. Если не считать Амбрезу, мне предстоит жизнь на острове в окружении врагов и воды. Ворота 136 и 41 надежно охраняются. Мое жилище защищено от примитивных племен надежным табу. Никакого риска для меня и никаких шансов убежать. Вы и Вистару можете возвращаться и сообщить им, что все в порядке, а затем попытаться начать новую жизнь или вернуться к старой. Насколько я понимаю, аджитары так обмочились в этой неудачной войне, что вы вполне сойдете за героя.

Это его задело.

— Мавра, я...

Женщина немедленно прервала его.

— Послушайте, Ренар! — сказала она резко. — Вы мне ничем не обязаны, и я вам ничем не обязана. Теперь мы квиты! Я в вас больше не нуждаюсь, и пришло время понять, что и вы во мне не нуждаетесь! Отправляйтесь домой, Ренар!

Она почти кричала, и взгляд, который она бросила на него, был даже более красноречив.

«Я — Мавра Чанг, — говорил он. — Я осиротела в пять лет и еще раз в тринадцать. Я была нищенкой, ставшей королевой нищих, шлюхой, зарабатывавшей на дорогу к звездам, о которых страстно

мечтала! Я была воровкой, которую никто не смог поймать, агентом, который вытащил Никки Зиндер с Новых Помпей. Несмотря ни на что, я достигла Гедемондаса и своими глазами увидела уничтожение двигателей.

Я — Мавра Чанг, и, что бы ни ожидало меня впереди, я с этим справлюсь.

Я — Мавра Чанг, обручившаяся со звездами.

Я — Мавра Чанг, и мне никто не нужен!»

**ПРИЛОЖЕНИЕ:
РАСЫ, УПОМИНАЕМЫЕ
В «ИЗГНАННИКАХ
У КОЛОДЦА ДУШ»**

Н — нетехнологический гекс. С — среднетехнологический гекс. В — высокотехнологический гекс. Скобки, например (Н), обозначают что данный гекс покрыт водой. Прибавление к характеристике гекса буквы «М» означает, что все те, кто лишен магических способностей, могут считать, что обитатели ими обладают. Учджин — единственный гекс, атмосфера которого состоит из гелия и других бесполезных газов.

Аджитар	В	Дневная	Мужчины напоминают сатиров. Женщины похожи на животных, но умнее. Мужчины могут накапливать в теле электрические заряды и целенаправленно разряжаться.
---------	---	---------	--

Алестол	Н	Дневная	Движущиеся плотоядные растения, пугающие незваных гостей испусканием ядовитых газов.
Амбреза	В	Дневная	Жители — гигантские бобры. После продолжительных боев покорили обитателей Глатриэла и обменялись с ними гексами. До этого принадлежали к типу Н.
Бойдол	НМ	Дневная	Существа, похожие на сфинксов. С виду свирепые, в душе на самом деле мирные травоядные.
Галидон	(Н)	Дневная	Гигантские плотоядные дурно воспитанные скаты с щупальцами.
Гедемондас	Н	Дневная	Тошние волосатые обезьяноподобные существа с полными ногами и собачьей мордой.
Глатриэл	Н	Дневная	Предки человеческой расы. Во время войны с Амбрэзой были подвергнуты воздействию особого газа, возвращены в первобытное состояние и перенесены в другие гексы.

Дашин	Н	Дневная	Мужчины — минотавры. Женщины — коровы.
Джииху	В		Гигантские существа со множеством шупалец, похожие на съедобных морских моллюсков. После полового созревания почти перестают двигаться.
Джукасис	С	Дневная	Гигантские пчелиные колонии, обитатели которых рождаются подготовленными к строго определенной работе.
Диллия	С	Дневная	Классические кентавры. Исключительно мирный народ. Охотятся, ставят капканы, занимаются сельским хозяйством. Потребляют любую органическую пищу, но предпочитают вегетарианскую.
Зонзорп	В	Дневная	Крупные двуногие крокодилы, обожающие наряжаться. Прекрасно разбираются в технике.
Касада	В	Дневная	Существа, похожие на крыс, с длинным хвостом и усами. Живут в ульеподобных общинах.

Клусид	Н	Дневная	Изящные птицеподобные создания, хозяева необычайно красивой страны. Для остальных тамошняя атмосфера слишком насыщена ультрафиолетом.
Кромм	С	Дневная	Огромные цветы, способные передвигаться по своим болотистым угодьям.
Ксода	НМ	Дневная	Похожи на четырехметровых богомоллов*, обладают гипнотическим даром заманивать на обед.
Ламотиен	В	Дневная	Бесформенные маленькие создания, обладающие даром перевоплощения, умеют даже создавать любые имитационные образования, однако не в состоянии изменять свою массу.
Лата	В	Ночная	Гуманоидные феи-гермафродиты, обладательницы отвратительных ядовитых жал. Летают и могут светиться по ночам.

* Богомолловые — отряд хищных насекомых. Тело вытянуто (длина — до 11 см), голова очень подвижная, передние ноги хватательные, с шипами. Уничтожают вредных насекомых.

Макием	Н	Дневная	Крупные рептилии, похожие на гигантских жаб; обитают на суше, но держатся поближе к воде. Холоднокровные, совокупляются шесть дней в году в течение одного брачного периода.
Ноди	Н	Ночная	Жители — гигантские шампиньоны. Когда наступает время, выбрасывают из «шляпок» тысячи усиков.
Олборн	СМ	Дневная	Огромные двуногие кошки. Способны создавать собственных выючных животных.
Палим	В	Дневная	Волосатые мамонты, хоботы которых заканчиваются пальцами.
Поригол	(ВМ)		Дельфиноподобные млекопитающие, имеющие привычку оглушать или убивать с помощью звука.
Себу	С	Дневная	Птеродактили с цепкими ногами.
Телиагин	Н	Дневная	Циклопы. Плотоядные. Выращивают овец. Тупоголовые, но далеко не бессловесные твари.
Тулига	(С)		Гигантские морские слизи. Отвратительные на вид, но приятные в общении.

Улик	В	Дневная	Шестирукие люди-змеи, живущие в пустынном гексе возле Экваториального барьера.
Чилл	В	Дневная	Бесполое растения, размножающиеся почкованием. Подвижны днем, на ночь вкореняются. Мирные ученые, работающие в огромном компьютерном центре.
Шамозан	В	Дневная	Гигантские волосатые тарантулы, любят спиртные напитки, мелодичную музыку и интеллектуальные игры.
Учджин	Н	Ночная	Обитатели напоминают струящиеся цветные пластиковые полотнища.
Якса	С		Существа женского пола, поедающие партнеров после совокупления. Выглядят как гигантские оранжево-коричневые бабочки с массивным блестящим черным туловищем, восемью цепкими щупальцами и головой, напоминающей череп. Устройство их зрения нетрадиционно для жителей Южного полушария.

ОБ АВТОРЕ

Ажек Л. Чалкер (Chalker) родился в Балтиморе, штат Мэриленд, 17 декабря 1944 года. Сменив множество занятий — от устройства уличных концертов рок-музыкантов в 60-х годах до работы на компьютере, — он собрал огромную коллекцию книг по научной фантастике, которая сегодня принадлежит к числу лучших собраний, находящихся в частных руках.

В 1958 году Чалкер становится членом вашингтонской ассоциации научной фантастики. В 1960 году публикуется в любительском журнале научной фантастики «Мираж», а в 1963 году учреждает в Балтиморе Общество научной фантастики.

После окончания высшего учебного заведения Чалкер собирался стать адвокатом, однако финансовые проблемы вынудили его избрать иную карьеру. В Таусонском штатном колледже он получил ученые степени бакалавра по истории и по английскому языку, а в университете Джона Гопкинса — степень магистра гуманитарных наук. С 1966 по 1978 год, с перерывом на военную службу, он преподавал в балтиморских школах историю и географию, пока наконец писательские успехи не позволили ему целиком посвятить себя литературному творчеству. По-

кинув любительские журналы, он основал издательство «Мираж Пресс, Лтд».

Джек Л. Чалкер написал более тридцати книг, в основном научных, посвященных проблемам научной фантастики, и «фэнтези», и, оставив пост главного редактора, время от времени продолжает выпускать свои книги. Он увлекается компьютерами, эзотерической музыкой, историей и политикой, путешествует, читает лекции о научной фантастике в университетах и в научных институтах. Он активный консерватор, пожизненный член Сьерра-клуба, сторонник расширения системы национальных парков. Он питает страсть к пародам, открыто признаваясь, что хотел бы поплавать на всех пародах в мире. В 1978 году он женился на Еве Уитли, причем свадебный обряд был совершен на древнем пароме, на середине реки. Живут они вместе с сыном в Катоктин-Маунтин, штат Мэриленд.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других. "Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воевательницы, невероятные страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книжки по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Литературно-художественное издание

Чалкер Джек

Изгнанники у Колодца Душ

Редактор Е.В. Рослякова
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина

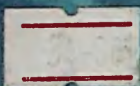
Подписано в печать с готовых диапозитивов 08.04.99.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 25,20. Тираж 10 000 экз. Заказ № 8567.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО «Фирма «Издательство АСТ»
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
ГУПП «Детская книга» Роскомпечати.
127018, Москва, Суцеский вал, 49.

Антор Трелиг, могущественный член Совета Миров, возмечтав об абсолютной власти, похитил Оби — суперкомпьютер, способный контролировать абсолютно все. Все, имеющее какое-нибудь значение на заселенных человечеством планетах. Против предателя Совет выслал необычного противника — Мавру Чанг, опытную космическую преступницу, готовую, не колеблясь, рискнуть жизнью за награду. Но противостояние Трелига и Мавры неожиданно завело их слишком далеко — на планету Колодец Душ, где странные древние расы ведут бесконечную войну за право обладания Вселенной...

ISBN 5-237-02414-9

9 785237 024142